Министерство образования и науки Российской Федерации

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ДИАЛОГ КУЛЬТУР

Сборник научных статей

№ 3 (2014)

Издательство Политехнического университета
Санкт-Петербург
2015

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ДИАЛОГ КУЛЬТУР

Редакционный совет:

Рудской А.И., чл.-корр. РАН – председатель;

Арсеньев Д.Г., д-р техн. наук, профессор;

Кораблев В.В., д-р физ.-мат. наук, профессор;

Никифоров В.М., профессор, Чрезвычайный и полномочный посол РФ;

Прохоренко А.В., д-р филос. наук, профессор;

Тимерманис И.Е., д-р социол. наук, профессор;

Ягья В.С., д-р ист. наук, профессор.

Редакционная коллегия:

Погодин С.Н., д-р ист. наук, профессор – главный редактор;

Малинов А.В., д-р филос. наук, профессор – ответственный секретарь;

Осипов И.Д., д-р филос. наук, профессор – заместитель главного редактора;

Жуков А.Ф., д-р ист. наук, профессор;

Павлова О.К., д-р ист. наук, профессор;

Живулин В.П., канд. филол. наук, доцент.

Сборник зарегистрирован в Международной системе периодических изданий ISSN 2304-9480.

С 2010 года ежегодный сборник **«Международные отношения и диалог культур»** издавался в виде коллективных монографий преподавателей, ученых и партнеров кафедры «Международных отношений» Санкт-Петербургского политехнического университета.

С 2012 года сборник выпускается как самостоятельное периодическое печатное издание на русском и английском языках под названием: **«Международные отношения и диалог культур» = «International Relations and Dialogue of Cultures».**

Сборник зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Свидетельство о регистрации ПИ №ФС77-52143 от 11 декабря 2012 г.)

При отборе статей редколлегия руководствуется научно-редакционной политикой издания и соблюдением принципов публикационной этики.

Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей.

При перепечатке материалов ссылка на журнал обязательна.

Сборник рассылается в ведущие библиотеки страны, распространяется в России, странах ближнего и дальнего зарубежья.

Адрес редакции: Россия, 195220, Санкт-Петербург, Гражданский пр., д.28
Телефон: 8(812) 329-47-42; 8(812)606-62-42
E-mail: kmo@imop.spbstu.ru

© Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2015.

THE MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University

INTERNATIONAL RELATIONS AND DIALOGUE OF CULTURES

Scientific articles selection

№ 3 (2014)

Polytechnic University Publishing House
Saint Petersburg
2015

INTERNATIONAL RELATIONS AND DIALOGUE OF CULTURES

Editorial Council:

Andrey I. Rudskoy,
Corresponding Member of
Russian Academy of Sciences – chairman;

Dmitry G. Arseniev,
Doctor of Science, Professor;

Vadim V. Korablev,
Doctor of Science, Professor;

Valentin M. Nikiforov,
Professor, Ambassador Extraordinary and
Plenipotentiary of Russian Federation;

Alexandr V. Prokhorenko,
Doctor of Science, Professor;

Igor Y. Timermanis,
Doctor of Science, Professor;

Vatanyar S. Yagya,
Doctor of Science, Professor.

Editorial Board:

Sergey N. Pogodin,
Doctor of Science, Professor – Chief Editor;

Aleksey V. Malinov,
Doctor of Science, Professor –
Executive Secretary;

Igor D. Osipov,
Doctor of Science, Professor – Deputy Editor;

Akesey F. Zhukov,
Doctor of Science, Professor;

Olga K. Pavlova,
Doctor of Science, Professor;

Vladislav P. Zhivulin,
PhD, Associate Professor.

Scientific articles selection is registered in the International System of Periodicals ISSN-2304-9480.

Since 2010, the annual compilation of "International Relations and the Dialogue of Cultures" was published in the form of monographs by teachers, scientists and partners of the Department of "International Relations", Saint-Petersburg Polytechnic University.

Since 2012, issued as an independent periodical in Russian and in English under the title: «Международные отношения и диалог культур» = «International Relations and the Dialogue of Cultures».

Scientific articles selection is registered with the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communication (Certificate of Registration PL № FS 77-52142 December 11, 2012).

In selecting articles the editorial board is guided by the scientific and editorial policy of the scientific articles selection and by the principles of publishing ethics.

The point of the editorial board may not coincide with the opinion of the author.

No part of the publication may be reproduced without clear reference to the source.

The collection is circulated among the leading libraries in the country, distributed in Russia, the CIS and other foreign countries.

Editorial address: 28, Grazhdansky pr., Saint-Petersburg, Russia, 195220
Phone: **+7 (812) 329-47-42; + 7 (812) 606-62-42**
E-mail: kmo@imop.spbstu.ru

© Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University, 2015

ПАМЯТИ АКАДЕМИКА ЕВГЕНИЯ МАКСИМОВИЧА ПРИМАКОВА

26 июня 2015 года после продолжительной болезни скончался выдающийся учёный и государственный деятель современной России – Евгений Максимович Примаков.

Учёный, политик, дипломат, экономист, один из ведущих российских востоковедов-арабистов, член Президиума Российской академии наук – в каких бы сферах государственной и общественной деятельности Евгений Максимович не участвовал, он везде добивался успеха и признания.

На протяжении почти всей новейшей истории России академик Примаков занимал важнейшие и ответственные государственные посты в самые сложные для страны периоды. Он возглавлял службу внешней разведки России (1991−1996), был Министром иностранных дел Российской Федерации (1996−1998), вернув самостоятельность российской внешней политике, восстановил Торгово-промышленную палату России и был её президентом (2001−2011). В 1998 году Евгений Максимович возглавил правительство, которое под его руководством сумело вывести страну из тяжелейшего кризиса.

Е.М. Примаков создавал исторические события современности. Его знаменитый разворот над Атлантикой (24 марта 1999 г.), когда из-за начатых НАТО бомбардировок Югославии он в знак протеста

отказался от официального визита в Вашингтон, вернул России чувство национального достоинства.

В большую политику он пришел из академической среды.

Евгений Максимович Примаков был Почетным профессором Санкт-Петербургского политехнического университета, членом Редакционного совета журнала «Научно-технические ведомости СПбГПУ».

Академик Примаков оставил после себя научное и политическое наследие, истинное значение которого нам ещё предстоит изучить и осмыслить.

О нём самом и его ярко прожитой жизни ещё будут написаны многочисленные книги и диссертации.

Выражаем соболезнование родным, близким, его друзьям и товарищам. Скорбим вместе с ними.

Академики РАН
Ж.И. Алфёров, Ю.С. Васильев, А.И. Рудской, М.П. Федоров

Академик Примаков был видным учёным в области мировой экономики и международных отношений, теории и практики международных конфликтов и кризисов.

Был активным участником международного неправительственного Пагуошского движения учёных, выступающих за мир, разоружение и международную безопасность, за предотвращение мировой термоядерной войны и научное сотрудничество.

Проведенные им исследования предвосхитили зарождающуюся в наши дни многополярность мира.

Книги академика Примаков переведены на 15 языков мира.

Одна из последних его книг ВЫЗОВЫ И АЛЬТЕРНАТИВЫ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА: РОЛЬ РОССИИ актуальна как никогда**.**

Главный редактор сборника
профессор С.Н. Погодин

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Предлагаемый вниманию читателей выпуск ежегодного сборника «Международные отношения и диалог культур» открывает новую интересную и многообещающую тему исследования. Впервые здесь опубликованы статьи видных ученых, представляющих различные университеты Турции, а также содержатся публикации отечественных ученых об этой современной динамично развивающейся стране с богатейшей историей и культурным наследием. Исследования носят многоплановый характер и посвящены экономическим, политическим, культурно-историческим сторонам жизни Турции, её взаимоотношениям с другими странами, и что для нас особенно значимо – с Россией. Учитывая ежегодно растущий торгово-экономический оборот между нашими странами, и то обстоятельство, что Турция является стратегическим политико-экономическим партнёром России, данное направление исследований приобретает особую актуальность.

В этой связи следует отметить, что многолетние дружеские отношения России с одним из своих ближайших соседей – Турцией являются вдохновляющим примером для других стран в налаживании конструктивного политического диалога и культурного взаимодействия, преодоления разногласий. Особенность отношений России и Турции заключается в том, что, несмотря на существенные культурные различия наших стран и на трагические страницы в их истории, где были сложные периоды, даже военные конфликты, все эти обстоятельства в настоящее время не препятствуют созданию общего социокультурного пространства народов двух евразийских государств. Россияне в Турции и граждане Турции в России не испытывают особых проблем с адаптацией. Что убедительно

демонстрирует выбор россиянами Турции как одного из самых популярных мест отдыха, многочисленные же граждане Турции работают и учатся в нашей стране. Историческое и культурное сходство двух евразийских государств является мостом между Востоком и Западом. На это обращал внимание известный русский философ Константин Леонтьев, хорошо знавший Турцию и её культуру, отмечая особенности византинизма России.

Содержание сборника составили и статьи, посвященные Китаю, исламским странам, отношениям России с европейскими странами, проблемам глобализации. Особое место занимает раздел по историко-культурной проблематике, развитию российского предпринимательства, философии права. В целом содержание статей объединено задачей исследования международных отношений и диалога культур; сборник ставит своей задачей реализацию гуманистической этики в международных отношениях, создание общего культурного и научного пространства, утверждение принципа социальной справедливости для народов мира.

Существует водораздел между двумя философиями международного права: одна из них утверждает право всех народов на своё достойное существование, а вторая исходит из навязывания другим народам собственной воли, лишая их права на достойное существование.

Именно с первой парадигмой созвучна современная международная политика России.

Главный редактор Сергей Погодин

ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ТУРЦИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

CONTEMPORARY DOMESTIC AND FOREIGN POLICY OF TURKEY

УДК 341.23=111

Ahmet Yukleyen, Belma Ibišević (Юклейен А., Ыбисевич Б.)

TURKISH FOREIGN POLICY IN BOSNIA AND HERZEGOVINA (ПОЛИТИКА ТУРЦИИ В БОСНИИ И ГЕРЦЕГОВИНЕ)

Introduction

Turkish Foreign Policy has entered a new era in the last decade pursuing proactive diplomacy, using soft power, and projecting the image of regional leadership. This has become possible due to changes on the individual leadership, state, and international system levels. The end of Cold War politics has left more room for Turkey to develop a semi-independent policy from Western Allies. The improving economic standards and political stability has increased the power of Turkey and sponsored the projection of this capacity to an active foreign policy. The strong leadership of AK Party such as Recep Tayyip Erdoğan, Abdullah Gül, and Ahmet Davutoğlu has drawn the framework and goals of this new active foreign policy. Davutoğlu has been the mastermind of this new foreign policy, first as an academic, then as an advisor to Prime Minister Erdoğan, and later as Minister of Foreign Affairs, and currently as the Prime Minister of Turkey.

Ahmet Davutoğlu's outlined the new aims and principles of Turkish Foreign Policy in his book "Stratejik Derinlik" (Strategic Depth) [1]. Davutoğlu contrasts Turkish Foreign Policy before and after AK Party came to power in 2002 to justify the necessary changes for his new foreign policy vision. Some of the aims and principles of this foreign policy include the following: strengthening relations with neighboring countries to solve all problems with them, the so-called "zero problems with

neighbors" principle; proactive diplomacy to promote cooperation and stability in the region to resolve conflicts; and improving ties with countries that used to be part of the Ottoman Empire and the Middle East. Turkey's new foreign policy vision targeted Bosnia and Herzegovina, or Bosnia in short, because it was part of the Ottoman Empire; has a major Muslim population and there is a large Bosnian origin population living in Turkey.

The ethno-national groups in Bosnia and Herzegovina interpret the long historical ties between Bosnia and Turkey differently. Many Muslim Bosnians or Bosniaks consider the Ottoman period (1463-1878) as the Golden Era of Bosnia, while Serbs and Croats consider it as a period of slavery and tragedy that lasted for more than four centuries [2]. These contrasting approaches illustrate that history is mobilized for the current identity projections of the actors involved. The following section will examine the main principles of current Turkish Foreign Policy (TFP) and discuss its application in Bosnia and Herzegovina, which reflects selective use of the past for the interests of TFP decision-makers. The article will evaluate the perception of TFP by Bosnians based on an original survey of a hundred respondents and its analyses. The article concludes by some policy recommendations on how to improve TFP in Bosnia and Herzegovina.

Yugoslavia began dissolving in 1991 as former Yugoslavian countries such as Slovenia and Croatia declared independence followed by Bosnia and Herzegovina through a referendum. This process has led to the rise of ethnic nationalism among Bosniaks, Serbs and Croats in the country. The current political system of Bosnia and Herzegovina is based on Dayton Peace Agreement signed in Paris on 14 December 1995. The main reason for signing the Treaty was to end the war, which had started in 1992. Some of the leaders of Serbs such as Radovan Karadžić and Franjo Tuđman, the first Croatian President after the Croatian independence, had different plans for Bosnia, namely unification into a new union including Bosnia.

This declaration of independence and its international recognition destroyed ideas such as Greater Serbia.

This process has resulted in the three yearlong war. In 1995, Dayton Peace Agreement aimed to end the violence among the three sides. The agreement's main purpose has been to create peace and stability in Bosnia and Herzegovina. The agreement has its positive and negative sides but it is considered as one of the most impressive conflict resolutions ever made. Content of the agreement states that: Bosnia Herzegovina is composed of the Federation of Bosnia and Herzegovina (51% of the territory) and of Republika Srpska or Republic of Srpska (49% of the territory). Bosnia and Herzegovina is a federative state, composed of these two entities. No entity or entities could ever be separated from Bosnia and Herzegovina unless through legal process. Although entities will exist, central government is still going to retain with rotating state presidency, constitutional court and central bank. State presidency means that it is not going to be one president of the country, but instead representatives of three constitutionally accepted groups who will rotate every 8 months within 4 year mandate. Representatives of Bosniaks and Croats are chosen in Federation of Bosnia and Herzegovina while the Serbian candidate comes from the Republic of Srpska. This complex arrangement has resulted in a huge bureaucracy and an interlocking political decision making process.

New Turkish Foreign Policy

During the establishment of Republic of Turkey in 1923, Mustafa Kemal Atatürk's vision of foreign policy turned to the West to form close ties with Western Europe. Kemalist modernization project framed as Westernization continued. For instance, in 1952 Turkey became a member of the North Atlantic Treaty Organization (NATO) and the country continues to working on fulfilling the Copenhagen criteria to become a member of the European Union (EU). After AK Party came to power in 2002, Turkish foreign policy began to become more independent from its Western allies and proactive.

Turkey is using soft power politics through peaceful and proactive diplomacy to prevent conflicts before they begin. New TFP aims to convince political leaders rather than using hard power to resolve conflicts. Ahmet Davutoglu's book "Strategic Depth" lays the basic principles of this new TFP, which draws theoretically from Germany's 'expansionist foreign policy' including terms such as lebensraum or "living space" (2001). According to Davutoğlu, Turkey should abandon the former inactive foreign policy and instead adopt an expansionist, pan-Islamic stance based on the imperial geopolitical theories [3, p. 119–140]. Even though the main focus in this pan-Islamic expansionism is the Middle East, there is an accent on the importance of local Muslim communities in Europe, which is referred to as natural allies of Turkey, such as Bosnia and Herzegovina and Albania. Turkey could serve as a bridge to increase the understanding and tolerance among Muslim majority countries and its Western Allies. For Davutoğlu, the word 'bridge' is not acceptable as he sees Turkey as a center. Turkey's reviving economy, which allowed for paying off the debt to International Monetary Fund (IMF), supported the image of an emerging regional actor.

According to Hakan Akyol, when a state aims to formulate an effective foreign policy it needs to use various tools such as economy, military, diplomatic, and cultural. In the end of 20th century TFP faced a lot of global challenges. One of these challenges was the ethnic conflict in the Balkans after the collapse of the Soviet Union. These events including the war in Bosnia and Herzegovina (1992–1995) increased Turkey's role as a geostrategic partner of Western Allies in the region. The Balkans is an important area for Turkey not only because of historical and cultural connections, but because of trade. The shortest road that connects Turkey to Western Europe is through the Balkans. Having an ally or having good relations with those countries is facilitating Turkey to establish trade relations with the rest of Europe and develop economically.

Turkish Foreign Policy in Bosnia and Herzegovina

Since the 1990s Turkish foreign policy is active in the Balkans, especially in Bosnia. Turkey firstly provided humanitarian assistance after the war and later renovated historical buildings from the Ottoman period; developed educational and intercultural exchange activities. The following activities detail how Turkey is practicing its soft power in Bosnia and Herzegovina:

Yunus Emre Cultural Institute: This institute aims to introduce Turkish language and culture to the Bosnian people. It organizes various activities such as poetry nights, movies and other kinds of arts in order to bring people closer to Turkish culture, language, and religion. There are currently three branches of the institute in the country. The main activity of the institute is to offer Turkish language courses. Students are rewarded by trips to Turkey where they are expected to socialize with the people. Yunus Emre Cultural Institutes became the trade mark of Turkish language school. In short, they work on principles of intercultural exchange comparable to the British Council and the Goethe Institute.

Turkish Cooperation and Coordination Agency: Türk İşbirliği ve Koordinasyon Ajansı (TİKA), in Turkish, is an agency established in 1992 to promote cooperation and support the development of less developed countries. TİKA became the institutional means to implement Turkish foreign policy, particularly in the countries where it aims to increase its influence such as the Balkans. In Bosnia and Herzegovina, TİKA opened its first office in November 1995, and since then it is sponsoring projects to support the recovery from the destruction of the war and become stronger economically. 50% – 70% of its budget goes to restorations, but still the exact amount of money is not clear [2]. In the last two decades, TİKA sponsored numerous projects and continues to do so. Zülküf Oruç, former coordinator of TİKA in Bosnia stated:

“Our wish is to rebuild cultural and historical monuments, so we can improve tourism in this area. […] The bridge in Višegrad for example or

the Gallery of Srebrenica, are the most visited sites in BiH. In Bosanski Šamac, we turned the house where Alija Izetbegović was born into a museum." [4]

While many other national development agencies have either left or decreased activities in Bosnia, TİKA is increasing its activities. For instance, the restoration of the City Hall known as 'Vijećnica,' one of the main recognized symbols of Sarajevo, has been undertaken by the Bosnian government and national development agencies from Europe. However, this project has not yet been completed for the last two decades while TİKA is completing more than ten projects annually.

Diyanet: The Turkish Directorate of Religious Affairs, or Diyanet Işleri Başkanliği in Turkish, is also active in the Balkans. Kemal Hakkı Kılıç, chief department for Balkans states:

"When it comes to the Balkans region, we want all Muslim brothers to live in peace and harmony. […] We're focused on renovating and rebuilding mosques in Bosnia." [5]

Diyanet is collecting donations from the congregation in mosques in Turkey to implement its projects in Bosnia. Mr. Kilic explains how how Diyanet works in Bosnia as follows:

"The way it goes is the following: We get a note from the Islamic Community in BiH that they need something and we send it. […] For example, if there is a need to print additional copies of the Qur'an, we print them. Every year we invite a group of five to six muftis and imams from BiH to come to Turkey, spend some time here and we pay all expenses. They ask for it, so we provide it. […] A list of demands comes from BiH, we evaluate it and then, we do our best to respond to these demands." [5]

Diyanet made financial contributions to construction of mosques all over Bosnia and it plans to continue doing so, but its budget allocated for Bosnia is unknown.

Education: Educational institutions such as Bosna Sema contribute to spreading Turkish culture in Bosnia and Herzegovina through intermediary

schools. Moreover, there are universities such as International University of Sarajevo and International Burch University. These universities have students not only from Bosnia but also from Turkey. Turkish students from Turkey come to study at these universities in Sarajevo for various reasons. One of the main reasons is that when the headscarf was banned for university students in Turkey some of these students continued their education abroad including Sarajevo until recently. Bosnian students also had a chance to meet these students at the universities, and make new friends.

Scholarships: Republic of Turkey offers scholarships to college students from all over the world to come and study in Turkey. Among them are also Bosnian students who are accepted to undergraduate and graduate programs. These scholarships also cover one year of intensive Turkish language courses until they qualify to get undergraduate education in Turkish. There are YTB [1], TÜBİTAK [2] other scholarship programs. There are also ERASMUS exchange students from Bosnia who take the opportunity to spend a semester or a year at one of universities in Turkey.

There are also various public financial and media institutions from Turkey that operate as part of Turkish foreign policy in Bosnia such as banks and public broadcasting companies. Anadolu Agency is the official news agency of Turkey and TRT Balkans is a special channel of the Turkish broadcasting group that informs Bosnian and Turkish residents about developments in these two countries and well as in the region. The state owned Turkish Ziraat Bank opened 25 branches in the country.

In addition to these official institutions Turkish foreign policy is active in Bosnia, through indirect ways such as the promotion of tourism to Bosnia and the spread of Turkish soap operas. Bosnia has many natural and historical attractions. The number of tourists from Turkey is increasing

[1] YTB – Yurtdışı Türkler ve Akraba Topluluklar Başkanlığı (Turks Abroad and Related Communities).

[2] TÜBİTAK – Türkiye Bilimsel ve Teknolojik Araştırma Kurumu (The scientific and Technological Research Council of turkey).

every year. In 2009 there were 13.000 visitors from Turkey and in 2013 this number increased up to 55.000 visitors. This is a considerable increase in a period of five years [6].

Soap operas are popular pastime activity especially among women. Until a few years ago Mexican soap operas were popular in the Balkans, Turkish soap operas have replaced them. These shows are so popular that approximately 2.235 minutes on one channel are reserved weekly. One of the first Turkish soap opera was "Bin bir gece" ("1001 night") and after that many other soap operas followed such as "Muhteşem Yüzyıl", "Gümüş", "Ezel", "Sıla", and "Tek Türkiye". Those soap operas had different stories, introduced people from all over the Turkey, their dialects, attitudes, traditions and cultures. These shows familiarized Bosnian people with Turkish way of life, and their language. There are no official rating figures for Turkish soap operas watched in Bosnia but on every television channel's official web site in archive section it is possible to find all the previous episodes.

Relations between Turkey and Bosnia and Herzegovina

On 15 September 2012, the 550th anniversary of Sarajevo's foundation was celebrated and that year was pronounced as the year of 'Isa beg Ishaković', the founder of the city. This is a rare occasion in which the prime minister and current President of Turkey, Recep Tayyip Erdoğan received an award as the guest of honor. According to the organizer of the event Amel Suljović, Erdoğan is one of the greatest leaders of today just as Isa beg Ishaković was in his time. He deserved to receive this award for his love and care for Sarajevo and Bosnia. Erdoğan's victory speech after elections reflect his new foreign policy vision and supports Suljović's expectations. For instance, after his victory in the local elections in March 2014, Erdoğan saluted the crowd and international community as follows:

"I wholeheartedly greet our 81 provinces as well as sister and friendly capitals and cities of the world [...]. I first want to express my absolute gratitude to my God for such a victory and a meaningful result. I thank my

friends and brothers all over the world who prayed for our victory. I thank my brothers in Palestine who saw our victory as their victory. I thank my brothers in Egypt who are struggling for democracy and who understand our struggle very well. I thank my brothers in the Balkans, in Bosnia, in Macedonia, in Kosovo and in all cities in Europe who celebrate our victory with the same joy we have here." [7]

This kind of rhetoric of Turkish politicians is not welcome among different ethnic groups in Bosnia and creates further tension inside the country. Politics in Bosnia is already weak, and there is no agreement on the priorities and strategies of foreign. This gives more space to individual politicians to create good relations with countries of their preference disregarding the ideas of the politicians representing the other ethno-national groups. Emotions and sympathies towards Turkey are visible among Bosniaks and Bosniak politicians, but this is not the case among the rest. In a country like Bosnia, where three different readings of history according to the three ethno-national groups exist, basing one's politics on history and culture can be dangerous. While the majority, not necessarily all, of Bosniaks welcome the increasing Turkish influence in the country; Serbs and Croats are not at ease with this. What Bosniaks see as friendly rhetoric, proof of friendship and brotherhood, Serbian and Croatian representatives feel discomfort and oppose. The following quotations illustrate this disapproval:

"Turkey is always with us on all important matters. It is a nice feeling to have such a friend. We are never alone as long as Turkey is with us." [8]

"Turkey is causing a lot of problems in BiH. It does not have absolute right to meddle into regional issues." [9]

"If Alija Izetbegović was so powerful to leave in 'amanet' anything, to anyone, then, I would say, aferim." [10]

"I do not believe that someone likes to hear that BiH is an Ottoman legacy." [11]

"This statement should draw attention of the EU as it constitutes direct meddling of Turkey, which aims to become an EU member, into an area under direct attention of EU. [...] If the EU does not expand, there are other powers that will, and Turkey is one of them. A part of nations in the Balkans love it in the same way as another part loves Russia. There is one question – what will the EU do?" [12]

Although some voices among Bosniak leaders are critical of what they regard as Turkish expansionism, official representatives rarely air it publicly. Especially some nationalist and secular minded Bosniaks do not approve of a relationship with Turkey that is based on reviving the Ottoman past. For instance,

"I do not want to make coalition with those who are making Ottoman appendage out of Bosnia. Izetbegović and Erdoğan are obviously connected with so called 'Muslim brotherhood' and the idea of more important role of Turkey in Bosnia is neither focusing on strengthening inter-ethnic relations nor making investments. We must bear in mind through our historical experience that Turkey was in any case 500 years occupier." [13]

Although Turkish politicians are not aware of or ignore such voices from Bosniak leaders, they are aware of the discomfort among Serbian and Croatian political leaders. Nevertheless, they say that TFP treats all ethnic groups equally but political rhetoric and practice do not match. Turkish foreign policy makers state that they support the whole country and not only one entity, but there are difficulties in proving statements like these since there are numerous examples which are showing that one group, that is the Bosniaks, is favored. According to Sinan Ülgen, president of Istanbul Center for Economic and Foreign politics studies, new Turkish foreign policy moves in the Balkans should be regarded as a contribution to the stability of this region rather than the revival of Ottomanism [14]. Erhan Turbedar, coordinator of Balkan studies at TEPAV, the Economic Policy Research Foundation of Turkey, stated that there are two perceptions of

Turkish foreign policy at the 'Perception of Turkish Foreign Policy in the Balkans' [1] conference held on April 5th, 2012 in Sarajevo. First, positive economic development consolidated liberal democracy and human rights in Turkey. Second is the revival of neo-Ottomanism. In addition to these two perceptions there are three fears towards Turkish foreign politics: 1. Prejudice towards Islam and politics of Islam; 2. Prejudice and fears from Turkey and early Ottoman state; 3. the lack of cooperation between Ankara and Brussels on Balkans. Rašidagić [15] highlighted that Turkish Foreign Policy has positive approach but at the same time it is too idealistic. Even countries that are economically more powerful than Turkey and have been influential in the Balkans for the last century had challenges in continuing their impact in the region. So, it is in interest of Turkey to address and speak openly about unresolved questions in its foreign policies such as pursuing a balanced policy among all the three ethno-national groups. Rhetorically speaking Turkish representatives are claiming how they are treating all ethnic groups equally but the practice shows otherwise.

For instance, Yunus Emre Institute opened three offices in Bosnia and Herzegovina, but none of them is in the Republic of Srpska. Turkish Ziraat Bank has 25 opened branches, and only one branch is opened in Republic of Srpska, in Banja Luka. TİKA's donations and projects are mainly related in restoration of Ottoman legacies, mosques, madrasas [2,] bridges, and historical monuments. Around 95% of the applications of projects to TIKA come from Bosniaks. Bosniak students get most of the scholarships because other groups are not encouraged enough to apply for them and study in Turkey [16]. The highest state-level institutions are showing that Bosniak officials are dominant in relations with Turkish officials. All three

[1] Conference organized by CNS – Center for developed studies (Centar za napredne studije) and BALMED – Center for civilization of the Balkans (Balkanlar medeniyet merkezi) on topic „Perception of Turkish Foreign Policy in the Balkans" had two leading speakers: Erhan Turbedar and Ešref Kenan Rašidagić.

[2] Madrasa refers to schools training imams who lead prayers in mosques and scholars of Islam.

members of the Bosnian Presidency on a rhetorical level agree that bilateral relations between Bosnia and Turkey are good, strong and constantly improving. In practice, they all meet with each other and talk about cultural, political and economic issues. However, the three members of the Presidency only rarely interact with Turkish officials collectively. In 2010 when Presidency members have established an office, a joint meeting happened only four times, half of which took place within the framework of trilateral meetings with Serbian and Turkish heads of state. During the same time period, each of them attended several meetings with Turkish colleagues individually. According to the website of the Presidency of BiH, in more than three years, Nebojša Radmanović, the member of the Presidency from Republic of Srpska, attended three formal meetings, while Željko Komšić, the Croat member of the Presidency, held four official meetings with Turkish officials. At the same time, Bakir Izetbegović, the Bosniak member of the Presidency maintained the most intensive contacts with Turkish side that resulted in no less than 25 formal meetings with Turkish governmental officials. Moreover, it was on six occasions that Izetbegović travelled to Turkey for official meetings, while the other two members only joined him in May 2013 for a trilateral meeting together with the Serbian president Tomislav Nikolić.

	Overall number of meetings held with Turkish officials	Number of meetings held in BiH	Number of meetings held in Turkey*	Number of official visits in Turkey
BiH Presidency jointly	7	5	1	1
Bosniak member of BiH Presidency individually	44	21	24	13
Croat member of BiH Presidency individually	6	6	0	0
Serb member of BiH Presidency individually	6	5	0	0
Chair of Council of Ministers	8	6	2	1
Minister of Foreign Affairs	26	12	9	6

This table shows the number of meetings between state officials of Bosnia and Turkey from January 2009 until May 2014. Source: Archive of Presidency of Bosnia and Herzegovina [17].

Nebojša Radmanović comments on the frequent meetings of Bakir Izetbegović, representative of Bosniaks in Presidency with Turkish officials as follows:

"Bakir [Izetbegović] is taking advantage of friendly relations with the Turks, using Alija's previous relations with Turkey. […] I don't think this individual engagement is counterproductive for BiH. Bosniaks love Turks, Serbs love Russia." [18, pg. 30]

It is understandable that ethno-national groups in Bosnia and Herzegovina feel closer to an outside country due to religious, historical, and ethnic ties. However, friendly relations and sympathies are one story but politics and state affairs are another. The case of Bosnian politics is specific and activities of individual political representatives affect the whole country by causing splits among ethnic groups and deepening disagreements. If the main aim of politicians in Bosnia is to increase living standards, then they have to work together, not separately.

Survey Data analysis

Just as politicians make statements and take decisions, the rest of the society has opinions about Turkish foreign policy toward Bosnia and Herzegovina as well. Belma Ibišević conducted a survey in Sarajevo among one hundred students. This survey is undertaken in the city of Sarajevo and the International University of Sarajevo. Surveys should ideally cover all parts of Bosnia and Herzegovina and include all the ethnic groups. Sarajevo is a multi ethnic city and in time the urban population used to live with each other in a multicultural setting and think more openly than the rural areas in the country.

This survey is composed out of two sets of questionnaires and one hundred respondents. For the first questionnaire there were 50 participants, residents of Sarajevo with different ethnic background. There were three questions:

Nationality: a) Bosniak b) Serb c) Croat d) Bosnian [1]

Gender: a) male b) female

How do you perceive relations between Bosnia and Herzegovina and Turkey? Do you support Turkish Foreign Policy strategy in Bosnia and Herzegovina? Are there any changes that need to be done?

Participants were asked to honestly answer these three questions. Fifty participants were composed of 21 Bosniaks, 12 Serbs, 8 Croats, and 9 Bosnians. There were 23 male and 27 female respondents. The most interesting findings can be summed up as follows. 42 of 50 respondents think that relations between Bosnia and Turkey are positive. Serbs and Croats are not showing different opinions from Bosniaks. Only eight respondents have negative opinion and among those who responded negatively there are not only Serbs and Croats but also Bosniaks. Turkey helps a lot to Bosnia because of cultural similarities.. Those who think that relations are good believe that it could be better by improving more cooperation, communication and economic investments of Turkey for the stability and development of Bosnia. They also recommend Turkish officials to fulfill their promises in practice. They argue that if Turks are considering Bosnians as brothers, and they should not send donations but make more economic investments. One of the Bosniak respondents thinks that there is no special connection between Bosnia and Turkey saying that "Bosnia has a lot of tears, Turkey does not have to cry for them".

Second questionnaire had also fifty respondents, who are Turkish citizens currently studying in Bosnia at the International University of Sarajevo. They were asked two questions:

1. Gender: a) male b) female

[1] Bosnians are all those who consider themselves as belonging to this country with not looking on religious components. Usually, those who consider themselves as Bosnians are followers of political philosophy that is related to communism and atheism, those who do not tie themselves as Croats and Serbs but instead as Bosnian Catholics or orthodox. This should not create confusion to the reader because in most of the surveys there are 4 groups how nationality can be expressed. Of course, this creates confusion even in the system of Bosnia but there are still things that need to be improved.

2. How do you perceive relations between Bosnia and Herzegovina and Turkey? What was your experience when you came to Bosnia and Herzegovina? Have you ever had some negative experience?

It was interesting to see how Turks who are currently in Bosnia are thinking about relations between these two countries. 34 respondents think that relations are good and positive, but comments were more negative than from the first questionnaire. There were 30 male and 20 female respondents. Females have more negative experience explaining that when they first came to Bosnia they believed that there were more similarities, but living in Bosnia showed that actually there are more differences than similarities. Some of the experiences are showing that Turks thought how Bosnians like them and are happy to be together, but through experience it is seen that not everyone welcome Turkish people. Also, one of the comments is that the government of Bosnia is not doing anything to support Turkish students, and criticize the administration and safety. One participant said that in the beginning he thought how relations are good, but later realized how Bosnians are regarding Turks as 'walking money'. Some of the examinees wish that Bosnians view Turks differently because it is impossible to generalize and state that not all Turks or Bosnians are bad. Turkish foreign policy in Bosnia is good, but one examinee thinks that Bosnians see donation as success in their politics.

Another survey is done by BILGESAM [19] – Wise Men Center for Strategic Studies on perception in the Balkans about Turkey and Turks. Study is conducted all over the Balkans in different universities including academics and students as well as residents of the countries. In case of Bosnia there were 2.127 direct interviews. Analysis is showing that media, tourism and other spheres are influencing people's opinion. According to the polls 60,2% of people see Turkey as friendly country. 72,5% of Bosniaks, say they would prefer to live in Turkey among all foreign countries if they get a chance to live abroad.

Conclusion

Turkey has developed an active foreign politics in Bosnia but it needs to take extra measures to improve the image of Turkey, not only in the Federation but also the entire country. This means that existing relations with individual politicians of favorable ethnic group should be formalized and transparent. Turkish foreign policy makers should communicate and disseminate information in a transparent manner, to all three constituent peoples in Bosnia to avoid internal conflicts. As they are reviving the Ottoman and Islamic collective memory, they should respect the Bosnian tradition.

For reasons of transparency as well as effectiveness, TİKA should become part of the Donor Coordination Forum in Bosnia together with other 22 assistance agencies. Since 2005, yearly this Donor Forum is organizing meetings in presenting what has been done in Bosnia so far, and even though there was invitation for TİKA to participate but it did not [20]. It is all up to organizations to decide whether they are going to participate in the Forum or not. Participation to these meetings can only assist Bosnia to develop as number of donations, invested money, projects and other activities need to be registered. Neither Diyanet nor TİKA ever give data of how much they invest in Bosnia. These institutions should become more transparent on their activities in the country.

After the war, Bosnian politicians got used to receive help from other countries and not cooperating to improve the economic status of Bosnia and Herzegovina as a whole. If Turkey keeps sending help in the form of donation to Bosnia, then it supports politicians to enjoy their privileges and makes them unwilling to develop the country. Bosnia has a lot of potential but many successful young people who are leaving the country and contributing to the development of some other country. Sending only donations are destroying Bosnia and its people. Bosnia and Herzegovina is still a weak and unstable country, but it is the job of Bosnian politicians to find and implement the way forward, not some other country.

Companies do not want to invest in countries with complicated political decision making processes and instability. There are only three big Turkish companies that invested in Bosnia: Şişecam Soda in Lukavac city, Natron Hayat in Maglaj and Cengiz Inşaat in Sarajevo. In interview for Populari agency owners of Natron Hayat and Şişecam Soda companies are advising Turkish investors not to invest in Bosnia because of bureaucratic difficulties and that they even face bankruptcy. In developed countries it takes one hour to apply and establish firm while in Bosnia it takes months or even years because of procedure since not even those in charge know where people should apply (to which entity, to which canton, to which municipality). So, if Turkey really wants to help Bosnia to develop it needs to stop sending donations, provide constant help and replace this with increasing business and economic cooperation. Politicians from all three ethno-national groups support investments, so there should be more economical investment than providing assistance. For instance, Nebojša Radmanović [18, pg. 23] only has words of praise for Turkish cultural investments in Bosnia. Even though it seems to him that Turks are focused more on culture and history than development.

Tarik Zaimović [21] is advising Turkey to decrease emotions towards Bosnia and increase business instead, like Serbia for instance. Serbia offered to Turkey and other countries projects in order to increase the living standards of the country. Although, renewing mosques and bridges by Turkish Foreign policy institutions may improve tourism, Bosnian economy needs more factories and jobs. Thus, more job creating businesses, political stability, and cooperation among ethno-national groups can help Bosnia and Herzegovina to stand on its feet.

REFERENCES:

1. Davutoğlu, Ahmet, “Stratejik Derinlik, Türkiye’nin Uluslararası Konumu”, Istanbul, Küre yayınları, 2001.

2. Populari, “A political Romance: Relations between Turkey and Bosnia and Herzegovina“, Report, 2014. http://populari.org/index.php?bGFuZz1lbiZyPTMmbD0zJmU9MTky.

3. Özkan, Behlül, "Survival: Global Politics and Strategy (Turkey, Davutoğlu and the idea of Pan-Islamism)", Vol. 56(4), 2014.
4. Research Agency: Think Tank Populari, „A political romance", Report May 2014, Interview of Anadolu Agency with TİKA's coordinator Zülküf Oruç, 21 February 2012,, pg. 13, http://populari.org/index.php?bGFuZz1lbiZyPTMmbD0zJmU9MTky.
5. Populari, Populari interview with Kemal Hakkı Kılıç, a chief department of Diyanet for Balkans states, 21 October 2013, pg. 14.
6. Agency for Statistics of Bosnia and Herzegovina, Tourism section, http://www.bhas.ba/index.php?option=com_publikacija&view=publikacija_pregled&ids=3&id=16&n=Turizam (Accessed on 05.01. 2015).
7. Populari, Recep Tayyip Erdoğan's post-election victory speech in Ankara, starting late March 30 and ending early March 31, 2014, after his party won the municipal elections in Turkey, pg. 4.
8. Populari, Sulejman Tihić, former president of SDA party, representative of Bosniaks in his interview for Anadolu Agency, 13 June 2012, pg. 6.
9. Populari, Milorad Dodik, President of Republic of Srpska, representative of Serbs, statement after the Conference for mutual cooperation of Serbia and Republic of Srpska in Belgrade, 31 October 2013, pg. 7.
10. Populari, Dragan Čović, current representative of Croats in Presidency, commenting Erdoğan's statement related to what Alija Izetbegović left to him by using Turkish words which are also known in Bosnian language such as 'amanet' and 'aferim'. Amanet comes from Turkish word 'emanet' which means to entrust, confide. Aferim has the same language roots and in translation it means bravo, well done!, statement published at web portal vijesti.ba, 13 July 2012, pg. 7.
11. Populari, Veso Vegar, PR of HDZ 1990, second largest Croatian party in Bosnia, also giving response to Erdoğan's statement for web portal vijesti.ba, 13 July 2012, pg. 8.
12. Populari, Nebojša Radmanović, former member of Presidency representing Serbian groups, he points out to EU to pay attention on activities that Turkey is doing, interview for web portal vijesti.ba, 15 June 2011, pg. 9.
13. Interview by Dejan Jazvić with Fahrudin Radoncic, Former Minister of Security, representative of Bosniak side, http://www.vecernji.ba/ne-zelim-koalirati-s-onima-koji-od-bih-prave-otomanski-privjesak-938140 (Accessed on 12. 02. 2015).
14. Hrvatski Fokus, Sinan Ülgen's interview for Radio free Europe, 19 October 2012, http://www.hrvatski-fokus.hr/index.php/intervjui/5942-aktivnija-uloga-turske-na-balkanu -dio-nove-vanjske-politike.
15. BALMED, Ešref Kenan Rašidagić – Professor of International Relations on Faculty of Political Science in University of Sarajevo, Conference organized by Center for Developed Studies and BALMED, 05 April 2012, http://www.balmed.ba/dr-erhan-turbedar-o-percepcijama-turske-vanjske-politike-na-balkanu-kao-i-svaka-druga-drzava-turska-ima-pravo-da-bude-prisutna-na-balkanu.

16. Populari, Interview with Ramazan Çokçevik, a chiefhead of YTB for Bosnia and Herzegovina, Ankara, 21 October 2013, pg. 16.
17. Archive of Presidency of Bosnia and Herzegovina, http://www.predsjednistvobih.ba/fotog/Archive.aspx?langTag=bs-BA&template_id=156&pageIndex=1, and Populari pg. 29.
18. Populari, Nebojša Radmanović, former representative of Serbs in Presidency, Sarajevo, 28 August 2013, pg. 30.
19. Populari, BILGESAM's – Bilge Adamlar Stratejik Araştırmalar Merkezi (Wise Men Center for Strategic Studies) survey related to Balkan perception about Turkey and Turks, June 2012, pg. 6.
20. Populari, TİKA's participation at Donor Coordination Forum, pg. 15 http://populari.org/index.php?bGFuZz1lbiZyPTMmbD0zJmU9MTky.
21. Tarik Zaimović – professor of Faculty of Economics, University of Sarajevo, interview with Mladen Obrenovic, Turkey and Balkan: Investments instead of emotions, http://www.visoko.co.ba/vijesti/bih/5372-turska-i-balkan-investicije-umjesto-emocija.
22. Anadolija, "Nagrada 'Isa-beg Ishaković' za premijera Turske", http://www.oslobodjenje.ba/vijesti/sarajevo/nagrada-isabeg-ishakovic-za-premijera-turske (Accessed on 18. 12. 2014) ("Reward 'Isa beg Ishaković' for Turkish Prime Minister").
23. Imamović, Enver "Šta je Bosni Turska, a šta je Turskoj Bosna?", Dnevni Avaz, (What is Turkey to Bosnia, and what is Bosnia to Turkey?), 2014 http://www.avaz.ba/clanak/148008/sta-je-bosni-turska-a-sta-turskoj-bosna (Accessed on 24. 11. 2014).
24. Predsjedništvo Bosne i Hercegovine, "Opći pravci i prioriteti za provođenje vanjske politike Bosne i Hercegovine", http://www.predsjednistvobih.ba/vanj/default.aspx?id=13612&langTag=bs-BA (Accessed on 17.11.2014) (Presidency of Bosnia and Herzegovina: General directions and priorities in implementation of foreign policy of Bosnia and Herzegovina).
25. Štavljanin, Dragan, "Aktivnija uloga Turske na Balkanu dio nove vanjske politike", http://www.hrvatski-fokus.hr/index.php/intervjui/5942-aktivnija-uloga-turske-na-balkanu-dio-nove-vanjske-politike (Accessed on 16.11.2014) ("Active role of Turkey in Balkans is a part of their new foreign policy").
26. Türbedar, Erhan, "Turska Politika za Zapadni Balkan", http://www.vpi.ba/upload/documents/Turska_politika_za_Zapadni_Balkan.pdf (Accessed on 22.11.2014) (Turkish politics for Western Balkans).

УДК 341.23=111

В. Р. Атнашев

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО О ГРАЖДАНСТВЕ И БЕЗГРАЖДАНСТВО В СОВРЕМЕННОЙ ТУРЦИИ

The citizenship is a legal status, relation between an individual and any state and defines their mutual obligations and rights. Besides, the word “nationality” is often used as a synonym of “citizenship”. For example, Article 15 of the Universal Declaration of Human Rights affirms that everyone has the right to a nationality: “No one shall be arbitrarily deprived of his nationality nor denied the right to change his nationality”.

However, the term “citizenship” is not so ambiguous as “nationality”, because the latter means that all citizens are also nationals. Meanwhile, about 90 per cent of contemporary states are multi-national, where national identity differs from citizenship, like Québécois or Aboriginal peoples in Canada; Scots, Welsh, Irish in the United Kingdom.

In the majority of countries, the basic law prohibits any deprivation of citizenship/nationality, especially when it has the effect of making the concerned person stateless. Though, some constitutions make provisions for such a deprivation. For example, Article 66 of the Turkish constitution reads: “No Turk shall be deprived of citizenship, unless he commits an act incompatible with loyalty to the motherland”.

On the contrary, statelessness describes the lack of any nationality (in other words, citizenship). A de jure stateless person is someone who is “not considered as a national by any state under the operation of its law” [1, Art. 1(1)].

Nowadays over 12 million people in the world are not recognized as citizens by any state. One of the most outrageous cases is discrimination of

Rohingya, Muslim ethnic group in Burma whose 1982 Citizenship Law rendered them stateless.

Besides the racial discrimination, there is a serious problem of discrimination against women. In at least 30 countries nationality laws discriminate against women, limiting their ability to acquire, retain, and transmit citizenship to their children. In many cases, nationality laws permit only the father to transmit citizenship to his child. And in other cases, nationality laws strip women of their citizenship upon marriage to a foreign spouse, or prohibit women's foreign spouses from naturalisation.

According to the 1957 Convention on the Nationality of Married Women, neither the celebration nor the dissolution of a marriage shall automatically affect the nationality of the wife (Article 1). Another Article stipulates that the alien wife may, at her request, acquire the nationality of her husband through specially privileged naturalisation procedures [2, Art. 3].

Though Turkey is not a member of the Convention, the alien wife may easier acquire the citizenship of Turkey: "the applicant must have been married to a Turkish citizen for at least three years" (instead of 5 years of residing in Turkey). In addition, "those who have married Turkish citizens and have children who have reached two years of age" also may obtain the citizenship without residence in Turkey for five years and the intention of settlement in Turkey.

Where large groups of population are marginalized, the consequence is despair and frustration. Tensions can lead to unrest, conflict, forced displacement and regional instability.

For many people, inability to establish nationality has the same consequences as not having a nationality at all. Birth certificates are a key element for proof of nationality as they establish both descent and place of birth – as millions of births every year go unregistered, the risk of statelessness increases. The 1961 Convention on the Reduction of Statelessness and the 1954 Convention Relating to the Status of Stateless Persons are main international treaties in the field.

Turkey has not yet acceded to the both conventions. Though, it seems to be useful for states to accede or to take steps to accede to one or both of the statelessness conventions like 15 different states in 2012–2013. Some pledges were also made by different countries in other areas, such as law reform to prevent or reduce statelessness; implementation of better civil registration; establishment of statelessness determination procedures. Meanwhile the 1961 Convention stipulates that "the stateless birth on the territory of Contracting States attracts the grant of their nationality".

Turkey Asylum Policy

A refugee is a person who is outside the country of his/her origin, has a well founded fear of being persecuted for reasons of race, religion, nationality, political opinion or membership of a particular social group, and owing to such fear is unable or unwilling to avail himself / herself of the protection of that country. Similar approach is applied by the United Nations High Commissioner for Refugees (UNHCR) that considers as refugees people who cannot return to their country of origin because of indiscriminate threats to their life, security or freedom owing to generalized violence or events seriously disturbing public order.

The issue of refugees and protection of their rights is closely connected to the immigration policy of states as well as to the international standards of human rights protection.

The majority of refugees forfeit their native citizenship and often become apatrides, temporarily or permanently.

The 1951 Convention relating to the Status of Refugees is the key international legal document in the field. The States Participants of the 1951 Convention must help refugees to realize their right to work, freedom of movement and other rights.

Turkey ratified the Convention in 1967 and accessed to the 1967 Protocol in 1968 [3]. However, it maintains a "geographical limitation" under Article 1 (B) of the Convention, so Turkey is not obligated to apply the Convention to refugees from outside Europe. The limitation influences

on the status of refugees resulting in their division into European and non-European asylum-seekers.

The 1994 Regulation amended in 1999 and in 2006 is the first Turkey legal document that embraces asylum issues. Its full name is very long – Regulation No. 1994 / 6169 on the Procedures and Principles related to Possible Population Movements and Aliens Arriving in Turkey either as Individuals or in Groups Wishing to Seek Asylum either from Turkey or Requesting Residence Permission in order to Seek Asylum From Another Country. In 2006 it was also supplemented by a Government directive.

The first asylum law has been finally passed by parliament and signed by president of Turkey on April 12 2013. It provides the first legal framework for the protection of asylum seekers and refugees in this country. The law grants full refugee status to those coming to Turkey from Europe. It can strengthen the country's commitment to democracy and humanity and extend cooperation with other subjects of international law on asylum and migration issues.

However, the new law doesn’t lift the geographical limitation mentioned above. Thus, refugees who arrived in Turkey can choose one of two separate procedures: the temporary asylum procedure of the Government of Turkey or the refugee status determination procedure of UNHCR. The first procedure determines whether applicants qualify for temporary asylum under the local 1994 Asylum Regulation and under 1951 Geneva Convention. The competence of UNHCR to review applications for refugee status is based on the 1950 Statute of the Office of the United Nations High Commissioner for Refugees as well as other United Nations General Assembly resolutions.

Under the framework of the 1994 Asylum Regulation, Turkey provides non-European refugees with "temporary asylum-seeker status" and permission to remain in the country until UNHCR finds durable solutions for them elsewhere. Therefore, in Turkey it is UNHCR that registers non-European asylum-seekers, determines their refugee status,

identifiying those who should get temporary asylum and refugees for resettlement [4].

The National Action Plan on Asylum and Migration aims to build in Turkey an asylum system on the base of international standards. In addition, the new Turkey national program is designed to align the country's asylum and immigration policies with European Union standards granting refugee status to asylum-seekers from outside Europe. This policy is expressed in the third Turkish National Program for the adaptation of the European Union Acquis.

Syrian Emergency

Since March 2011, the beginning of the Syrian crisis, the number of Syrian refugees who have fled to neighbouring countries (Jordan, Lebanon, Turkey, Iraq and Egypt) has reached about 4 million.

Turkey is the world's biggest refugee hosting country with 1.7 million Syrian refugees. The country spent more than US$6 billion on direct assistance to refugees [5]. The Syrians have accommodated in 22 camps in 10 provinces. There is no doubt that an absolute majority of Syrian refugees are fleeing conflict or blind violence in their country.

In accordance with international legislation and its obligations, the Government of Turkey has established a temporary protection regime for all Syrians refugees in Turkey. The regime includes the following elements: an open border policy, no forced return, no limit of duration of stay in Turkey, and the possibility to receive assistance in the camps. The Disaster and Emergency Management Presidency of Turkey (AFAD) plays a significant role in the emergency response for Syrian refugees as well as the newly-established Directorate-General of Migration Management (DGMM).

Besides, the Turkish Government together with UNHCR has deployed multi-functional teams in the urban areas to reach out to Syrian. It is worthy to note that the UN is grateful for the protection extended to all refugees in Turkey. Refugees themselves are also thankful to Turkish

people who help them and to Turkey. An aged Syrian woman from Akcakale whose name is Vahta said: “If it hadn't been for Turkey, where would we have gone? Without Turkey we would have died” [6]. In Akcakale at least 10,000 registered Syrian urban refugees have made their home, and other 30,000 Syrians live in a refugee camp there.

While refugees and asylum seekers account for only a small proportion of the global movement of people, they frequently travel alongside migrants. Many of these movements often take place without the requisite documentation and use unauthorized border crossing points.

States regard such movements as a threat to their sovereignty and security. Yet this may be sometimes the only escape route open to those fleeing war and violation.

UNHCR recognizes that border controls are essential for combating international crime, including smuggling and trafficking, Turkey became a member of International Organization for Migration on 30 November 2004 and also cooperates with the organization in combating human trafficking [7]. Meanwhile, UNHCR stresses the need for practical protection safeguards to ensure that such measures are not applied in an indiscriminate or disproportionate manner. Such measures shall not lead to refugees being returned to countries where their life or liberty would be at risk.

Some provisions concerning refugees are present in the citizenship legislation. According to Clause (1) of Article 12, aliens can acquire Turkish citizenship in some exceptional cases (“states”), including “persons who have been recognised as immigrants”. It is possible by decision of the Council of Ministers provided they have no quality constituting an obstacle in respect of national security and public order.

Law No 5683 on the Residence and Travel of Foreigners in Turkey dated 15 / 07 / 1950 also contents clauses that relate to refugees. For example, its article 17 stipulates that “the foreign subject persons who took refuge to Turkey by political reasons reside in the places permitted only by the Ministry of Interior”.

There is an interesting provision in Article 21 of the same law: “The Ministry of Interior has the power to drive out stateless or foreign subject Gypsies and the foreign nomads who are not connected to Turkish culture”. Obviously, the provision is rather exotic and out-of-date in terms of modern national and world situation.

The Turkey government assigned UNHCR-recognized refugees to 62 satellite cities where they received services from local authorities. These refugees needed permission from local authorities to travel to Istanbul or Ankara, including for meetings with the UNHCR or resettlement agencies. Local officials had significant discretion in working with refugees and NGOs, and the levels of assistance they provided varied widely.

Authorities required asylum seekers to register in order to legalize their temporary stay in the country. As prospects for integrating refugees in the country were limited and voluntary repatriation was not feasible for many refugees, resettlement in a third country was often the only option available for individuals in need of an immediate durable solution. A refugee accepted by a third country for resettlement needed to obtain exit permission before leaving Turkey.

It is important that all continents, excluding Asia, have regional intergovernmental organisations specialised in protection of human rights and freedoms. Since Turkey is the only large Islamic state – member of Council of Europe, the Turkey’s experience and authority could be useful for the Asian continent, merely for the Middle East states and states-members of the Organisation of the Islamic Conference (OIC).

Finally, an important problem that is worthy to touch upon is the identity (or multiple identities) issue. In the modern world, Turkey has a choice between several options: either maintain the Turkish identity, either develop regional identity (for example, Euro-Asian), either strengthen the current Turkey’s popularity in the Muslim world and support Muslim identity of the nation. Obviously, the second and third options are more transnational and global and could intersect.

In any case, the refugees' factor has a certain impact on the situation with identities and gradually provokes some changes in legislation of Turkey and many other countries.

REFERENCES:

1. Convention relating to the Status of Stateless Persons.
2. UN's website. http://treaties.un.org/doc/Treaties/1958/08/19580811%2001-34%20AM/Ch_XVI_2p.pdf.
3. United Nations High Commissioner for Refugees http://www.unhcr.org/3b73b0d63.
4. UN High Commissioner for Refugees – http://www.unhcr.org/cgi-bin/texis/vtx/page?page=49e48e0fa7f&submit=GO.
5. UN High Commissioner for Refugees. Written text of speech to the UN Security Council, 26 February 2015. http://www.unhcr.org/print/54ef66796l.
6. UN High Commissioner for Refugees http://www.unhcr.org/527b91669.
7. Turkish Ministry of Foreign Affairs. http://www.mfa.gov.tr/turkey-_s-fight-against-illegal-migration.en.mfa.

УДК 327+297

Бекир Гюнай

ЛИЧНЫЙ ПАРАМЕТР, ПОВЛИЯВШИЙ НА ПОЛИТИКУ ПАРТИИ СПРАВЕДЛИВОСТИ И РАЗВИТИЯ НА СРЕДНЕМ ВОСТОКЕ. ИСЛАМИЗМ

Целью данной работы является определение степени влияния исламизма на внешнюю политику Турции в период правления Партии справедливости и развития, в контексте кризиса на Среднем Востоке. Исламизм здесь следует понимать как направление, в основе которого, лежит личная религия и которое не наблюдается в разряде вариаций параметров внешней политики страны. Исследуемый период охватывает события, связанные с Палестинским вопросом, послуживший развитию Давосского кризиса, а также спровоцировавший конфликт на корабле «Мави Мармара» и деятельность ассоциации «Братья-мусульмане» в Египте.

Для того чтобы понять изменения, которые произошли во внешней политике во время правления Партии справедливости и развития представляется необходимым вспомнить в общих чертах переломные моменты во внешней политике Турции республиканского периода.

Переломные моменты во внешней политике Турции вплоть до правления Партии справедливости и развития (ПСР)

После 1919 года главную роль на политической арене стала играть Англия. Англия продолжала запускать механизм международной системы. После образования СССР в 1917 Россия была вытеснена из этой системы. Франция, казалось, была на

лидирующих позициях, но с точки зрения выгоды, оставалась в проигрыше. Германия также как и Османская империя реабилитировала свое положение. С подписанием Версальского мирного договора она была лишена прежней силы. Османская империя, вступившая в войну с пограничным государством в 1914 году, по итогам Парижской мирной конференции в 1919 году была выведена Англией с мировой арены. В результате Севрского мирного договора был сделан еще один шаг к порабощению Турции. Однако под руководством Ататюрка турецкий народ вступил в борьбу за независимость, таким образом, доказав другим игрокам на мировой арене, что Турецкая Республика имеет право на существование в создавшемся устройстве мира [1, с. 112].

При Ататюрке развитие внешней политики происходит в два этапа. I. этап, между 1923–1930 годами так называемый этап «*борьбы за существование»,* II. этап, 1930–1938 гг. – этап *«возращение к полноправной жизни»* (Балканская Антанта, Саадабадский пакт). Ататюрк рисковал, ведя на II этапе активную внешнюю политику, но с успехом отвоевал статус региональной значимости Турции. Мы ясно видим это и в решении Хатайского вопроса [2, с. 137]. С Ататюрком внешняя политика Турции была обращена к Европе, и в то же время, стремления усилить своё влияние на территориальных бассейнах Кавказа, Балкан, Среднего Востока, подразумевали последующее распределение регионального господства.

В условиях второй мировой войны, внешняя политика Турции, перейдя с регионального на местный уровень, всё больше стала походить на эквилибристику. Исмет Инёню хорошо изучил мировое распределение сил после 1945 года. Инёню заметил скопление силы вокруг ООН в лице держав-победительниц (Франция, Англия, США, Китай и СССР), образовавшее объединённую структуру и определяющее новое устройство мира. И принял решение занять место в этой структуре. Однако политическое устройство Турции не подходило для членства её в ООН. Под влиянием внешних факторов

и с разрешения народного главы Инёню Турция перешла на многопартийную систему в целях демократизации внутренней структуры общества. Теперь перед нами была страна, политика которой была открыта для внешнего воздействия.

«Согласная на все условия Турция»

После 1945 года Турция старалась занять определенное место в уже упоминавшемся новом устройстве мира (в условиях «холодной войны»), создатели которого США, СССР и Англия стали организаторами игры Потсдамской и Ялтинской конференциях. Однако изменения, произошедшие во внешней политике Турции в 1945-1950 гг. были не что иное, как подходящий дизайн внутренней структуры изменений в течение холодной войны.

От перехода к многопартийности до периода власти под руководством Мендереса, параллельно с демократизацией внутренней политики Турции, для внешней политики также было избрано приемлемое направление, обращенное на запад. В процессе этого Турция также обозначила главную цель. После вступления в НАТО этой целью стало обращение в Европейское экономическое общество [3, с. 177].

Параллельно с развитием политики в мире и в Турции сформировалась внешняя политика, направленная на объединение в союз с Западом [4, с. 96] и США и поддержание «статус-кво». С этого времени определяющей силой во всех внутренних и внешних политических событиях было НАТО и США. Этот период был обозначен Камураном Инаном одним выражением «*согласная на все условия Турция»* [5, с. 16]. Мендерес в 1950–1960 гг. следуя политике, ориентированной на США время от времени проявлял инициативу на Балканах и Среднем Востоке [6, с. 61]. В 1957 году Турция, находившаяся за пределами сирийского кризиса и внезапно оказавшаяся внутри данного события, оказалась неспособной справиться с ним. В конце концов, всё закончилось тем, что из

уравнения сил СССР – Насыр Турция была не допущена на Средний Восток. С этого времени вплоть до 1990х годов Средний Восток воспринимался турецкими дипломатами как Дальний Восток.

После 1945 года по всему миру распространились необоснованные страхи, навеянные движением маккартизма. По мере того, как в представлении мира закреплялась такая идея, что «*Турция оккупирована со всех сторон, а соседние государства хотят сокрушить её»,* необходимость в союзничестве стремительно росла. В 1974 году в операции по поддержанию мира на Кипре поведение союзника в лице США повергло в шок политическую власть Турции [7, с. 238]. Сомнение по поводу действительно ли это «*союзник»* развеялось в результате нескольких «*переворотов»*. Вплоть до 1980-х гг. в период холодной войны Турция в делах внешней политики находилась под давлением и «*имела то статус фигуранта, то запасного игрока»*. В этот период на повестке дня у дипломатов было посещение Кипра, районов Эгейского моря, материка. Странным было то, что при таком узком охвате территориальной деятельности, внешняя политика Турции была далека от решительной позиции. Турецкая внешняя политика была политикой государства, где слепой ведет слепого. На этом этапе Турция не шла на риск, была пассивной, бездействующей, но подвержена влиянию (внутри и извне) и представляла страну третьего мира.

После прекращения в мире холодной войны в 1989 году, при Ёзале, который видел необходимость приложить усилие и сделать шаг вперед, во внешней политике Турции началось оживление. Благодаря отчасти личным стараниям Ёзала она стала эффективной, динамичной, тем самым привлекала к себе внимание. В этом периоде, открывшая новые горизонты Турция, предприняла попытки вести активную политику в бассейнах Балкан, Среднего Востока, Средней Азии. В это время в глаза бросается тот факт, что Турция иногда согласовывала свои действия с союзником США, а иногда

предпринимала самостоятельные шаги (Организация черноморского экономического сотрудничества) [7, с. 333].

Период правления Партии справедливости и развития и внешняя политика

Если мы посмотрим на фотографию Турции после 1989 года, то увидим, что, страна, стараясь выбрать себе место, как бы беседует сама с собой: «новое Османское» или «отход от Запада»? Смерть Ёзала в разгаре этих размышлений, последовавшее за ней избрание президентом Сулеймана Демиреля и коалиционное правительство, членами которого были Тансу Чилер, Месут Йылмаз, Эрбакан и Бахчели привели к тому, что страна была полностью обращена к внутренней политике, оставаясь безучастной к развитию внешних дел. Во время переживания «современного переворота» Турция положила основу нового политического образования. С прекращением существования Партии благосостояния, отделившись от партии Добродетели (вновь образовавшейся Партией благополучия), 11 августа 2001 года Тайип Эрдоган вместе с Абдуллах Гюлем образовали Партию справедливости, после чего они в 2003 году пришли к власти. Так начался новый виток во внешней политической жизни Турции.

Значимой личностью в составе ПСР являлся Ахмет Давутоглу, который сначала исполнял обязанности советника, затем был министром иностранных дел, а выражения из написанной им книги под названием «стратегическая глубина» определили новую модель внешней политики.

Начиная с 2000 года, в политической жизни Турции закончился период коалиционного правительства. Главное в Турции теперь была однопартийная система, что положило начало и изменениям во внешней политике. Давутоглу, определил внешнюю политику ПСР. Внешняя политика страны не могла быть выстроена без знания основных сведений о народе. Этими основными сведениями были

религия, язык, история, культура [8, с. 17]. Эти данные были своего рода игроками команды, строящей внешнюю политику. Религия, язык, история, культура это основные элементы, которые оказывали влияние друг на друга. Исламская религия, турецкий язык, исторический процесс, переходящий из Средней Азии в Османскую Империю, оставили глубокий след, окрасив регионы от Средней Азии до Индии, от Туркестана до Ирана, от Среднего Востока до Северной Африки и Балкан. Для того чтобы оживить местные следы, оставленные в культуре, необходимо применить к определенному периоду так называемую *«мягкую силу»*. Во внешней политике Турции наблюдается вполне понятный интерес к ближним регионам, таким как Кавказ, Балканы [8, с. 124], Средний Восток [8, с. 137]. Для того чтобы применить наши данные, которые несомненно являются нашим козырем, во внешней политике необходимо использовать совокупность таких факторов как экономика, армия, и технологии параллельно, либо вместе с упомянутыми элементами. Несомненно, в процессе применения этой формулы основными инструментами должны быть стратегический ум и политическая воля. Сформировав таким образом форму новой внешней политики Турции, министр иностранных дел Ахмет Давутоглу предоставил возможность применить её на практике правительству Тайипа Эрдогана.

Исламизм как специфический параметр, повлиявший на внешнюю политику ПСР

Обычной темой для споров во внешней политике с теми, кто принимает решение, является влияние на события личностных убеждений исполнителей. Косвенно те, кто принимают решение, определяя стратегическое видение, используют передающиеся из поколения в поколение ценности (религия, история, культура), географию, сферы влияния (такие как язык), экономику, армию и технологии. Из этого вытекает главная задача. Рассчитываются возможные риски, и начинается движение непосредственно к

обозначенной цели. Осуществляя вышеизложенное, политическая власть и исполнители непременно должны двигаться вместе. Внешняя политика это командная деятельность. Если человек будет зависеть от индексов, то внешняя политика не будет успешной. В период Тургута Озала самой главной проблемой внешней политики стало то, что человек зависел от показателей. Вместе с тем в видении внешней политики отклонение от цели возможно из-за того, что внешние и внутренние факторы не были просчитаны и во время проконтролированы. Если отклонения велики, то либо в применении, либо в формулировании этого видения были допущены ошибки в расчёте. Причиной ошибки может также стать неграмотность, либо индивидуальное поведение исполнителей. К достижению какой-либо цели во внешней политике государство должно двигаться как одно тело. Где думает мозг, говорит рот. Руки и кисти отвечают за координацию движения. В случае если рот говорит не то, о чём думает мозг, а руки и ноги перемещаются в противоположном направлении, выходят абсурдные движения. Личные верования членов политической власти не должны влиять на видение внешней политики. Вместе с этим не стоит забывать следующее. Политические, религиозные, национальные взгляды людей, так или иначе, влияют на их действия. Проблема здесь заключается в том, что если при объявлении направления не отталкиваться от системы национальных ценностей, а придерживаться личных предпочтений, то непременно последует отклонение от курса. В результате цель будет утеряна. Если в начале совместно намеченные, поставленные, обговоренные цели в конце сойдутся у разных точек, это может привести к необратимым последствиям. Представьте, пассажиры вместе с капитаном до отправки судна наметили предстоящий курс, после выхода в плавание, капитан по собственной прихоти поворачивает судно в другом направлении, не спросив об этом у пассажиров. Естественно, такое поведение вызовет долговременные серьёзные трудности на судне. К тому же, из-за непредусмотренных

внезапных движений воздуха, капитану, приходится рисковать, опираясь на личный опыт, преодолевать трудности для достижения желаемого места. Здесь риск капитана можно принять за подрыв безопасности экипажа. В таких ситуациях представляется необходимым изучить индивидуальное поведение и убеждения капитана, сыгравшего роль человека, сбившего с курса судно.

Отталкиваясь от вышеизложенной ситуации, в данной части нашей работы мы, сначала проследим за процессом уравнения исламизма в Турции и на Среднем Востоке. А затем рассмотрим и изучим некоторые события в политике на Среднем Востоке, на которые оказал влияние исламизм, фигурировавший во взглядах представителей политической власти премьер-министра и министра иностранных дел, и внедренный во внешнюю политику Партии справедливости и развития. Данный вопрос был поднят также в *Стратегической глубине.*

Движение исламизма на Среднем Востоке и в Турции

Понятие исламизма берет своё начало с 1920-х гг. и в настоящее время известное во всем мире движение. Образовалось это движение в период правления Абдулхамида II. Абдулхамид II в первые годы своего царствования придаёт значение османизму [9, с. 72]. Начиная с 1890-х гг. отвергает эту идею. Абдулхамид II выстроил свою внешнюю политику на треножнике. «*а. предусмотрительное уравнение сил с европейскими державами, в то время как Англия и Россия во главе, б. обеспечение безопасности и развития, за счёт объединения османского общества на основе религиозных убеждений, в - использование халифата как устрашающий элемент для колониальных стран, где находились мусульманские колонии, в то время как Англия и Россия во главе*» [10, с. 191]. Здесь, как уже было сказано, Абдулхамид II использовал ислам и халифат в качестве защиты Османского государства. У падишаха не было цели создать исламское объединение. Идею панисламизма Абдулхамиду II

подсказали Джемалеттин Афгани и Мухамммед Абдух [11]. Они описали это понятие в своей книге под названием «Мусульманство» [12]. Писатели выдвинули свои идеи перед Османским государством задолго до Абдул-Хамида II. А в политику они пришли в последние годы его правления. Падишах, основываясь на работе разведывательной организации, применил исламизм в государственной политике и перенес его на международную арену. По этой причине Османская империя выдвинула фигуру халифа, который представлял голос мусульман на огромной территории от Японии до Алжира, от Алжира до Китая. Влияние Абдул-Хамида II наблюдалось даже в действиях исламского движения на территории США [13]. После Абдул-Хамида II понятие исламизм развивалось наряду с идеями западничества, пантюркизма, которые также повлияли на политическую жизнь Турецкой Республики [14, с. 77].

II. Мехмет Акиф Эрсой, Мехмет Шемсеттин Гюналтай и Бадиуззаман Саид Нурси поставили своей целью привнести из общественного основания в жизнь идеи панисламизма, принадлежавшие Абдул Хамиду II [14, с. 82–86]. Через некоторое время Саид Нурси писал *«это явление заметно выделилось на фоне обычной повседневности, оказало влияние на религиозные вопросы 1908–1918 гг., идею которого можно было наблюдать в работах некоторых мыслителей, далёкое от концепций Дюркгейма, возможно даже находившееся в программе организации Исламизация родной стороны»* [15, с. 231]. Находившись в 1926 году в ссылке в Ыспарте, Саид Нурси по его словам *«обрёл для себя самый подходящий фундамент, с точки зрения исполнения религиозных обязанностей»* [15, с. 240]. В Турции при слове «исламизм» на ум, несомненно, приходит ни кто иной, как Мехмет Акиф Эрсой. Он заложил основу исламизма в Турции с помощью своих произведений и статей в журнале «Предначертанный путь». Мухаммед Абдух это человек, оказавший наибольшее влияние на Акифа Эрсоя. Это было заметно

по его описанию «*учитель был свободно мыслящим колоссальным философом. Сторонником снисхождения к религиозному вопросу. В этом отношении он оказал сильное влияние на шейха Абдуха»* [16, с. 28]. Саид Нурси занимался обучением учеников и сочинением произведений. В этой деятельности на первый план вышли Саид Нурси, Акиф Эрсой и Мустафа Сабри Эфенди. Мустафа Сабри Эфенди является основателем Партии свободы и единения. В газете «Пейями ислам» власти Анкары предъявляется тяжелое обвинение [17, с. 264]. Исламизм с проблемой в систематизации принимает нелегальный вид. Вплоть до 1945 года движение находится под прессингом. Между 1950-1970 годами с переходом Турции на многопартийную политическую систему, наряду с фактором влияния Демократической партии на политическую жизнь, накладывался отпечаток религиозных понятий. *«Теперь всё в турецком обществе созидалось с обращением к дикой модели поведения. Не навеянный историческим наследием древней Турции данный протест есть не что иное, как очередное желание выразить нереальность угнетения традиционной, культурной личности, которой завладел порядок, установленный республиканским обществом. Желание возвратиться к истокам, сожаление об утраченном духовном покое, который описан в исламских доктринах, господстве общественного порядка, подобный тому, что был во времена Пророка и страхе Господнем …»* [18, с. 37]. Идея исламизма вновь ожила. Сразу же после перехода к демократическому устройству, открытие лицеев по подготовке имамов-хатибов заложило основу исламского политического направления. В это время в политической жизни Турции в качестве источника материала используются два образовательных учреждения лицеи имамов-хатибов и сельские институты. В обществе появлялись отголоски понятия исламист, они были слышны от Нуреттина Топчу и Неджипа Фазыла, Национальной турецкой ассоциации учащихся и политического течения «Народной точки зрения».

Внешние факторы, повлиявшие на идеологию исламизма в Турции

Существует три внешних фактора, повлиявших на исламизм в Турции. Это ассоциация «Братья-мусульмане» в Египте, исламская революция в Иране в 1979 году и движение афганских муджахитов. Присвоившая себе понятие исламизма Ассоциация «Братьев-мусульмане» в Египте, в 20-х годах оказала большое влияние на суннитов на Среднем Востоке. У основанной Хасаном эль Бенна в 1928 году ассоциации «Братья-мусульмане» за короткое время прибавилось количество сторонников среди народа, вместе с Сайидом Кутупом они вывели понятия на новый интеллектуальный уровень [18, с. 121]. Сейид Кутуп писал *«…Исламизм по историческому месту происхождения и долгу не желает оставаться вдалеке от совести человека в его жизненном опыте. Территориальное пространство, принадлежащее королю или императору, которого боятся, никогда не сократится. С точки зрения духовности, религиозности, материальности и светскости вся человеческая жизнь это пространство для его деятельности и служения. И никакая система, строй или другая сила не оказывает на него никакого влияния*» [19, с. 17]. Данные положения имели влияние, как в Турции, так и на Среднем Востоке. С другой стороны произошедшая в Иране в 1979 году Исламская революция изменила взгляд исламистов на понятие «революция» [20, с. 39]. Исламская революция была осуществлена в Иране в 1979 под руководством Хомейни. Вплоть до 1983 года страна занималась выходом из кризиса и только затем предприняла попытки устранить революцию. Прежде всего, этим занималось вновь сформированное Министерство по урегулированию религиозных конфликтов или министерство, «помогавшее встать на истинный путь». Революция в Иране выражала сопротивление господству США, западным ценностям. Считалось необходимым её распространение.

Прямое тому доказательство начавшаяся после революции ирано-иракская война. Среди мест распространения идеи иранской революции наблюдается и Турция. Помимо существования на территории Турции джафаритов, Иран внедрился в изыскания политической жизни страны после 1980 года, что способствовало утверждению в ней исламистских верований. Иран посредством издательских домов, выпускавших журналы, действовал на молодой исламский сектор. Переведенные на турецкий язык книги Али Шериати демонстрировали плотную пропаганду шиизма и революции. Хамид Алгар следующим образом высказывается о работе Шериати. *«Понятно, что он трактует ислам не в общепринятом европейском понимании, не как религию (вероисповедание), то есть исключительно и прежде всего как нечто духовное и нравственное, связанное с отношениями представителя рода человеческого, а наоборот как идеологию, то есть совокупность системно-упорядоченных взглядов на мир и в полном смысле этого слова реальный спланированный план по становлению человека как индивидуального и общественного субъекта»* [21, с. 107]. Понимание того, что революция повлечет за собой неминуемое столкновение с европейскими ценностями и их разрушение, оказало влияние на молодых исламистов Турции [22, с. 42]. Целый ряд журналов и похожих издательских домов поспособствовали тому, что внушительная читательская масса начала верить – «единственный путь лежит через Исламскую революцию» и США, Европейское экономическое сообщество, Россия это большое зло. Турция, приняв данную деятельность Ирана на своей территории заодно с турецко-исламским синтезом, постаралась всё же ей препятствовать [23]. В конце 1980-х гг. в основных сферах Турции не нашлось широкого отклика на внезапное превращение иранского политико-исламского определения в «шиитский исламизм». Однако поколение 1980-хх гг. в возрасте 20 лет всё же было под влияние Ирана. Афганистан так же повлиял на исламистское направление в Турции и произвел сильное

впечатление на народ. В 1979 году войска СССР были введены на территорию Афганистана. Тогда в Афганистане появилось такое исламистское выражение как «вооруженное движение суннитов моджахедов» [24, с. 22]. Такие интеллектуалы, как Гюльбеддин Хикметяри и Бурханеддин Раббани определили деятельность моджахедов как исламское движение сопротивления Западу. Афган Муджахит опубликовал большое количество книг и журналов на тему движения моджахедов. Действия войск СССР направили взоры турецких исламистов на Афганистан. Тот факт, что данное движение придерживалось Суннитского течения, стал причиной присоединения к нему больших масс из Турции, принявших участие в войне. Ещё большее влияние на турецких исламистов оказали те, кто вернулся со священной афганской войны.

Как результат, ассоциация «Братья-мусульмане», Иранская революция и движение афганских моджахедов сильно повлияли на деятельность исламистов в Турции. Политическим проявлением данного движения является «Национальный взгляд».

Национальный взгляд в турецкой политике.

Движение исламизма на территории Турции появляется в политической жизни наряду с понятием Национальный взгляд, произнесенным основателем Партии национального порядка (ПНП) Неджметтином Эрбаканом 26 января 1970 года. *Несмотря на то, что объективные условия, диктовавшие основание ПНП до предела обострили функциональное расслоение индустриализированного турецкого общества, пресса и общественное мнение охарактеризовали вновь образовавшуюся партию и ее руководителей как организаторов исламизма путём политической деятельности. Нельзя сказать, что в таком определении партии есть преувеличение. Так как лозунг Эрбакана, выступавшего на выборах в качестве кандидата еще в 1969 году, был «создание религиозно-националистической Турции»…* [25, с. 99]. Впоследствии Партия

национального порядка продолжила свою работу, однако стала называться Партией национального благополучия. В период коалиционного правительства 1970-1980 гг. Эрбакан, заняв активную позицию, *«в качестве основателя и лидера «Национального взгляда» сделал вклад в развитие политики исламизма за четверть столетия»* [26, с. 180]. После 1980 года политика Эрбакана перешла в разряд запрещенных. Однако, вместе с выращенным молодым поколением Эрбакан ещё более углубился в исламистскую деятельность. В 1980-х гг. в период правления Тургута Ёзала Национальный взгляд находит приемников в Партии Отечества. В конце 1990-х гг Эрбакан наконец вернулся вновь в политику, и хотя движение «Национальный взгляд» застало правления Партии Благосостояния, это не привело к успешной деятельности. «*Первостепенное значение для Эрбакана имела не демократия, а политический исламизм, а ислам он воспринимал не как политическую систему, а личное вероисповедование. Такие взгляды ставили его в затруднительное положение. По той причине, что, в конце концов, те, кто упоминал ислам, начали представлять его как регрессивное явление. В итоге народ отвернулся и от Эрбакана и от Партии Благосостояния. И 28 февраля 1997 года правительству Эрбакана далеко не демократичным образом пришлось уйти в отставку…»* [27, с. 71]. С прекращением деятельности данной партии начался процесс формирования Партии справедливости и развития. Абдулла Гюль и Тайир Реджеп Эрдоган вышли из партии Благосостояния. Тогда …. *«им дали название «исламисты». Одни называли их «умеренными исламистами», а другие «исламистами-демократами»* [28, с. 205]. Большинство членов Партии справедливости и развития не случайно формировали бывшие участники движения «Национальный взгляд».

Если взглянуть на концепты внешней политики «Национального взгляда», то там главенствуют: *1. Важная часть внешней политики имеет ярко выраженную индивидуальность, 2. Защита прав, 3. Турция это не государство-сателлит, а страна-лидер* [29, с. 31].

Давутоглу по-другому интерпретирует эти понятия. Сразу же после образования Партии справедливости и развития, как уже упоминалось, появилась новая модель внешней политики Давутоглу. *«В Турции с приходом к власти Партии справедливости и развития (ПСР) в 2002 году… с появлением новой стратегии и идеологического подхода во внешней политике, вновь образовавшаяся партия претенциозно стала, как её назвали переломной фигурой очень спорного периода. Большинство споров и возражений в сторону ПСР, высказывалось относительно их внешней политики… Споры по поводу внешней политики партии акцентировались на её религиозной направленности, точнее говоря, приверженности исламизму»* [30, с. 432].

Последствия исламизма ПСР; Палестина, Хамас и Египет. Пример ассоциации «Братья – мусульмане»

Давутоглу пишет в своей книге: *«Ввиду новых обстоятельств, политику Турции на Среднем Востоке необходимо было пересмотреть. Турция потеряла самые стратегические пояса на Среднем Востоке в первой четверти данного столетия, во второй и третьей четверти, в основном переживала процесс отчуждения, а в четвертой четверти выстраивала цепочку отношений, состоящих из взлётов и падений с областью, снова попавшей под её управление. Таким образом, приходится расценивать отношения с данной областью как вновь укоренившимися»* [8, с. 142]. И вынужденно и с целью открытия новой сферы главным объектом Турции на Среднем Востоке стала Палестина.

Палестинский вопрос 1948 года наряду с образованием Израиля это кровоточащая рана Среднего Востока. С 1970-х гг. данный вопрос, заинтересовав сначала мусульман, затем арабов, а потом и весь мир, перешёл в статус хронического. Страны, желающие быть авторитетом в исламском и арабском мире, пользуясь Палестинским вопросом, извлекали выгоду, открывали новые сферы.

Интересовавшиеся данным вопросом государства имели двустороннюю выгоду, с одной стороны оказав помощь палестинцам, с другой стороны, ударив по Израилю. Классический план турецкой внешней политики сохранялся вплоть до правления ПСР и состоял в ведении двусторонних отношений параллельно американской стратегии, признании и сохранении безопасности Израиля.

Согласно новой модели внешней политики, Турции необходимо было открыть новую сферу влияния на Среднем Востоке. Для этого страна приблизилась к Палестинскому вопросу. Для чего были предприняты два стратегических шага. Первый шаг заключался в ликвидации несправедливости палестинцев и концентрации на гуманных действиях. Второй в открытии новой сферы политического влияния. Между тем, вмешивание Израиля в жизненные сферы Палестины привели к сокращению его площади. «*Стремления ПСР развить отношения с Арабским миром и предпринятые неудачные шаги к солидарности, критика политики Израиля по отношению к Палестине привели к ослаблению комплексных и выгодных отношений Турции с Израилем*» [31, с. 92]. Одержать победу в 21 веке предстояло не на поле боя, а путем средств массовой информации. Понимая это, Турция видела подходящую для этого арену в Давосе, месте формирования мировой политики. Вплоть до Давосского кризиса Турция держала отношения с Израилем под контролем. *«Словесная перепалка премьер-министра Турции Эрдогана с президентом Израиля Шимоном Пересом на ежегодном экономическом форуме в Давосе стала очевидной. Эрдоган выразил протест против стремлений Переса узаконить действия Израиля и обвинил президента, сказав, что он прекрасно, знает, как убивать израильтян»* [32, с. 15]. Этим поступком Турция перетянула на свою сторону арабское общественное мнение, последующие усилия были направлены на демонстрацию проявления негуманных действий Израиля в отношении палестинцев. Поступая так, страна рассчитывала оказать максимальное давление общественного мнения

на Израиль, посредством гражданской инициативы, а не государственных органов, тем самым обеспечивая стабильность открытых сфер деятельности. Для этой цели была спланирована и приведена в действие операция «Мави Мармара». И в операции «Мави Мармара», и в событиях в Давосе Турция в отношении Израиля применила методы психологического воздействия. Турция впервые опробовала такой метод. А Давосский кризис стал пиком всех событий. В последние годы политическая борьба между державами ведется при помощи средств массовой информации. Победители и побежденные определяются по успеху в мировом медиапространстве. Массам посылаются сообщения, используя язык жестов. Выступление премьер-министра Тайипа Эрдогана в Давосе на мировом телевидении, затрудненное положение президента Израиля, обернулись для Турции победой над Израилем путём средства массовой информации. Этой победой Турция переманила на свою сторону общественное мнение арабского мира, создав психологическое преимущество над Израилем, вышла на арену Среднего Востока. *«Насколько высказывание «одна минута» породило нарциссическую гордость в Турции, настолько в Израиле оно уязвило национальную гордость»* [33, с. 11]. Для того чтобы отнять психологическое преимущество у Турции, Израиль начал войну символов. Первое нападение в войне символов Израиль осуществил, посадив турецкого посла в Тель-Авиве в низкое кресло. Война символов сделали отношения между двумя странами натянутыми.

Переломным моментом в турецко-израильских отношениях стал инцидент «Мави Мармара». Операция «Мави Мармара» была начата при поддержке общественного мнения, проводилась в гуманных целях, с намерением привлечь народное внимание к человеческой трагедии, живущих в секторе Газа и помочь тем, кто пострадал от несправедливости [33, с. 13]. Данное действие было гражданской инициативой. Целью чего было доплыть до берегов сектора Газа по

нейтральным водам через Египет. Был упущен тот факт, что объявленные Израилем границы жизненного пространства страны больше, чем те, что обозначены на международном уровне.

График события «Мави Мармара»

К тому же, Израиль напал на находящийся в международных водах пароход «Мави Мармара», принадлежащий Турции. Реакцией Израиля, «припертого к стене» была жесткая защита своей территории. Девять турецких соотечественников погибло. Турецко-израильские отношения значительно усугубились. Данное событие произошло в международных водах. С точки зрения юрисдикции Турция была права. Но забытый отказ от общепринятых правил Израиля, который сам для себя определил жизненное пространство, похоже, было выше всяких юридических норм. Не обозначив своих границ, Израиль расценил турецкий ход как нападение на жизненное пространство, и как взятие реванша за инцидент в Давосе. Из-за этого действия Турции были несправедливо очернены со стороны мировой общественности. Преимущество путем кровопролитий перешло к Израилю. Отношения из разряда политических перешли в разряд представительств «поверенных в делах». «Запечатленное в памяти

турецкой общественности нападение на «Мави Мармара» министр иностранных дел Турции Давутоглу охарактеризовал как событие, произошедшее 11 сентября. Из данного определения, сделанного Давутоглу, понятно, что конфликт на корабле *«Мави Мармара» нанёс глубокую травму турецкому обществу. Потому что для последнего нападение на «Мави Мармара» создало преграду к надежде и ожиданиям на становление себя как успешного общества, которое только освободилось от чувства стесненности в правах. Как и отдельная личность, которой мешает какая-то преграда, так и общество перед препятствиями испытает чувство гнева»* [33, с. 14]. Этот гнев стал основой внутренней политики в рамках Палестинского вопроса. С этого момента Палестинский вопрос стал первым пунктом на повестке дня в Турции. Турция была очень эмоциональна по поводу Палестинского вопроса и «Мави Мармара», так как они стали её внутренними проблемами. Поступки также стали окрашиваться в экспрессивные оттенки. Помимо Палестинского вопроса на первое место в ряде правительственных задач Тайип Эрдоган поставил еще Сектор Газа и Хамас. Причина этого в положении Хамас. Будучи исламским понятием Хамас, стал проекцией египетских «Братьев-мусульман» в Палестине. Политическая партия Хамас, которой не управлял Махмут Аббас, получила в Палестине около 60% голосов. Сразу же после этого ХАМАС укрывшись в секторе Газа, неофициально формирует там государство и разделяет Палестину на две части. В Израиле на Хамас постепенно оказывали давление, снабдили оружием. Для западного мира Израиль представил Хамас как террористическую организацию. В этот момент в события вмешалась Турция. Исламистское прошлое и независимая политика ПСР позволила взглянуть на Палестинский вопрос глазами Хамас. После события на корабле «Мави Мармара» Палестинский вопрос стал основой во внутренней политике, продвинувшись вперед на один шаг, превратился в «вопрос чести» в израильско-турецких отношениях. С этих пор Турция начинает терять инициативу. Израиль

начал настраивать мировое сообщество против Турции. Причина притеснения Турции кроется в разнице места, откуда велось наблюдение за развитием события и местом происшествия. Турция смотрела на событие с позиции Хамаса. Подобно тому, как мировое соотношение сил на момент кризиса было не установлено, так и Турция, не являясь изначально на мировой политической арене лидирующей страной, не смогла прийти в конце к желаемому результату. Президент Палестины Махмут Аббас был выведен из игры. Это с позиции Турции стало поводом встать на сторону Палестины в решении её внутреннего вопроса. Последовало сближение с Палестиной. Затем Турция возьмет на себя роль рефери, а Палестина проявит старание в установлении равновесия. В палестинском вопросе целью стало сузить территорию Израиля, открыть новые территориальные сферы для Турции и передать инициативу в вопросе в руки Палестины. Наконец такая возможность представилась, была предпринята попытка. Израиль же сохранил свои территории.

В результате ПСР привела Турцию к поборничеству в Палестинском вопросе. С другой стороны прослеживалась доброжелательная политика по отношению к Хамас. В политике на Среднем Востоке Турция при погружении в исламский и арабский миры проложила себе дорогу особенно в народных кругах. Однако на уровне руководства такого не было. Внешняя политика Турции находилась под давлением. В подобном положении находились и лидирующие страны США, Россия и ЕЭС. Тот факт, что данные страны приняли сторону Израиля в Палестинском вопросе, стало для Турции поводом к формированию так называемой политики «обособленности», вызывающей споры все последующие годы. Если посмотреть на событие «Мави Мармара» с точки зрения результативности, то можно отметить возникновение неуправляемого кризиса в Турции, преобладание государственной внешней политики, *«политики, на которую сильно повлияла*

исламистская специфика» [34, с. 36] над гражданской инициативой и личностными верованиями.

Несмотря на всё это, если дискуссировать на тему достижений активной внешней политики Турции на Среднем Востоке, можно заметить намерение занять лидирующую позицию, и отсутствие его осуществления. Однако Турция взошла на политическую арену как определяющая сила. С тех пор Турция вела более активную и ревностную политику на Среднем Востоке. Несмотря на все отрицательные или спорные моменты, даже если учесть расплату за свою неопытность на Среднем Востоке, при оптимистичном взгляде, Турция получила большой опыт в международном кризисе. Одного не стоит забывать, будучи сторонником на Среднем Востоке, нужно быть готовым ко всякого рода кризисам. И действительно, такой кризис случился в Египте.

Братья-мусульмане, Египет и ПСР

Во время правления ассоциации «Братьев-мусульман» в Египте было обнаружено влияние исламизма, подобное тому, что было во внешней политике Партии справедливости и развития. Появившееся в период политической деятельности «Братьев-мусульман» и с приходом к власти Мурси, явление Арабской весны[1] началось в

[1] Явление **Арабской весны** явление спонтанное. Изучая феномен Арабской весны, я изначально употреблял слово осень, а не весна. Причина этого в том, что начиная с 1928 года, наблюдалось стремление ослабить область во время Арабской весны, контроль над которой осуществляли исламистские организации. В умах англосаксов не укладывались события в Тунисе. Но после событий в Алжире и Ливии, ситуация была взята под контроль. Египет является доминирующей страной в Арабском мире. Когда события перекинулись в эту страну, Запад пустил «Арабскую весну» по пути системного опустошения. Ни одно движение в мире не длилось 17 дней и не заканчивалось одномоментно на следующий день. Классический пример стихийности народных движений это Французская революция или революция в России. Природные скопления идут по пути неконтролируемого взрыва и постепенного ослабления. В Египте же существовало скопление, была проложена дорога к взрыву, который, однако, находился под контролем. Там же у власти находилась ассоциация «Братья-мусульмане», но править она была не в состоянии. Политическая структура, пришедшего к власти после Мурси, Сиси схожая со структурой Мюбарека, которого освободили, признав его невиновность, и события в Египте, которые даже не называли

Тунисе в 2010 году, с самосожжения безработного молодого человека по имени Мухаммед Буазизи, как ответной реакции на выражение Свободы существующего руководства и политической деградации. За короткий срок это движение обернулось народным митингом, обращенным к Зейнель Абидин Бин Али, который управлял Тунисом на протяжении 23 лет. Так же стремительно события перекинулись в Алжир, Ливию и, наконец, в Египет. События «Арабской весны», особенно начиная с 1928 года, нахлынувшие на страны Среднего Востока, проложили путь к власти исламистских движений. До «Арабской весны» понимание плюралистической демократии сделало необходимым обладание мандатной системы на территории Среднего Востока. В конце концов, наплыв исламистских движений обеспечил фундамент для их правления. «Арабская весна» в Египте также закончилась свержением Мюбарека и приходом к власти «Братьев-мусульман».

На первом этапе восприятия Арабской весны в Турции возникли сложности, но уже в событиях в Ливии, связанных с Каддафи, она, быстро осознав происходящее, приняла сторону народа. Такое поведение, однако, в полном смысле этого слова спровоцировало политический кризис во взаимоотношениях Турции и Египта. Где в

переворотом говорили о том, что всё исполнялось под контролем Запада. Как показали последние исследования целью «Арабской весны» является прекращение действия столетней мандатной системы. В связи с чем, концепции, сформировавшие данную систему, показали на примере Египта, что будут использоваться все средства, чтобы не допустить прекращения её действия, для её дальнейшего существования. В этом отношение и с точки зрения этичности место положения Турции правильное, а вот методы и стиль ошибочные. Поэтому Турция и не могла добиться результата в вопросе Египта. Это мы проанализируем в дальнейшем. В последнем исследовании «Арабская осень» закончилась, а события «Арабской весны» сигнализируют о своём подходе, поднимаясь высокой волной вдали, оповещают, что окажется перед нами через 10 лет. Зарождение этого явления не нужно торопить, всё должно происходить естественным путем. Прибывающая волна окажет огромное влияние на формирование многих демократических структур на Среднем Востоке, и тогда у Турции появится возможность. И если действовать не от лица индивидуума, а от лица государства, то возможно появится результат.

2012 году во время правления Мурси, к власти приходит ассоциация «Братья-мусульмане». Набрав на выборах 52% голосов «Братья мусульмане» не способны были *«управлять страной, несмотря на то, что были у власти».* При власти Мурси, наблюдались тесные турецко-египетские отношения. *По причине того, что основатели ПСР были выходцами из «Национального взгляда», который являлся исламистским движением, в Арабском мире и в Египте исламистскую Партию справедливости и развития стали воспринимать и принимать как близкую партийную модель. Светские слои общества сблизились, хотя и с большей осторожностью* [35, с. 160]. В то время как это играло положительную роль при власти исламистского крыла, во время правления Сиси со светскими убеждениями значение вышеизложенного фактора изменилось на противоположное. С другой стороны Турция не смогла рассчитать силу и мощь США в египетской армии. 28 января в Турции памятуется переходом на карточную систему. ПСР расписала план расплаты за несправедливость «Братьям-мусульманам». Самым ярким событием в период правления Мурси стало формирование «*гражданского кодекса»* [36]. Конституция Мурси написана с принципом амплитуды от всеобъемлющего обладания египетским обществом до его социализации с другими обществами. Правление Мурси длилось один год. За этот год он постарался провести десятилетние мероприятия. Обилие осуждений [37] от существующих коридоров власти и противостояние зарубежных сил пришлись на время его правления. С тех пор ПСР стала стремиться повлиять на Мурси в его процессе управления. По мере того, как 28 февраля Партия благосостояния не получила власть, Турция начала вмешиваться в события в Египте. Египет не Турция, а «Братья-мусульмане» не Партия Благосостояния. В процессе формирования гражданского кодекса наряду с ликвидацией секуляристов, мусульмане сунниты Египта, играющего роль в международном соотношении сил, придерживались не

вмешательства в равновесие сил на Среднем Востоке, поддержания имеющейся политической структуры. Был устроен переворот против Мурси. К власти пришёл Сиси. Мы становимся свидетелями того, что Запад *«не называет происходящие события словом переворот»,* тот же основатель концепций, что на всем Среднем Востоке (Англия, США)не позволяет Арабской весне превратиться в революционное действие противостояния. В процессе переворота в Египте произошло подавление движения исламистов-суннитов. Правительство Турции стало восприимчивее в связи с налаживанием тесных контактов ПСР в Сирии и свержением Мурси в результате переворота. В вопросах политической власти все чаще стали переходить на личности. Похожая ситуация была замечена в отношениях с Сирией. Выстраивание там политики сначала вместе с Асадом, а потом против него и после его свержения, показали наглядно, что Давутоглу и Эрдоган по-разному интерпретируют события. Похожий на те, что защищают в Ливии и Египте, принцип Давутоглу с точки зрения этики заключался в непосредственной близости к народу. А Эрдоган в своих концепциях придерживался эмоциональной точки зрения, раскритиковав, случившееся с Мурси и произошедшие с Эрбаканом события 28 февраля. Премьер-министр Эрдоган воспринял переворот в Египте, как совершенный против себя. Личные, исламистские поступки и понятия были интерпретированы как государственные принципы Турции. После свержения Мурси турецко-египетские отношения прекратились. Египет обвинил Турцию в интервенции во внутренние государственные дела. В результате личные чувства вновь возобладали над политикой государства. В ноябре 2014 года на этот раз в качестве президента Турции Эрдоган выступая на заседании ООН в Нью-Йорке, и обращаясь к Генералу Сиси, провалил попытку наладить взаимоотношения между двумя странами. В это время в декабре 2014 года свергнутый диктатор Мюбарек обжаловал свой приговор. Это говорит о том, что стрелки на Среднем востоке все еще были повернуты в сторону диктатуры.

За это время в турецко-египетских отношениях политически свободный исламизм и индивидуальный образ поведения стали определяющими факторами. Вначале Арабской весны большинство высказываний, принадлежащих Турции, которые были изложены в защиту демократии, были взяты за основу в политике стран Среднего Востока. Однако впоследствии Турция превратилась в государство-мишень для Арабских стран.

Заключение

С приходом к власти Партии справедливости и развития в 2003 году во внешней политике Турции зародилось новое явление. Это явление носило длительный характер на протяжении всей истории. Понятие, которое опирается на такие социальные гены, как религия, история, культура и язык народа, служило для постепенного обретения Турцией сначала региональной, а затем всемирной силы. И хотя в дипломатическую историю, касающуюся отношений с соседями, вошли такие понятия как «принцип нулевых проблем», «ритмичная дипломатия», наблюдается различное проявление их в действии. Вплоть до 2009 года основное распределение сил в мире, в особенности отстранение Обамы от Среднего Востока, смена политического направления США и ориентировка на Тихоокеанский регион, привнесло в турецкую внешнюю политику новые принципы, воплощенные в жизнь. В близлежащих регионах Турция вещала, но воплотить свою деятельность так и не смогла. Турция вначале шла за Балканами, а затем её позиция весьма конкретно была обращена к Среднему Востоку. До Арабской весны авторитет Турции повысился скорее среди народных масс, нежели среди руководящего правительства стран Среднего Востока. И Давосский кризис, который был изучен в нашей статье, стал своего рода христианской эрой или точкой отсчета в данном процессе. В центре исторических фактов, повлиявших на обращение Турции в сторону Среднего Востока, была основная идея. Пожалуй, это была Палестина. Целью политики в

Палестине было завоевание общественного мнения арабского мира, решение постоянной проблемы, а также психологическая победа или ограничение несломленной силы Среднего Востока – Израиля. До события на пароходе «Мави Мармара» Турция вела счёт, однако после него положение дел во внешней политике страны кардинально изменилось. Первое, что бросается в глаза это кодекс поведения в Арабской весне и Палестинском вопросе. Начиная с 2009 года, изменчивая политика Турции в Сирийском кризисе, стала основной причиной давления на внешнюю политику.

Общая проблема, которая прослеживается и в Палестине, и в Египте, и в Сирии это разница в тактике лиц, определяющих и применяющих политику в управлении кризисом. К тому же, наблюдается влияние старых верований, политических идеологий и манер поведения на личные действия исполнителей.

Если мы посмотрим на внешнюю политику как на футбольный матч, то перед тем как выйти на поле, ожидается достижение результата, которое складывается из тренировок, дисциплины и командной игры. Однако некоторые игроки, выйдя за рамки дисциплины, начинают вести свою игру, забивают гол, что, естественно, нравится зрителям, и тогда начинают полностью играть на трибуну. Успех, которого добивается один из таких игроков в данном матче, в результате поддержки зрителей, становится причиной превращения игры в личное достижение. По прошествии времени все игроки команды, не послушав специалиста по технике, будут стараться передать мяч игроку, который ранее забил гол, чтобы он повторил попытку. После установления рекордного счета тот игрок заменяет специалиста по технике. А план игры настоящего специалиста по технике и цели команды тогда будут сильно разниться. Данный пример полностью обрисовывает картину внешней политики Партии справедливости и развития к концу 2013 года.

Принцип региональной значимости Турции продвигался. А вот действия по данному принципу явно отставали. Громкие выражения

настораживали лидирующие страны Среднего Востока. Турция путём ошибок поняла, что при выстраивании политики следует руководствоваться не чувствами, а разумом. Стратегия действий по отношению к другим странам персонифицирована. Международные связи находятся под замком, которые до сих пор не удалось открыть. Это последствие превращения личных верований руководителя политической партии в принципы всей партии и страны. Но эти принципы не могут противоречить установленным основным видениям страны. Политическая власть обязана претворить в жизнь данные видения.

В результате, несмотря на все отрицательные стороны во внешней политике, проводимой правящей Партией справедливости и развития, Турции приобрела бесценный опыт. Насколько повлияло личное поведение лидеров на политику страны видно в разрезе прошедших событий. В период правления ПСР в результате эпизодического смешивания внутренней и внешней политики и ведения десятилетиями пассивной внешней политики, Турция, предпринимая активные шаги, по неопытности оказывалась в затруднительных положениях. Несмотря на отрицательные стороны, все пережитое следует воспринимать как приобретенный опыт. И несмотря на всё внешняя политика Турции, с большим трудом, но продолжает идти к своей цели. Этого не стоит забывать. Турция не имеет право упускать это столетие.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Аптюлахат Акшин**. Принципы и дипломатия во внешней политике Ататюрка, Анкара 1991.
2. **Мехмет Гёнлюбол**, **Джем Сар**. Ататюрк и внешняя политика Турции (1919-1938), Анкара 1997.
3. **Тюрккайя Атаёв**. Америка, НАТО и Турция, Анкара 1969.
4. **Мехмет Сарай**. Перед лицом советской угрозы. Вступление Турции в НАТО. Воспоминание и документы третьего президента республики Джеляля Байяра, Анкара 2000.

5. **Камран Инан**. Турция, которая может сказать нет, Стамбул 1995.
6. **Хюсейн Багджи**. 1950-е годы в турецкой внешней политике, Анкара 2007.
7. **Кемал Карпат**. История Внешней политики Турции, Стамбул 2012.
8. **Ахмет Давутоглу**. Стратегическая глубина. Международный вопрос Турции, Стамбул 2011.
9. **Шериф Мардин**. Политические точки зрения младотурков 1895-1908, Стамбул 1992.
10. **Жезми Эрсалан**. Абдулхамид II и исламское объединение, Стамбул 1992.
11. **Алаэддин Ялчинкайя**. Джемаледдин Эфгани, Стамбул 1995 .
12. **Джемаледдин Афгани**, **Мухаммед Абдих**. Великая борьба за свободу мусульманства Джемаледдина Афгани. (перевод Ибрагим Айдын), Стамбул 1987.
13. **Бекир Гюнай**. «Деятельность Мухаммеда Александра Рузелла Вэбба в США в рамках панисламистской политики Абдул-Хамида II» // XIV. Конгресс, посвященный турецкой истории, Анкара 9-13 сентября 2002 г. Представленные на конгрессе выступления. II том, часть 2.
14. **Тарык Зафер Тунайя**. Западнические направления в политической жизни Турции, Стамбул 1996.
15. **Шериф Мардин**. Феномен личности Бадиуззаман Саида Нурси, повлекшей изменения в религиозной и общественной жизни Турции, Стамбул 1992.
16. **Акиф Эрсой**. Модернизировать или исламизировать? , Стамбул 1983.
17. **Исмаил Кара**. Мысли об исламизации Турции, материалы/люди, II, Стамбул 1989.
18. **Ясин Актай**. «Изучение списка личностей, относящихся к исламу и политической деятельности в Турции». Избранные культурные и политические сведения на изменчивом Среднем Востоке, Анкара 2012.
19. **Сейид Кутуп**. Справедливость в Исламе, (перевод Яшар Тюнагёр, доктор Аднан Мансур), Стамбул 1962.
20. **Зейтун Рефреф**. Как воспринимать Иран, Анкара 1986.
21. **Хамид Алгар**. Истоки исламской революции, Стамбул 1988.
22. **Али Шериати**. Возрождается ли капитализм, Стамбул 1986.
23. **Ибрагим Кафесоглу**. Турецкий исламский синтез, Стамбул 1985.
24. **Сейид Шаббир Хюсейн**. Советская оккупация Афганистана, (Перевод Исмаил Босналы, Абдуллах Арслан), Стамбул 1982.
25. **Али Яшар Сарыбай**. Модернизация Турции. Религия и политика партии. На примере явления Партии национального спасения, Стамбул 2008.
26. **Эргюн Йылдырым**. Взгляд на светскость исламизма в Турции, Избранные выступления по культуре и политике на Среднем Востоке, Анкара 2012.
27. **Кемал Карпат**. История турецкой демократии. Социальные, культурные и экономические основы, Стамбул 2008.

28. Кемал Хабиб. «Экспериментальная дискуссия турецких исламистов в Аравийском районе», Избранные выступления изменчивая культура и политика на Среднем Востоке, Анкара 2012.
29. Неджметтин Эрбакан. Проблемы Турции и пути их решения, Анкара 1991.
30. Бурджу Сунар. Определения концепций внешней политики Партии Справедливости и Развития; Исследование сводки по Турции // Журнал Университета Сулеймана Демиреля Факультета экономики и развития. 2013. Том 18, № 3.
31. Кемаль Карпат. От Османской империи до наших времен. Элита и религия, Стамбул 2009.
32. Тарык Огузлу. «Изменчивая динамика развития турецко-израильских отношений» Анализ Среднего Востока, Апрель 2009, том 1, номер 4.
33. Абдулкадир Чевик, **Бахар Сенем Чевик Эрсайды**. «Психо-политический фактор и общественное мнение в турецко-израильских отношениях», том 5, №2, 2011.
34. Тарык Огузлу. «Кризис в турецко-израильских отношениях и политика «соотношение сил», Анализ Среднего Востока, сентябрь 2011, том 3, №33.
35. Ахмет Уйсал. «Восприятие Турции в Египте до революции (2005-2010)», Журнал академических исследований, том 6, № 2 (2011).
36. Газета Star, от 15.12.2012 г.
37. Mursi'nin 369 gün süren iktidarında neler oldu? URL: http://t24.com.tr/haber/mursinin-369-gun-suren-iktidarinda-neler-oldu,233511.

УДК 341.23=111

Fatih Macit (Фатих Маджит)

AN ECONOMIC PERSPECTIVE FOR TURKISH STREAM (ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА ТУРЕЦКОГО ПОТОКА)

Introduction

Russia's President Vladimir Putin's visit to Ankara on December 1, 2014 came with a big surprise for energy markets. Putin announced the cancellation of the South Stream project which was planned to transport natural gas to southern Europe without crossing Ukraine. Although there were significant objections from the EU side for South Stream, Russia appeared to be very tenacious for the project and has already spent more than 5 billion dollars on the on-shore part of the project. The South Stream project had become much more important after the recent tension with Ukraine as almost half of the gas transported to EU is passing through Ukraine. In 2014, Russia sold 147 billion cubic meters (bcm) of natural gas to Europe and more than 60 bcm of that had been transported through Ukraine. A cutoff in supply due to the tension in Ukraine is particularly dangerous for some Eastern European countries that heavily depend on Russian gas in terms of their total natural gas consumption. An important feature of these countries like Poland, Czech Republic, and Slovakia, is that their economic growth rates are bigger than the European average. Therefore, a new pipeline project that will bypass Ukraine would play an important role in ensuring the security of energy supply and sustainable economic growth for these countries.

The cancellation of the South Stream project does not mean that Russia will continue with the current transportation infrastructure in terms

of natural gas exports to Europe. In the same visit, President Putin announced a new pipeline project, namely Turkish Stream that will pass through Turkey, Greece and then will transport natural gas to Europe. The total planned capacity of the new pipeline project will be 63 bcm and the initial gas flow is expected to occur by December 2016. Although the initial capacity will be slightly higher than 15 bcm, eventually the gas flowing through this route will replace the pipelines that are carrying gas to EU by crossing Ukraine. With other supply sources including the Azeri gas coming through TANAP, Russia is also planning to establish a gas hub at Turkey-Greece border. This seems to be very important in terms of Turkey's ambition to become an energy hub.

In this paper, an economic perspective will be provided for this new pipeline project in terms of both EU and Turkey. In particular, a demand and supply analysis will be presented in order to decide whether EU and Turkey needs such a big project taking into account the efforts of both sides in ensuring supply diversification and a more competitive market for natural gas. Section 2 gives an overview of demand and supply dynamics for EU natural gas market. Section 3 provides a perspective for Turkish natural gas market and provides an insight for the importance of the new pipeline for Turkey. Section 4 concludes.

Eu Natural Gas Market Dynamics

As the new pipeline project is expected to ensure a secure supply of natural gas to European market, it will be useful to present an overview of demand and supply dynamics in EU in order to provide an economic perspective for this project.

The analysis of the natural gas consumption of EU over the last decade shows a relatively flat pattern. As can be seen in Figure 1, although the consumption of natural gas has increased up to 497.1 bcm in 2010, the total consumption by the end of 2013 is at a level which is less than the one in 2000. Three factors have played an important role in the observed pattern for natural gas consumption in EU. The economic stagnation that

has been observed in the region since the 2008 global financial crisis has put a significant downward pressure on natural gas consumption. As it is seen in Table 1, the average economic growth rate in EU-28 for the period 2000–2007 was 2.51%. During this period the natural gas consumption of the region has increased by almost 10%. However, during the period followed by the global financial crisis, the average economic growth rate has been realized as – 0.13% and during this period natural gas consumption of the region has declined by 12.9%. Therefore, one can certainly attribute the decline in the natural gas consumption of EU to the slowdown in economic activity.

***Figure 1**: Annual Natural Gas Consumption of EU28 (Source: Eurostat)*

A second important factor that has created a downward pressure for the natural gas consumption of EU has been the increased use of renewables. By the end of 2004, the share of renewables in gross final energy consumption was 8.3%. In eight years' time, due to the generous subsidies that are given to the industry, the use of renewables has steadily increased and by the end of 2012 the share of renewable energy in gross final energy consumption has reached to 14.1%. Estimates reveal that renewable energy is in the first place among other energy sources in terms of substituting natural gas consumption. Macit (2013) shows that a one

percentage point increase in the share of renewable energy is expected to generate a 5.19% decline in natural gas consumption for EU. Therefore, the rapid rise of renewable energy has created a significant downward pressure for the natural gas consumption of EU.

***Table 1**: Average Economic Growth Rate for EU (Source: Eurostat)*

	2000–2007	2008–2013
European Union (28 countries)	2,51%	- 0,13%
European Union (27 countries)	2,28%	- 0,12%
European Union (15 countries)	2,12%	- 0,25%

***Figure 2**: Share of Renewables in Gross Final Energy Consumption (Source: Eurostat)*

Improvement in energy efficiency is the last important factor in explaining the relatively flat pattern in EU natural gas consumption since 2000. Energy intensity which is measured by gross inland consumption of energy divided GDP has declined by 11.1% during the period 2000–2010. The developments on the energy efficiency side have generated a downward pressure not only for natural gas consumption but other fossil fuels as well.

Although European natural gas demand has been in a declining trend since 2010, the region still meets almost 50% of total consumption by

imports. About 15% of total gas imports are composed of LNG and the rest is transported via pipelines. In terms of LNG imports Qatar, Algeria, and Nigeria are the main suppliers to European markets and Spain, France, Italy, and UK are the main buyers of LNG. Russia plays the dominant role for the pipeline imports and more than 30% of total gas consumption of the region comes from Russia. For some Eastern European countries this dependence on Russian gas reaches to 100%. The other pipeline import to EU is coming from Algeria and Libya and is serving to Italian market.

In order to analyze the future role of Russian gas in European markets and the importance of the new pipeline project, namely Turkish Stream one needs to make projections about future gas import demand of EU. There is a huge amount of variation among the projections that are made for the future gas demand of Europe. Assumptions about future economic growth rate of the region, improvements in energy efficiency, future contribution of other energy sources, in particular nuclear power and renewables, all play a role in the variation of future demand projections. Smith (2013) makes a meta-analysis for projecting EU natural gas demand up to 2030. He analyzes 24 different projections that are made by different institutions including European Commission, the International Energy Agency, the U.S. Energy Information Administration, and some major energy companies. The author finds for 2020 the difference between the highest projection and the lowest projection is 190 bcm and the number goes up to 248 bcm for 2030. There are some very optimistic expectations about future natural gas demand of Europe which claim that by 2030, the total gas consumption of the region may become close to 700 bcm. On the other hand, there are some very pessimistic projections which expect the gas demand to be lower than the level that was observed in 2010.

Although there is a large variation among the projections for EU natural gas demand by 2020 or 2030, there is a consensus that the domestic gas production of the region will decline. Norway, Netherlands, and UK are the three largest natural gas producers in the region and they meet almost half of the total gas consumption of the region. UK gas production

has been in a declining trend since 2000 and the projection for Norway is that the gas production in 2030 will be less than today. Therefore, even under a very moderate growth rate scenario, the natural gas import demand of Europe will significantly increase by 2030. According to BP Energy Outlook 2035, the dependence on imported natural gas will reach to 75% for EU by 2035.

An important question that needs to be answered at this point is about how Europe will meet this increased import demand for natural gas taking into account the efforts for supply diversification. In terms of additional LNG imports there is still some potential for Europe. The region has a very large LNG regasification capacity and the current utilization rate is around 30%. Large LNG producers in the world like Qatar, Algeria, and Nigeria may continue to become important suppliers to the region and they have the potential to increase their supply. However, LNG market is expected to grow at a faster rate in Asia-Pacific and due to more attractive prices the increase in supply to European markets might be limited.

The next additional gas supply for meeting increased import demand will come from Southern Corridor. This project has been in EU's agenda since early 1990s and the initial aim of the project was to transport Turkmen gas to European markets. This aim has never been realized but recently Turkey and Azerbaijan has initiated the Southern Corridor idea by the development of Trans-Anatolian-Pipeline (TANAP) project. The proposed pipeline is planned to transport natural gas from the Shah Deniz field of Azerbaijan and the first gas flow will occur in 2019 with a capacity of 16 bcm. Turkey will get 6 bcm of this amount and the remaining gas will go to Italian market passing through Greece, Albania, and Adriatic Sea. Although the initial amount seems to be very small, there is projection that this route might be supported with other sources including the gas supply from Northern Iraq, Eastern Mediterranean, and possibly Turkmenistan. Therefore, by 2030 the gas coming through Southern Corridor has the potential to meet a significant part of total consumption in EU. Taking into account the efforts of EU in terms of ensuring supply

diversification in the natural gas market, this project appears to have a priority for Europe. However, these developments do not mean that European countries will significantly eliminate their reliance on Russia and the new proposed pipeline project will become economically infeasible. As it is mentioned before, even under a very moderate growth scenario, the dependence of Europe on imported natural gas will significantly increase over the next two decades. Additional LNG supply and the gas coming through Southern Corridor will help in meeting this increased import demand and will provide supply diversification to EU countries. However, Russia will probably continue to be the main supplier to European markets. The new gas supply coming from the Caspian and the Middle East through Southern Corridor could meet the additional import demand in the coming years and might reduce the market share of Russia in European markets. However, in absolute terms the amount of natural gas supplied by Russia will not change and the new pipeline project, namely Turkish Stream will play an important role in terms of ensuring supply security for Europe. Some Eastern European countries have experienced a cutoff in supply in the past due to the problems between Russia and Ukraine and therefore, Turk Stream is going to become more important in the future in terms of bypassing Ukraine and directly supplying gas to European markets. Besides that the new project means increased investment in some European countries, in particular Greece, who is facing significant economic problems over the last couple of years. In this regard, Turkish Stream will provide an additional investment spending and generate employment in Greece and other countries that it passes through.

Implications For Turkey

The analysis revealed that Turkish Stream will play an important role in energy future of Europe by providing a secure supply of natural gas. At this point it is also very important to understand the implications of the new pipeline project for Turkey. For this purpose a similar demand and supply analysis will be made for Turkish natural gas market.

Turkey has been one of the fastest growing countries in the world in terms of natural gas demand. During the period 2000–2013, the gas consumption of Turkey has more than tripled and increased from 14.6 bcm to 45.6 bcm. There are a couple of factors that are responsible for this very rapid increase in natural gas consumption. First of all, the economic boom that Turkey has experienced over the last decade has created an upward pressure in natural gas demand of Turkey. Although the economic activity has significantly slowed down during the 2008 global financial crisis, the average economic growth rate for the period 2002–2013 has been 5.1%. By the end of 2013 about 71% of natural gas that is consumed in Turkey is used in the electricity production and in the manufacturing industry. Therefore, an increase in economic growth rate generates a rapid boom in natural gas demand as well.

***Figure 3**: Natural Gas Consumption of Turkey*
(Source: BP Statistical Review of World Energy)

The second important factor that has contributed to the sharp increase in the natural gas demand for Turkey is the rise in the penetration rate. More than 20% of the total gas that is consumed in Turkey is used by households. By the end of 2002, the number of cities that have excess to natural gas was only 5. During the last decade, this number has

significantly increased and by the end of 2014, 71 cities in Turkey have natural gas infrastructure. This rapid increase in the penetration rate has generated a boom in the amount of natural gas that is consumed by households.

As the domestic gas resources of Turkey are very limited, approximately 97% of total gas consumption is met by imports. 86% of total imports are transported through pipelines and Russia, Iran, and Azerbaijan are the suppliers of this natural gas. The remaining part of the total import demand is met by LNG imports and Algeria, Nigeria, and Qatar appear to be the main suppliers.

***Table 2**: Percentage Share in Total Gas Consumption of Turkey (Source: BP Statistical Review of World Energy)*

Countries	Percentage Share
Russia	57.5%
Iran	19.1%
Algeria	8.3%
Azerbaijan	7.2%
Nigeria	2.9%
Qatar	0.9%

Turkish Stream project is important for Turkey as well in terms of securing the supply of natural gas. Turkey is currently getting natural gas from Russia via two different pipelines. The first one, which is called Blue Stream, directly transports natural gas to Turkey and almost two thirds of the total gas that is imported from Russia comes through this route. As the Blue Stream directly aims to transport natural gas to Turkey and does not face any transit country risk, it appears as a very secure supply of natural gas to Turkey. The second pipeline that transports natural gas from Russia to Turkey passes through Ukraine, Romania, and Bulgaria and comes to the West border of Turkey and supplies natural gas to Western Thrace including Istanbul which has a total gas consumption of 5 bcm per year. Turkey gets 10 bcm of natural gas annually from this pipeline. This route

has the potential to experience a cutoff in supply due to the high consumption of other transit countries and a very recent decline in supply has been seen in late 2014. Therefore, the development of the Turk Stream project will eliminate Turkey's need to get natural gas from this line. As it is the case in the Blue Stream, Turkey will be directly getting natural gas from Russia without any transit country risk and will also enjoy transit country fees that will obtained for the natural gas that is transported to Europe. Becoming an energy hub and a transit country Turkey will also be able to bargain over the gas prices as the current oil indexed contracts with Russia are expiring by mid-2020s.

Combined with the TANAP project which has a very high priority for Turkey, Turkish Stream project will serve to the interest of Turkey for becoming an energy hub. There will be a 10 bcm of natural that will be transported through TANAP to European markets by 2019 and this route is expected to be supported by additional supply in the future including the gas coming from Northern Iraq, Turkmenistan, and Eastern Mediterranean. When the 63 bcm of natural gas that will come from Russia is added into this picture, Turkey will be a transit country that will be meeting more than 20% of total gas consumption of EU. However, there is one important aspect of this new project that Turkey needs to be very cautious. The natural gas consumption of Turkey has significantly increased over the last decade and is still expected to show the same upward trend due to its dynamic economy. There are some projections that by 2030, the total gas consumption of Turkey may reach to 75-80 bcm. Taking into account the high perspectives for future natural gas demand, Turkey should pay a special attention to supply diversification. Russia may continue to be a major supplier to Turkish markets and the Turkish Stream project may be an important pipeline in terms of securing the supply of natural gas. However, Turkey should also show effort for creating diverse sources of supply for his increased demand.

Conclusion

The cancellation of the South Stream project and the replacement of that with a new pipeline called Turkish Stream are expected to have important implications for the natural gas markets in Europe and Turkey. With a total capacity of 63 bcm, Turkish Stream is planned to transport natural gas to Europe and Turkey without crossing Ukraine. Combined with other projects including TANAP, the new pipeline will make Turkey an important energy hub and transit country in terms of supplying natural gas to European markets.

Turk Stream also means a secure supply of natural gas to Europe particularly taking into account the tensions in Ukraine. Passing through a more stable country like Turkey who has an ambition to become a member of EU, the new project will increase the energy security of Europe. Additional LNG supply and the gas that will come through Southern Corridor will help Europe in terms of ensuring the diversification of supply. However, taking into account the prospects that the dependence of Europe to imported natural gas will increase, Russia will continue to be a major supplier to European markets. Therefore, Turkish Stream project will ensure the secure transportation of this natural gas to Europe.

REFERENCES:

1. BP (2014). Statistical Review of World Energy.
2. BP. Energy Outlook 2035, http://www.bp.com/en/global/corporate/about-bp/energy-economics/energy-outlook.html (18.02.2015).
3. Eurostat. Database, http://ec.europa.eu/eurostat/data/database (30.01.2015).
4. Macit, F., (2013). A Perspective on Future European Gas Demand. Caspian Strategy Institue.
5. Smith, W.J., (2013). Projecting EU demand for natural gas to 2030: A meta-analysis. Energy Policy 58, 163-176.

УДК 341.23=111

Fatih Özbay (Фатих Озбай)

DISCUSSIONS ON THE RECENT AXIS SHIFT IN TURKISH FOREIGN POLICY AND RELATIONS WITH RUSSIA (ОБСУЖДЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ СМЕНЫ НАПРАВЛЕНИЯ В ТУРЕЦКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ И В ОТНОШЕНИЯХ С РОССИЕЙ)

INTRODUCTION

Turkey, preferring to establish close relations with the West while the world was being re-structured after the Second World War, determined its foreign, security, and defense policies according to this choice. As a NATO member since 1952, Turkey emerged as a loyal and reliable ally of the West in military and technical sense. Turkey has been struggling to become an EU member since 1959 to supplement this choice in political and economic areas as well. When the Cold War ended in 1992, Turkey passed on to a different period in which Turkey was discussing its potential place and role in the new world order.

Discussions on where should be the strategic place of Turkey in the international arena began to be expressed aloud in the beginning of 2000s. The discussions has generally focused on Turkey's overview of its strategic tendency and setting new partnerships. Most frequently uttered opinion is that Turkey must look for a new formation that covers Russia and Iran. We can say that the discussions mainly stem from the dissatisfaction of Turkey as it has been waiting at EU's door since 1959.

The first statement about this issue, maybe at the highest level, was made in 2002 by General Tuncer Kılınç, National Security Council

Secretary General. General Kılınç, taking the floor in the symposium titled "How to Create a Peace Zone around Turkey?" organized by the Military Academy Command of General Staff in İstanbul, said, "I find it useful for Turkey to look for a new formation that comprises Russia and Iran because Turkey has not received even the slightest assistance from the EU." [1] This statement was discussed for a long time in the Turkish public, and then Prime Minister Bülent Ecevit explained in a television program that these statements are the personal ideas of General Kılınç, Turkey has positive relations with the EU, if serious problems emerge in the future, Turkey will take measures accordingly, but it has not plunged into such a quest today [2].

Thoughts about Turkey's establishing closer relations with Russia and Iran had already been expressed for a long time by some left parties like the "Labor Party" and pro-Eurasianists [3, p. 9–16]. However, unlike others, it should be noted that these groups had an anti-USA rather than an anti-EU approach. These people were talking about a Eurasian bloc including countries such as Russia, Iran, China, India and Turkey as an alternative to the Trans-Atlantic bloc under the USA leadership.

JUSTICE AND DEVELOPMENT PARTY (AKP) ERA

Struggled with coalitions, political and economic crisis throughout 1990s, Turkey started 2000s with a strong one party rule. Justice and Development Party (AKP), established after the economic crisis in 2001 and participated in the elections for the first time under the leadership of Recep Tayyip Erdoğan, came to power by taking 34.63% of votes in November 2002. In the early years of the AKP government, policies of the party were always approached with suspicion by the seculars and the army due to the political-Islamist roots of its founders. During these years, AKP became a party acting in fear to be closed any time, but it won the elections by increasing its votes. This pressure on the AKP government continued until the warning known as "electronic-memorandum" of the army on April 27, 2007. For the first time in the Turkish political life, a political

party raised its voice instead of remaining silent against the warning of the army, which is the most powerful institution of the country.

Erdoğan attached great importance to relations with the EU in the first years of the AKP rule. Progress made in the relations with the EU between 2002 and 2006 was more than almost all previous governments could achieve. On December 17, 2004 it was decided that negotiations between the EU and Turkey would start on October 3, 2005. New chapters were opened in the negotiations. Turkey founded the "Ministry for EU Affairs" specifically responsible for the relations with the EU. A "Chief Negotiator" who is primarily in charge of the EU negotiations was appointed. By developing relations with the EU, Erdoğan insured himself and his party against the outside world approaching suspiciously to his policies, against the seculars of the country and the army.

Turkey eliminated the negative effects of 2001 economic crisis via the measures taken, and reached a high growth rate in the AKP era. GDP and foreign trade volume began to increase and the country began to receive foreign investors and foreign capital. Great investments in infrastructure started. This situation was reflected on the general welfare of the country in a positive way. In these years, Turkish foreign policy started to play a very active role from the Central Asia to the Middle East, from the Balkans to Africa. The negotiator role and the constructive policies of Turkey in regional crises and conflicts were remarkable. As an Islamic country enjoying the closest relations with Europe, Turkey's such policies were being followed carefully and in appreciation by other Muslim countries. Even in this period, Turkey was regarded as a potential model for these countries.

Erdogan and his party, living fear of closure in the first years, became so self-confident to have full control in the country after the consecutive success in the elections. After that, Turkey under the leadership of Erdoğan became more demanding in Turkish foreign policy. The first address was, of course, the EU which kept Turkey waiting at its door for almost 60 years. Relations with Russia and Iran further developed. Turkey, sharing

common history, geography, and culture with the countries of the Middle East, Balkans, and Africa in the Ottoman Empire era, began to direct its attention to these countries.

Developments after 2002 ignited the "Neo-Ottomanism" discussions, and then comments on the "axis shift" in Turkish foreign policy emerged. In this sense, rejection of the motion about the use of Turkish territories by the USA after September 11, 2001 before the invasion of Iraq on March 1, 2003 by the Grand National Assembly of Turkey, gave rise to the debates about the axis shift. Close political, trade, and energy relations developed with Russia made the foreign policy of Turkey, a NATO member, more attractive.

THE DEBATES ON THE AXIS SHIFT

Since the second half of 2009, the number of comments, articles and columns asserting that Turkey turned its face towards the South (the Middle East) and the East (Asia) by growing away from the Transatlantic system, and also indicating that Turkey was in a process of axis shift, increased to a great extent in leading newspapers and journals of the Western world [4]. The policy pursued by Turkey about Iran's nuclear work in the 2009-2010 period when Turkey was a temporary member of the United Nations (UN) Security Council supported those ideas. Although Iran was accepted to deliver enriched uranium to Turkey in exchange for the delivery of fuel rods via Turkey, which are necessary to operate its nuclear reactors, within the framework of Iran's nuclear program in June 2010 with the mediation of Brazil and Turkey; USA changed its mind and an embargo decision was taken against Iran. Turkey drew attention by voting "no" to this decision at the UN Security Council [5, p. 25]. Another crucial step came out in the fall of 2013 when statements were made indicating that Turkey would buy missile defense system from China. All of these developments were regarded as the signs of an axis shift in Turkish foreign policy.

The development that heated up the debates about the axis shift in Turkish foreign policy occurred in 2011. Turkey applied to the Shanghai

Cooperation Organization (SCO) to gain the Dialogue Partner status on March 23, 2011. Turkey's application for the Dialogue Partner status was approved at the Summit of Heads of State of the organization on June 6–7, 2012. Since that date, Turkey-SCO relations remained on the agenda.

The issue of Turkey's membership to SCO was first brought to the agenda with the statements of Prime Minister Recep Tayyip Erdoğan during the visits especially to Russia. The issue is still discussed in Turkish public. We can say that the most important reason behind the foundation of SCO was to respond to the unipolarity debates beginning immediately after the Cold War and to react to the policies pursued by the USA. Although the issues such as border security, international terrorism, separatist movements, radical movements and human trafficking are listed among the foundation goals of the organization, it is known that the main purpose is to create a powerful alternative and an effective bloc against the US-led West. It is often called as "the NATO of the East" [6].

Prime Minister Erdoğan attended a TV program after his visit to Moscow on July 18, 2012 and said to Putin in a humorous way, "You are making witty remarks about us from time to time. You criticize us for our relations with the EU. Now I am making a witty remark about you. If you include us in the Shanghai Five, we will forget about the EU." [7] Erdoğan expressed this idea again but in more serious tone in the same TV program on January 24, 2013, which kept the issue on Turkish agenda for a while [8].

What makes the discussion interesting was the fact that neither the EU and the SCO are actually equivalent to each other in a structural and functional sense, nor they have any alternative structure to each other. It is controversial whether the organization has the capacity to accept Turkey and whether the members of the organization, particularly Russia and China, are ready for the full membership of a NATO member country like Turkey. In this sense, the fact that Prime Minister Erdoğan often talked about the SCO was interpreted as a message to the EU [9]. In relation to Erdoğan's statements about SCO, US State Department spokesman Victoria Nuland said, "Obviously, when it is considered that Turkey is a

NATO member, that would be interesting." [10] However, neither Kremlin nor the Ministry of Foreign Affairs made any comment on Erdoğan's statements.

Recep Tayyip Erdoğan paid an official visit to S.Petersburg in November 2013 to attend the High Level Cooperation Council which acts as a common Council of Ministers between Turkey and Russia. During his visit, Erdoğan also met with Russian President Vladimir Putin. In particular, the joint press conference made by the two leaders after the visit drew a lot of attention. During the meeting with Putin, Prime Minister Erdoğan brought the issue of SCO to the agenda once again by saying "Make Turkey a member of the Shanghai Cooperation Organization and save us from the EU problem." In this way, the SCO came to the agenda of bilateral relations once again. However Putin made a serious and calm assessment unlike Erdoğan's humorous attitude at the press conference; he said "Turkey's active role in the international arena justifies its participation to international organizations." [11]

How Russia evaluated the possibility of Turkey's full membership to an organization like the SCO opposing to the existence of the USA in the region? Debates on Turkey's membership to the SCO were followed with great interest in Russia as well. Aleksandr Hramchihin, the Director of Russian Institute for Political and Military Analysis, indicated that Turkey made various reforms in foreign affairs within the last years, and it does not seem probable for Turkey to be a full member of to the SCO because the organization has not accepted any country as a full member for a long time [12].

International relations expert Sergey Markov, Advisor and a close associate to President Putin, said "Turkey's full membership to the SCO does not seem probable because of two reasons: First, the SCO has not admitted any country as a full member in recent years, and it does not seem likely in the near future. Second, none of the full members of the SCO is an ally of the USA. However, Turkey is both a NATO member and one of the closest allies of the USA. Under these circumstances, it is not possible

for the SCO members to accept Turkey to the full membership. But the orientation of Turkey, making reforms in its foreign policy, to the Eurasian Economic Community instead of the SCO will be beneficial both for Turkey and the countries in the region." [12]

Aleksandr Dugin, Foreign Policy Advisor to the Duma – the lower chamber of Russian Parliament – and recent representative of Eurasianism, stated that there are two sides in Turkey; one side is pro-Western while the other stands for rapprochement with Eurasian countries. Dugin brought the idea that today pro-Western approach is dominant in Turkey, which eliminates Turkey's chance for full membership to the SCO. On the other hand, Dugin said that Turkey has not received any positive results from the relations with the USA and the EU; therefore Turkey will certainly turn its face to Eurasianism, which means Turkey will be a part of intense political and economic collaboration with the leading countries of the region such as Russia, China and Iran. Dugin also commented that "Although the current pro-Western line in Turkey prevents the country's full membership to the SCO, Turkey has not benefited from the West. Turkey will turn its face to Eurasia on the basis of the facts that European countries are in economic crisis while Eurasian countries are growing. Strengthening economic relations between Turkey and these countries will lead to rapprochement in other areas. As a result, we can say that the pro-Western attitude of Turkey, as observed in the Syrian issue, will change in the future." [12]

The most interesting contribution to the debates on the axis shift in Turkish foreign policy was made by Russian scholar Yulia Kudrashova. Kudrashova argued that Turkey has experienced an "axis expansion" rather than an "axis shift" in the foreign policy [13, p. 50–51]. While the issue was discussed in the newspaper "Argumenti Fakti", it was stated that "Turkey's proposal to SCO is an ordinary blackmail to the EU and the ultimate warning about China." The newspaper emphasized "the danger of establishment of the Turan Union" and noted that "it is no coincidence that a few days after Erdoğan's speech, new steps were taken towards the

establishment of Eurasian Military Union with the participation of Azerbaijan, Mongolia, Turkey, Kyrgyzstan, and Kazakhstan... It is necessary to evaluate Turkey's accession to SCO as dangerous as a Trojan horse."[14] In this regard, some regarded Turkey's act as playing the "Eastern card". [15]

CONCLUSION

In conclusion, as described here briefly, the debates on the axis shift and Turkey's search for alternatives show us that Turkey now pays greater attention to political or economic alternatives than before. Turkey is no longer the old Turkey. Today, Turkish decision makers are more self-confident, they act more bravely to express the alternative orientations in the foreign policy. Turkish public have more debates on these issues. Turkey will be incomplete if it becomes a member only to the EU or SCO. Multi-dimensional Turkish foreign policy is forcing the country to ensure the balance between the East and West, and to develop strong policies.

In Ankara's quest for alternatives, Russia offers significant opportunities to Turkey. It is observed that Turkey has been through an institutionalization phase and gained great experience in Turkish-Russian relations since 1992. The experience in bilateral relations has also great potential in bringing forward cooperation opportunities and preventing the transformation of mutual conflicts into severe discord. Turkey's importance for Russia as a NATO member and a close ally of the West should always be kept in mind. Turkey's such status requires being "realist". On the other hand, in today's uncertainty and instability atmosphere triggered by the regional conflicts around Turkey, the continuation of high level cooperation between Turkey and Russia is critically important. Turkey has not experienced a serious "axis shift" in its foreign policy, but it is certainly going through an "axis expansion". The most important aspect of Turkish foreign policy in the process of axis expansion is undoubtedly taking place with the multi-faceted relations developed with Russia. It is understood that Turkey wants to be a country deciding its own place and role by itself in the new international order of

the twenty-first century. Developing better relations with Russia is quite important for Turkey in terms of gaining self-confidence. Continuing to develop this relation in a rational and pragmatic way without sacrificing it to idealism is the best choice for the both parties.

REFERENCES:

1. Orgeneral Kılınç: Avrupa bize uymaz. Radikal, 08.03.2002.

2. Türkiye, Rusya ve İran'la ittifak arayışında olmalı. Sabah, 08.03.2002.

3. Fatih Ozbay. "Yevrazistvo vo Vneşney Politike Turetskoy Respubliki Posle Raspada SSSR". [SSCB'nin Dağılması Sonrasında Türk Dış Politikasında Avrasyacılık] Vneşnaya Politika Turetskoy Respubliki v Usloviyah Globolizatsii. Materialı Mejdunarodnoy Konferentsii. [Uluslararası "Küreselleşme Şartlarında Türk Dış Politikası" Konferansı]. 14.03.2006. Nijniy Novgorod-Russia, 2006.

4. See: **Cengiz Çandar**. "Türk Dış Politikasında Eksen Tartışmaları: Çok Kutuplu Dünya İçin Yeni Bir Vizyon". Seta Analiz, Issue: 16, January 2010.

5. Berdal Aral. "Birleşmiş Milletler ve Uluslararası Eşitsizlik", Seta Analiz, Issue: 72, September 2013.

6. Şanghay İşbirliği Örgütü Doğu'nun NATO'su olma yolunda. http://www.bbc.co.uk/turkce/cep/multimedya/2011/06/110616_vid_sco.shtml (Access: 08.02.2015).

7. Kanal 24, "Sansürsüz Özel Programı", 25.07.2012.

8. Cengiz Çandar. "Tayyip Erdoğan'ın 'jeostratejik bombası'...". Radikal, 27.01.2013.

9. AB Mesajı Aldı. 02.03.2013. http://www.dw.de/ab-mesajı-aldı/a-16641483

10. Şangay Çıkışına ABD'den Yanıt. 29.01.2013. http://www.aljazeera.com.tr/haber/sanghay-cikisina-abdden-yanit.

11. Şangay'a Alın AB'den kurtarın. Yenişafak, 23.11.2013. http://www.yenisafak.com.tr/politika/sangaya-alin-abden-kurtarin-585183

12. Rusya, Türkiye'nin Şangay 5'lisine girme isteğine nasıl yaklaşıyor? http://t24.com.tr/haber/rusya-turkiyenin-sangay-5lisine-girme-istegine-nasil-yaklasiyor,224420 (Access: 08.02.2015).

13. Kerim Has. "Türkiye'nin ŞİÖ Açılımı ve Rusya". Analist, September 2013, Issue 31.

14. Nuzhno li prinima Turtsiyu v SHOS. http://argumenti.ru/world/n375/231195 (Access: 08.02.2015).

15. Turtsiya razigrivayet "vostochnuyu kartu": Pochemu Ankara khochet v SHOS. http://warfiles.ru/show-23734-turciya-razygryvaet-vostochnuyu-kartu-pochemu-ankara-hochet-v-shos.html (Access: 08.02.2015).

УДК 341.23=111

Mesut Hakkı Caşın (Месут Хаккы Джашын)

RUSSIA-TURKEY SOUTH STREAM COOPERATION: INVITING NEW GAME PLAYERS OR TRIGGERING OSTPOLITIK? (РОССИЙСКО-ТУРЕЦКИЙ ЮЖНЫЙ ПОТОК: ПРИГЛАШЕНИЕ К СОТРУДНИЧЕСТВУ НОВЫХ ИГРОКОВ ИЛИ ЗАПУСК ВОСТОЧНОЙ ПОЛИТИКИ?)

INTRODUCTION

European energy security has entered into a new process with the political, military and economic breakups as a result of the Ukrainian crisis. While the price reductions suppressing the gas prices depending on the rapid reduction in the oil prices affect the economies of the source countries especially in terms of supply security, cause a partial relief in the economies of consumer countries [1]. Putin cancelled the South Stream Pipeline project, in his visit to Turkey together with 10 ministers, and announced that the line has changed the route transiting Turkey. Russia still gets to build a pipeline under the Black Sea – but now redirected to Turkey and, crucially, pumping the same amount of gas South Stream would [2]. According to Fyodor Lukyonov, the move fits into Russia's new system of priorities. He says frustrated by obstruction and cooling relations with the EU, Moscow is developing its own version of what in Germany was once known as "Ostpolitik" – "Eastern Policy." [1] Most

[1] As a result, a new *Ostpolitik* is being formed. But on this occasion the initiative stems from Moscow and is directed to the east and southeast of Russia: a series of gas agreements with China, the adoption of a more active position toward Asia, the gamble on Turkey as a consumer and transit country for Russian crude, the energy deal with Iran and so on [3].

importantly, these developments have caused new comments and serious worries on the Western side. The sale of 14 billion of the total 63 billion cubic meter gas pipeline to the Turkish market has opened traditional balances between the supply security and demand security for discussion theoretically. South Stream pipeline 660 km under the Black Sea and 250 km route towards Turkey. We think in international politics side, one of the most important questions is what can kind of considerations realize to flow this project eco-political price interest and influence? Creating new initiative to Turkey transition link gas for Russia will results isolate or not from the European and world energy market? Putin stressed that Russia's agreement with Turkey is solid. About the futures possible steps he also underline that "*If they (the European Commission) don't hinder us, then in essence we could realise part of the former South Stream project via Turkey* " [4].

UNDERSTANDING THE CRITICAL VECTORS OF THE SOUTH STREAM PIPELINE (SSP)

Energy security has jumped to the most important and disputed key subject between the Russia-EU relations. Indeed, Russian Federation is the 3rd biggest world trade partner of the EU [5]. Will EU face the growing influence of Turkey on European affairs and lost leverage over Russia? Can Turkey turn out to be an alternative supply route for Gazprom to Europe? Why Turkey-Greece- pipeline ties are more important for Russia more than Bulgaria? In this study, the South Stream Pipeline Project and the main vectors of Russian supply capabilities, and political, legal and economic factors behind the cancellation of the project will be analyzed. We will also discuss the new alternatives of the EU against the surprise move of Russia as the main supplier other than Norway and North Africa. In this regard, possible LNG exports of the USA will be summarized. Finally, the effects of the project, which has not gained any legal certainty yet, on Turkey, will be analyzed and together with the increased dependency of Turkey on Russia by 56%, TANAP and TAP projects' future will be discussed. Contrary to the some pessimistic expectations, by

not cutting the Ukrainian gas, *Russia has moved the supply security* out of this political tension. Moreover, other than the Baltic line, with the new route of the SSP Ukraine and Bulgaria are by-passed. Under the initial agreement, Gazprom Company will deal with subsea section in addition to onshore storage and transmission will be realized by the Turkish Botas company system operator. According to Gazprom chief Alexei Miller first phase of the pipeline 15.75 bcm/y will start to deliver in December 2016 to the Turkish market in realistic timetable [6].

The Russian side critical decision abandonment of the South Stream project would be a surprise for Eastern European countries that the work would mean for their economies and for the energy transport fees. We know the big picture make clearer ongoing global gas market is undergoing turning radical changes but estimations differ in how fast these colors and consequences both supply and importer actors side. These systematic institutional transformations faced with in first dimension long term may change Russian gas pipeline directions which may separate EU market. Second, oil and gas prices have in cheapen trends that reflecting "take or pay'' renegotiations methods with EU energy charter influences legal gas pricing mechanism. Thus if global supplies increase, global prices are more likely to decrease. Thirdly, from the trade perspective, new LNG supply capacity has in radical challenges liability to weaken Russian gas bargaining for European states consumers. In this regard, there are optimistic expectations about the EU's total oil and gas payments in 2015. However, further economic sanctions by USA and EU as a result of Russian insistence on the annexation of Crimea and conflicts centered on the Eastern Ukraine region, revive the possibility of degradation in rubble and recession in the inflation reminding the days of crisis in 1990s.

It can be said that Putin has pushed the button for a new energy war with the radical economic steps against the sanction by the West. As we mentioned above Kremlins' Ostpolitik idea, realized in critical step after a 400-billion USD gas agreement with China. Energy exports and energy policy has been a key tool of Russian geopolitical strategy for a very long

time [7, p. 88–102]. For the Kremlin, Russia's energy sector is the most important commercial asset and economic pillar of its domestic stability and foreign policy leverage. EU is dependent on Russian gas and other energy exports; Russia is dependent on the EU as its most important gas export market, European investments and technologies. But Russian Siloviki (officials from the security sector) has always called this an "asymmetric interdependency". This is because, while Russia can live at least one year without any European/Western investments and technologies, Europe cannot survive even 30 days without Russian gas [8].

The SSP project has become increasingly important for Moscow over the past year as the crisis in Ukraine threatens the reliability-both politically and technically-of Russian natural gas exports to Europe through Ukraine. The South Stream Pipeline project was initiated by Russian company Gazprom and Italian company Eni in 2007, establishing a joint company for the project in 2008. Germany's Wintershall AG and France's Electricité de France SA (EdF) also hold minority stakes in South Stream. South Stream was a large pipeline project by Russian natural gas behemoth Gazprom to export Russian natural gas from the Russian mainland, under the Black Sea, to Southern and Central Europe – Bulgaria, Serbia, Hungary, Greece, Slovenia, Croatia and Austria.

The primary purpose of the pipeline was to connect Europe to Russia directly without transiting Ukraine, which previously transported 80 percent of Russian natural gas to Europe. Gazprom held 50 percent of the project, Italy's ENI held 20 percent; Germany's Wintershall held 15 percent and France's EDF held 15 percent. The initial plan was for the South Stream Pipeline to reach a capacity of 63 billion cubic meters (bcm) by 2018, which would accommodate approximately 40 percent of Russia's natural gas exports to Europe if run near capacity. Mr. Putin hailed South Stream's "strategic significance" and said it would "ensure energy security for Europe" [9]. We think that more than legal framework in project

cancellation is one of the main reasons for the U-turn is money. [1] The plunging oil price has put a huge strain on both public and corporate finances in Russia. Gazprom, the mostly state-owned Russian energy giant, never liked the plan. South Stream was a costly project, with a political rationale (bypassing Ukraine and buying influence in Europe) that dwarfed its business case. EU gas consumption is dropping. So is the gas price.

Vladimir Putin has stated which was televised live across Russia during prime time that "If Europe does not want this to be realized, and then it will not be realized." He said it would be "ridiculous" to invest hundreds of millions of dollars in the pipeline to bring it to Europe through Bulgaria only to have to abandon it because of political differences. We believe that it does not coincide with Europe's economic interests and harms our cooperation," Mr. Putin added. "But such is the decision of our European friends. They are, in the end, customers. It is their choice" [10]. For Russia, the likely cancellation of South Stream hurts its efforts to further isolate Ukraine while still dominating the European energy market. Putin is showing recognition of a new reality, where the EU is able to exert external power vis-à-vis dominant suppliers such as Russia [11]. Russia's critics have long argued that, parallel to nuclear expansion, gas pipelines constitute "the long fingers of the Kremlin", opening the way for political as well as economic influence. Russia's fall back plan is to export more gas to Turkey. But, as with its new gas exports to China announced this year, such a deal requires costly sweeteners. Over the past two decades, Russia supplies Europe with a third of its gas needs. It has already started pumping more oil to China, and aims to double the volumes this decade.

PROBABLE REASONS OF ABANDONMENT BEYOND THE SSP PARTIES: LEGAL OR POLITICAL?

Although in many cases Russia is willing to prioritize its strategic goals over economic costs, the commercial viability of the South Stream

[1] The South Stream pipeline is the area's most expensive gas import project, which will further increase the EU's already high gas prices (three times higher than in the US).

pipeline was uncertain from the very beginning [12]. Meanwhile, energy executives across Europe were scrambling on to understand the implications of surprise announcement that Russia would scrap the long-planned South Stream project, planned to pipe natural gas to Europe [13]. Moscow has altered political and energy relationships involving Russia, Turkey and Europe which is economically feasible. Russia's planned South Stream Project-SSP was an attempt to regain sway in south-eastern Europe. However, building an alternative pipeline through Turkey is great historical news for being an alternative transit country with new horizons.

We think one of the important reasons is that the European Union has contested the pipeline, saying it violates the Third Energy Package, European legislation that splits energy production and transmission. The pipeline, which would cross the Black Sea, has been often criticized as a political project that makes no commercial sense because of the high construction costs. Should it be regarded as a normal commercial entity, or should it be seen as an agent of Russian domestic and foreign policy? [14, p. 58–74] According to Putin, Russia has dropped the project because of the European Union sanctions which removed the support of the European banks and EU technical cooperation and were considered politically unacceptable by Russia, materially hampered the realization of the project [15]. "At the same time, South Stream was never a real priority for the European Commission," said Sergiy Agibalov, chief of the economic department of Russia's Institute of Energy and Finance [16].

The 2014 South Stream summit was presenting a challenge to the authority of the European Union. The commission said the plan was illegal: under the rules of the EU's liberalized gas market, a company cannot own both the pipeline and the gas that flows in it. The South Stream countries demand exemptions from that rule. Russia has never ratified the Energy Charter Treaty and Transit Protocol for several reasons: First of all, the ratification would undermine Gazprom's position on the European markets by forcing Russia to open up its network for cheaper gas from Central Asia, and secondly, the ratification would jeopardize the system of

long-term contracts for supplies of Russian gas to Europe that Russia relies on [17]. Gazprom controls the 160,000 km Russian gas pipeline network, which covers nearly the entire populated part of the country. The character of Gazprom as a state-controlled monopoly has given rise to much discussion in Europe. Since 2006 Gazprom has legally exercised the monopoly right to export the gas produced in Russia, so that Gazprom's total gas exports thus constitute Russia's total gas exports. Gas produced by independent producers is exported only if Gazprom has purchased it in lieu of its own production. Gazprom annually purchases roughly 60 billion cubic meters of gas from Turkmenistan and Uzbekistan, which it sells to its European customers, principally to Ukraine [18].

The fundamental benefit of both Nord Stream and South Stream pipelines for Gazprom is that they would supply gas directly to Europe, thus eradicating all transit risk. Although transit-avoidance pipelines would potentially launch a transit-free geography for Russian gas exports to Europe, thus resolving a problem of insecure transit, they do encounter another central problem that is to with the changing European regulatory environment. Until March 2014, Gazprom had been negotiating an exemption from Brussels. But talks were abruptly frozen after Russia's annexation of Crimea, according to people involved in those discussions. The EU says its opposition to South Stream was legal – not political. "Gas pipelines must be built and operated under European legislation," said Anna-Kaisa Itkonen, a European Commission spokesperson. "Pipelines developed and operated in conflict with EU law endanger the functioning of the internal market and they may also fall short in any expected improvements in the security of supply." [9] The second constraint was the rising cost of the pipeline. Gazprom projected a $10 billion price tag in 2007, but projected costs grew to $30 billion in 2014 and likely would have risen further. Gazprom has already spent $4.5 billion on South Stream, mostly on 300,000 tons of underwater trunk pipelines that have been delivered to the Black Sea coastline. If the parties continue to keep increase these sanctions war tension which side will be winner? Western

nations in recent months have cost the country $40 billion and, alongside plummeting oil prices, have edged Russia toward a recession. Russian President Vladimir Putin's government shows no signs of halting its ongoing involvement in neighboring Ukraine, largely because such policies have proven wildly popular with the Russian public. Putin and his colleagues saying they want negotiations to end conflict. Moscow plays it as a loss for Europe, indicating that even if the sanctions continue to have an effect on its economy, Putin won't accept defeat [19].

Source: http://www.independent.ie/business/world/gasguzzling-europe-pressed-to-toughen-russian-sanctions-30460484.html

EU'S SIDE REACTION AND NEW ALTERNATIVE ARRANGEMENT PLANS

In the light of above mentioned information, what can be the new alternative routes of EU? Can EU guarantee new assurances by engaging the LNG option against Russian move? Can new pipelines be an option in the North Africa? On the other hand, can Turkey offer a new cooperation chance for Greece and Italy? As another important argument, what options can be applied by Bulgaria, in the first place, Serbia, Austria, Hungary and Slovakia? What plans can Russia employ in this regard? EU is currently the world's second largest energy market. It is, and unquestionably will remain, Russia's most important energy export market, especially given that the EU's energy consumption and imports should rise considerably in the future. But the European Union has said that despite President Vladimir

Putin's shock decision, Brussels will continue internal talks to resolve the problems that Putin blames for the collapse of the multi-billion dollar project. "Russia's decision to stop South Stream and the way it was taken shows why the diversification of the energy sources is important for Europe," Georgieva, who is native Bulgarian, is at the heart of the dispute over the pipeline, told reporters. "The Commission will closely examine the consequences of this decision and how we can speed up the interconnection of Member States." Belgrade's accusation of Moscow for duplicity should be discussed separately among the countries reacting to the termination of the South Stream project [20]. Prime Minister Aleksandar Vučić has underlined that "Serbia has been investing in this project for seven years; we have done a big job and did not abandon the South Stream project even in the most difficult times." According to the expert, economic losses represent 500 million dollars for gas transit, and several thousand jobs, and 5 billion direct and indirect investments, in other words the South Stream project was essentially Belgrade's most fruitful project for the past 14 years.

Hungarian Foreign Minister Peter Szijjarto has said that his country will have to look for alternative natural gas sources to replace South Stream supplies. Hungarian energy expert Attila Holoda, Managing Director of Aurora Energy Ltd. has mentioned that "the European Union has won in the first round against Gazprom, but he is waiting for the second round in this fight. In fact it is a typical bluff from the Russian government who are saying 'never mind, we will go through Turkey and from there we will hold a new linkage via Greece and Italy to the EU" [21]. Holoda believes that "This new route will not solve the original problem from the EU's Third Energy Package – they are also EU member states so the regulations apply to them." Furthermore, in addition to Greece connection, Turkey and Hungary are examining new energy polices after Russia's axing of its South Stream Project. Russian biggest trading partner Hungary Foreign Minister Peter Szijjarto outside of the EU said: "We are looking for new alternatives since the cancellation of the South

Stream project, and Turkey is an important factor." [22] Following Hungary visit President Putin, Budapest also is interested in the implementation of a project of gas transportation from Russia across Turkey to Greece to Hungary [23]. According to Hungarian Prime Minister Viktor Orban; Europe not competitive without Moscow also isolation politics are not practical. He stresses that and if Blue Stream the project is beneficial for his country and said "*is fully committed to continue investments*." [24] Russia's behavior has boosted the EU's planned Energy Union. Bulgaria's interconnector with Romania will be working next year and a new pipeline to Greece is planned. Bulgaria and Serbia plan an interconnector too. Slovakia wants a 20 bcm Baltic-to-Balkans pipeline. Hungary is hoping to revive long-held plans to bring gas from Azerbaijan to central Europe [25].

CAN UNITED STATES EXPORT LNG TO EU?

USA uses its oil and shale gas production as a trump card in the prices of the energy market. The potential recession in the Russian economy in 2015 strengthens the US theory that policies in the liberal market regarding the Ukrainian crisis would be more effective than a military solution. Within this information, which alternatives can USA produce for the European energy demands? Can the Customs Union agreement between the USA and EU constitute a point of exit? Is this crisis will result in a rise of a new era of American energy diplomacy? Should Obama announce new a series of steps that will export energy to EU?

The shale revolution in the U.S. has already strengthened Europe's hand somewhat. Under this point, one of the main arguments shaping American natural gas export polices is that Washington's national security and economic goals can be supported while boosting aid to key allies around the world. This challenge will turn as an energy diplomacy responsibility instrument strategic weapon to help allies overseas especially those deeply dependent on hostile nations to meet their energy needs [26]. US LNG export plans having the capacity of 113 bcm per annum represent at different levels of advancement of which 94 bcm per

annum of export capacity had acquired non-FTA approval by September 2014. Nonetheless, final investment decisions have merely been made for 40 bcm/year of capacity, and although other projects will unquestionably be accepted over forthcoming months and years [27, p. 30–32]. It is anticipated that the first project will merely start exporting in late 2015 and reaching to full capacity in 2018 and the second one in 2019. Due to the expectation four year constructions, one can mention the fact that deliveries will not be able to begin importantly before 2019 and the year 2020 is the probable year. As of 2030, non-US LNG supply might be doubling up from its 2014 level to 700 bcm/year which, if US supply grasps more than 100 bcm/year will immensely upsurge global LNG trade. The central issue is to discern how much of this LNG will be accessible to Europe. This might be determined by the factors of growing Chinese LNG demand, North American gas prices and exports, the inclination of European buyers, and the enthusiasm of Gazprom to lessen its prices.

Source: http://2.bp.blogspot.com/-f1xO679X-4c/TessLxXnFqI/AAAAAAAACTY/5hbAQKyx9O0/s1600/Picture2.png

In an important manner, the consequence of these indecisions will count on the curves of regional gas prices over the period up to 2030. The results of different pricings within the regional markets will be very central for the accessibility of LNG for Europe. Supply/demand dynamics in each of the major regional markets will be determinant of determine the course of prices in the period up to 2030. The model provided by the Oxford Institute for Energy Studies can be put forward as follows [27, p. 32]:

- **Scenario 1** – high Chinese demand/high US exports: Russian gas exports to Europe rise to more than 200 bcm/year in the late 2010s, and vary in the range of 170–190 bcm/year during the 2020s.
- **Scenario 2** – low Chinese demand/high US exports: Russian exports to Europe smash down to 100 bcm/year in the early 2020s and vary between that level and 120 bcm per annum up to 2030.
- **Scenario 3** – low Chinese demand/low US exports: result comparable to Scenario 1, but not so extreme, with Russian exports in the range of 150–180 bcm/year throughout the period, aside from a brief dip below 150 bcm per annum in the early 2020s.
- **Scenario 4** – high Chinese demand/low US exports: the best scenario for Kremlin, with exports to Europe rising progressively to 230 bcm/year in the late 2010s and lingering at 210–250 bcm/year up to 2030, with suspicions about Moscow's capability to supply, and Europe's readiness to receive, such high quantities.

CANCELLATION OF THE SSP AND ITS IMPACT ON TURKEY

When the uncertainties are removed from the project, can Turkey take a step further to accomplishing her goal of becoming an energy bridge? Most importantly, can Russia keep her commitments about the new roadmap and the assurances for Ankara? If all these developments occur, would Turkey become an energy market that is too much dependent on Russia like EU? Can Russia take further steps in the new roadmap with Turkey, preferring demand security as a NATO ally, instead of Brussels risking her own supply security? Why did US Vice President Biden, British Prime Minister Cameron, Italian Prime Minister Renzi and three commissioners of the EU visit Ankara at this very exact time to gain the interrupted relations between the EU and Turkey a momentum? Where does Turkey stand in the equilibrium of winners and losers of this energy game?

If there was one winner it was Turkey, which, along with China and other energy-hungry developing nations, has been exploiting the East-West rift to gain long-term energy supplies at bargain prices [10]. Turkey has

given its approval for the South Stream pipeline project at the end of 2011. Ankara will continue to try to balance Moscow with alternative suppliers such as Azerbaijan. Turkish officials have welcomed Putin's offer to replace the $40 billion South Stream with a new pipeline to northern Turkey, as it was accompanied by a hot 6 percent cut in gas prices. Turkey currently buys 60 percent of its gas from Russia [28]. Russia will add capacity to directly supply Turkey, its largest natural gas customer, much like Russia's Nord Stream pipeline connects Russia to Germany, its second-largest customer. Moreover, Turkey is likely to receive a 6 percent discount on its current natural gas supplies as part of the construction deal.

Under the new plan, energy supplies would still bypass Ukraine, but would now be contingent on Turkey transiting the supplies. Russia does not hold the influence over Turkey that it has held in Ukraine, meaning that Moscow will be less able to politicize natural gas supplies going to the continent. Yet adding a natural gas supply route through Turkey would give Moscow more flexibility in supplying Europe. Russia already has pipelines running to Europe through Belarus, Ukraine and Germany. Adding another major route through Turkey would give Russia a greater ability to shift supplies from one route to another, targeting specific European countries for cut-offs depending on how Moscow wants to shape the political climate [29]. Turkish energy minister Taner Yıldız has addressed that Ankara may well offer to Moscow for the constructing an LNG terminal in an energy complex on its border with Greece, as part of talks on prearranged new gas pipeline with its northern neighbor [30]. Also, Turkish Foreign Minister Mevlüt Çavuşoğlu has also emphasized that the TANAP Project is still a top priority for Ankara [31].

Putin stressed that Russia's agreement with Turkey is solid. About the futures possible steps he also underlines that "*If they (the European Commission) don't hinder us, then in essence we could realise part of the former South Stream project via Turkey*" [32]. Furthermore, in addition to Greece connection, Turkey and Hungary are examining new energy polices after Russia's axing of its South Stream Project. Russian biggest trading

partner Hungary Foreign Minister Peter Szijjarto outside of the EU said: "We are looking for new alternatives since the cancellation of the South Stream project, and Turkey is an important factor." [22] Following Hungary visit President Putin, Budapest also is interested in the implementation of a project of gas transportation from Russia across Turkey to Greece to Hungary [33]. According to Hungarian Prime Minister Viktor Orban; Europe not competitive without Moscow also isolation politics are not practical. He stresses that and if Blue Stream the project is beneficial for his country and said "*is fully committed to continue investments.*" [24]

CONCLUSION

In this short article, we aim to briefly explain Russia-Turkey new gas project impacts to EU and regional actors in terms of legal, economic and political dimensions. Of course one of the counters impacts the ongoing Ukranian civil war which risks for NATO security strategies and Western states sanctions against to Kremlin. There is a critical reality for EU side same as Turkey on the table that it highly depends on to Russian gas supply. In another critical development may surprise for energy market of the United States shale gas market capabilities and possible LNG transport alternatives discussed inside of the various scenarios. In this point, EU may seek alternative new supplies such as US LNG needed to replace Russian quantity. Second option may be using African-Gulf Region-Mediterranean energy axis.

However, if Ostpolitik hypothesis will be realized, Russian-Iranian gas supplies either will available direction to EU market side or China-India-Japan-Korea routes in long terms. In other words, Moscow's decision has been to redirect the "South Stream" reflects weak demand for Russian gas in Europe, which wants to reduce dependence on the former. In contrary Western sanctions to Iranian case we believe that, apply to Russia's increasing economic and financial problems with Western allies sanctions and in particular falling oil and gas energy prices, Russia will face increasing some difficulties to finance new energy projects but may decide to create new alternative routes regarding historical lessons. In

short, first option may the change in the pipeline corridor projects would be increase new predictable consolidation for Turkey-Greece-Italy. This is not a big surprise. Russia has signed but Duma refused to ratify Energy Charter. Bulgaria has strongly supported EU-US economic sanctions packages against to Moscow. But, Athens aims to start strong ties with Gazprom, offering reduced price gas supply. New Greek Prime Minister Alexis Tsipras has said that they are open to aid from the Russia. He has also stressed that Greece wants to coordinate stance for a "bridge peace and cooperation between Europe and Russia'' [34].

In this context, Russian Duma aims to determine about for the Germany to pay 4 trillion euros for WWII reparations [35]. The parties' contribution new pipeline infrastructure reaching into EU's demand for Russian gas energy can be satisfied alternate pipeline in the medium term. Thus, using this new route Eastern Europe and Balkan energy pipeline network may be enlarging. That time, we think initially regarding all possible alternatives with economic-political costs, Turkey route option is looking logical and more economic for gas energy flow to EU. Russia also decided selling its energy to Turkey and EU using via Black Sea-Anatolia line for consolidates relationship which now one of the biggest trading partner. Secondly, in economic feasible price side, all the game players may be winner in mutual terms of the interests. In foreseeable future, we think this cooperation model can create a supply and demand balance in terms of transit states infrastructures investment and opportunities of the create new jobs. Ankara did not join western sanctions against Russia for its actions Ukraine. On the other hand Turkey will become a great transit country by TANAP and TAP projects combination. Thirdly, in spite of critics and concerns for Ankara's excessive dependences on Russian sources, the future depends on the parties' good intentions – bona fide – without and interruptions in the trust and confidence capabilities. As a result this project may be realized if the parties can respect perfect plan and their mutual interests.

REFERENCES:

1. Alec Luhn, **Terry Macalister**. Russia Signs 30-year Deal Worth $400bn to Deliver gas to China. The Guardian, May 21, 2014. URL: http://www.theguardian.com/world/2014/may/21/russia-30-year-400bn-gas-deal-china (accessed – December 14, 2014).

2. Exit South Stream, Enter Turk Stream. Ria Novosti, 3 December 2014. URL: http://rt.com/op-edge/211091-turkey-russia-east-pipeline-eu/.

3. Fyodor Lukyanov. Half a Century on, Russia is Forging its Own "stpolitik". December 10 2014. URL: http://rbth.co.uk/opinion/2014/12/04/half_a_century_on_russia_is_forging_its_own_ostpolitik_41969.html (accessed – December 10, 2014).

4. Putin Finds Warm Welcome in Hungary, Despite European Chill. Reuters, 17 February 2015. URL: http://uk.reuters.com/article/2015/02/17/uk-hungary-putin-idUKKBN0LL1XP20150217.

5. European Commission Energy. Energy from abroad: EU-Russia Energy Relations. URL: http://ec.europa.eu/energy/international/bilateral_cooperation/russia/russia_en.htm (accessed – December 14, 2014).

6. Therese Robinson. Russian and Turkey Agree Turkish Stream Plans. Interfax, January 28, 2015. URL: http://interfaxenergy.com/gasdaily/article/15118/russian-and-turkey-agree-turkish-stream-plans (accessed – February 2, 2015).

7. Mesut Hakkı Caşın. Why Russia Signed a Major Gas Contract with Chinese Dragon: Challenge to Real Partnership or Scarce Wedding Candy? Caspian Report, Fall 2014, Issue 8.

8. Frank Umbach. Russian-Ukrainian-EU Gas Conflict: Who Stands to Lose Most. NATO Review. URL: http://www.nato.int/docu/review/2014/NATO-Energy-security-running-on-empty/Ukrainian-conflict-Russia-annexation-of-Crimea/EN/index.htm (accessed – December 14, 2014).

9. Jack Farchy and **Christian Oliver**. Putin loses face with cancellation of 'pharaonic' South Stream. Financial Times, December 2, 2014. URL: http://www.ft.com/cms/s/0/ea6e69a8-7a43-11e4-8958-00144feabdc0.html#axzz3LUFyYqS6 (accessed – December 9, 2014).

10. Andrew Roth. In Diplomatic Defeat, Putin Diverts Pipeline to Turkey. The New York Times, December 1, 2014. URL: http://www.nytimes.com/2014/12/02/world/europe/russian-gas-pipeline-turkey-south-stream.html?_r=0 (accessed – December 10, 2014).

11. Keith Johnson. Putin's 'South Stream' pipe dreams. The Foreign Policy Magazine, December 2, 2014. URL: http://foreignpolicy.com/2014/12/02/putins-pipe-dreams-south-stream-russia-turkey-natural-gas/ (accessed – December 9, 2014).

12. Cancellation of South Stream makes economic sense. Euractiv, December 12, 2014, URL: http://www.euractiv.com/sections/energy/cancellation-south-stream-project-makes-economic-sense-310788 (accessed December 14, 2014).

13. Putin's Surprise Call to Scrap South Stream Gas Pipeline Leaves Europe Reeling. The New York Times. December 2, 2014. URL: http://www.nytimes.com/2014/

12/03/business/south-stream-pipeline-cancellation-fallout.html?action (Accessed – December 9, 2014).

14. Laura Solanko and **Pekka Sutela**. Too Much or Too Little Russian Gas to Europe? Eurasian Geography and Economics. January 2009, Vol. 50, Issue 1. http://www.tandfonline.com/doi/pdf/10.2747/1539-7216.50.1.58 (accessed – December 15, 2014).

15. Stefania Coco Scalisi. South Stream Pipeline: Chronicle of a Death Foretold. International Policy Digest. December 8, 2014. URL: http://www.internationalpolicydigest.org/2014/12/08/south-stream-pipeline-chronicle-of-a-death-foretold/ (accessed – December 14, 2014).

16. Europe finds replacement for South Stream. Unian Information Agency, December 10, 2014. URL: http://www.unian.info/economics/1019909-europe-finds-replacement-for-south-stream.html (accessed – December 14, 2014).

17. Tichy Lukas. Controversial Issues in the EU-Russia Energy Relations. CENAA Analysis. URL: http://cenaa.org/analysis/wp-content/uploads/2013/02/Tichy_final.pdf.

18. In 2013, purchased for Gazprom's portfolio 28.61 billion cubic meters of gas from Turkmenistan, Uzbekistan, Kazakhstan and Azerbaijan. Gazprom Export is the World's Largest Exporter of Natural Gas. URL: http://www.gazpromexport.ru/en/about/activity/.

19. Dennis Lynch. Russian Recession 2014: Putin's Popularity At Home, Not Sanctions, Will Change His Course in Ukraine. International Business Times. December 2, 2014. URL: http://www.ibtimes.com/russian-recession-2014-putins-popularity-home-not-sanctions-will-change-his-course-1732106 (accessed – December 14, 2014).

20. Lyuba Lulko. South Stream to split Europe. Pravda, December 8, 2014. URL: http://english.pravda.ru/world/europe/08-12-2014/129238-south_stream_europe-0/ (accessed – December 9, 2014).

21. Drew Leifheit. Hungary and South Stream: What Now? Natural Gas Europe. December 8, 2014 URL: http://www.naturalgaseurope.com/hungary-south-stream-attilaholoda?utm_source=Natural+Gas+Europe+Newsletter&utm_campaign=e2ce3f7af8-RSS_EMAIL_CAMPAIGN&utm_medium=email&utm_term=0_c95c702d4c-e2ce3f7af8-307767661 (accessed – December 8, 2014).

22. Putin: Our pipeline Deal with Turkish Partners is Final. Daily Sabah, 18 February 2015.

23. Hungary interested in project of gas transport across Turkey. Interfax, 18 February 2015, Russia Beyond Headlines. URL: bth.co.uk/news/2015/02/18/hungary_interested_in_project_of_gas_transport_across_turkey_43802.html (accessed – December 8, 2014).

24. Europe non-competitive without Moscow: Hungary & Russia seek closer energy, gas transit ties. Ria Novosti, 18 February 2015. URL: http://rt.com/news/233263-russia-hungary-energy-gas.

25. Dreams not Streams. The Economist, December 10, 2014. URL: http://www.economist.com/news/business-and-finance/21635974 (accessed – December 14, 2014).

26. American Natural Gas Can Support Our Global Allies. Marcellus Shale Coalition, March 7, 2014. URL: http://marcelluscoalition.org/2014/03/american-natural-gas-can-support-our-global-allies (accessed – February 1, 2015).
27. Ralf Dickel, **Elham Hassanzadeh**, **James Henderson**, **Anouk Honoré**, **Laura El-Katiri**, **Simon Pirani**, **Howard Rogers**, **Jonathan Stern** and **Katja Yafimava**. Reducing European Dependence on Russian Gas: Distinguishing Natural Gas Security from Geopolitics. October 2014. OIES PAPER: NG 92, the Oxford Institute for Energy Studies. URL: http://www.oxfordenergy.org/wpcms/wp-content/uploads/2014/10/NG-92.pdf.
28. Merve Erdil. New Moves Alter Energy Routes around Turkey. Hürriyet Daily News, December 7, 2014. URL: http://www.hurriyetdailynews.com/new-moves-alter-energy-routes-around-turkey.aspx?pageID=238&nID=75124&NewsCatID=348 (accessed – December 9, 2014).
29. Russia's South Stream Decision Changes Regional Dynamics. Natural Gas Europe, December 6, 2014. URL: http://www.naturalgaseurope.com/russia-south-stream-decision-changes-regional-dynamics (accessed – December 10, 2014).
30. Hümeyra Pamuk. UPDATE 2-Turkey may suggest LNG project to Russia. Reuters, December 11, 2014. URL: http://www.reuters.com/article/2014/12/11/turkey-energy-russia-idUSL6N0TV28J20141211 (accessed – December 15, 2014).
31. Serkan Demirtaş. Why TANAP is More Important than the Turkish Stream. Hürriyet Daily News, December 13, 2014. URL: http://www.hurriyetdailynews.com/why-tanap-is-more-important-than-the-turkish-stream.aspx?PageID=238&NID=75574&NewsCatID=429 (accessed – December 15, 2014).
32. Putin Finds Warm Welcome in Hungary, Despite European Chill. Reuters, 17 February 2015. URL: http://uk.reuters.com/article/2015/02/17/uk-hungary-putin-idUKKBN0LL1XP20150217.
33. Hungary interested in project of gas transport across Turkey. Interfax, 18 February 2015. Russia Beyond Headlines. bth.co.uk/news/2015/02/18/hungary_interested_in_project_of_gas_transport_across_turkey_43802.html.
34. Michele Kambas. Greek PM Tsipras Rules Out Turning to Russia for Aid. Reuters, February 2, 2015 URL: http://uk.reuters.com/article/2015/02/02/uk-greece-politics-russia-aid-idUKKBN0L60WM20150202 (accessed – February 3, 2015).
35. Russian Lawmakers Will Reevaluate Germany's Reparations for WWII damage. Itar Tass, 3 February 3, 2015. URL: http://itar-tass.com/en/russia/775042 (accessed – February 4, 2015).
36. Tom Balmforth. Russian Lawmakers Take Aim at Germany. Radio Free Europe/Radio Liberty, February 3, 2015. URL: http://www.rferl.org/content/russia-war-reparations-germany-degtyaryov/26828343.html (accessed – February 4, 2015).
37. Putin Blames Politics for Falling Energy Prices. Reuters, November 6, 2014. URL: http://www.reuters.com/article/2014/11/06/us-russia-putin-idUSKBN0IQ2CG20141106 (accessed – December 5, 2014).

УДК 341.23=111

Samiratou Dipama, Ferrit Belder, Emel Parlar Dal
(Самиратоу Дипама, Феррит Бельдер, Эмел Парлал Дал)

ASSESSING TURKEY'S DEVELOPMENT AID POLICY TOWARDS AFRICA: A CONSTRUCTIVIST PERSPECTIVE (ОЦЕНКА РАЗРАБОТКИ ПОЛИТИКИ ПОМОЩИ ТУРЦИИ В ОТНОШЕНИИ АФРИКИ: КОНСТРУКТИВИСТСКАЯ ТОЧКА ЗРЕНИЯ)

Introduction

Like China, India and Brazil, Turkey, has discretely developed its links with Sub-Saharan Africa, and is now becoming a major player in the region. This is especially the case since the coming to power of the AKP (Justice and Development Party) in 2002. The year 2005 was declared as the "*Year of Africa*" by the Turkish Government, and Turkey was accorded observer status by the African Union the same year. In 2008 the first ever Turkey-Africa Cooperation Summit was held in Istanbul with the participation of representatives from 50 African countries; Turkey was simultaneously declared as a strategic partner at the tenth African Union summit held in January 2008. Bilateral diplomatic representations are increasing (in 2013 a total of 30 Turkish embassies are open in sub-Saharan Africa) and there is also a significant increase in the number of high level reciprocal visits between Turkey and African countries, the most recent visits include Gabon, Niger and Senegal (2013) [36].

Despite the fact that Turkey has been an aid recipient country for more than a half century from Western world, it started its own aid activities under the coordination of State Planning Organization in 1985 (Ertürk

2014). These were more coordinated since the establishment of TIKA (Turkish International Cooperation and Development Agency) in 1992 and Turkey has delivered its development assistance, humanitarian aid and technical projects to Africa, Asia and Europe (Balkans) through this autonomous organization operating under the the department of Prime Minister Özkan 2013a). In the African context, Turkey's aid has dramatically increased in the last decade. For instance, Africa had a share of 24 percent from Turkey's official development assistance in 2013 – which represents an amount of 782 million USD. When we look at the figures for last five years, this represents a big increase (it was 31 million USD in 2007, 52 million USD in 2008, 47 million USD in 2009, 38 million USD in 2010, 269 million USD in 2011 and 750 million USD in 2012 [36]).

On the other hand, the current Turkish government underlines that its Africa's opening depends on historical and cultural roots. The Ministry of Foreign Affairs' website says, "*Being an Afro-Eurasian State, Turkey's policy of opening up to Africa is not just the reflection of a transient political and economic expectation. On the contrary, it is the product of a process with strong historical and cultural aspects. İt is, foremost, the expansion and natural result of the firm feelings of friendship and partnership between Turkish and African peoples"* [36]. Regarding these Turkish ambitions to present itself as a distinctive partner in the African continent, we ask whether Turkey's development aid policy in Sub-Saharan Africa can be explained from a constructivist perspective or in other terms. And what are the constructivist roots of Turkey's African policy at the discursive level, in particular? By looking at Turkey's African policy through the lenses of constructivism, we, secondly, try to assess whether this newly "constructed" African policy of Turkey through a three level discourse has achieved success on the ground despite its limitations and the challenges that Turkey has experienced in recent years.

The extensive research literature written on the development assistance policy of emerging African partners mostly focused on China, India and some countries of Latin America. That said, there is a scientific

vacuum on the issue of Turkey's development aid policy in Africa region and most specifically in SSA (Sub-Saharan Africa) which is new and therefore lacking in theoretical and empirical research that would help us grasp the significance of the Turkish development aid model. This article aims to reduce this scientific vacuum and proposes that a constructivist theory perspective may substantially contribute to our understanding of Turkey's role as a development aid provider in SSA.

The research is divided into *three parts*. The *first part* focuses on the theoretical analysis of Turkey's development aid in Africa from a constructivist view. In *the second part,* we will elaborate the foreign policy discourses of Turkey on the African Continent on the basis of three layered discourse. The *third part* will critically and empirically analyze Turkey's development aid policy toward Africa.

1. Theorizing Turkey's Development Aid Policy: A Constructivist Perspective

Constructivists use the process of identity construction to describe the behavior of actors and their policies in the international arena. Their focus on identity construction is designed to transcend what has traditionally been posited as a mutually exclusive dichotomy between ideational and instrumentalist dynamics: the point is to understand how actors' interest-based strategies are socially formed by longer-term values.

Alexander Wendt states that the international system is created and recreated in processes of interaction and therefore, it is this inter-subjective rather than material aspect of structures which influences behavior. Social-constructivist approaches assume that a country's foreign policy agenda is not only shaped by material, but also essentially by immaterial factors such as ideas, role identities, norms, and values. Wendt says, "interests presuppose identities because an actor cannot know what it wants until it knows who it is" (A Wendt 1992: 231), which in turn depends on their social relationships (Ron Jepperson et al 1996: 59).

Therefore, identities become crucial in constructivist analysis because they provide the basis for interests: "*Actors do not have a 'portfolio' of interests that they carry around independent of social context; instead, they define their interests in the process of defining situations*" (Wendt 1992: 398). İf the identities of actors are the basis of their interests, then, how do they acquire those identities? How would they define 'self' and 'other'? In order to explain identity construction, Wendt makes a distinction between the corporate and social identities of states. In this case, "Corporate identity refers to the intrinsic, self-organizing qualities that constitute actor individuality" (Wendt 1994: 385). This type of identity generates four basic interests: (1) physical security, (2) predictability in relationships to the world, (3) recognition as an actor by others, and (4) economic development (Wendt 1994: 385). How each state satisfies these corporate interests, "depends on how it defines the self in relation to the other, which is a function of social identities at both domestic and systemic levels of analysis" (Wendt 1994: 385). A social identity (or role identity) on the other hand, is defined as, "a set of meanings that an actor attributes to itself while taking the perspective of others, that is, as a social object"(Wendt 1994: 385). While actors have one corporate identity, they usually have several social identities. Social identities enable actors to determine 'who they are' in a situation and exist only in relation to others. According to Wendt, interests and identities of actors emerge only in an interactive process. In short, constructivism regards international relations as norm-governed and state interests as constructed through a "fluid and interactive process of identity formation" which leads to "particular norms coming to be seen as appropriate, that is genuinely embedded in belief systems rather than adhered to for merely instrumental reasons." (Youngs 2001: 6)

Coming to Turkey's case, Turkish society and politics have gone through tremendous transformations in the last two decades, under the impact of both domestic and outside forces. The country's foreign policy has shifted its course from a monolithic Western orientation during the Cold

War years to multiregional connections, after the Cold War. As part of on-going multidimensional foreign policy changes in recent years, there has been, since 1998, a revival in Turkey's relations with SSA. İn this process of opening to the African continent, Turkey has used historical relations and religious ties to define its own identity that will shape its foreign policy towards SSA. In fact, the geopolitical discourse of Davutoglu (the former Turkish Minister of Foreign Affairs and current Primer Minister) and AK Party can be defined as civilizational geopolitics, as they consider culture, religion and civilisation as the main determinants of World politics (Pınar Bilgin and Ali Bilgiç 2011). Davutoğlu's dominant geopolitical perspective is formed through a holistic civilizational understanding that sees Turkish/Muslim/Ottoman interaction as important parts of Turkey's strategic depth. Historically, the Turks' relations with Africa go back centuries (Murat Yeşiltaş & Ali Balcı 2013 : 28). Some African countries such as Egypt, Libya, Algeria, Tunisia, the Sudan, Eritrea, Ethiopia, Djibouti, Somalia, and even Niger and Chad were totally or partially components of the Ottoman State. During the wave of colonialism, the Ottoman State competed with the Portuguese in Eastern Africa and with Spain in North Africa for power and influence. In northern sub-Saharan Africa, the Ottomans were part of the balance of power system, having friendship and alliance with the Kanem Burnu Empire that prevailed in todays northern Nigeria, Niger and Chad (Mehmet Özkan 2008).

In addition, the main theme of the 5th Annual Ambassadors Conference in 2012, "Humanitarian Diplomacy" (HD hereafter), was an expression of Turkey's position in the international politics. HD, in Turkey's perspective, is meant to be a vision beyond humanitarian aid, aiming at developing "a new language of diplomacy in policy areas related to the future of the whole of humankind" (Ahmet Davutoğlu 2013 :866). In the final declaration of the conference, the following reason was given for selecting this theme[1]:

[1] The conference is one of the most important events for Turkey's foreign policy, being held with the participation of all ambassadors, it functions as a platform to discuss and determine

"Humanitarian diplomacy reflects the compassionate and competent character of the Republic of Turkey and depicts the human oriented nature of our foreign policy which merges our interests with our values. Turkish foreign policy takes human dignity as a point of reference and remains determined to use all its means and capabilities in this direction. In this regard and in light of the historical transformation taking place in our immediate neighborhood, the deliberations in the Conference has confirmed the need for Turkey to continue to implement humanitarian diplomacy in an effective and decisive way in a broad geography stretching from Syria to Afghanistan and Myanmar to Somalia in the forthcoming period. ... It was also confirmed that Turkey cannot be indifferent to the developments taking place in the southern and northern basins of the Mediterranean, with which it enjoys special ties stemming from history."

In his inaugural speech, Foreign Minister Davutoğlu defined humanitarian diplomacy as a constitutive part of the vision suggested by Turkey, which stemmed from political values embodied by Turkey in global politics. Relying on historical traditions and the cultural heritage of the country, HD is an essential expression of Turkey's role, identity and quest for justice in international politics. The three dimensions of Turkey's HD policies toward citizens of Turkey, policies toward crisis zones regardless of geographical proximity and policies concerning structures of global order, are representations of such framing of Turkey's role in the global transformation of international politics (Ahmet Davutoğlu 2013). To illustrate this point, Turkey conducted humanitarian diplomacy in Somalia at the height of the famine in August 2011[1].

the main strategies of Turkey in global politics. See final declaration of the conference: http://www.mfa.gov.tr/final_declaration_of_the_fifth_annual_ambassadors_conference.en.mfa.

[1] Twenty years after a civil war ripped apart the Somali nation, leading to the collapse of Siad Barre's government - the last official government of the country until 2012 – Somalia was home to one of the worst humanitarian crises the world has ever seen, with up to 12 million people facing starvation.

Furthermore, Turkey seems to have well recognized African countries' expectations for getting their voice heard on international platforms. Thus, in the recently held high-level meetings such as the World Summit on Food Security (Rome, November 2009) and G-20 meetings in London and Pittsburgh, Turkey, in consultation with African nations, put priority on addressing many of the issues promoted by African leaders. In the same manner, in his visit to Cameroon in March 2010, former President Gul declared that the world has moral and political responsibility to African nations, and Turkey will be the voice of Africa in international institutions (NTV 2010). In actuality, however, Turkey is only assuming this role to a limited extent: experts repeatedly point to the passive behaviour of Turkey in various international forums.

In a constructivist sense, Turkey has developed in the minds of Africans, especially the Muslim countries, an image of a fellow Muslim nation that cares about their future due to its shared historical and religious ties. Therefore African leaders assign a specific role to Turkey on international politics and expect the latter to perform its foreign policy toward the African continent according with this role prescription. Turkey's foreign policy in SSA will then be judged according to the concrete role performed by Turkey. On this point, it seems that African leaders have generally positive perceptions of the Turkish-Africa cooperation and Turkey is getting their support in international instances. In illustration, all African countries but two voted in favor of Turkey to be a non-permanent member of the UN Security Council in 2009–2010.That African leaders has a positive perception of Turkey's development assistance activities in SSA is particularly clear in the Somali case. For instance, Somali Foreign Minister states, "*When we had famine, nobody listened to us, nobody came to us in order to help.(Turkey's) Prime Minister (Recep Tayyip Erdogan) with his family and cabinet, brought us that help which uplifted us. It was such a change for the Somali people which we will never forget… We are very grateful.*" [37].

Similarly, Mohamed Nour, the Mayor of Mogadishu, Somalia, in September 2013 when he was asked about Turkish aid to Somalia said, "*If I request computers from the UN, they will take months and require a number of assessments. They will spend $50,000 to give me $7,000 of equipment. If I request computers from Turkey, they will show up next week*" (Kyle Westaway 2013).

In sum, Turkey's development aid policy in SSA is in direct reference to the historical, cultural and political values that are believed to identify Turkey. Humanitarian assistance has been defined as a natural and indispensable part of Turkey's identity, rooted in a long historical tradition, which is viewed as paving the way for the foundation of a new global order by reviving the long-forgotten legacy of Turkish identity.

2. Turkey's Foreign Policy Discourses on the Sub-Saharan African Continent

Alongside trade, investment, education and health services and charity work, development assistance is just one part of the broader African policy created by government, NGOs and business community (Aras 2013). Clearly, this multidimensional approach requires diversification of political language in use. As much as it seems the sign of Turkey's growing influence in global politics on its own right, humanitarian and development aids need to be broadly analysed in terms of discourse construction. It can be argued that the combination of national interest and humanistic dimension constitute Turkish aid policy to African countries who have been benefiting from Western development assistance for years. Here it must be reminded that there are emerging non-Western donors in the global development regime. And regarding this rising global development assistance trend, Turkey's experience is not unique but in line with this growing trend in world politics (Kardaş 2013).

One way to understand Turkey's foreign policy discourse regarding its African policy in general and its development aid policy towards this continent in particular, is to take domestic and international dynamics into

account together. While the current AKP government tries to persuade Turkish public not to oppose such foreign expenditures, it also searches for legitimate reasoning for its activism in international arena. In this respect, the construction of Turkish foreign policy discourse has three different tracks supporting each other: The first track is *the humanitarian discourse*, generally exploited by government representatives presenting Turkey as a distinctive rising power with benevolent characteristics. The second track is *the anti-colonial discourse* referring the 'clean' history of Turkey. The third track is *'Rising Power'* slogan and *Turkey-as-a rising power or emerging middle power discourse* fuelled by regional and international opening processes and it addresses both domestic and international politics. All these three pillars help to establish the image of Turkey as a rising benevolent power/partner with humanistic intentions at both rhetorical and practical levels.

Notwithstanding the earlier assumption of geographical division between North Africa and Sub-Saharan Africa, Turkey's new African outlook aims to contain the whole continent (Özkan 2012). Alongside the presence of geographical integration of Africa in mind, several Turkish foreign policy discourses still address African countries on the ground with respect to their political, cultural and economic differences.

2.1. Rise of "Humanitarian" discourse through Turkey's humanitarian diplomacy

Turkey's rising capacity to affect international politics enabled the creation of a new foreign policy discourse called as *humanitarian diplomacy* that was introduced by Ahmet Davutoğlu, current Prime Minister and former foreign minister of Turkey. Whilst stressing the critical equilibrium of material power and conscience, he argued that if either of them is missing, the result will be either cruelty or weakness (Davutoğlu 2013). He underlined three dimensions of Turkey's humanitarian diplomacy, which refer to – citizens of Turkey, policies toward crisis zones and global world order (Davutoğlu 2013). It is important to bear in mind that all these dimensions

and power-conscience relations are directly tied with the proactive foreign policy of Turkey in the last decade.

Trade, investment and free flow of human sources need institutional and practical assistance which can be provided by many ways including embassies, consulates and direct flights. Davutoğlu's emphasis on non-governmental organizations and the business world, as much as on state institutions, reflects the multidimensional aspect of changing foreign policy. Crisis zones represent second pillar of humanitarian diplomacy and capacity-test for Turkey as well. In this sense, peace and stability promotion in Somalia is the biggest challenge for Turkey. It is directly related to Turkey's position in Africa. Turkey's political role in Africa, like the USA or France, is in part dependent on the success of these kinds of attempts. Otherwise Turkey continues as an economic actor in the region like India, Brazil and China (Özkan 2013b).

Turkish humanitarianism is also underpinned by a combination of historical and religious discourses. Within this multilateral character of Turkey's development and humanitarian aid policy, the way religious discourses have been constructed by the policies of Turkish religious foundations in Africa can be assessed. In addition to state institutions like the Presidency of Religious Affairs, non-state Islamic solidarity movements such as IHH (Humanitarian Relief Foundation), Kimse Yok Mu, Cansuyu etc, and religious communities (Gülen movement, Süleymancılar, the Hüdayi foundation etc) generally work on various fields including education, health, social and infrastructural projects (Ozkan 2013b).

In this regard, it seems clear that religion appears as an important aspect of Turkey's African policy despite the fact that there is no religious homogeneity among African people. There are several religious meetings hosted by Diyanet including "Meeting of Muslim Religious Leaders in the Continent of Africa" in 2011. Religion-based discourse embedded Turkey's humanitarianism approach can easily be seen in, Erdogan's, President of Republics statement about the non-colonial past of Muslim

countries in the 'First Latin American Countries Muslim Leaders Summit' in 2014:

> *"The religion of Islam was never used as a tool for exploitation, creating colonies and enslavement. While others used religion to exploit and force people to bow to themselves Muslims and Islamic states strived to inform people about Allah, win the hearts and souls and elevate the name of the Almighty. Muslims strived for good deeds and not quantity. They struggled for introducing Islam to more and more souls." (Diyanet 2014)*

Humanitarian diplomacy is a unique concept associated with political distinctiveness, humanitarianism, religious references, mutual benefit and history. From this perspective, humanitarian diplomacy is instrumental to legitimize Turkey's new foreign policy which enhances Turkish standing in the region through mediation and development aid programs.

2.2. Anti- Colonial Discourse and Its Limitations

Like China and India, the motives of Turkey's opening in the African continent is still not clear in the minds of Africans (Özkan 2010). Regarding the colonial legacy factor, Turkish officials underline the distinctive character of its involvement in Africa, which can easily be distinguished from that of other external actors' in Africa, and try to build an image that Turkey has never had, and will have, imperialistic intentions in Africa (Aras 2013). In this regard, an anti-colonial stance, historical references, and political commonalities are prominent components of Turkey's new African discourse.

Turkish officials have built an anti-colonial discourse which gives Turkey a clean identity, and prompts anti-Western language as well. It is aimed to avoid a negative perception that Turkey exploits African weakness to enter its markets (Aras 2013). In illustration, when Erdogan addressed the parliament of Gabon, he recognized the role of Western dominance as the main cause of the continent's underdevelopment and remarked with pleasure that, "*Contrary to others, we see our common*

history, we see only friends and brothers when we look at Africa," (*Today's Zaman* 2013)

To stress Turkey's non-colonial past, historical references are given to underpin the image of cleanness. Despite limited political relationship with Africa in both Ottoman and post-1923 Republican period, new Turkish discourse depicts Turks as friends who fought against colonialism with Africans (Bilgiç and Nascimento 2014). Mevlüt Çavuşoğlu who is the current foreign minister underlined historical solidarity between Africans and Turks, says:

> *"Turkey has never been in a colonial position or relationship with the Continent. On the contrary, African nations looked for help from Ottomans in their struggle against colonial oppressors. Furthermore, it is known that our War of Independence which we fought close to a century ago under the able leadership of the founder of the Turkish Republic, Mustafa Kemal Atatürk, has had a strong influence on the African peoples in their struggle for liberation and independence. Echoes of this past have been heard all along when the Turkish Navy was making port visits in 24 African nations" (New Vision 2014)*

From the perspective of anti-colonialism, Turkey also faces some challenges. Turkish officials and other actors generally want to be considered as Europeans, but when it comes to Africa, they forgot their European identity (Bacık and Afacan 2013). Forgetting and recalling political and social identities is one part of discourse construction. Keeping Turkey's membership process of the European Union for more than 40 years in mind, it is clear that Turkey searches for full-membership of that club. Furthermore, pro-Western stance of Turkey during the Cold War years confirmed Turkey's historical position in international politics.

To some extent anti-colonial discourse can help to consolidate the legitimacy of Turkey's image, but it also carries some risks as seen clearly in the deterioration of Turkey-France relations just after the vote of French law forbidding denial of Armenian genocide in the French Parliament.

When Erdogan targeted France for a colonial bloody history of its own for what France did in Algeria and Rwanda, Algerian prime minister criticized his counterpart for capitalizing Algerian blood (*Today's Zaman* 2012).

Despite Turkish leaders' strong emphasis on anti-colonialism discourse, as seen clearly in official development assistance records, traditional Western donors still represent major sources of development assistance in Africa (Kardaş 2013). Moreover, due to their different colonial backgrounds, the countries in Africa constitute their own way of thinking and decision-making about anti-colonialism (Ozkan 2008). This also how Turkish anti-colonialist discourse is problematic and does not fit very well the realities of the African continent.

2.3. Turkey as-a-Rising-country discourse

Rising development aid performance of Turkey in the last decade demonstrates ambitious foreign policy ideals such as 'new Turkey' or 'Turkey as a rising power' – which started to be used frequently by Turkish decision-makers' in official discourses and, lesser so, in Turkish academia and media. If the economic growth constitutes the material dimension of this 'new' discourse, development and humanitarian aid is the symbolic component (because Turkey was a country who received Western development aid for years). In 2013, Turkey became the third most generous country after the USA and the UK in humanitarian aid statistics and it reached the first rank (*Global Humanitarian Assistance Report* 2014) in terms of GNI (Gross National Income). Of course, the government officials refer to these indicators while constructing their political discourses on "New Turkey" and "Rising Power" both inside and outside the country (*Hürriyet Daily News* 2014).

In domestic realm, such activism in Africa and other parts of the world is seen as the clear indicator of Turkey's rise in global politics, and having reputable position in the eyes of developing countries. 'Rising power' or 'New Turkey' mottos address many Turks who are actually dissatisfied with Turkey's past status in world affairs which has long been

economically and, to a lesser extent, politically dependent on Western countries. For them, Turkey's proactive foreign policy illustrates the end of passive stance toward international politics. Former president Abdullah Gul depicted Africa as the mirror that reflects Turkey's rising status.

> *"Turkey once had to borrow from foreigners; now we are offering loans to African states." (Bacık and Afacan 2013)*

It is true that Turkey has some special advantages in Africa, and this continent became a symbolic arena where Turks show their might to Europeans (Bacık and Afacan 2013). In terms of political and economic rapprochement between Turkey and Africa, it can also be argued that most of the European powers acting in Africa do not want that their economic and strategic presence jeopardized by the growing presence of other countries. (Uchehara 2008). Ahmet Davutoğlu also stressed the inter-state competition between Turkey and France in North Africa.

> *"We have to deal with our neighbouring countries and even go to Africa. The superpowers are watching this in bewilderment. France tries to understand why we are working in Africa. I have already given an instruction: Wherever Sarkozy goes, he must see the building of the Turkish embassy and whenever he looks up he must see the Turkish flag. I have already instructed that offices be rented for embassies in the best places." (News.Az 2009)*

Despite its willingness to become a rising political and economic player in Africa, Turkey's capabilities are limited to stability provision, aid and dialog facilitation in the region (Aras 2013). Turkey, nevertheless, has been trying to construct a new discourse towards Africa based upon its soft power with the aim of extending its influence both in African continent and in the wider world. (Wheeler 2011)

3. Turkey's Development Aid Policy Towards Africa in Focus

Even if Turkey tries to create an 'one Africa' image erasing all geographical, religious, ethnic and other differences, ODA flows illustrates

selectiveness of Turkish foreign policy. The majority of Turkey's African assistance went to Sub-Saharan Africa before 2012 (2011: 211 million US dollars). In the last two years, the share increased to Northern Africa, and declined proportionally to Sub-Saharan's countries. The reason behind this is the special agreement between Turkey and Egypt in 2012.

	2013	2012	2011	2010	2009	2008
North Africa Total	591,8	569,97	58,48	3,64	3,23	6,4
South of Africa Total	190,93	179,5	211,3	34,44	43,73	45,33

***Figure 1**: Regional Distribution of ODA in Africa (Source: OECD)*

In line with its foreign policy activism in the Middle East, Turkish government signed a protocol with Egyptian Ministry of Finance to provide a loan of up to 1 billion USD to Egypt and as a result the first tranche of 500 million USD of the loan was given to this country in 2012 and the second tranche of 500 million of the loan was accorded in 2013 (*TIKA Turkish Development Assistance Report* 2013). Figure two above clearly shows how the aid accorded to the North Africa increased after 2011. Nevertheless, the proportion of Sub-Saharan Africa in the total aid flows to the Africa remained almost stable after 2010.

All 51 countries in Sub-Saharan Africa (with the exception of five island countries) received ODA funds from Turkey in 2013; however it must be reminded that most of these countries received a low amount of aid (under 500,000 US dollars) (OECD Stat 2013[1]).

[1] OECD (2013): Dataset: aid (ODA) disbursements to countries and regions [DAC2a]; online: http://stats.oecd.org/Index.aspx?DatasetCode=TABLE2A (accessed 16 Oct. 2013).

***Figure 2**: Total Amount of Turkish ODA to Africa in the Last Three Years (Source: OECD Statistics 2013)*

As seen clearly in the figure three, Turkey's development aid policy in Sub-Saharan Africa follows a constructivist perspective, which argues that the foreign policy of each state is defined by their identity and the ideas that are constructed through interactions with other states. In this sense, it is noticeable in the distribution of the Turkish funds went to Muslim-majority countries, which were in the realm of influence of the Ottoman Empire and / or have close ethno-cultural connections to Turkey (Sudan, Eritrea, Ethiopia, Djibouti, Somalia, and even Niger and Chad). This argument has been proved right as seen clearly in the distribution of Turkish ODA to Africa in the last three years. The figure three indicates that the most significant Sub-Saharan African aid-recipient countries in the last three years were Somalia (295,740,000 Million USD), Sudan (89,960,000 Million USD), Niger (15,210,000 Million USD), and Senegal (9,190,000 Million USD). More specifically, the two largest recipients were the Muslim majority countries: Somalia and Sudan.

In addition to that, most of these aid-recipient countries are located in the horn of Africa, except Senegal, Niger and to a certain extent Mauritania. Indeed, Turkey has increased its involvement in the Horn of Africa, presumably due to its geographical proximity, its high Muslim population, and historical Ottoman era ties. Somalia is an interesting example in this regard. In August 2011, at the height of the most recent hunger crisis in the Horn of Africa, then Prime Minister, current President of Republics Erdoğan was the first non-African Head of State to visit Somalia in nearly 20 years. Following the visit, the embassy in Mogadishu was re-opened; 250 million US dollars in emergency aid were pledged; support in the military sector (for the training of military personnel) was approved, various development projects (primarily in the infrastructure sector) were launched and a TİKA Coordination Office was opened (Aynte 2012 [2]). In his speech at the UN General Assembly in September 2011, Erdoğan emphatically pointed out the failure of the international community in Somalia and called for stronger international efforts. An amount of over 365 million US dollars was collected in Turkish private donations for Somalia in the same year; in 2012 the government gave over 1,200 full scholarships to Somalis to study in Turkey (Harte 2012, 28 [10, p. 27–38]). Turkey then held the II Istanbul Somalia Conference in mid-2012. Turkish Airlines now has direct flights to Mogadishu several times per week and the Nile Foundation has opened the first Turkish secondary school in Somalia. Somalia is a clear example of how development cooperation fits into the larger framework of Turkey's foreign policy, which comprises economic, military and cultural cooperation as well as political support.

Lastly, the horn of Africa is priorized by the Turkish government and TIKA agencies, the main institution through which official aid channelled to Africa. TİKA until recently maintained three offices in Addis Ababa, Khartoum and Dakar. In 2011, it opened offices in Mogadishu and in 2012 in Nairobi. These offices function mostly as regional bureaus for supervising projects in surrounding countries (Mehmet Ozkan 2013:47).

Conclusion

Since the arrival of the AKP in power in 2002, Turkey-Africa relations have incorporated economic, political, social and cultural plans. In the sphere of development assistance, Turkey's development aid to the African continent has dramatically increased in the last decade. For instance, Africa had a share of 31 percent from Turkey's official development assistance in 2012 which represents an amount of 772 million USD. It is worth mentioning that the majority of Turkey's African assistance went to Sub-Saharan Africa before 2012 (2011: approximately 211 million US dollars for Sub-Saharan Africa against 59,480,000 million US dollars for North Africa).

Turkey has constructed several policy discourses to support and legitimate its extensive development aid projects in Africa. These policy discourses are mostly related to humanitarian diplomacy, anti-colonial stances and Turkey's global rising. The concept of humanitarian diplomacy has been used by Ahmet Davutoglu to boost Turkey's active involvement in humanitarian crisis zones like Somalia. The anti-colonial discourses are used to present Turkey as a distinct donor without colonial past and imperialistic ambitions in Africa and to distinguish Turks from other (Western) major powers in their relations towards the African continent. Turkey's activism in Africa can also be seen as a clear sign of Turkey's ambitions to acquire global status, expand its sphere of influence and to rival the EU – especially France known as the strongest opponent of Turkey's membership to the EU.

Theoretically, Turkey's development cooperation in Sub-Saharan Africa can be explained from a constructivist approach because it has been mostly established on the basis of cultural, historical and religious ties. These cultural, religious and historical roots of Turkey's development aid policy to SSA explain why the Muslim-majority countries especially with those having past ties with the Ottoman Empire (Somali, Sudan, Ethiopia, Niger) are the largest recipients of Turkish aid assistance. From a

constructivist perspective, Turkey has tried to develop in the minds of Africans, especially the Muslim countries, its own identity of being a brother Muslim nation that cares about their future due to its shared historical, cultural and religious ties. In turn, African leaders expect Turkey to perform this role of a Muslim fellow with humanistic ambitions in a consistent manner in the implementation of its aid development policy.

This study assumes that African leaders have generally positive perceptions of the Turkish-Africa cooperation, and Turkey is getting their support in international instances, albeit limited. For instance, only two African countries, South Africa and Mozambique, did not vote in favour of Turkey to be a non-permanent member of the UN Security Council in 2009-2010. On the other hand, trade volume between Turkey and SSA countries has increased since the beginning of Turkey's opening to Africa. Turkish total trade volume (export and import) exceeded 6.5 billion USD in 2013, up from 810 million USD in 2002 (*Turkish Statistical Institute*, 2014). At this point it can be questioned whether Turkey's development aid policy towards Africa is sustainable in the middle and long run—though this policy has caused significant positive changes in the African leaders' perceptions of Turkey and its aid policy. Still, there is no doubt that Turkey has developed a place in recent years with its development aid, but, for this position to be long-lasting, the nature and continuity of the aid is rather important.

REFERENCES:

1. **Aras, Bülent** (2013), 'Turkey's Africa Policy', GMF Analysis on Turkey, 7 October
2. **Aynte, Abdihakim** (2012), 'Turkey's Increasing Role in Somalia: An Emerging Donor?', Al Jazeera Center for Studies Report, 22 March
3. **Bacık, Gökhan** and **Afacan, İsa** (2013), 'Turkey Discovers Sub-Saharan Africa: The Critical Role of Agents in the Construction of Turkish Foreign Policy Discourse', Turkish Studies, 14:3, 483-502
4. **Bilgiç, Ali** and **Nascimento, Daniela** (2014), 'Turkey's New Focus on Africa: Causes and Challenges', NOREF Policy Brief, 3 September
5. **Bilgin, Pınar** and **Bilgiç, Ali** (2011). "Turkey's 'New' Foreign Policy Toward Eurasia", Eurasian Geography and Economics, 52:2, 173–195.

6. CNN Turk TV (2010).''Gul Kongo'da" March 15, 2010, 22.40.
7. Davutoğlu, Ahmet (2013), 'Turkey's Humanitarian Diplomacy: Objectives, Challenges and Prospects", Nationalities Papers: The Journal of Nationalism and Ethnicity, 41:6, 865-870
8. Diyanet (2013), 'First Latin American Countries Muslim Leaders Summit Ends', 15 November, http://www.diyanet.gov.tr/en/content/first-latin-american-countries-muslim-leaders-summit-ends/22358>
9. El Moaddem, **Nassira** (2012), 'L'Afrique, eldorado de la Turquie', Slate Afrique, 25 May <http://www.slateafrique.com/87411/afrique-eldorado-tous-azimuts-de-la-turquie>
10. Harte, Julia (2012), 'Turkey Shocks Africa', World Policy Journal, 29 (4), 27–38
11. Haşimi, Cemalettin (2014), 'Turkey's Humanitarian Diplomacy and Development Cooperation', Insight Turkey, 16:1, 127–145
12. Hürriyet Daily News (2014), 'Turkey ranks 3rd most generous donor country', 4 October, http://www.hurriyetdailynews.com/turkey-ranks-3rd-most-generous-donor-country.aspx?PageID=238&NID=72519&NewsCatID=510>
13. Jeferson, Ron, **Wendt, Alexander** and **Katzenstein, Peter** (1996), 'Norms, Identity, and Culture in National Security', Peter Katzenstein (ed.), The Culture of National Security, (New York: Colombia University Press)
14. Kardaş, Şaban (2013), 'Turkey's Development Assistance Policy: How to Make Sense of the New Guy on the Block', GMF Analysis on Turkey, 4 February
15. Munyar, Vahap (2011), 'Biz Avrupalilar gibi hammaddeyi goturmeyiz, buraya teknoloji getirir birlikte kazanmaya bakarız ' Hurriyet, March 26 <http://www.hurriyet.com.tr/yazarlar/17375276.asp>
16. News.Az (2009), 'Turkish Foreign Minister: We are Neo-Ottomans', 24 November, <http://news.az/articles/3216>
17. New Vision (2014), 'Turkey-Africa: Solidarity and Partnership', Nov 13, <http://www.newvision.co.ug/news/661775-turkey-africa-solidarity-and-partnership.html>
18. Ozkan, Mehmet (2008), 'Turkey Discovers Africa: Implications and Prospects', SETA Policy Brief, No:22
19. Özkan, Mehmet (2010), 'Turkey's Rising Role in Africa', Turkish Policy Quarterly, 9:4, 93-105
20. Özkan, Mehmet (2012), 'Türkiye'nin Afrika'da Artan Rolü: Pratik Çabalar ve Söylem Arayışları, Ortadoğu Analiz, 4:46, 19-28
21. Ozkan, Mehmet (2013a), 'Does <Rising Power> Mean <Rising Donor>? Turkey's Development Aid in Africa', Africa Review, 5:2, 139- 147
22. Özkan, Mehmet (2013b), 'Turkey's Religious and Socio-Political Depth in Africa', LSE IDEAS Special Report, No:16, 45-50

23. SES Turkiye (2011).“Turkey Makes inroads into Africa” 19 November, <http://turkey.setimes.com/en_GB/articles/ses/articles/features/departments/world/2011/12/19/feature-01>

24. The Journal of Turkish Weekly (2009), ‘Full-Text Of Turkish President Abdullah Gul's Lecture On 'Turkish Foreign Policy In The New Era' At Usak’, 16 December, <http://www.turkishweekly.net/article/338/full-text-of-turkish-president-abdullah-Gul-39-s-lecture-on-39-turkish-foreign-policy-in-the-new-era-39-at-usak.html>

25. Today’s Zaman (2013), ‘Turkey sees in Africa friends and brothers, not diamonds, Erdoğan says’, 8 January, <http://www.todayszaman.com/national_turkey-sees-in-africa-friends-and-brothers-not-diamonds-erdogan-says_303450.html>

26. Today’s Zaman (2012), ‘Algeria divided after Prime Minister Ouyahia slams Turkey’, 9 January, < http://www.todayszaman.com/diplomacy_algeria-divided-after-prime-minister-ouyahia-slams-turkey_268075.html>

27. Uchehara, Kieran E. (2008), ‘Continuity and Change in Turkish Foreign Policy Toward Africa’, Akademik Bakış, 2:3, 43-64

28. Wendt, Alexander (1999), Social Theory of International Politics, (Cambridge: Cambridge University Press)

29. Wendt, Alexander (1994). ‘Collective Identity Formation and the International State’, American Political Science Review, 88:2, 384-396.

30. Westaway, Kyle (2013). ‘Turkey is poised to cash in on a stable Somalia.’, Slate Afrique, September 17, <http://qz.com/124918/turkey-ispoised-to-cash-in-on-a-stable-somalia>

31. Wheeler, Tom (2011), ‘Ankara to Africa: Turkey's Outreach Since 2005’, South African Journal of International Affairs, 18:1, 43-62

32. Yeşiltaş Murat and **Balcı, Ali** (2013), “A Dictionary of Turkish Foreign Policy in the AK Party Era: A Conceptual Map”, Center for Strategic Research, No:7

33. Youngs, Richard (2001), ‘Democracy Promotion: The Case of European Union Strategy’. CEPS Working Paper, No.167

34. OECD, <http://stats.oecd.org/qwids/>

35. Global Humanitarian Assistance Report, <http://www.globalhumanitarianassistance.org>

36. Republic of Turkey Ministry of Foreign Affairs, <http://www.mfa.gov.tr/turkey-africa-relations.en.mfa>

37. https://globalprosperity.wordpress.com/2013/03/12/the-rise-of-turkeys-development-aid-a-guarded-optimism/

УДК 341.23

В. С. Ягья

И ВНОВЬ В ТУРЦИИ: НАУЧНЫЕ СВЯЗИ С РОССИЕЙ И ДИСКУССИИ

В январские дни 2015 года в Анталии проходила Третья встреча российских и турецких интеллектуалов. Такие научные форумы стали уже традиционными. Определены дата и сроки четвертой встречи: в том же месяце и в те же дни, с 8 по 11 января, но в 2016 г. Среди их организаторов произошли небольшие изменения. К ранее известному перечню [1] добавился недавно созданный Институт развития научного сотрудничества, руководителем которого является доктор политических наук, профессор МГИМО(У) Е.Г. Пономарева. Открывая встречу, она выступила с приветственным словом, в котором, характеризуя тенденции развития российско-турецких отношений за минувший год, особо выделила процесс наполнения конкретным содержанием стратегического сотрудничества между Россией и Турцией. Е.Г. Пономарева убедительно показала, что оно охватывает не только энергетику, но и другие сферы жизнедеятельности обоих государств, в том числе науку и образование.

Участниками развернувшихся острых дискуссий были директор Института востоковедения РАН чл.-кор. РАН В.В. Наумкин, руководитель Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья того же академического института А.К. Аликберов, ответственный секретарь журнала «Международная жизнь» канд. ист. наук Е.Б. Пядышева, президент Института стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова профессор М.С. Мейер, директор Центра

партнерства цивилизаций МГИМО(У) В.В. Попов, Генеральный директор Российского совета по международным делам А.В. Кортунов, доцент факультета международных отношений СПбГУ А.А. Сотниченко, и другие российские ученые. С турецкой стороны, продемонстировав глубокие знания документов и фактологии, с оригинальными идеями и предложениями выступали профессор Международного университета Антальи Тарык Огузлу, директор Центра стратегических исследований Ближнего Востока Хасан Канболат, профессор Университета Коч Шенер Актюрк, экс-министр иностранных дел Турции Яшар Якыш, профессор университета «Билкент» Хасан Али Карасар, заведующий кафедрой международных отношений Ближневосточного технического университета Хюссейн Багджи и другие.

Одно лишь перечисление известных специалистов-турковедов, востоковедов и россиеведов говорит о высоком творческом потенциале собравшихся в одном из залов гостиницы «Дельфин» в Анталии. Они креативно обсуждали четыре глобальные темы: «Этнический плюрализм» и «национализм» в России и Турции: термины, проблемы, пути решения», «Новые подходы в отношении государств и наций», «Влияние «национальной культуры» на внешнюю политику России и Турции», «Различные подходы к решению конфликтов в рамках проблем реальной политики и культурно-гуманитарных ценностей». Многие участники выступили неоднократно, выдвигая и отстаивая свои взгляды по обсуждаемым проблемам. Зачастую дискуссия выходила за рамки обозначенных тем. И это воспринималось как вполне естественный ход теоретической и практической мысли, ибо невозможно было доказать ту или иную точку зрения по российско-турецким отношениям в отрыве от мирополитических процессов, без учета глобальных и региональных аспектов мировой политики. Не помог даже призыв Яшара Якыша сузить тематику обсуждения, сократить, в том числе

географический охват происходящих событий на Земле. Это прозвучало в тот момент, когда Шенер Арктюрк пафосно заявил: «Вскоре США, Турция и Россия образуют союз против набирающего мощь Китая». Вообще, Пекин и его политика во внешнем мире, упоминались неоднократно. Кто-то благодушно отзывался о целях и задачах Поднебесной, кто-то высказывал опасения, порождённые активностью Пекина в Азии, Африке и Латинской Америке, направленной якобы против США, третьи повторяли отрицательные трактовки российско-китайских и китайско-турецких отношений, распространяемые СМИ и в некоторых научных трудах, четвертые, пренебрегая доводами алармистов, вообще говорили о второстепенной роли Китая в международных делах и мировой экономике. Причем, многие из ссылавшихся на опыт Китая, никогда не были в этой стране и в своих рассуждениях основывались на материалах периодических, публицистических и монографических изданий. Ничего, конечно, плохого в этом нет, однако, желательно было бы видеть Китай воочию, тогда многие сомнения в реалиях Поднебесной отпали бы сами по себе.

Интересы Китая простираются далеко за пределы Азиатско-Тихоокеанского региона. Они проявляются в проектах Экономического пояса Великого Шелкового пути, охватывающего фактически все пространство Евразии, Морского Шелкового пути XXI века, обеспечивающего присутствие Китая не только в Желтом, Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях, но и в Индийском и Тихом океанах, а также использования Северного морского пути, через который Пекин рассчитывает ускорить транспортировку своих товаров в Европу и партнерски осваивать приполярные районы, по крайней мере, европейских арктических держав. В настоящее время у Китая актуально сотрудничество с Исландией и Норвегией касательно Арктики. Картосхема, показывающая эти три масштабных проекта, и представленная на обозрение на третьем российско-

китайском круглом столе по Арктике в Циндао в октябре 2014 г., носит удручающий характер, если положиться на алармистские умонастроения ряда политиков, политологов, профессоров, докторов наук, экспертов и иных специалистов. В противном же случае следует – и это справедливее – признать, что идет интенсивный процесс геополитического и геоэкономического переустройства обширных пространств земной поверхности и участием всех заинтересованных государств. Не заостряя внимания на судьбоносных планах Китая, автор статьи напомнил, что о совместном выступлении Москвы и Вашингтона против Китая еще в 1963 г. предсказывал крупный известинец В.Л. Кудрявцев, бывший долгое время секретарем Парламентской группы Советского Союза. Разговор на эту тему с ним состоялся в дни работы учредительной сессии Организации Африканского единства в мае 1963 года в Аддис-Абебе. В нем принимал участие также постоянный корреспондент Агентства печати новостей в эфиопской столице А.Мелик-Симонян и будущий сотрудник ЦК КПСС и МИДа СССР В.И. Шараев.

С лингвистической точки зрения большой интерес представляли суждения В.В. Наумкина о предполагаемом введении в турецких школах уроков османского языка. Мгновенно возник вопрос о масштабе и целеполагании изучения османского языка, отмененного в 1928 г. Кемалем Ататюрком, когда арабская письменность для турецкого языка заменялась латиницей. Пришлось напомнить, что М.С. Мейер еще в 2013 году в Казани, на Первом Форуме Российско-турецкой общественности, призывал к активизации изучения османского языка, так как огромный пласт литературы, архивных материалов, культурного и делового наследия, писавшиеся на османском языке, оказались вне доступности широким слоям турецкого населения, да и зарубежным научным кругам, чиновному миру и деловым людям; они были в неведении наличия богатой словесности и письменной культуры, и исторических документов

времен Османской империи. Кстати, в Турции начали в 2015 г. печатать архивные документы на османском языке, касающиеся Первой мировой войны [2]. Их изучение открывает немало интересных страниц из истории того периода, раскрывает множество неизвестных фактов, событий, штрихов, столь необходимых для понимания и анализа военных судеб Османской империи. Политик, эксперт и ученый-политолог не может игнорировать эти архивы, а потому следует учить османский язык.

Предполагаемое возвращение в школы Турции османского языка кое-кто из ученых и политических наблюдателей увязывает с осуществляемой, по их мнению, исламизацией. В.В. Наумкин даже заявил, что массовое введение османского языка в турецких школах будет означать последний гвоздь в крышку гроба кемализма. Эту его точку зрения никто оспаривать не стал. Вероятно, потому что наследие Ататюрка не так уж просто похоронить, изъять из турецкой жизни, многие его заветы и реформы реализованы еще при его жизни, и вошли в плоть и кровь турецкого общества, в быт и повседневность турка. При всем притом, однако, ценности ислама по-прежнему превалируют в жизни турецкого населения: речь идет, прежде всего, об осознании принадлежности к мусульманскому вероисповеданию. По опросам, недавно проведенным сотрудниками анкарских университетов Сабанчи и Коч, 48% турецкого населения ассоциируют свою национальность с религией, а язык и чувство принадлежности к данному государству занимают не первое место по сравнению с исламом. Роль религии у них уступает в определении национальной идентичности лишь соответствующему показателю в Израиле, на Филиппинах и в США. Разумеется, в формировании современной идентичности турок не могут не сказываться ценности Османской империи. Возрождение в памяти величия Османской империи, – неотъемлемая часть формирующегося современного менталитета Турции: ведь в имперской истории были не только тирания и

невзгоды. Соединение величественных начал прошлого с вестернизацией составляет объективность в становлении новой ментальности в Турции. Это проявляется и в процессе осуществляемой в Турции политической модернизации. Очевидно, в стране реализуется этатистская модель модернизации, ибо модернизационные новшества инициируются и претворяются в жизнь государством, его структурами. Далеко не всегда при этом учитываются состояние, надежды, и перспективы гражданского общества. В Турции оно есть, но уровень взаимодействия государства и гражданского общества не идеален. Массовые протесты, в том числе по поводу время от времени вводимых запретов, ограничений, налагаемых на печатные СМИ, на Twitter и иные электронные СМИ, – тому подтверждение. Да, и исламизация, связывается с частью интеллектуальных кругов, студенчества, предпринимателей, элиты партии власти – Акпарти (Партия справедливости и развития) и лично президентом Реджипом Тайипом Эрдоганом, что не по душе многим в Турции. Не прибавили политического веса и авторитета Р.Т. Эрдогану слова В.В. Путина на одной из пресс-конференций, что «турецкий президент – это крепкий мужик». Их привел в своем выступлении А.К. Аликберов, добавив, что это свидетельство слабого уровня российско-турецкого диалога. Такая оценка маститого ученого, однако, вряд ли украшает российско-турецкие отношения в середине второго десятилетия XXI века, которые развиваются с небывалым масштабом во многих сферах жизнедеятельности обоих государств и с перспективой еще большего роста.

При обсуждении этих вопросов вспоминались теоретические рассуждения С. Хантингтона, касающиеся Турции. В частности, он полагал, что эта страна относится к разряду разорванных, т. е. к тем, где имеется одна господствующая культура, которая соотносит её с одной цивилизацией, но её лидеры стремятся к другой цивилизации [3, с. 109]. В настоящее время, по-видимому, осуществляется линия

на становление Анкары лидером исламского мира. Возможность такого сдвига во внутренней и внешней политике предсказывал еще все тот же Хантингтон (или точнее – он предположил, что эта страна может стать им при определенных условиях [3, с. 277]. Однако был убежден, что «пока Турция определяет себя светской страной [что записано в её конституции – В.Я.], роль лидера ислама ей заказана» [3, с. 277]. Для достижения такой роли, по его мнению, Турции «нужно отречься от наследия Ататюрка еще решительней, чем Россия отказалась от ленинских заветов». «Возможно, для этого, – заключил свои размышления о турецкой перспективе, – потребуется лидер масштаба Ататюрка, который объединит религиозное и политическое наследие, чтобы превратить Турцию из развитой страны в стержневое государство» [3, с. 278]. Станет ли нынешний президент Турции Р.Т. Эрдоган таким руководителем, покажет будущее. Не раз на встрече звучала убежденность в том, что в стране наметился отход от кемализма. Это многим не по душе в Турции. Попытка Анкары по нормализации и лидерству в мусульманских странах, прежде входивших в состав Османской империи, (эта линия во внешней политике Турции в ряде западных СМИ, да и в российских тоже, получила название неоосманизма, хотя официально в Анкаре отрешились от такого наименования этого своего внешнеполитического курса) не увенчались успехом: яркий пример тому – ситуация в отношениях с Египтом.

Внешняя политика и Турции, и России подвержена хаотичности, турбулентности, неопределенности, непредсказуемости ситуационных событий на мировой арене. Каждая из этих стран решает свои острые международные проблемы, но в то же самое время, вынуждена реагировать на мирополитические акты и участвовать в их разрешении, особенно тогда, когда затрагиваются их национальные интересы.

В политических и научных кругах идет поиск сходных черт в состоянии общественных отношений в обеих странах – и в России и

Турции, – многоконфессиональным и политиэтническим по структуре своего населения. И в том, и другом государстве видное место занимают религиозные институты. В России это, прежде всего, Русская Православная Церковь с её четко структурированной системой управления и богослужения, далее действуют еще три традиционных религии: ислам, буддизм и иудаизм, располагающие своими управленческими службами и иерархией, у которых, как, скажем, у мусульман, не без внутренних расхождений по вопросам управленческого устройства. В Турции ведущие позиции занимает ислам суннитского толка; её верховный муфтий сумел устранить противоречия по соподчиненности священнослужителей. В Турции создан департамент по религиозным делам во главе с Мехметом Гёрмезом, который координирует работу религиозных организаций. В настоящее время идет процесс примирения с религиозными меньшинствами: алевитами, близкими к шиизму, язидами, сочетающими исламистские и христианские постулаты, христианами – православными, католиками и армянами-григорианцами. Одновременно, взят курс и на примирение с Рабочей партией Курдистана, чей лидер – Оджалан – приговорен к смертной казни, но отбывает по существу пожизненное заключение на одном из островов Мраморного моря, с ним властям удалось договориться о начале примиренческого процесса.

Не будет преувеличением сказать, что в России и Турции происходит политизация и православия, и ислама, которая является составной частью мирового процесса политизации религии. Институты этих конфессий не могут, объективно говоря, находиться вне политики, устранится от нее, ибо, как бы ни отделялось государство от религии по конституции, у многих религия в душе, в сердце, в головах и вольно или невольно мы часто соизмеряют свои действия с религиозными воззрениями, ссылками на Бога, на предназначение свыше. Да, и в проповедях, читаемых

священнослужителями своей пастве нередко слышны призывы к уважению государства, странолюбию и человеколюбию. Как можно воспринять иначе слова Патриарха Московского и Всея Руси Кирилла, обращенные к русским, живущим в Армении, а именно: «Любите народ, среди которого живете!». Политика или нет? Религиозный дух в нем, конечно, присутствует, но с точки зрения государственных интересов, миропонимания между народами он был просто необходим, придавая ему политический подтекст. Не могу не доставить себе удовольствие сослаться на тезис В.И. Ленина: «Находиться вне политики, это тоже политика!».

Политизация охватывает в России и Турции и другие религиозные верования, численно представленные адептами намного меньше, чем православие и суннитский ислам. Разумеется, их влияние не столь масштабно, хотя эффективность иногда может быть значительной. В Турции к таким меньшинствам относится православие, с Божьей помощью возглавляемое Вселенским Патриархом Варфоломеем, шиитский ислам и появившийся, если верить российскому публицисту-литератору и религиоведу Ю. Каграманову, исламский кальвинизм. Относительно последнего верования Х. Канболат, отвечая на мой вопрос, сказал, что оно, представляющее собой сочетание основных ценностей ислама и кальвинизма, как новое религиозное направление начало формироваться в Турции с 1980 г. Однако не внедрилось в массы. Возможно, не в связи с исламским кальвинизмом, а в поиске путей реформации ислама (хотя это в настоящее время абсолютно немыслимо) он предложил развитие исламского социализма и демократическое развитие ислама. В предложениях Х. Канболата ничего нет необычного. В Европе среди интеллектуальной элиты, можно услышать, что необходимы нововведения в исламскую практику, преобразования не только в обрядности, но и в божественном восприятии Корана, его пророка Мохаммеда. Такие мысли, по-

видимому, порождаются в результате радикализации ислама, о чем твердят непрестанно в СМИ, эксперты, политики, государственные деятели, общественные лидеры. Но ведь и христианский мир далек от идеала, в нем немало противоречивого и радикализма, а как иначе расценить рассвет в Европе агрессивного антиисламизма.

Распри на религиозной почве влияют на отношения стран друг к другу, в том числе и между Россией и Турцией. Различные подходы к событиям в Сирии, Ираке, Египте, на Украине и в других странах, где разгорается конфликтная обстановка, однако, не изменили позитивный характер этих связей. Расхождения пытаются использовать в своих планах западные страны. Но, как отмечали в Анталии, на пути стояла мудрость двух руководителей В.В. Путина и Р.Т. Эрдогана. П.В. Штыков вполне объективно утверждал, что турецкий президент – версия российского. Х. Багджи говорил, что роль В.В.Путина в развитии отношений с Турцией и во всем мире – велика. Отмечался и процесс путинизации в Турции. Автору этих строк уже приходилось писать об этом, и потому не может не вызвать определенного удовлетворения то, что утверждали турецкие коллеги о лидерах двух стран [4; 5].

Оценки того и другого президента могут быть и неодинаковы, но надо отдать должное, при них в руководимых ими странах произошел прорыв в экономике и политике. Турция идет к центру мировой политики, а Россия возвратила себе державное положение в глобальной системе международных отношений. И в том и в другом государстве множество проблем развития, в том числе и в области формирования гражданского общества.

Акты насилия, совершенные членами ряда псевдообщественных организаций, не располагают к гармонизации государственно-гражданских отношений.

В России, конечно, ситуация заметно иная, но, все же, и здесь существуют экстремистские, националистические и клерикальные

силы, выступающие под знаменем скрытого или явного несогласия с проводимой государственными органами власти политикой устойчивости политической и общественной системы.

Наряду с политизацией православия и ислама, укрепления их позиций в традиционных регионах распространения происходит их (этих религий) детерриторизация, т. е. проникновение и упрочение позиций православия и ислама там, где раньше адепты этих конфессий либо вообще отсутствовали, либо составляли явное меньшинство.

Для национальной идентичности населения России, неоднородного в этническом отношении, как и Турция с таким же полиэтническим населением, характерно воздействие позиционироания обеих в качестве защитниц соответственно русскоязычных и тюркоязычных. В подтверждение яркий пример тому российских действий в Украине, а Турции – выступление официальной Анкары в защиту крымских татар, когда Крым воссоединился с Россией, уйгур в Синцзянь-Уйгурском автономном районе. Та и другая страна не прочь заявить о себе как о защитнице соответственно православных (например, на Кипре, точнее в его южной части) и мусульман (например, в Бирме, власти которой подвергли гонениям приверженцев пророка Мухаммеда, суннитов в Сирии, притесняемых властями). Одновременно Анкара стремиться углублять, расширять, увеличивать и совершенствовать свои связи с государствами и российскими регионами тюркоязычного мира. Удалось ли ей убедить мировое сообщество или, по крайней мере, тюркский мир, что является его мощным центром, голос которого значителен в мировой политике – вопрос, который требует всестороннего рассмотрения. По крайней мере, это геополитическая роль Турции оспаривается. В июне 2014 года на базе Российского государственного гуманитарного университета в Москве проходила крупная конференция российских и турецких журналистов,

политических наблюдателей, экспертов и ученых. На ней выяснилось значение журналистики, СМИ и специалистов в информации общества, властей и науки о внутристрановых и международных событиях. Всеобщее удивление вызвало выступление представительницы Татарстана Ю.Ф. Миннулиной, заявившей, что Казань – это столица тюркского мира и исламского также. Будучи очевидцем-слушателем этой тирады, поинтересовался у депутата Государственной Думы М.М. Бариева, сделавшего очень содержательный доклад о Татарстане на встрече интеллектуалов в Анталии, насколько распространена в этой республике подобная точка зрения. Выслушав меня, он недоуменно посмотрел и жестко произнес: «Глупость». Слов нет, между Турцией и Татарстаном отношения развиваются, активно растет товарооборот, осуществляется сотрудничество в промышленной области, реализуются проекты в сфере науки и образования. Но вот на счет центропребывания Казани в исламском и тюркском мирах, по-моему, представительница Татарстана переборщила. Хотя может быть с точки зрения политической психологии и политической пропаганды она права: пусть волнуются, трепещут и раздражаются соперники на такое высокое место.

В любом случае, подобные заявления участвуют в оказании воздействия на формирующийся менталитет татарина, сочетающий ценности татарского народа, его конфессиональной принадлежности к исламу, татарскому и русскому мирам. Влияет ли такой национальный менталитет и идентичность на становление политической нации в России? Ответ может быть только да. Процесс образования политической (гражданской) нации, если довериться данным опросов в различных регионах страны, приведенных д-ром ист. наук проф. Л. Дробышевой, то гражданская нация (политическая) уже сложилась. По мнению директора Института этнологии и антропологии РАН академика В.А.Тишкова, она в России существует постольку, поскольку существует гражданское общество. Однако В.

Паин отрицает сложившееся гражданское общество в России, а потому в стране нет и гражданской (политической) нации. Л. Дробышева на мой прямой вопрос о том, ушла от ответа. Скорее всего, близок к истине В. Паин, бывший одно время советником президента Б.Н. Ельцина. Дело в том, что, если бы в стране сложилась гражданская (политическая) нация, то не было бы временами вспыхивающей напряженности в межнациональных отношениях в России. Ведь не случайно в правительстве страны то упраздняют государственный орган власти, занимающийся межнациональными отношениями, то вновь создают и так пока, вероятно, до бесконечности. Вероятно, это происходит потому, что вопросами межнациональных отношения занимаются люди, чьи потенциальные возможности государственной службы в этой области ограничены лишь чиновничьим (причем, часто в самом худшем значении) усердием «чего изволите-сь».

В Турции же формирование политической нации находится в зачаточном состоянии, соответствующем качественным и количественным характеристикам гражданского общества.

В процессе формирования гражданской (политической) нации велика роль индигенизации, возврата к корням, конечно, не к, скажем, пещерному веку, а накопленным столетиями и тысячелетиями ценностям, забытыми или сознательно изъятыми из духовного и практического обращения в жизни человека. Индигенизация выдвигается как противовес неудержимо развивающейся глобализации, стирающей национальные преграды, культурные особенности, а самое главное – преследующей введение ограничений на суверенитет национальных или многонациональных государств, а в далеком будущем, вероятнее всего, его устранение вообще при создании мирового правительства. Отсюда, т. е. с поиска знаковых событий в прошлом, огромный интерес в России и Турции к Первой мировой войне, столетие со дня начала которой отмечалось в 2014 г. Эта война

называлась в России нередко то забытой, то даже украденной, с точки зрения придания её абсолютному забвению. Не случайны, поэтому, многочисленные мероприятия в России по освещению многих героических фактов её участия в этой войне на стороне Антанты.

В Турции, образовавшейся на развалинах Османской империи, подвергшейся территориальному разделу между Великобританией, Францией и некоторыми их союзниками, решили тоже напомнить о своих славных страницах военных действий против британо-французских войск, в Галлиполийской битве весной 1915 г. Командовал тогда турецкими войсками, одержавшими победу и предотвратившими захват Стамбула, генерал Мустафа Кемаль, основавший позднее Турецкую республику. 24–25 апреля 2015 г., когда в Чанакалле и Гиллиполи, проходили торжества, и в тоже самое время, траурные мероприятия по погибшим со стороны победителя и со стороны побежденных. Анкара демонстрировала атмосферу дружелюбия и уважения ко всем воевавшим тогда. Турция сумела преодолеть в себе горечь поражения в этой войне своей предшественницы Османской империи и протянула всем ветвь цивилизационного примирения.

Вообще надо признать, что в Турции, придавая больше значения своей истории, тем не менее, стремятся не приукрашивать её ход, акцентируя внимание на наиболее выгодных фактах для собственного возвеличивания и умалчивания о тех событиях, которые выставляют страну не в лучшем виде. Яркий пример тому – деятельность международной Ассоциации морских исследований, созданной на I Международном конгрессе Евразийской морской истории в ноябре 2012 г. в Стамбуле. Второй конгресс проходил в июле 2014 года в Санкт-Петербурге и был связан с 300-летием Чесменской морской битвы, где турецкий флот потерпел поражение, и Гангутским морским сражением, в котором российский флот впервые одержал победу в Северной войне. Гуманистический характер научных исследований

проявился в следующих словах руководителя упомянутой Ассоциации адмирала Метина Атача, 22-го командующего ВМС Турции: «Как известно, история морских держав насыщена событиями важного военно-политического, экономического и культурного значения. Любое государство, обладающее флотом, помнит и чтит свои морские традиции и боевую летопись, стремится сохранить и приумножить морское наследие своей страны. Необходимость обобщения прошлого опыта обмена исторической информацией о развитии мирового кораблестроения, морского военного дела, деятельности известных мореплавателей и флотоводцев побудили ученых и общественных деятелей разных государств мира выступить с инициативой организации международных форумов.

Отрадно, что II Международный конгресс Евразийской морской истории состоялся именно в Санкт-Петербурге – морской столице России. Организация и итоги форума соответствовали заявленному статусу. В научном мире есть негласное правило – солидным считается мероприятие, на котором прозвучало не менее ста научных докладов. А в Петербурге было значительно больше, при этом, по нашим условиям все работы и исследования не могли быть ранее нигде публиковаться! Примечательно, что во многих исследованиях были использованы архивные материалы, которые ранее были неизвестны. Все доклады были отобраны заранее Ученым Советом. Если бы не было таких правил, то мы бы имели просто уроки истории. А так, теперь мы имеем блестящие работы, которые будут опубликованы в специальном альманахе на английском и русском языках. Эта книга будет доступна для всех, кто интересуется морским историческим наследием. Уверен, что благодаря проведенным Конгрессам, мы сможем стимулировать интерес к морской истории, особенно среди молодежи, во всем мире» [6, с. 15].

Между Россией и Турцией было немало войн, жестоких, кровавых. Однако в совокупности они охватывают менее 45 лет в

более чем пятисотлетней истории дипломатических и иных мирных отношений между ними. То есть постоянной враждебности между Россией и Турцией не было. В Петербурге несколько лет тому назад была издана книга Д. Шериха «Турецкий Петербург», в которой на конкретном материале показаны архитектурные и скульптурные памятники, воздвигнутые под влиянием или при участии турецких архитекторов, ваятелей, а также литературные связи, обмен спортивными командами и т. п. Нелишне напомнить, что в 2008 г. опубликован в Стамбуле интересный труд «Российские соотечественники в Турции: история и современность», в котором впервые рассказывается с привлечением архивных материалов, о пребывании России в Османской империи и Турецкой республики в течение XX века. Примечательным фактом стало издание в 2012 г. Генеральным консульством Турции в Санкт-Петербурге небольшой, но очень познавательной брошюры «От прошлого до наших дней: турецкие следы в Санкт-Петербурге и его окрестностях». В настоящее время в Турции проводятся олимпиады русского языка среди молодежи, а в Москве и городе на Неве – турецкого языка. Все это свидетельствует о том, что Россия и Турция оставили в стороне свои прежние распри, сумели найти путь истинного добрососедства. И это, – невзирая на имеющиеся разночтения в оценках тех или иных событий на мировой арене, на разноликость имперского синдрома, на разнородность трансформационных направлений, на неодинаковость политической, военной и хозяйственной мощи в мировом сообществе, на российское место постоянного члена в Совете Безопасности ООН и неудачу Турции в обретении двухлетнего пребывания в этом решающем органе ООН в 2014 г. Таких несовпадений можно привести еще немало. Дело не в них – Россия и Турция – две крупные евразийские державы – строят свои отношения, не зацикливаясь на противоречиях, а, наоборот, изыскивают возможность идти дальше и

дальше в своем стратегическом сотрудничестве, укрепляя одновременно региональную и глобальную безопасность.

Этому процессу придало бы еще большую надежность, прочность и перспективу осуществление планов открытия Российско-Турецкого университета, о чем уже не раз ставился вопрос перед властями обеих стран. Х. Канболат с горечью говорил о несостоявшихся пока надеждах. Этим вопросом занимался, в частности, Волкан Бозкырт, будучи соруководителем российско-турецкого форума общественности и председателем Комитета по международным делам Великого Национального собрания Турции, а сейчас он министр по связям с ЕС. Х. Канболат недоумевал, почему Турецко-немецкий и Турецко-французский университеты есть, а совместный с Россией такой вуз отсутствует. Странно, что этим делом никто по существу в России не занимается: по крайней мере, никто из россиян не откликнулся на сетования турецкого коллеги. К созданию совместного проекта можно было бы привлечь петербургских тюркологов и туркологов. Петербургская школа турковедения внесла огромный созидательный вклад в науку о Турции. Имена академика А.Н. Кононова, профессоров С.Н. Иванова и И.В. Гузева известны всему миру. Велико также значение московских ученых в исследовании Турции. Это – и М.С. Мейер, которого ректор Международного университета Антальи Джихат Гёктепе назвал дуайеном мировой тюркологии, и чл-кор. АН СССР В.А. Гордлевский, под редакцией которого был опубликован Турецко-русский словарь в 15-тысячах экземплярах в 1945 г., когда только-только закончилась Вторая мировая война.

Открытие Турецко-российского университета способствовало бы формированию единого образовательного пространства в Евразии. Тогда было положено начало подготовки совместных программ бакалавриата, магистратуры и аспирантуры по различным областям знания, которые, как справедливо заметила Е.Г. Пономарева,

обязывают к действию. Думается, что такие формы обучения, расширяющие и углубляющие компетенции и образовательно-программные виды преподавания, содействовали бы изменению той ситуации, когда, по словам М.С. Мейера, студенты не слушают на лекциях и семинарах, а больше пользуются сведениями из интернета. Вероятно, по этой причине в России постоянно распространяется мысль об отказе от аудиторных лекций и переходе к их чтению преподавателями в электронных средствах. Тогда лучшей формы оболванивания и отупения обучающегося поколения трудно было бы придумать. Невооруженным глазом видна также стратегическая цель такого обучения, а именно: провести крупные кадровые сокращения профессорско-преподавательского состава, открывающие путь к экономии бюджетных средств.

Всех поразила в Анталье невольно вырвавшаяся из уст М.С. Мейера фраза о том, что студенты МГУ им. М.В. Ломоносова плохо знают географию Турции. Возможно, имелись в виду лишь его студенты, а не учащиеся, скажем, географического факультета, преподаватели которого обладают высоким научно-педагогическим потенциалом, а студенты отменно познают различные географические дисциплины. О достойном уровне подготовки специалистов-географов известно не понаслышке, а из собственного опыта (автор этих строк имел возможность лично убедиться в период четырехмесячного повышения квалификации в МГУ им. М.В. Ломоносова): высокое качество преподавания геофак сохранил, несмотря на все реформы конца XX – начала XXI вв. Складывается сейчас впечатление, что главное для преподавателей – это не качество лекционной, семинарской работы, и студенческой практики, а индекс Хирша, цитируемость по РИНЦу, публикации (по нескольку в год, как правило) в рекомендуемых ВАКом журналах, в изданиях Web of Science или Scopus. И, тем не менее, М.С. Мейер выразил общую убежденность, что результаты научных изысканий нам надо доводить

до сведения студентов. К тому же самому призвал и Х. Канболат. Своеобразным откликом на эти призывы явились в 2015 г. проведенные в Анкаре встречи молодых исследователей развития российско-турецких отношений.

То, что молодежь тянется к качественным знаниям, к общению с преподавателями, к участию в научной работе, к активной деятельности, подтверждается двадцатилетним опытом факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета и кафедры «Международные отношения» Санкт-Петербургского политехнического университета. Студентов этих учебных заведений часто можно видеть среди участников и докладчиков различных международных и всероссийских научных конференций. Они воспитываются в духе патриотизма, веротерпимости, необходимости постоянного приобретения новых знаний и высокой культуры государственного служения. Студенты своей учебой, общественной активностью, стремлением к совершенствованию знаний, научной работой, повышают репутацию своих университетов в Петербурге, в России и за рубежом, где многие из них учатся в порядке обмена, встроенного в систему обучения совместными программами.

Приобщение студентов и Стамбула, и Санкт-Петербурга, Казани и Стамбула, Москвы и Анкары, других городов Турции и России к исследовательской работе по тематике Встреч российских и турецких интеллектуалов будет способствовать повышению потенциала сближения и сплочения наших двух стран. В итоговом коммюнике Третьей встречи этих ученых специально записано, что «отношения между двумя странами могли бы получить новый импульс за счет усиления вклада… молодежных и студенческих организаций», а также научных учреждений и институтов гражданского общества. Принципиально важное значение имеет положение в коммюнике о том, что «регулярный политический диалог, налаженный между

Москвой и Анкарой, целесообразно развить за счет углубления его интеллектуальных основ» Позитивную роль для развития диалога и сотрудничества могло бы сыграть открытие на кафедре бакалаврской программы «Зарубежное регионоведение» по направлению «Турция».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Ягья В.Я.** О дискуссиях в науке по проблеме отношений России и Турции в XXI в. // Международные отношения и диалог культур. 2014. № 2 (2013).С. 111-122
2. **Alkan S.** Turkey opening Ottoman archives over 1915 incidents // Daily Sabah, April 15, 2015.
3. **Хантингтовн С.** Столкновение цивилизаций // Пер. с англ. Т. Велимесса, Ю.Новикова. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003.
4. **Ягья В.С.** Пути-перепутья современной Турции // Актуальные проблемы мировой политики в XXI веке. Вып. 4, СПб, 2009.
5. **Ягья В.С.** Турция в современной системе мировой политики в XXI в. Вып.5, СПб.: Изд-во СПбГУ, 2011.
6. **Ковалев А.** Конгресс морских историков // Индустрия туризма и культуры. Октябрь-ноябрь 2014.

ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОСТИ

GLOBAL PROBLEMS OF TODAY

УДК 341.23=111

Cenap Çakmak (Дженап Чакмак)

TURKEY AND THE RESPONSIBILITY TO PROTECT (R2P) IN SYRIA: A CASE OF NORMATIVE FOREIGN POLICY FAILURE (ТУРЦИЯ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ЗАЩИТУ (ОЗЗ) В СИРИИ: СЛУЧАЙ ОШИБКИ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ)

Introduction

Turkey has generally remained cautious vis-à-vis international law and international legal norms mostly because of security threat perceptions. But interestingly, in the Syrian crisis, Turkish foreign policy has been overwhelmingly normative. Since the crisis began, Turkish foreign policy makers have remained committed to the protection of lives and interests of the Syrian people. During the popular riots, Turkey called on the regime to be responsive to the demands of the people, introduce reforms and stay away from violent measures. However, realizing that Assad would never constructively respond to his people (as evidenced by the brutal response to the initial peaceful protests), Turkey urged the Syrian government to step down. In so doing, Turkish policy makers insinuated that this government can no longer be considered legitimate due to its failure to protect its people.

It is possible to argue that Turkey's foreign policy elite has not wavered on its position because initial reaction (laden with a fairly normative and ethical discourse) could have been attributable to the success of the popular revolts in parts of the Arab world, indicating that a similar outcome could have been expected in Syria as well. This is an important point to note, given that many other global and regional actors

who initially sided with the opposition forces switched to a more reluctant position. This was mostly because of uncertainty and the rise of the extremist groups which concerned Western states as to the potential impact of religious fundamentalism.

But this does not necessarily imply that Turkish foreign policy in the Syrian conflict has always been successful, although success can be measured by many different criteria. Nor is it always possible to insinuate that Turkey's policy, based on the promotion of the right to protect (R2P), stems from ethical considerations.

There have been failures and decisions reflecting political ambivalence; and in some cases, some may argue, Turkey's preference can be barely justified by ethical criteria. Nonetheless, Turkey's approach vis-à-vis the Syrian crisis, in overall terms, is a good case of normative promotion on the regional and international political stage. Some may find Turkey's policy choices in Syria wrong, whilst some may view them proper and effective. This depends on the perspective employed and of course, the political orientation.

However, I believe that at least one aspect of this policy remains undisputable: that Turkey has stayed focused in the Syrian crisis on whether or not the central government fulfilled its responsibilities under international law associated with being a recognized member of the international community vis-à-vis the Syrian people. Whether this position is based on the promotion of national interests or consideration of regional developments is a separate matter.

Despite serious security challenges posed by the Syrian crisis, the Turkish foreign policy elite insistently defined the whole situation with particular reference to the international responsibility of the Syrian government. One remarkable security challenge was the influx of Syrian asylum seekers in Turkish lands; where official records show that there are more than 600,000 Syrians who have sought refuge in Turkey because of the ongoing civil war. Turkey has provided food, shelter and healthcare to the asylum seekers and an allowance to follow their curricula in schools

specifically designed for them. Turkish authorities never defined this as a national security matter; instead, they acted as if Turkey was fulfilling the responsibility to protect the Syrians. Turkey did not frame the situation in Syria as a national security issue even when a Turkish military jet was downed by Syrian forces. The Turkish military announced a change in the rules of engagement; and the Turkish foreign ministry issued a strong warning stressing that Turkey reserved the right to retaliate. However, this incident did not provide any understanding on how Turkey should approach the crisis. Turkey did not alter its position despite a huge explosion in Reyhanlı, which was attributable to its role in Syria. Even though the perpetrators remain unidentified, the Assad regime is believed to have been responsible for the terrorist attack. Despite a strong popular reaction and a growing dissent towards Turkey's resoluteness towards welcoming the Syrians, the Turkish authorities have maintained pressure on the Syrian government's responsibility vis-à-vis the people under international law.

Discourse of Normativity: Turkey's Promotion of R2P Norm in Syrian Crisis

Since the early days of the popular protests and riots in Syria, Turkey placed greater emphasis upon the responsibility of the Syrian government to protect the people. The tone in the discourse of promoting this norm was sometimes strong and sometimes direct. Turkish government, referring to the Syrian government as the main culprit, further based its argument that Syrian regime was not legitimate and should step down on the alleged failure of the regime to observe its responsibility to protect the people.

Initially, however, Turkey's reference to responsibility of the Syrian government was limited to the need for democratic reforms. In some rare cases, statements by Syrian regime figures were even welcomed by the Turkish government [34]. Turkey also remained engaged with the Syrian government in an attempt to influence the regime's attitude and response to the popular uprisings. In bilateral meetings, Foreign Minister Davutoğlu discussed possible reforms with Assad and Syrian Foreign Minister

Waleed Muallim [1]. In fact, Syrian regime seemed to have responded positively to at least some of the calls for reforms. For instance, Assad regime lifted the martial law that has been in effect since 1963 [2]. But Turkey did not find the progress sufficient, noting that they were ready to cooperate with the Syrian regime to accelerate the reform process in Syria [3]. Prime Minister Erdoğan, taking credit for the lifting of the martial law in Syria [4], suggested that Turkey is very influential in changing the attitude of the Assad regime. Prime Minister Erdoğan also told Beshar Assad over the phone that they should cease violence and introduce further reforms to improve the democratic standards in Syria [6]. Foreign Minister Ahmet Davutoğlu who welcomed the announcement of general amnesty by the Assad regime [5] believed at this stage that it was possible to cooperate with the regime to address the demands of the protestors [7].

Turkey and other stakeholders in the Syrian crisis have remained optimistic (and even constructive) up to early July 2011. Turkey, addition to sending messages to the Syrian regime, worked closely with the US in an attempt to ensure introduction of further reforms in Syria. To this end, Turkey and US reached a consensus over working together to force the regime to respond to the demands of Syrian people [8]. But they changed their position since mid-July. US State Secretary Hillary Clinton stated on 12 July that President Assad could no longer stay in power [9]. Similarly, US President Barack Obama also said in a televised show that Assad lost his legitimacy as president [11]. As a last resort, Turkey, realizing that diplomatic engagement would not work to secure the change they desired, decided to deliver an ultimatum to Syrian government in early August. In this ultimatum, Foreign Minister Davutoğlu defined Syrian crisis as an internal matter of Turkey [12]. But Assad regime dismissed this call and strongly reacted to the ultimatum, noting that any international or regional initiative envisaging interference with their domestic affairs would be considered unacceptable [13].

Turkey's initial moves also had the blessing of major powers and actors including the US and the EU. An EU figure stated their hope that

Assad administration would respond to Turkey's calls constructively whereas Mark Toner from the US State Department referred to Turkey's attempts as strong message to the Syrian government that reliance on violent measures to suppress popular riots was unacceptable [14]. In a phone conversation, Turkish Prime Minister Erdoğan and US President Obama discussed the Syrian crisis and expressed deep concerns over the excessive measures against civilians in that country. They further urged Syrian regime to cease violence against civilian protestors [15]. In a similar vein, Turkish Foreign Minister Davutoğlu told the press that unless he stops the military operations against civilian people, there would remain nothing to discuss with Assad [16]. Prime Minister Erdoğan made a similar call where he stated that those who rely on brutal measures would attain nothing other than a bloody outcome [17]. In addition, Turkish President Abdullah Gül confirmed the stance upheld by the government and noted that they have exhausted all diplomatic options to settle the dispute peacefully [18].

Starting September 2011, Turkish government switched its position from diplomatic engagement to an activist stance by which it placed strong emphasis upon the responsibility of Syrian government and the need to replace it with a democratic and responsible alternative government. By this stance, Turkey associated legitimacy of a government to whether or not it fulfills its international legal responsibilities to protect the civilian people. Reliance on this discourse of responsibility can be attributed to how Turkey framed the Syrian refugee crisis and how it attempted to create an international coalition to ensure that Assad is toppled.

Turkey pursued an open door policy for the Syrians leaving their country out of fear of persecution instead of relying on a securitizing discourse. However, rather than focusing on the possible repercussions of admitting the growing number of Syrian refugees, Turkish government preferred drawing attention to the Syrian government's responsibility. Foreign Ministry, for instance, announced that it was the responsibility of

the Syrian regime to create the necessary ground for the return of the Syrians who were living in Turkey temporarily [35].

In the meantime, Turkey also welcomed the UN Human Rights Council committee members who were investigating the situation in Syria in the camps where the Syrian refugees were hosted. The Turkish government further used this opportunity to prove how the Syrian regime breached its international legal responsibilities vis-à-vis its people. During a Council visit, Turkish Ministry of Foreign Affairs stated that the regime committed crimes against humanity and that the inflow of refugees was a proof of widespread criminality of Assad administration [37].

In an attempt to prove breach of legal responsibilities by Syrian regime, Turkey also frequently relied on other international institutions. Referring to the Arab League's decision on Syria as an indication that Syrian regime cannot be trusted, Turkey urged the Syrian administration to read the message of the League properly and underlined that Syria's failure to respond to the constructive calls should be taken by the international community into consideration [36].

Turkey consistently called the attention of the international institutions or mechanisms to the situation in Syria where it argued Syrian regime failed to fulfill its responsibilities. Thus, use of international mechanisms was part of its normative strategy in the Syrian crisis by which it has been seeking to ensure the fall of Assad regime. The institutions and mechanisms Turkey relied on in this strategy included Arab League, UN Human Rights Commission, UN Security Council and UN General Assembly. In reference to a decision by the Arab League's Foreign Ministers Council in Jan 2012, Turkey officially stated that reliance on collective punishment methods to deal with popular uprisings in Syria raised grave concerns and underlined that the Syrian administration had to withdraw all military units from residential areas, release political prisoners and allow international press and observers of Arab League to do their job inside Syria. Referring to the call in the League's decision, Turkey also asked the UN Security Council to respond this call for support

and to ensure that international community fulfills its responsibility in face of the dire situation in Syria [38].

Turkish authorities must have been aware that the League is a weak institution which would very unlikely change the attitude of the Syrian government. However, what Turkey was seeking was not a direct intervention or effective action by the League. Instead, Turkey seized the opportunity of Syria's failure to respond to the League's calls and the messages the League delivered to justify and strengthen its political position. In addition, Turkey also welcomed the League's work in tandem with the UN, although realizing that the latter would be far more influential in the Syrian case. Turkey offered full support for Kofi Annan who was designated as special envoy jointly by the League and the UN for Syria [41].

Turkish government, however, was aware, and actually stressed in the meantime, that Syria would not respond positively to Annan's efforts and requests. But Turkish authorities did not miss the opportunity when Syrian regime failed to honor its promises made to special envoy Annan to urge the international community's involvement in the Syrian crisis. Recalling that the Syrian regime had 48 hours to honor its promises, Turkey, noting that the regime failed to do so, argued that the UN Security Council should adopt a strong resolution on measures to protect Syrian people [43]. It should also be noted, however, that Turkey once more welcomed appointment of another special envoy for Syria, Lakhdar Brahimi [50]. Yet the motivation remained the same: that Turkey wanted to prove its point and use Syria's failure to respond to the demands by international actors to justify its position.

It could be argued that the best option for internationalization of the Syrian crisis and for an effective response by international community was to ensure UN Security Council's involvement and decisive action in the crisis simply because the Council was authorized to make binding decisions on preservation of international security and peace. Thus, a decisive and strong Council decision was what Turkey desired for most. But Turkey, being aware that such an outcome was only a very remote

possibility, instead made its position public in international institutions like General Assembly and UN Human Rights Council where normativity at least partially mattered.

Turkey developed an active stance in the Human Rights Commission where decision-making is not very much affected by power balances and political entanglements in world affairs. Turkey actively took part in drafting a resolution at the UN Human Rights Commission in March 2012 on the humanitarian situation in Syria. The proposed draft was passed a resolution by overwhelming majority (3-37). Turkish foreign ministry presented this voting outcome as a strong and clear indicator that the international community cannot remain bystander to the ongoing humanitarian crisis and human rights violations in Syria and expressed full support for the efforts of the international community to address the Syrian crisis under the UN's supervision [42].

In a separate initiative, Turkey also took a massacre committed by regime forces in Homs on 25 May 2012 to the UN's human rights body. Turkey, along with a few other like-minded countries, made a call at this venue for a special meeting in Geneva. The meeting culminated in adoption of a resolution by 41 votes which condemned the murder of a number of civilians and recalled that this was a violation by Syrian regime of the UN Security Council Resolutions 2042 and 2043. The resolution also called the Syrian administration to end violence and human rights breaches in Syrian territories. In an official statement, Turkish foreign ministry reiterated its commitment to working closely with the Syrian people and international community in an effort to address the legitimate demands of the people [46].

The international institutions Turkey used to prove breach of responsibility to protect by the Assad regime include the UN General Assembly. In an attempt to address the Syrian crisis which, in the words of Turkish foreign ministry, "has become a threat to international peace and security," delegations from 70 countries including Turkey proposed a draft resolution at the Assembly in Feb 2012. The proposal was adopted as a

resolution by 137 affirmative votes. Turkey, referring to the overwhelming support for the initiative, depicted the outcome as an indication that international community should consider measures to deal with the crisis in Syria. Based on this resolution, Turkey also argued that Syrian regime is no longer legitimate in interstate relations [40]. Turkish decision makers attempted to use the General Assembly in another instant to promote their stance. Along with some 60 countries, Turkey contributed to the drafting of a resolution at the Assembly and lobbied for its adoption. The draft was passed as a resolution by 133 votes. Turkey's reaction in this case was also the same; the resolution was presented as an indication of the international community's decisiveness to remain focused on the Syrian case. In addition, by reference to this resolution, Turkey also underlined that the Syrian regime should comply with what the message in this resolution asked for [49].

But Turkey intensified its efforts at taking attention of the UN Security Council to the Syrian crisis. This is interesting given that the General Assembly is the best place to consolidate the will and intention of the international community. In other words, in case of performing responsibility to protect in place of a government that failed to observe its responsibilities, General Assembly is the best candidate as all UN members are represented in this body on the basis of equal voting rights. However, Turkey's interest in the Security Council is also understandable because the Council is authorized to make binding decisions. And because of this role and power, the Council seems to be the best option for Turkey's Syria policy by which it sought to change the regime.

Turkey's reaction to the UN Security Council's stance vis-à-vis the humanitarian crisis and civil war in Syria was sometimes critical; but in some instances, Turkish authorities welcomed the Council's resolutions on the same matter. The ambivalence of Turkish decision makers could be explained by their focus on ensuring the end of Assad regime rather than proper fulfilment of the responsibility to protect. Where the Council failed to adopt a resolution introducing some sanctions for the Syrian regime,

Turkey ardently criticized the composition of this body, arguing that the veto power the permanent members enjoy is not justifiable.

To this end, Turkey strongly reacted to the Council's failure to adopt a draft resolution in early Feb 2012 and underlined that the veto power actually means greater responsibility which Russia and China, in this particular case, did not deliver. Turkish decision makers further condemned the Council because it was not able to address a situation threatening the international peace and security which falls into its jurisdiction [39]. But Turkey praised another Security Council action which culminated in adoption of a draft resolution by unanimous vote. Referred to as the Council's ability to respond to the situation in Syria decisively and unanimously and as a step taken towards the right direction, the resolution endorsed a six-article plan Annan offered to the parties [44]. Turkey also expressed its satisfaction with a similar Council resolution in late April 2012 which created a UN Supervision Mission in Syria (UNSMIS). Turkey's foreign ministry also noted that it was expecting full cooperation by the Syrian regime with the international community and UNSMIS [45].

However, with the exception of some few cases like this one, Turkey harshly criticized the Council and even questioned its competence and legitimacy to supervise the international security and peace. Turkey accused the Council of failing to fulfil its responsibilities under UN Charter to supervise international peace and security when a draft resolution on the UNSMIS was vetoed by two permanent members in late July 2012 [48].

Similarly, speaking at the UN General Assembly plenary session, Turkish President Abdullah Gül described the Council's inability to take action in Syrian crisis as "shameful." [31] Foreign Minister Ahmet Davutoğlu, speaking to a Swiss paper, criticized the Council for blocking the discussion of the situation in Syria [32].

Turkey's initiative to create a loose coalition of states, Friends of Syria

As part of its policy, Turkey worked tirelessly at efforts to build and sustain a broad international coalition. The coalition was assembled to prove

that the international community is not with the Assad regime and sides with the opposition. This was a fairly bold move given that a state is considered equal to all others in the international stage and that its sovereignty needs to be respected by the others all the time. This cardinal principle of international law suggests that a state is member of a global community and that by virtue of this membership; it is supposed to enjoy the rights all others do. Turkey however has implied that Syria, as a member of this community, has failed to observe its international legal responsibilities which were in fact associated with its sovereignty, attracting more than 90 countries to its ambitious initiative, Friends of Syria.

Turkey's attempts to create a loose and yet a broad coalition of like-minded states which would subscribe to some major principles applicable to the Syrian crisis mainly included conferences held with the participation of a group of states. Turkish decision makers paid particular attention to these conferences as venues of proving the illegitimacy of the Syrian regime under international law. Turkey, along with a few other states, served as the core of this initiative which turned into a major part of Turkey's Syria policy in early 2012.

Turkey also played a role of agenda-setting in these conferences; the items discussed in the meetings included a wide range of issues including cease of armed violence, withdrawal of the regime forces from the residential areas, provision of uninterrupted humanitarian assistance to the Syrian people, start of an acceptable political transition process and provisional protection for the Syrian people who fled to neighboring countries for security reasons, the review of the international efforts being performed under the auspices of the UN and Arab League as well as future initiatives to address the situation in Syria. The delegations in a meeting in March 2012 which Turkey described as milestone towards a democratic Syria also discussed the recent activities and efforts by the Syrian opposition to start a democratic transformation process in recognition of the legitimate demands and expectations of the Syrian people. The participants also deliberated upon the 6-article Annan Plan which Turkish

Foreign Minister described as the last chance for the Syrian regime to honor the demands of the international community [22]. In a statement after the meeting, Turkish Foreign Minister Davutoğlu officially acknowledged that Turkey recognized the Syrian opposition groups' umbrella coalition as the legitimate representative of the Syrian state [23].

Another meeting of the Friends of Syria coalition was held around the same time in 2013 in Istanbul with the participation of foreign ministers. The participants, noting that the situation in Syria was product of the regime's policies to suppress the legitimate demands of the people by reliance on violence, regarded the meeting as a contribution to the efforts by the international community at assisting the Syrian people [53]. It appears that the meeting was dominated by the US and Turkey and that one of the key issues the participants tackled was how to create a unified and strong umbrella organization of Syrian opposition groups. In a press conference held subsequent to the meeting jointly held by US State Secretary John Kerry, Turkish Foreign Minister Ahmet Davutoğlu and the Syrian opposition's interim Prime Minister Ghassan Hitto, the support for Syrian opposition and growing interest of international community to the Syrian crisis was underlined [29].

A month later, a follow-up meeting of the one in Istanbul was held in Amman on 22 May 2013 with the participation of foreign ministries from a number of countries including Turkey, the US, Britain, Qatar, Saudi Arabia, Jordan, UAE, Italy, Germany and France as well as members of Syrian opposition [54]. A similar meeting where the same subject matters were discussed was also held in London in October 2013 [30].

In the group's meeting in Doha, Qatar, in June 2013, members of the Friends of Syria coalition decided to supply arms to the opposition forces for use in their fight against Assad regime. This is a crucial decision which was, however, taken by only a small number of states (foreign ministers of 11 countries participated in the meeting) including Turkey, US, Britain, France, Egypt and Saudi Arabia that participated in the meeting. Speaking at the joint press conference after the meeting, Qatari foreign minister said

the delegations at the meeting agreed on the preservation of the balance between the parties in Syria and on delivery of arms to the chief of staff of the Free Syrian Army (FSA) [21].

Turkish foreign ministry depicts the creation of Friends of Syria initiative as the final stage of a four-stage strategy Turkey pursued vis-à-vis the Syrian crisis. Davutoğlu referred to the bilateral talks with Assad regime as stage 1, to the efforts within the Arab League as stage 2 and the measures within the UN as stage three, adding that they moved to stage 4 because the first three did not work [21]. This final stage apparently aimed at ensuring recognition of the Syrian opposition by the international community as the legal representative of Syria. The Friends of Syria coalition recognized the Syrian National Council in that role and capacity for the first time in a meeting in Morocco, held with the participation of more than 100 states [27].

Friends of Syria initiative was a smart move which Turkey used to prove that Syrian regime was illegitimate and unable to represent the Syrian people because of its failure to protect them from genocide and crimes against humanity. And Turkey also acted very carefully in the meetings of this group; most of the time, the agenda was worked out by Turkish delegates; in addition, Turkish decision makers sought to have an agreement on the most common denominator to avoid an impression that the members of the group hold different opinions. For this reason, Turkey saved relatively controversial issues for the meetings held with the participation of a small number of states and raised the issues that would potentially attract wider normative support in larger meetings of the group. In addition, to avoid schisms and to preserve the group consolidated and unified, Turkey also presented the initiative as a normative endeavor rather than as a block against other states or actors. In other words, Friends of Syria was defined as something every state with a normative stance in Syria would pay attention to.

For instance, Turkey strongly denied the allegations that the Turkish Foreign Minister asked the participants in a meeting of the Friends of Syria

in Paris on 6 July 2012 to isolate Russian Federation and China in case they would not change their Syria policy and underlined that no reference was made to any country in the meeting. In an official statement, Turkey further said they find it normal if there are differences between the national policies of Turkey and the policies of other states with regard to the Syrian issue and that they use other venues to discuss these differences [47].

Friends of Syria would voice the response of the international community to the Syrian government's atrocities which legally entail the enforcement of R2P measures. In practice, the formation of Friends of Syria was expected to send a strong message to the Assad regime that it is no longer welcome as the legitimate representative of the state of Syria and to honor the opposition as its new recognized government. The line this initiative would draw between the principle of nonintervention and the breach of the R2P norm was certainly blurred.

Turkey's role and efforts at creating a unified Syrian opposition alliance

As part of its policy to change the regime and political administration in Syria, Turkey also made efforts to ensure emergence of a strong and unified opposition that could replace the Assad regime and serve as the legitimate representative of the Syrian people and state in international arena. The efforts included contributing to the settlement of the disputes between different opposition groups and presenting the Syrian opposition as a legitimate political actor to the international community.

In an attempt to create unity among the different opposition elements, Turkey convened a Syrian national liberation conference in Istanbul in July 2011 where a council was set up to appoint an interim government enjoying broad support to fill the power gap after the Assad regime [10]. Turkey hosted another conference with the participation of Syrian opposition figures from different parts of the world in Istanbul. The participants declared the foundation of Syrian National Assembly (or Council) and adopted a paper reflecting their views at the meeting [19]. Turkish decision makers have remained focused on the whole process

where the Syrian opposition figures founded an umbrella organization. For instance, Foreign Minister Davutoğlu received their representatives in his office [20] without hesitating that such a move would violate the rights of Syrian state as an entity of international law.

Turkey further supported the activities of the Council which announced in late July 2012 that they would work on a transitional government in a meeting in Cairo. The Council also discussed a working constitution in this meeting [24]. This was a major step forward to create a unified organization that would be able to represent the different opposition groups in Syria. These groups met in Doha where they agreed on an alliance of Syrian opposition and revolutionary forces that comprised 60 members [25].

Turkish Foreign Minister Ahmet Davutoğlu who delivered the closing speech at the meeting said: “This is a historic day; and tomorrow will be a fresh new start. This will be a new start. I would like to let you know that the Syrian representatives have agreed on a roadmap. These representatives will enjoy legitimacy by virtue of representing the Syrian people.” Davutoğlu who also sent a message to the Assad regime urged him to step down because the people would determine the fate of Syria [26]. Thus, Turkey’s efforts culminated in the creation of Syrian National Coalition, a loose umbrella organization of Syrian opposition elements, in Doha. Turkey, noting that this was the first time the Syrian opposition was able create such a broad coalition, welcomed this step. In an official statement, Turkey also asked the international community to recognize the Coalition as the legitimate authority of Syrian state and people and to express support for its activities and cause [51].

The Coalition further elected an interim government in a meeting in Istanbul in March 2013. Turkey welcomed this progress and referred to it as the decisiveness of the Syrian National Coalition to serve as the only legitimate representative of Syrian people [52]. Turkish elites strongly supported the interim government in different times and venues. Speaking at the Arab League Summit in Doha, Turkish Foreign Minister Ahmet

Davutoğlu urged the participants to make sure that the Syrian interim government would be represented at the United Nations [28]. But Turkey was not unable to keep the coalition intact. Despite intensive efforts to create a unified and strong political opposition, some serious disagreements resurfaced among the diverse members of the coalition. What forced Turkey to change its priorities dramatically, however, is the emergence of ISIL threat in the region. In consideration of the growing influence of this radical extremist organization, Turkey tried to present the Syrian opposition as something the international community needs to support to address international terrorism. Davutoğlu, arguing that al Qaeda and Assad cooperated in the Syrian conflict, further claimed that Syrian opposition was fighting both Assad and ISIL and for this reason, it deserved attention by the international community [33].

Non-intervention versus R2P

Non-intervention is certainly a strong norm which enjoys universal acceptance by states and the status as a universal customary law. But R2P, a nascent ethical norm, appears as a possible exception to non-intervention. The norm basically says that in cases where the national authorities are unable or unwilling to protect the people from genocide, crimes against humanity, war crimes and ethnic cleansing, the international community has a responsibility to intervene. The idea here is that sovereignty yields to responsibility under international law. This is not in fact an unusual approach given that the powers of a person should be proportionate to his or her responsibilities under a legal setting. Hence, it is not illogical or unreasonable to argue that a state, as a legal person under international law, should be held responsible in some cases given that it has substantial powers vested in it by the entire international community.

However, it may be argued that R2P is a radical interpretation and understanding of international law. A state has been considered responsible by virtue of being a sovereign entity in the international political plane vis-à-vis the other states. As part of its responsibility, a state has to honor its

international agreements, respect the borders of other states and avoid an act of aggression in its relations. A state's responsibility vis-à-vis its own people has been on the other hand defined by its national law rather than international law. In recognition of mass atrocities caused during World War II, the international community developed new rules and norms by which the states have become obligated to respect and guarantee some basic rights of the people in their jurisdiction. In other words, it is fair to argue that a state assumes international legal responsibility by acceding to international human rights treaty vis-à-vis real persons as well. In case this responsibility is breached, some measures are offered as a remedy. International human rights courts are established as a mechanism of external supervision towards these responsibilities. If a state breach of international human rights is confirmed by such an institution, the culprit is required under its international legal obligations to pay compensation or in extreme circumstances change its legislation.

The R2P norm pushes the scope of external measures towards a different dimension. In case a state breaches its responsibility of protecting the people, the international community as a whole is deemed authorized to take action and fulfill this responsibility in lieu of that state. How is this norm different from a state's human rights obligations under international law? In case of human rights violations, we can speak of intervention in different forms. A court verdict requiring payment of compensation may be viewed as some sort of intervention in the internal affairs. But where R2P is breached, the relevant norm states that the international community may take proper measures including military intervention to protect the people. Therefore, a violation of R2P norms entails broader measures available to the international community, ranging from condemnation to economic sanctions and from coercion to military intervention.

Conclusion: Problems in implementing R2P norm

Its implementation is of course not problem-free. A major problem remains as to who and how should determine whether a certain state has

violated its responsibility to protect the people and what measures should be enforced to address its breach. The practice so far reveals that the UN Security Council has assumed an aggressive role in defining the scope of R2P norms and has taken measures to handle situations where this norm has been gravely violated. In the cases of Darfur and Libya, the Council concluded that the Sudanese and Libyan governments failed to protect their peoples from such grave violations as crimes against humanity and war crimes, deciding that this constituted a threat to international peace and security. But, interestingly, the Council has never adopted a resolution allowing military intervention in Sudan whereas NATO forces carried out military operations in Libya to protect the people against probable brutality by Gaddafi with the Council's blessing.

For obvious reasons, the Council has so far failed to follow a similar course of action in Syria despite the fact that widespread international crimes have been documented by credible institutions including the Human Rights Council and Human Rights Watch. Russia did and will obviously block the Council from taking measures including military intervention in the Syrian civil war. This is why Turkey was and is unable to lean on a Council action. This poses a major problem and impasse for Turkey which has been committed to raising the issue of an R2P breach in the three-year long conflict. Aware of the Council's inability and ineptness, Turkey has made persistent and strong calls for an effective involvement of the international community in the matter.

This is a reliable alternative to the Council's involvement in determining a breach of the R2P norm and taking measures accordingly. Despite that, it has never mentioned an R2P norm in its Syria policy. Turkey, in the absence of the Security Council's as promotion of the norm, tried to attract members of the international community to the carnage in Syria. In its calls to the international community, Turkey referred to the grave violations in Syria and to the extensive sufferings of the Syrian people, suggesting that the international community needed to replace the Syrian central government given that it became apparent the people were

longer protected. A major initiative as part of this policy was Friends of Syria, an unofficial gathering of states expressing support for the opposition and/or the people in Syria. This bold initiative demonstrated some success in the initial stages. Turkey was able to attract more than 90 countries to this loose alliance. The initiative however, further required a strong and consolidated opposition which would have to prove its competence in order to replace the Assad regime. Additionally, the opposition groups should have refrained from grave violations and proved their continued commitment to a normative agenda. Sadly, the opposition has never managed to form a unified force; more importantly, documented crimes committed by foreign militants who fought against Assad's regime undermined the normative legitimacy of the opposition groups. The Friends of Syria, the broad coalition Turkey created, was dissolved because of these failures. As a result, Turkey's ambitious policy fell short of enforcement measures in connection with the R2P norm in the Syrian crisis.

REFERENCES:

1. BYEGM (General Directorate of Press and Information at the Office of Prime Minister). Ayın Tarihi (Monthly History), 6 April 2011.
2. BYEGM. Ayın Tarihi, 19 April 2011.
3. BYEGM. Ayın Tarihi, 26 April 2011.
4. BYEGM. Ayın Tarihi, 1 May 2011.
5. BYEGM. Ayın Tarihi, 1 June 2011.
6. BYEGM. Ayın Tarihi, 14 June 2011.
7. BYEGM. Ayın Tarihi, 16 June 2011.
8. BYEGM. Ayın Tarihi, 20 June 2011.
9. BYEGM. Ayın Tarihi, 12 July 2011.
10. BYEGM. Ayın Tarihi, 17 July 2011.
11. BYEGM. Ayın Tarihi, 13 July 2011.
12. BYEGM. Ayın Tarihi, 6 August 2011.
13. BYEGM. Ayın Tarihi, 7 August 2011.
14. BYEGM. Ayın Tarihi, 9 August 2011.
15. BYEGM. Ayın Tarihi, 11 August 2011.
16. BYEGM. Ayın Tarihi, 15 August 2011.
17. BYEGM. Ayın Tarihi, 23 August 2011.
18. BYEGM. AyınTarihi, 28 August 2011.
19. BYEGM. Ayın Tarihi, 15 September 2011.

20. BYEGM. Ayın Tarihi, 18 October 2011.
21. BYEGM. Ayın Tarihi, 24 February 2012.
22. BYEGM. Ayın Tarihi, 31 March 2012.
23. BYEGM. Ayın Tarihi, 1 April 2012.
24. BYEGM. Ayın Tarihi, 28 July 2012.
25. BYEGM. Ayın Tarihi, 11 November 2012.
26. BYEGM. Ayın Tarihi, 12 November 2012.
27. BYEGM. Ayın Tarihi, 12 December 2012.
28. BYEGM. Ayın Tarihi, 26 March 2013.
29. BYEGM. Ayın Tarihi, 20 April 2013.
30. BYEGM. Ayın Tarihi, 22 June 2013.
31. BYEGM. Ayın Tarihi, 23 September 2013.
32. BYEGM. Ayın Tarihi, 15 October 2013.
33. BYEGM. Ayın Tarihi, 19 January 2014.
34. "Suriye'deki Olaylar Hk." (On Developments in Syria), Ministry of Foreign Affairs, Press Statement No: 82. Ankara, Turkey, 25 March 2011.
35. "Türkiye'ye Sığınan Suriyeli Vatandaşlar Hk." (On Syrian people who seek refuge in Turkey), Ministry of Foreign Affairs, Press Statement No: 209. Ankara, Turkey. 15 Sept 2011.
36. "Arap Ligi'nin 12 Kasım tarihinde Suriye hakkında almış olduğu karar hk." (On Arab League's decision on Syria on 12 November), Ministry of Foreign Affairs. Press Statement No. 255. Ankara, Turkey, 3 November 2011.
37. "BM İnsan Hakları Konseyi Suriye Uluslararası Soruşturma Komisyonu Raporu Hk." (On Report by UN Human Rights Council International Commission of Inquiry in Syria), Ministry of Foreign Affairs, Press Statement No: 275. Ankara, Turkey, 29 November 2011.
38. "Arap Ligi Dışişleri Bakanları Konseyi'nin 22 Ocak 2012 tarihinde Suriye konusunda aldığı karar hk." (On decision by the Arab League's Foreign Ministers Council on 22 Jan 2012 on Syria), Ministry of Foreign Affairs, Press Statement No. 26. Ankara, Turkey, 24 January 2012.
39. "BM Güvenlik Konseyi'nin Suriye Konusunda Bir Kez Daha Karara Ulaşamaması Hk." (On UN Security Council's inability to adopt a resolution on Syria once again), Ministry of Foreign Affairs, Press Statement No. 38. Ankara, Turkey, 4 February 2012.
40. "BM Genel Kurulu'nun Suriye Kararı Hk." (On UN General Assembly's Resolution on Syria), Ministry of Foreign Affairs, Press Statement No. 48. Ankara, Turkey, 18 February 2012.
41. "BM Eski Genel Secreteri Kofi Annan'ın BM ve Arap Ligi'nin Ortak Suriye Özel Temsilcisi Olarak Atanması Hk." (On The appointment of former UN Secretary General Kofi Annan by UN and Arab League as special envoy for Syria), Ministry of Foreign Affairs, Press Statement No. 57. Ankara, Turkey, 24 February 2012.

42. "BM İnsan Hakları Konseyi'nin Suriye'ye İlişkin Aldığı Karar Hk." (On UN Human Rights Council's Resolution on Syria), Ministry of Foreign Affairs, Press Statement No. 69. Ankara, Turkey, 2 March 2012.
43. "Suriye'nin Annan Planı Çerçevesindeki Taahhütlerini Yerine Getirmemesi Hk." (On Syria's Failure to Fulfill its promises it made as part of Annan Plan), Ministry of Foreign Affairs, Press Statement No 102. Ankara, Turkey, 10 April 2012.
44. "Birleşmiş Milletler Güvenlik Konseyi'nin Suriye Hakkında Kabul Ettiği Karar Hk." (On the UN Security Council's Resolution on Syria), Ministry of Foreign Affairs, Press Statement No. 104. Ankara, Turkey, 14 April 2012.
45. "Birleşmiş Milletler Güvenlik Konseyi'nin Suriye Hakkında Kabul Ettiği Karar Hk." (On UN Security Council's Resolution on Syria), Ministry of Foreign Affairs, Press Statement No. 113. Ankara, Turkey, 21 April 2012.
46. "BM İnsan Hakları Konseyi'nin Suriye Kararı Hk." (On UN Human Rights Council's Resolution on Syria), Ministry of Foreign Affairs, Press Statement No. 152. Ankara, Turkey, 2 June 2012.
47. "Suriye Hk." (On Syria), Ministry of Foreign Affairs, Press Statement. Ankara, Turkey, 11 July 2012.
48. "BM Güvenlik Konseyi'nde Suriye Konusunda Bir Kez Daha Karar Alınamaması Hk." (On Failure to Adopt a resolution at the UN Security Council on Syria), Ministry of Foreign Affairs, Press Statement. Ankara, Turkey, 19 July 2012.
49. "BM Genel Kurulu'nun Suriye'ye İlişkin Kararı Hk." (On UN General Assembly's Resolution on Syria), Ministry of Foreign Affairs, Press Statement No. 195. Ankara, Turkey, 4 August 2012.
50. "Yeni BM-Arap Ligi Suriye Ortak Temsilcisi Sayın Lakhdar Brahimi'nin Atanması Hk." (On the Appoinment of Lakhdar Brahimi by the UN and Arab League as Special Envoy on Syria), Ministry of Foreign Affairs, Press Statement No. 202. Ankara, Turkey, 19 August 2012.
51. "Suriye Muhalefetinin Yeni Bir Yapılanmaya Gitmesi Hk." (On the Emergence of a New Syrian Opposition Structure), Ministry of Foreign Affairs, Press Statement No. 256. Ankara, Turkey, 12 November 2012.
52. "Suriye Ulusal Koalisyonu Tarafından Geçici Hükümet Kurulması Hk." (On the creation of an interim government by Syrian National Coalition), Ministry of Foreign Affairs, Press Statement No. 74. Ankara, Turkey, 19 March 2013.
53. "Suriye Konulu Dışişleri Bakanları Toplantısı Hk." (On Meeting of Foreign Ministers on Syria), Ministry of Foreign Affairs, Press Statement No. 113. Ankara, Turkey, 19 April 2013.
54. "Amman'da Suriye Konusunda Düzenlenecek Toplantı Hk." (On a meeting in Amman on Syria), Ministry of Foreign Affairs, Press Statement No. 145. Ankara, Turkey, 21 May 2013.
55. "Suriye Konulu Dışişleri Bakanları Toplantısı Hk." (On a meeting of foreign ministers of Syria), Ministry of Foreign Affairs, Ankara, Press Statement No. 280. Ankara, Turkey, 21 October 2013.

УДК 94

Ван Цзюнь Тао

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ЦИНСКОЙ ДИНАСТИИ В УЙГУРСКОМ РАЙОНЕ (XIX ВЕК) [1]

История уйгурского народа богата государственными образованиями [1]. Первое уйгурское образование было создано в 323 году на Хангае и получило название первый уйгурский каганат. Он просуществовал около двухсот лет. Второй каганат возник в 523 году и был уничтожен Тюркским каганатом в 603 году. Третий Уйгурский каганат появился на территории бывшего Восточно-тюркского каганата через 140 лет. Его центр находился на территории современной Северной Монголии. [2, с. 17].

Это было феодальное государство с пережитками родоплеменных отношений. Несмотря на эти пережитки, образование уйгурского каганата, с наследственной властью, следует рассматривать как новый этап в этническом и политическом развитии уйгуров. Создание уйгурского каганата стало важным этапом в развитии самоназвания, этнического и политического единства уйгурского народа. Народы, объединившиеся в каганате, получили название уйгуры. Это этническое образование привело к смене родоплеменного союза к народности, а в области общественного развития смену родовых отношений феодальными.

В Третьем уйгурском каганате были развиты земледелие, скотоводство, различные промыслы и ремесла. «Памятники говорят о самобытности уйгурской цивилизации. Хотя материальные культура

[1] Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант № 15-03-00224).

уйгуров имеет глубокие центрально-азиатские корни, но именно уйгуры начали серьезно насаждать в центрально-азиатских степях оседлую цивилизацию со строительством обширных многоквартальных городов и крепостей» [3, с. 86].

В 840 году третий Уйгурский каганат распался из-за распрей внутри господствующей группировки и нападений со стороны енисейских кыргызов. Большая часть уйгуров переселилась на юго-запад, где возникло Уйгурское Кянсуйское (Ганьчжуское) государство. На западе было основано буддистское Уйгурское государство Идикутов. Другая часть уйгуров переселилась в степи Средней Азии и вместе с национальностями карлуки и ягма основало государство Караханидов, со столицей в Кашгаре. В конце I тысячелетия в Таримском бассейне и Джунгарии уйгуры стали основным населением региона. [4].

В эпоху Арсланханов и Караханидов шла дальнейшая политическая консолидация и упрочение независимости уйгурского народа [5]. На обширной единой территории — от Комула (на востоке) до Ферганы (на юго-западе), на землях двух уйгурских государств: Уйгурии Арсланханов и государства Караханидов – произошло слияние кочевых уйгуров с оседлыми уйгурами. Тем самым завершился процесс консолидации уйгуров в единый народ.

В начале V века уйгуры обладали высокой культурой, своей письменностью. Уйгурское письмо развивалось из согдийского языка, относящегося к восточноиранской группы иранских языков. На этом языке говорили в Согдиане в долине реки Зеравшан: на территории современных Узбекистана и Таджикистана, а также многочисленных согдийских колониях вдоль так называемого «Шелкового Пути». Вместе с согдийской письменностью уйгуры приняли в 762 г. манихейство (греч. Μανιχαϊσμός, кит. упр. 摩尼教, пиньинь: *mónijiào*) – синкретическое религиозное учение, возникшее в III веке в государстве Сасанидов (на территории современного Ирака).

Название происходит от имени основателя – Мани, который стремился создать единое для всех стран учение. В основе учения лежали христианско-гностические представления, опиравшихся на специфическое понимание Библии. Со временем оно впитало большое число заимствований из других религий – зороастризма и буддизма – по мере распространения в других странах.

В IX веке вся территория Уйгурии была разделена между тремя уйгурскими государствами: на севере – Уйгурское государство Идикутов, на юге – Уйгурское Караханидское государство, на востоке – Уйгурское Кянсуйское государство. Все области населенные уйгурами и крупнейшие города: Сандиб, Кумул, Турфан, Бешбалык, Карашар, Кучар, Аксу, Баласагун, Кашгар, Яркенд, Хотан были объединены этими государствами.

Существование трех уйгурских государств на территории исторической Уйгурии содействовало их взаимодействию с соседями. Известны случаи политического объединения. Уйгурское государство Караханидов укрепляло контакты с мусульманскими странами. Уйгурское буддистское государство Идикутов, при Чингиз-хане вошло в состав Монгольской империи на правах пятого улуса.

В конце IX века и начале X века в южные районы Синьцзяна из Средней Азии проник ислам. В середине X века вспыхнула религиозная война между исламом и буддизмом, продолжавшаяся более 40 лет. В начале XI века после распада княжества Юйтянь, ислам распространился по всему Синьцзянскому району [3, с. 27].

В середине XIV века Чагадайское ханство стало насильно насаждаться ислам, который стал главной религией монголов, уйгуров, казахов, киргизов и таджиков. В итоге в начале XVI века ислам пришел на смену буддизму и стал главной религией в Синьцзяне. Исторически религии в Синьцзяне непрерывно эволюционировали, что было связано с проникновением в регион из извне различных религий. Сегодня в Синьцзяне главными религиями являются ислам, буддизм (включая ламаизм), христианство,

католичество и даосизм [6]. Среди некоторых национальностей по-прежнему сравнительно большое влияние имеет шаманство.

В середине XIV века из Чагатаева улуса выделяется Могольское государство, которое покрывало территорию Уйгурии. Слово «могол» является не этническим наследником слова «монгол», а скорее династийным его преемником. То есть основное население Моголистана было тюркоязычным, а точнее, они были уйгурами, но их правители считали себя потомками Монгольских ханов. Столицей Могольского государства был провозглашен город Бешбалык, уже бывший одно время столицей Уйгурского государства Идикутов.

Уйгурская культура, оказала большое влияние на развитие монгольской культуры. Монголами была воспринята уйгурская письменность в качестве государственного письма. Так же целиком были заимствованы литература, религиозные традиции. Уйгуры занимали важные государственные должности при дворе монгольских ханов.

В XVI веке Уйгурия получила новое название: Мамлакат и Моголия (Государство Моголия). Столицей этого государства был провозглашен город Яркенд. Особенностью этого государства было то, что политическая жизнь страны во многом определялась деятельностью ходжей (от перс. *хадже – господин*) – почетный титул мусульманина. Ходжи появились в Восточном Туркестане как лидеры двух сект суфийского ордена Накшбандие: белогорцев и черногорцев. Они занимали исключительно влиятельные позиции в социальной и политической жизни страны, их последователями были ханы и царевичи. Вскоре ходжи обрели огромную неформальную светскую власть. Ни одно политическое решение в Могольском ханстве не могло быть принято без одобрения ходжей.

Белогорцы и черногорцы постоянно враждовали друг с другом. Их вражда способствовала проникновению на территорию Уйгурии джунгаров, монголоязычного народа населявшее ойратское

Джунгарское ханство. К концу XVII века Могольское ханство фактически стало вассалом Джунгарского ханства.

Воспользовавшись политической борьбой разных кланов в Джунгарском ханстве, Императорский Цинский Китай ввел свои войска на территорию ханства. Имперские войска династии Цин встретили яростное сопротивление со стороны Джунгарского ханства. Целью маньчжуро-китайской экспансии было захват этой территории, войска империи Цин стремились не просто «…окончательно ликвидировать ойратское государство, но и физически уничтожить ойратов как народ… Ойраты (джунгары) поголовно вырезались, несмотря на пол и возраст, что вызывало паническое бегство все большего числа людей на север, в пределы Российской империи» [7].

Одновременно Империя Цин начала завоевание восточной части Уйгурии [8]. Для уйгурского народа начался тяжелый период испытаний. Территории подвергались оккупации, сопровождавшиеся истреблением мирных жителей, фактически проводился геноцид уйгурского народа. Борьбу уйгурского народа возглавили потомки известного религиозного авторитета — лидера секты белогорцев – Аппак Ходжи, – братья Бурханэддин и Ходжа Джихан. Однако сказалась старое противоборство белогорцев и черногорцев. Лидер черногорцев Яхья Ходжой выступил против братьев. Братьям Бурханэддину и Ходжа Джихану удалось разгромить своих политических противников, но сплотить население Уйгурии перед лицом внешней опасности полностью не удалось. Основной причиной их поражения было отсутствие единства среди уйгурских лидеров [9].

В результате завоевания маньчжурской династией Джунгарии и Восточного Туркестана обе области фактически превратились в колонии Цинской империи. В 1760 году они были искусственно сведены в особую военно-административную единицу – имперское наместничество Синьцзян (新疆 – кит. *«новая граница»* или «*новые рубежи»*). Китайское слово Синьцзян впервые было использовано для

обозначения Уйгурии лишь в середине XVIII века в год образования наместничества.

Наместничество стало важным стратегическим плацдармом в Центральной Азии. Этому были подчинены политические и экономические действия Цинской Империей. Синьцзянское наместничество подчинялось императорскому наместнику Северо-Западного Китая и имело свое административное деление. Территория Джунгарии была разделена на пять округов, Восточный Туркестан – на шесть. В каждом округе власти создали укрепленные пункты и караулы. Только в одной Джунгарии был размещен сорокатысячный военный гарнизон [10].

Цинское правительство в 1762 году учредило должность Илийского генерал-губернатора – высшего военно-административного чина в Западных территориях. Во главе округов были поставлены маньчжурские чиновники, они исполняли одновременно военные и гражданские функции. Была установлена более жесткая система управления, чем в Монголии и Тибете. В имперском наместничестве были расквартированы маньчжурские и китайские войска из Ганьсу, которые содержалась за счет средств местного населения [11].

На опустошенных землях создавались китайские, монгольские и маньчжурские военно-пахотные поселения, в которых применялся также труд ссыльных преступников из внутренних районов Китая. Туда же переселялись оказывавшие сопротивление властям уйгуры, их прикрепляли к земле на положении государственных крепостных крестьян. Все население выплачивало цинским властям ренту-налог за землю. Каждый крестьянин кормил своим трудом трех цинских солдат. Уйгуры облагались в 3–5 раз большим налогов, чем другие группы земледельцев. Они должны были нести так же ряд тяжелых трудовых повинностей (строительство городов и дорог, ремонт, устройство оросительной системы). Кроме ренты-налога, который оставлял 10–50% урожая, уйгуры вынуждены были сдавать властям

золото, медь, селитру, шафран, свинец, холст, хлопок, шелковые ткани, меха, фрукты и т. д. [12].

Другие народы населяющие Синьцзян, освобождались от уплаты податей. Налоговые льготы получили кыргызские племена и их старейшины, казахские роды. От властей они также получали различные награды, привлекались к государственной службе. Такая политика Цинского правительства проводила к разжигания межнациональной розни [13]. (Чжао Хайся. Циндай Синьцзян миньцзу гуаньси яньцзю 赵海霞. 清代新疆民族关系研究 (Исследование межнациональных отношений в Синьцзяне эпохи Цин). Пекин: Миньцзу чубаньшэ, 2014. – 261 с.) Местная власть в районах проживания уйгуров сохранилась в форме старой традиционной феодально-бюрократической системе беков (феодалов, занимавших чиновничьи посты, переходившие по наследству от отца к сыну).

Установление Цинского господства имело тяжелые последствия для всего населения Синьцзянского района: уйгуров и других неханьских народов [14]. (Ян Чжицзюань, Ню Хайчжэнь. Чжунго сибэй шаошу миньцзу тунши. Ди шии цэ, Циндай цзюань 杨志娟，牛海桢. 中国西北少数民族通史. 第十一册，清代卷 (Сводная история национальных меньшинств Северо-Запада Китая. Т. 11: Эпоха Цин). Пекин: Миньцзу чубаньшэ, 2009. – 540 с.) Власти не уделяло внимания экономическому развитию региона. Захватив контроль над важными торговыми путями Центральной Азии, правительство не использовало его в интересах Синьцзяна. Напротив, оно препятствовало расширению внешнеторговых связей региона, что соответствовало общему изоляционистскому курса правящей Цинской династии. После завоевания Синьцзяна власти стремились прервать традиционно сложившиеся хозяйственно-экономические связи этого района с Сибирью. В 1768 и 1790 годах прекратилась торговля русскими товарами на всей территории Синьцзяна. Запрет на торговлю относился и к деятельности британских купцов.

Торговля в самом Синьцзяне была монополизирована цинской администрацией. Купля продажа товаров местного производства, сбыт изделий, привозимых из внутренних провинций Китая, были в руках местных властей. Запрещался ввоз металлических изделий, по мнению цинских чиновников, они могли быть использованы населением для изготовления оружия. За нарушение торгово-промышленной деятельности, виновные несли суровые наказания. Все эти действия Цинской династии препятствовало развитию экономики Синьцзяна [12].

Правительство Цинской Империи проводило жесткую политику, направленную на разорение региона [15]. В основе такой политики лежал отсталый социально-экономический строй самого Китая. Цинская Империя не стремилась способствовать хозяйственному и культурному развитию своих национальных окраин. Жесткая эксплуатация населения дополнялась грубыми формами и методами национального гнета. Путем внеэкономического принуждения цинские власти принуждали местное население оплачивать содержание войск и огромный административно-бюрократический аппарата.

Маньчжурские и китайские чиновники, пользуясь отсутствием контроля со стороны наместника Синьцзяна, без стеснения использовали своё служебное положение для личного обогащения. Местное население нещадно грабили китайские купцы. Они по дешёвке скупали местные товары, и в несколько раз дороже продавали привезенные, особенно чай [12]. Уйгурская светская и духовная элита, несмотря на предоставленные Цинаской династией льготы, полностью зависела от маньчжур, заставлявших с ними разговаривать не иначе, как стоя на коленях. Повсеместно попирались обычаи и религиозные чувства мусульман уйгуров проживавших на территории Синьцзяна [16].

(潘向明，《清代新疆伊斯兰教教派问题刍议》，《清史研究》，2004年，第3期，59-66页 Пань Сянмин / Проблемы ислама в Синьцзяне во

времена правления династии Цин / «Исследования истории династии Цин» / 2004 – № 03 – с. 59–66)

Уйгурский народ не смирился с потерей независимости. Через год после образования наместничества, произошло крупное восстание в Кашгаре. В 1765 году жители Уч-Турфана, на юге Уйгурии, в течение нескольких месяцев вели вооруженную борьбу. Эти выступления уйгурского народа были подавлены Цинской Империей, власти начали насильственное переселение уйгурского населения с юга на север Уйгурии. Эти действия преследовали двойную цель. Во-первых, разрядить обстановку и выслать наиболее активных борцов за свободу. Во-вторых, использовать труд уйгуров для содержания оккупационную армию на севере Уйгурии. Этих переселенцев – уйгуров, цинские власти нарекли маньчжурским словом «таранчи», что означает – землепашец.

В начале XIX века в Синьцзяне сложилась тревожная ситуация. В 1814 и 1816 гг. вспыхнули восстания уйгурского населения, их возглавили сыновья белогорского Сарымсака-ходжи: Джахангир-ходжа и Юсуф-ходжа. Наиболее сильным было восстание 1826–1827 гг. под руководством Джангир-ходжи. Повстанцы сумели захватить Кашгар, затем распространили свое влияние на Яркенд и другие населенные пункты [17]. В феврале 1827 г. войска Цинской династии начали подготовку к военной операции по захвату Кашгара, в марте они захватили город. Джангир-ходжи вынужден был отступить, летом он попал в плен и был казнен в Пекине. Восстание было жестоко подавлено, карательные действия армии потрясли страну. Политика Цинской Империи создала почву для нового мусульманского выступления. После казни Джахангира-ходжи в 1828 году все надежды уйгуров возлагались на его брата Юсуфа-ходжу.

Осенью 1830 года Юсуф-ходжу окружил Кашгар. Штурм цитадели города – Яркенде окончился неудачей, восставшие потерпели поражение, восстание пошло на убыль. Население меньше поддерживало восстание, чем в 1826 – 1827 годах. Вновь обострились

противоречия между белогородскими и черногорскими ходжиями. Этим умело воспользовались Цинские власти, они умело разжигали религиозную вражду между двух исламских сект. В октябре 1830 года китайский наместник Синьцзяна Чанлин начал наступление на повстанцев. В конце 1830 года Юсуф-ходжа с несколькими тысячами своих сторонников вынужден был отступить к границе и покинуть территорию Синьцзяна.

В 1847 году вспыхнуло новое восстание под руководством племянников Джахангира-ходжи, в истории оно получило название «восстание семи ходжей», по числу его руководителей. Оно было подавлено в том же году. В Кашгарии в 1857 году вспыхнуло восстание под руководством Валихан-тюря (племянника Джахангира), которое было жестоко подавлено в августе 1858 года [22].

Большое влияние на освободительную борьбу уйгурского народа оказало Тайпинское восстание (1850–1864) [18]. Это было крестьянское восстание против Цинской империи [19]. Против господства манжуров поднялись все мусульманские народы Синьцзяна – уйгуры, дунгане, киргизы и таджики. Выступление проходило под религиозным знаменем ислама, во главе движения встали духовные руководители – ходжи и простые муллы. Борьба носила не только антиманьчжурскую, но и антикитайскую направленность.

В 1867 году вспыхнуло восстание уйгурского население Илийского края. Императорская власть была свергнута. На территории Синьцзянского наместничества возникло, пять небольших мусульманских государств. На территории Джунгарии, два: Урумчинское (Дунганское) и Кульджийское и в Восточном Туркестане три: Кашгарское, Хотанское и Кучарское. Через три года ханства Восточного Туркестана объединились в одно мусульманское теократическое ханство – Йеттишар (Семиградье). Якуб-бек был провозглашён ханом Йеттишара под именем Бадоулет.

Якуб-бек провёл ряд прогрессивных реформ: модернизировал армию, упростил бюрократическую систему, сократил ее аппарат,

уменьшил налоги, сборы и повинности с населения, отменил внутренние пошлины, упорядочил финансы. Он поощрял торговлю, строил караван-сараи, прокладывал новые каналы и оросительные системы. Однако созданный им режим был суровым, и подчас жестоким.

Для укрепления своего государства Якуб-бек использовать противоречия между Россией и Великобританией. Царская Россия развивала с Йеттишаром торговлю, но не шла на его дипломатическое признание. Великобритания пыталась использовать Якуб-бек хана против России. Ему посылалось оружие из Индии. Определенная помощь оказывалась и со стороны Османской империи.

Восстание тайпинов поставило перед Цинской Империей вопрос о характере политики в отношении отошедших от Китая районов. Решение этого вопроса вызвало большие споры. Возникло две противоположные точки зрения. Первую выражал, Цзэн Гофань, он считал решение о возвращении утерянных территорий возможно мирным, дипломатическим путем, посредствам признание независимости образовавшихся государств. Вторую точку зрения представлял – Айсиньгёро Исюань, носивший титул «великий князь Чунь», он был сводным братом императора. Его позиция сводилась к самым решительным военным действия [17].

12 января 1875 года скончался император Китая. Вопреки правилам престолонаследия, на трон был возведен племянник вдовствующей императрицы Цыси, мальчик четырех лет, сын младшей сестры Цыси и великого князя Чуня. К власти пришли военные, выступавшие за возвращения Синьцзяна под власть Пекина, главным сторонником был Цзо Цзунтан – наместник Шэньганя. В апреле 1875 года император Китая назначил Цзо Цзунтана уполномоченным по военным делам в Синьцзяне. Это стало началом официальной начало военной кампании в Синьцзяне [20]. (Чжан Вэйцзя. Шицзю шицзи ци, баши няньдай Цинчжэнфу цзай Синьцзян дицюй фань фэньле фань циньлюэ доучжэн яньцзю 张伟佳.

十九世纪七、八十年代清政府在新疆地区反分裂反侵略斗争研究 [博士论文] (Исследование антисепаратистской, антиоккупационной борьбы Цинского правительства в Синьцзяне в 1870–1880-е гг.). Дисс. … д-р ист.наук Нанкин: Наньцзин чжэнчжи сюэюань, 2011. – 146 с.)

В 1875 году Цзо Цзунтан возглавил 70-тысячное войско и начал войну против Джунгарии, почти без боя он овладел этой территорией. Уже в мае войска оккупировали Йеттишар, в декабре была покорена вся Кашгария. Начались массовые казни мусульман, десятки тысяч были брошены в темницы. Некоторые повстанцы нашли убежище в России. Власть династии Цин была восстановлена над всем Синьцзяном, кроме Илийского края, который был возвращён Россией Китаю по Петербургскому договору.

Уже в 1884 году Императорскому Китаю удалось присоединить Синьцзян обратно, тогда же Синьцзян-Уйгурский автономный район официально вошел в состав Китая. Китайская администрация переименовала Уйгурию в Синьцзян, а административным центром которого стал город Урумчи.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Рузиев М.Р.** Возрожденный уйгурский народ. – 2-е изд., доп. и испр.. – Алма-Ата : Казахстан, 1982. – 216 с.
2. **Дробышев Ю.И.** Уйгурский каганат – нетипичная кочевая империя // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2009. № 3. С. 17–26.
3. **Тихонов Д.И.** Хозяйство и общественный строй Уйгурского государства X-XIV вв. / АН СССР. Ин-т этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. – Москва Ленинград : Наука. Ленингр. отд-ние, 1966. – 287 с.
4. История уйгуров [Электронный ресурс] / Сайт уйгуров. – 2000. – Режим доступа: http://uighur.narod.ru/UighurKaganat3.html.
5. **Хуа Тао** Династия Караханидов в мусульманских источниках и в «Истории Синьцзяна с древнейших времен» // Западные исследования. 2008. № 1.С. 1–5 华涛，《喀喇汗王朝的两位“喀什噶里”兼谈《新疆通史》的撰写与穆斯林史料的利用》，《西域研究》，2008年，第1期，1-5页

6. Коу Синьхуа, **Нулимань Имити Чжубянь**. Синьцзян лиши юй миньцзу цзунцзяо лилунь чжэнцэ цзяочэн сюэси чжидао (Руководство по преподаванию истории Синьцзяна и теории и политики в области национальных религий). Пекин: Чжунго нунъе дасюэ чубаньшэ, 2014. – 322с. 寇新华，努力曼·依米提主编.新疆历史与民族宗教理论政策教程学习指导

7. Думан Л.И. Аграрная политика Цинского (Манчжурского) правительства в Синьцзяне в конце XVIII века /Л. И. Думан. – Москва Ленинград : Изд-во Акад. наук СССР, 1936. – Обл., – 256 с.

8. Цзя Цзяньфэй. Циндай сибэй шидисюэ яньцзю贾建飞. 清代西北史地学研究 (Исследование истории и географии северо-западных территорий эпохи Цин). Урумчи: Синьцзян жэньминь чубаньшэ, 2010. – 244 с. 贾建飞. 清代西北史地学研究

9. Чжан Аньфу. Циндай илай Синьцзян тунькэнь юй гоцзя аньцюань яньцзю 张安福. 清代以来新疆屯垦与国家安全研究 (Исследование освоения Синьцзяна и государственная безопасность с эпохи Цин). Пекин: Чжунго нунъе чубаньшэ, 2011. – 240 с.

10. Бай Цзинлань. Ити юй доюань: Циндай Синьцзян фалюй яньцзю: 1759 – 1911 нянь 白京兰. 一体与多元：清代 新疆法律研究：1759-1911年 (Единство и множество: цинское законодательство в Синьцзяне, 1759 – 1911 гг.). Пекин: Чжунго чжэнфа дасюэ чубаньшэ, 2013. – 255 с.

11. Зотов О.В. Китай и Восточный Туркестан в XV-XVIII вв.. Межгос. отношения /АН СССР. Ин-т востоковедения. - М. : Наука, 1991. – 168 с.

12. Ван Силун. Циндай сибэй туньтянь яньцзю 王希隆. 清代西北屯田研究 (Освоение северо-западных районов империи Цин). Урумчи: Синьцзян жэньминь чубаньшэ, 2012. – 297 с.

13. Чжао Хайся. Циндай Синьцзян миньцзу гуаньси яньцзю 赵海霞. 清代新疆民族关系研究 (Исследование межнациональных отношений в Синьцзяне эпохи Цин). Пекин: Миньцзу чубаньшэ, 2014. – 261 с.

14. Ян Чжицзюань, Ню Хайчжэнь. Чжунго сибэй шаошу миньцзу тунши. Ди шии цэ, Циндай цзюань 杨志娟，牛海桢. 中国西北少数民族通史. 第十一册，清代卷 (Сводная история национальных меньшинств Северо-Запада Китая. Т. 11: Эпоха Цин). Пекин: Миньцзу чубаньшэ, 2009. – 540 с.

15. Ван Цзе. Цинчао чжили Синьцзян дэ миньцзу цзинцзи чжэнцэ яньцзю 王洁. 清朝治理新疆的民族经济政策研究 (Исследование политики Цин в области управления национальной экономикой Синьцзяна). Дисс. … д.н. Пекин: Чжунъян миньцзу дасюэ, 2012. – 131 с.

16. 潘向明，《清代新疆伊斯兰教教派问题刍议》，《清史研究》，2004年，第3期，59–66页 Пань Сянмин / Проблемы ислама в Синьцзяне во времена правления династии Цин // Исследования истории династии Цин. 2004. № 3.С. 59–66

17. Жэнь Няньвэнь. Сибэй юй Чжунъюань: цун вань-Цин сибэй хуэйминь ции тоуши Чжунъюань ванчао дуй сибэй бяньцзян дэ чжили 任念文. 西北与中原：从晚清西北回民起义透视中原王朝对西北边疆的治理 [博士论文] (Северо-Запад и Китайская равнина: принципы управления северо-западными пограничными областями китайского двора в конце династии Цин через призму восстания хуэйцев). Дисс. на соиск. … д-ра ист. наук Шанхай: Хуадун шифань дасюэ, 2003. – 165 с.

18. Тайпинское восстание. 1850–1864 гг.. Сборник документов /[Предисл. В.П. Илюшечкина]; Акад. наук СССР. Ин-т народов Азии. - Москва : Изд-во вост. лит., 1960. –326 с.

19. Илюшечкин В.П. Крестьянская война тайпинов /АН СССР. Ин-т народов Азии. - Москва : Наука, 1967. - 394 с.

20. Чжан Вэйцзя. Шицзю шицзи ци, баши няньдай Цинчжэнфу цзай Синьцзян дицюй фань фэньле фань циньлюэ доучжэн яньцзю 张伟佳. 十九世纪七、八十年代清政府在新疆地区反分裂反侵略斗争研究 [博士论文] (Исследование антисепаратистской, антиоккупационной борьбы Цинского правительства в Синьцзяне в 1870-1880-е гг.). Дисс. … д-ра ист. наук Нанкин: Наньцзин чжэнчжи сюэюань, 2011. – 146 с.

УДК: 314

И. И. Климин

О НЕКОТОРЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ В ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Будущее социально-политическое, экономическое и духовно-нравственное развитие России во многом зависит от решения демографической проблемы, поскольку она за последние годы серьезно обострилась. В настоящее время к ней приковано внимание не только политиков, но и многих исследователей, опубликовавших на эту актуальную тему немало работ [1; 9; 12; 33; 45].

Однако анализ изданной литературы свидетельствует о том, что далеко не все аспекты многоплановой, сложной демографической проблемы в нынешней России нашли достаточно полное освещение в опубликованных книгах и статьях, в том числе в историко-хронологическом плане. В данной статье предпринята попытка рассмотреть отдельные сюжеты, связанные с развитием позитивных и негативных тенденций в демографической ситуации в современной Российской Федерации, определяемые, прежде всего ее внутренней политикой, в которой мы выделяем хронологически два основных исторических периода. Первый – 1991–2006 гг., когда вообще, по сути, отсутствовала внятная, реальная политика и нарастал демографический кризис в стране и второй этап начинается с 2007 г. и продолжается по настоящее время, связанный с принятием государством ряда мер по смягчению данного кризиса, по увеличению воспроизводства населения, увеличения рождаемости и сокращения смертности.

Для понимания сущности возникшего демографического кризиса, его причин в нынешней России, как нам представляется, необходимо кратко остановиться на демографической ситуации, складывающейся в РСФСР между двумя Всесоюзными переписями, проводимыми в 1979 и 1989 годах. В этот исторический, советский период, несмотря на его противоречивые, сложные социально-экономические процессы, наблюдается ежегодный, устойчивый и стабильный рост населения, особенно в первой половине и середине 80-х годов, как следствие, прежде всего реальной государственной политики по стимулированию рождаемости, нацеленной на оказание материальной помощи семьям с детьми. Итогом такой стимулирующей политики с 1979 по 1989 г. стало увеличение общей численности россиян, почти на 10 млн. человек, с 137,4 млн. до 147 млн. [2, с. 7]. В этот период количество родившихся примерно в 1,5 раза превышало число умерших граждан. Так, в 1979 г. на 1000 населения родившихся приходилось 15,8 человек, умерших – 10,8; в 1989 г. – 14,6 и 10,7 соответственно, а естественный прирост населения составил 3,9. Суммарный коэффициент рождаемости, т. е. число детей, приходящихся на одну женщину в возрасте 15–49 лет, в 1985–1986 годы равнялся 2,111, в 1990 г. – 1,887, в 1991 г. – 1,733 [3, с. 53, 97].

Между тем указанная статистика показывает, что в последние годы «горбачевской перестройки» наметилась отрицательная тенденция сокращения воспроизводства населения, вызванная в первую очередь нарастанием кризисных явлений в экономическом и политическом развитии СССР.

Однако положительные сдвиги в демографической сфере в 80-е годы имелись налицо и накануне роспуска Советского Союза в ночь с 7 на 8 декабря 1991 г. в Беловежской Пуще руководителями РСФСР, Украины и Белоруссии. Это показывает официальная статистика и о росте ожидаемой продолжительности жизни россиян. С 1979 по 1989 г. она поднялась у всего населения с 67,7 лет до 69,6, в том числе у мужчин – с 61,7 до 64,2 лет, у женщин – с 73,1 до 74,5 лет [4, с. 53].

В рассматриваемый период наряду со старением населения одновременно шел процесс и его омоложения. Если в 1979 г. в РСФСР лиц моложе трудоспособного возраста насчитывалось 31 974 тыс. человек (23,3 %) от общей численности населения, то в 1989 г. их количество поднялось до 35 995 тыс. (24,5 %). Жителей старше трудоспособного возраста выросло за указанные годы с 22 436 тыс. (16,3 %) до 27 196 тыс. (18,5 %) [5, с. 22].

Однако демографический подъем 1980-х годов, когда ежегодно число россиян увеличивалось в среднем почти на миллион, был прерван в самом начале 1990-х годов. В этот период правительство Бориса Ельцина стало осуществлять «великие реформы», вылившиеся в революционные социально-экономические и политические потрясения в стране, в замену социалистической системы капиталистической. И Россия вступила в историческую эпоху острейшего демографического потрясения, хронологические рамки которого, как упоминалось, мы определяем 1991–2006 годами.

Радикальные социально-экономические трансформации, разрушение социалистического общественного строя и строительство на его обломках, по нашему мнению, дикого спекулятивно-олигархического капитализма в 1990-е годы, сопровождалось резкой депопуляцией, появлением фактора «русского креста», ибо начиная с 1992 г. смертность россиян стала заметно опережать рождаемость, а количество родителей не заменялось поколением детей.

В отечественной литературе данный период, как правило, характеризуется демографическим кризисом, хотя некоторыми авторами высказываются и более резкие оценки, говорится о «демографической яме» [6, с. 413] или «демографической катастрофе» [7]. Причем для их подкрепления приводится и соответствующая статистика, характеризующая потери населения России, называется разница между числом родившихся и количеством умерших жителей за указанный период. Например, член-корреспондент РАН Н.М. Римашевская, признавая разразившийся

демографический кризис с начала 1990-х годов, когда страна вступила «в зону естественной убыли населения», приводила цифры: с 1991 г. по 2007 г. его уменьшилось на 12 млн. человек, из них половина «была покрыта миграционным приростом» [8, с. 4].

Исследователь И.А. Гундаров, оценивающий 1990-е годы «демографической катастрофой», писал: «Суммарные потери из-за взлета смертности и спада рождаемости за последние тринадцать лет составили более 17 миллионов человек… По интенсивности уничтожения человеческого потенциала 90-е годы XX века в 1,7 раза превысили репрессии сталинского режима, сопоставимы с Первой мировой войной и значительно уступают лишь периоду гитлеровского нашествия» [9, с. 14–15].

На наш взгляд, Гундаров преувеличивает потери россиян за указанные годы. Куда более реальными в этом отношении являются цифры, характеризующие убыль населения в РФ, даваемые руководителями Всероссийского уровня жизни профессором В. Бобковым. По его подсчетам, за 18 лет, с 1992 г. по 2010 г., разница между родившимся и числом умерших в России составила 13,1 млн. человек, как следствие социально-экономических капиталистических реформ и только благодаря миграционному приросту население сократилось лишь на 5 млн. человек. [10, с. 23–25].

По данным члена-корреспондента Академии сельскохозяйственных наук, профессора кафедры статистики Российского государственного аграрного университета А.П. Зинченко, с 1990 г. по 2008 г. ввиду неблагополучного состояния экономики в стране имелись негативные последствия в воспроизводстве населения, численность которого за счет отрицательного естественного прироста сократилась на 12,7 млн человек [11, с. 73].

Исследователь А.В. Носкова, по сути, разделяет такую точку зрения. Она считает, что в силу экономической, социальной, морально-нравственной деградации, вызванной разрушением Советского Союза, демографическая ситуация в России в начале

1990-х годов «катастрофически ухудшилась. Это проявилось в так называемом «русском кресте», т. е. графики пересечения линии рождаемости и смертности в 1992 г. и последовавшем после этого превышали смертность над рождаемостью» [12, с. 65].

Вадим Эрлихман, занимаясь изучением потерь народонаселения в XX веке, пришел к выводу, что в России за 1991–2000 гг. в результате падения жизненного уровня населения снижалась рождаемость, в результате чего сокращалось число жителей на один миллион [13, с. 15].

В отечественной литературе, в том числе и в средствах массовой информации, называлась и более высокая статистика, характеризующая демографический кризис в России в конце XX – начале XXI веков, согласно которой за 1992–2004 гг. потери населения составили свыше 22 млн. человек. Они сравнялись с суммарной убылью за военный период 1914–1923 годы на той же территории [14]. Думается, цифра в 22 млн. потерь явно завышена.

Мы привели лишь некоторые данные, указываемые отечественными авторами, перечисление которых можно и дальше продолжать, оценивающие резко критическую демографическую ситуацию в России в конце 1990-х — начале 2000-х годов, как следствие проводимой государственной политики правительством Б. Ельцина, младореформаторами. И в этих критических оценках многие авторы едины, за исключением, может быть, наиболее принципиальных праволиберальных исследователей, ярых сторонников проводимых «реформ» в 1990-е годы.

В то же время разнобой в приводимой выше статистике о человеческой цене осуществляемых радикальных трансформаций, как нам представляется, вызван двумя основными факторами. Во-первых, авторы называют цифры в разные хронологические периоды, годы, и во-вторых, некоторые из них с учетом политико-идеологической ориентации прибегают к завышению потерь населения, приводя данные о 15 млн. человек и более без достаточной на то аргументации.

Однако является бесспорным, очевидным и объективным историческим фактом: Россия в конце XX – начале XXI столетия в мирное время, без войны, по вине ее руководства потеряла миллионы своих граждан, что не может игнорировать и официальная статистика, подтверждающая в основном, в принципиальном плане и ранее приводимые нами оценки и цифры различными исследователями.

Государственная статистика также убедительно свидетельствует, что Россия в 1990-е годы погрузилась в глубокую «демографическую яму», когда смертность населения существенно превышала его рождаемость, а естественная убыль граждан с каждым годом «набирала обороты» и доходила почти до миллиона человек. Так, если в 1992 г. убыль составляла 219,2 тыс. чел., в 1995 г. – 822,0, то уже в 1999 г. – 918,8 тыс. человек [15, с. 22]. За период президентского правления Б. Ельцина (1992–1999 гг.) естественная убыль россиян достигала 5774,7 тыс. человек [16, с. 22].

Однако общие потери населения «механически, по закону» резко продолжали сокращаться и при его преемнике Владимире Путине в начале XXI столетия, получившего от своего предшественника тяжелейшее социально-экономическое «наследство», в том числе и в демографической области. Например, в 2000 г. убыль граждан равнялась 949,1 тыс. чел., в 2001 г. – 932,8; в 2002 г. – 916,5 тыс. чел.

Причем еще более обвального снижения общей численности населения в РФ удалось не допустить лишь благодаря миграционному приросту за 1991–2002 гг. в 5148 тыс. чел. Хотя за этот период общее количество россиян понизилось со 148 273,7 до 145 649,3 тыс. человек [17 , с. 22].

Серьезное демографическое неблагополучие в Российском государстве вскрыли и Всероссийские переписи населения, проведенные в 2002 и 2010 годах. На наш взгляд, их итоги выглядят удручающими. Так, согласно результатам первой, число россиян с 1989 г. по 2002 г. понизилось с 147 млн. до 145,2 млн. чел., а к 2010 г. их количество уменьшилось до 142 857 тыс., или на 1,6 %. Причем

среднегодовые темпы сокращения россиян по сравнению с периодом между переписями поднялись в 2 раза и достигали 0,2 % [18, с. 7].

Изменение численности населения происходило под влиянием ряда факторов и прежде всего за счет высокой смертности и низкой рождаемости, когда естественная убыль граждан в 2002–2010 годах составила 4734 тыс. человек. За это время родилось 12 706 тыс. россиян, а умерло – 17 440 тыс. человек, тогда как миграционный прирост равнялся 2424 тыс. человек [19, с. 84] и он не восполнял естественную убыль населения, поскольку, как видно из вышеназванной статистики, количество умерших существенно опережало число родившихся. Хотя в последние годы межпереписного периода (2007–2010) и наметилась положительная тенденция к снижению темпов смертности и повышения рождаемости, о чем будет сказано подробней ниже.

Итоги Всероссийской переписи 2010 г. зафиксировали не только снижение общей численности россиян, но показали и их рост в некоторых субъектах Российской Федерации. Например, за счет высокой рождаемости количество жителей в Чеченской республике поднялось на 15 %, в Республике Дагестан – на 13 %, в Карачаево-Черкесской Республике – на 8,7 %. В то же время за счет оттока населения из других регионов и миграционной привлекательности увеличилось число жителей в г. Москве в 2010 г. по сравнению с 2002 г. на 11 %, в Московской области – на 7,2 %. За указанные годы количество населения поднялось в 21 субъекте РФ и в 62 – оно уменьшилось. И эта отрицательная тенденция «обезлюденья» ряда регионов, с одной стороны, за счет естественной убыли граждан, а с другой, – за счет оттока их в более привлекательные, благополучные города, привела к существенному понижению населения, например, в Магаданской области – на 14 %, в Псковской области и в Республике Коми – по 11,5 %, в Курганской, Кировской и Мурманской областях – по 11 %.

Перепись 2010 г. лишний раз показывает тенденцию демографического старения жителей России. Если в 2002 г. насчитывалось моложе трудоспособного возраста 26 327 тыс. человек (18,1 %), а старше трудоспособного – 29 778 тыс. (20,5 %), то в 2010 г. – 23 126 тыс. (16,2 %); 31 714 тыс. (22,2 %). Причем средний возраст гражданина Российской Федерации вырос с 2002 г. по 2010 г. с 37,7 лет до 39 лет. При этом самыми молодыми по возрасту оказались чеченцы – 23,9 лет, аварцы и кумыки – 26,7, тогда как белорусы являлись самыми старыми — 54,2 года, украинцы – 52,5, русские – 38,3 года [20, с. 22].

Итоги переписи 2010 г. обнажили и наметившуюся еще одну противоречивую, негативную тенденцию в изменении национального состава населения России. С одной стороны, заметный рост представителей некоторых этносов, в том числе азербайджанцев, аварцев, чеченцев, ингушей, а с другой, – существенное понижение доли украинцев, белорусов, русских. Потери последних за последние годы были весьма ощутимыми. Если в 1989 г. численность русских составляла 119,87 млн. человек (81,53 %), в 2002 г. – 115,89 (80,84 %), то в 2010 г. – 111,02 млн. человек (80,90 %) [21, с. 72–73].

Если такими же темпами и дальше будет уменьшаться государствообразующая нация, русские, то через 50 лет они составят в лучшем случае половину населения и тогда Россия может прекратить вообще свое существование без всякого иностранного военного вмешательства. И это осознает нынешнее руководство страны. Так, в послании Президента РФ Владимира Путина Федеральному собранию 12 декабря 2012 г. констатировалось: «В нашей стране несколько раз коренным образом менялась вся система жизнеустройства. В результате в начале XXI века мы столкнулись с настоящей демографической и ценностной катастрофой, с настоящим демографическим и ценностным кризисом. А если нация неспособна себя сберегать и воспроизводить, если она утрачивает жизненные

ориентиры и идеалы, ей и внешний враг не нужен, все и так развалится само по себе» [22].

При этом резкие, негативные, но справедливые оценки лидера Российского государства не являлись голословными, декларативными, а подкреплялись соответствующей статистикой. В своем выступлении на съезде партии «Единая Россия» 25 сентября 2011 г. глава правительства РФ В. Путин, обращаясь к присутствующим, заострил их внимание на критической демографической ситуации в стране, заявив: «Только вдумайтесь, еще совсем недавно страна теряла по миллиону граждан в год; убыль населения была миллион в год». По его оценке, демографический кризис «грозил самому существованию России». Но мы его «заставили отступить» [23].

Конечно, «отступление кризиса» – позитивная тенденция в демографической ситуации в РФ, однако еще не окончательная «победа», до которой, на наш взгляд, еще очень далеко и правительству в этом плане предстоит еще немало приложить усилий социально-экономического, гуманитарного и духовно-нравственного характера.

Когда В. Путин напомнил о «наступлении» на демографический кризис, что, безусловно, является положительной тенденцией, то он имел ввиду прежде всего принятые реальные меры государством в 2007 г. по его смягчению, по стимулированию рождаемости в стране, означающие некоторый поворот в демографической политике правительства, открывший новый этап, к краткой характеристике содержания которого мы и перейдем.

Так, 9 октября 2007 г. Президент В. Путин своим указом утвердил Концепцию демографической политики Российской Федерации на период до 2015 года [24], согласно которой правительству поручалось разработать в трехмесячный срок план мероприятий по ее реализации. В документе давалась негативная характеристика демографической ситуации в стране, о стабильном

сокращении населения ввиду «превышения уровня смертности над уровнем рождаемости», что приводило к существенной естественной убыли населения в течение последних 15 лет в России. Ибо «в расчете» на 1000 человек умирали в 2 раза больше, чем в европейских странах и США, в 1,5 раза больше, чем в среднем в мире, а ежегодно рождалось в этот период 1,2–1,5 млн. человек». Причем в документе указывалось и на отрицательные факторы, влияющие на низкую рождаемость, в том числе невысокие денежные доходы многих семей, отсутствие нормальных жилищных условий, нынешняя структура семьи, ориентированная на малодетность, тяжелый физический труд многих работающих женщин, низкий уровень их репродуктивного здоровья, большое количество прерываний беременности (абортов).

В концепции определялись два этапа по оздоровлению демографической обстановки в стране – 2015 г. и 2025 г., основная цель которой – стабилизировать численность населения РФ: к 2015 г. довести его до уровня 142–143 млн. человек, и создание условий для роста жителей к 2025 г. до 145 млн. человек, а также повышение качества жизни и увеличения ожидаемой продолжительности жизни до 70 лет и до 75 лет соответственно. В документе намечалось сокращение уровня смертности не менее чем в 1,6 раза и увеличение уровня рождаемости в 1,5 раза за счет рождения в семьях второго ребенка и последующих детей.

Для достижения поставленных целей в демографической политике в Концепции ставились задачи по росту экономики, по повышению благосостояния населения, по сокращению уровня бедности, по созданию эффективной социальной инфраструктуры в стране.

По осуществлению намеченных целей правительством были приняты приоритетные национальные проекты: «Доступное жилье» и «Здоровье», ориентированные на создание более благоприятных социальных условий по стабилизации рождаемости и уменьшению смертности в стране. Но, пожалуй, главным, наиболее значимым документом по оздоровлению демографической ситуации, по

стимулированию рождаемости стал Федеральный закон от 29.12. 2006 г. «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» [25], основная задача которого – создание благоприятных предпосылок для обеспечения «достойной жизни» семьям с детьми. Согласно документу, с 1 января 2007 г. для материальной помощи женщинам, родившим второго ребенка, выделялся материнский капитал, сумма которого ежегодно должна индексироваться с учетом темпов роста инфляции, устанавливаемым Федеральным законом о бюджете соответствующего финансового года. Причем в законе оговаривалось, что распоряжаться средствами материнского (семейного) капитала могут лица, получившие государственный сертификат на него, не ранее чем по истечении трех лет со дня рождения ребенка, по следующим 3 направлениям: на улучшение жилищных условий, на получение образования ребенка, для формирования накопительной части трудовой пенсии для матери-ребенка.

На 2007 г. сумма материнского капитала составила 250 000 руб., в последующие годы она увеличивалась: в 2008 г. равнялась 276 250; в 2009 г. – 312 162,5; в 2010 г. – 343 378,8; в 2011 г. – 365 698,4; в 2012 г. – 387 640,3 [26, с. 124]; в 2014 г. – 429 408,5 руб. [27]. К ноябрю 2012 г. было выдано более 3,827 млн. сертификатов на получение материнского капитала, причем наибольшее число обращений поступило в 2009 г. – 965 тыс. При этом материнским капиталом распорядились около 1,5 млн. человек, а главная статья его расхода пришлась на улучшение жилищных условий, на нее приходилось свыше 90 % [28].

Реализация на практике обнародованных в 2006–2007 г. государственных мер благоприятно стала сказываться на демографической ситуации в стране, в ней постепенно начала просматриваться положительная тенденция в последующие годы. Об этом свидетельствует официальная статистика. Так, в 2006 г. в стране родилось 1479,6 тыс. человек, а умерло – 2166,7 тыс., в 2007 г. – 1610,1

и 2080,4 соответственно; в 2008 г. – 1713,9; 2075; в 2011 г. – 1796,6; 1925,7 тыс. человек. Как следует из названной статистики, темпы роста рождаемости из года в год возрастали, тогда как смертности – сокращались. С 2006 по 2011 г. на 1000 человек населения естественная убыль уменьшилась с 4,8 до 0,9 человек [29, с. 93]. Суммарный коэффициент рождаемости в 2012 г. составил 1,6 и общая численность населения поднялась до 143 056,4 тыс. человек и его сокращение прекратилось. При этом рост жителей был зафиксирован в 38 субъектах РФ [30, с. 22]. Увеличение рождаемости и уменьшение смертности привело к тому, что впервые после 1992 г. в 2009 г. количество населения не понизилось, ибо миграционный прирост за этот год численностью 345,2 тыс. человек компенсировал естественную убыль [31]. В 2011 г. ожидаемая продолжительность жизни россиян поднялась к уровню 2005 г. на 5 лет и равнялась 70,3 года [32, с. 366].

По данным Л.Л. Рыбаковского, в ходе реализации в 2006–2011 годы намеченных государством демографических мер, в том числе использования материнского капитала и предусмотренных мероприятий приоритетным национальным проектом «Здоровье», удалось сохранить «около трех миллионов человек населения страны». Причем «из них 1,5 млн. – вследствие сокращения смертности» и 1,3 млн. – родившихся в итоге «осуществления новых мер демографической политики». Не будь этих результатов, численность населения России в 2011 году была бы меньше 140 млн. чел. [33].

Как нам представляется, названная Л.Л. Рыбаковским статистика, возможно, несколько завышена и в его оценках присутствует некоторое преувеличение положительных итогов демографической политики правительства после 2006 года. Причем они в значительной степени еще связаны и с высокими доходами, полученными от экспорта энергоресурсов и прежде всего нефти. Думается, можно согласиться с мнением экономиста, профессора М.А. Клупта о зависимости «ресурсной базы российской демографической политики от состояния мировой экономики и, в частности, цен на углеводное

сырье». По его расчетам, в 2000–2006 гг. цена барреля нефти Brent в среднем стоила 47,7 долл. И в этих условиях «безденежья» государственная реальная демографическая политика вообще отсутствовала, а лишь отчасти декларировалась. В результате суммарный коэффициент рождаемости в среднем за эти годы равнялся только 1,28, тогда как при высокой цене на нефть в 2007–2011 гг., до 88,6 долл. за баррель, демографическая политика правительства заработала, и коэффициент рождаемости заметно поднялся до 1,54 [34, с. 56].

И все же позитивные, благоприятные тенденции в демографической обстановке в результате принятых государством мер были налицо, они проявились и в 2012–2014 годах. Так, в 2013 г. в стране впервые за многие годы наметился естественный рост населения, когда рождаемость стала превышать смертность. В этом году на 1000 человек населения родилось 13,2 россиянина, а умерло – 13,1; в 2014 г. – 13,3; 13,2 соответственно и естественный прирост равнялся 0,1; 0,2 [35]. Например, за 10 месяцев 2014 г. он составил 37,1 тыс. человек [36].

О том, что демографическая программа, реализуемая правительством на нынешнем этапе, доказала определенную эффективность свидетельствует и рост продолжительности жизни граждан за последние годы. По оценке Президента В. Путина, в 2014 г. Россию в глобальном рейтинге здравоохранения впервые признали благополучной страной, в которой продолжительность жизни превышает 70 лет. А министр здравоохранения РФ Вероника Скворцова на встрече с главой государства 20 октября 2014 г. сообщила, что за год продолжительность жизни населения поднялась на 0,8 лет и составила по итогам 8 месяцев 71,6 лет, в том числе у женщин она достигла 77,3; у мужчин – 65,6 лет [37].

При этом зафиксированные в Концепции демографической политики России на период до 2015 г. такие важнейшие показатели как

общая численность населения, ожидаемая его продолжительность жизни, естественная убыль граждан достигнуты уже в 2012–2014 годах.

Однако отмечая наметившиеся положительные тенденции в демографической ситуации, снижение смертности, увеличение рождаемости, рост продолжительности жизни населения РФ, что, безусловно, является хорошим трендом, тем не менее, не следует их преувеличивать, поскольку кризис в этой сфере не преодолен, а только слегка смягчен, угроза демографической безопасности России не исчезла. Об этом предупреждает и руководство страны. К ранее сформулированным оценкам В. Путина на этот счет добавим и еще одну, зафиксированную в его послании к Федеральному Собранию 12 декабря 2012 г. относительно старения россиян. По мнению главы государства, в настоящее время доля молодого, активного трудоспособного населения в возрасте от 20 до 40 лет одна из высоких среди развитых стран, но если такая тенденция сохранится и «ничего не делать», не создавать «большую, крепкую семью», не воспитывать много детей в собственной стране, то численность данной категории населения может уменьшиться в 1,5 раза. И тогда «через несколько десятилетий Россия превратится в бедную, безнадежно постаревшую по возрасту (в прямом смысле этого слова) и неспособную сохранить свою самостоятельность и даже свою территорию страну» [38].

Как уже упоминалось, государственная статистика подкрепляет опасения руководства Российской Федерации о заметном старении ее граждан. Если в 1991 г. средний возраст мужчин и женщин составлял 35,1 год, в 2000 г. – 37,1, то в 2013 г. – 39,3 года [39, с. 57]. С 2006 по 2012 г. численность лиц старше трудоспособного возраста увеличилась с 29 408 тыс. человек до 32 433 тыс. [40, с. 81].

Несмотря на некоторое сокращение смертности и увеличение рождаемости за последний период, тем не менее, общая численность россиян в 2013 г. была меньше почти на 5 млн. чел. по сравнению с 1991 г. – 143 347,1 и 148 273,7 тыс. соответственно [41, с. 21, 22].

Причем естественная убыль населения за этот период достигла 13 332,1 тыс. чел., в том числе за 2007–2012 гг. – 1443,9 тыс. Тогда как миграционный прирост жителей составил за 1991–2012 гг. 7196,7 тыс. чел. [42, с. 22], т. е. он возмещал около половины естественной убыли.

Но в динамике населения России можно отметить и еще одну негативную тенденцию, связанную с крайне неравномерным его пространственным распределением по регионам, территориям. Как известно, Российская Федерация занимает первое место в мире по размерам площади, однако население размещено неодинаково в силу исторических, социально-экономических и природно-климатических условий проживания. Более высокая плотность населения наблюдается в Северо-Кавказском, Приволжском, Южном, Центральном федеральных округах, тогда как в Северо-Западном, Уральском, Сибирском, Дальневосточном – низкая. В последних просматривается «обезлюденье» территории, резкое сокращение населения, в том числе и в ряде регионов центрально-европейской части страны.

Хотя в Москве и Московской области, как отмечалось, присутствует рост жителей, в том числе за счет оттока из других неблагополучных районов в экономическом и социальном отношении, в которых сокращается трудоспособная доля населения и увеличивается число пожилых людей пенсионного возраста. Наблюдается по-прежнему процесс обезлюденья в ряде субъектов РФ – Дальнего Востока, Сибири, Севера, Северо-Запада, в последнем за исключением может быть Санкт-Петербурга.

Если в Центральном федеральном округе с 1991 г. по 2013 г. численность населения оставалась примерно на одном уровне – 38 018 тыс. и 38 679 тыс., а в Москве увеличилась с 8880 тыс. до 11 980 тыс. человек, то в подавляющем большинстве субъектов округа она заметно сократилась. Например, в Тверской области снизилась численность населения с 1666 тыс. до 1334 тыс. человек, Ярославской – с 1472 до 1242 тыс.. За указанный исторический период ощутимые

потери составили и в Северо-Западном федеральном округе, с 15 310 тыс. до 13 717 тыс. чел., в том числе в Псковской области – с 844 тыс. до 662 тыс., в Республике Коми – с 1249 до 880 тыс. В Сибирском федеральном округе количество жителей уменьшилось за 1991–2013 гг. с 21 106 тыс. до 19 278 тыс., в Дальневосточном – с 8045 тыс. до 6252 тыс. чел. В последнем округе особенно существенны были людские потери в Чукотском автономном округе – со 162 тыс. до 51 тыс., в Магаданской области – с 390 до 132 тыс., в Хабаровском крае – с 1620 до 1342 тыс., в Сахалинской – с 714 до 494 тыс., в Приморском крае – с 2297 до 1947 тыс. человек.

В то же время в Северо-Кавказском федеральном округе численность населения увеличивалась. Например, с 2000 г. по 2013 г. оно выросло с 8647 тыс. до 9493 тыс., в том числе количество жителей в Дагестане поднялось с 2443 тыс. до 2931 тыс., в Республике Ингушетия – с 340 до 430 тыс., в Чеченской республике – с 1110 тыс. до 1302 тыс. [43].

При этом естественный прирост населения за последние годы главным образом происходил именно за счет граждан Северо-Кавказского федерального округа. Так, здесь в 2013 г. на 1000 человек населения родилось 17,2, в 2014 г. – 17,3, а умерло – 8,0; 8,1 соответственно. И естественный прирост жителей равнялся 9,2; 9,2.

Тогда как в Центральном федеральном округе вообще отсутствовал естественный прирост населения за эти два последних года, а напротив, по-прежнему шел процесс его сокращения. В округе на 1000 жителей родилось в 2013 г. 11,4; в 2014 г. – 11,5; умерло – соответственно 13,7; 13,7; убыль достигала 2,3; 2,2. Причем она происходила во всех субъектах, за исключением Москвы.

В Тверской области в 2013 г. на 1000 человек населения родилось 11,4; в 2014 г. – 11,2; умерло – 17,8; 18,1; убыль равнялась 6,5; 6,5; в Тульской области соответственно родилось 9,9; 10; умерло – 17,4; 17,1; убыль составила 7,5; 7,1.

Примерно такая же не радужная демографическая ситуация складывается и в Северо-Западном федеральном округе в 2013–2014 годах. В нем в 2013 г. на 1000 человек населения родилось 12,2; в 2014 г. – 12,3; умерло 13,5; 13,3; естественная убыль равнялась 1,3; 1,0 соответственно. В Псковской области родилось соответственно 11,0; 10,9; умерло 18,6; 18,5; убыль достигала 7,6; 7,6; в Новгородской области количество родившихся составило 12,0; 11,8; умерло – 17,8; 17,3; естественная убыль равнялась 5,8; 5,5 [44].

В свете приведенной государственной статистики напрашивается тревожный вывод: несмотря на принимаемые меры властью, тем не менее, для России, создаются предпосылки геополитической угрозы, депопуляции, неуклонного сокращения коренного населения в центральных и северо-западных районах Европейской части страны, в том числе в Тверской, Новгородской, Псковской, Ярославской областях, на территории которых когда-то закладывалась российская государственность. Если же такими темпами будет уменьшаться население в указанных субъектах РФ, то, как упоминалось, оно через несколько десятилетий может сократиться наполовину, причем большинство которого составят люди пожилого, пенсионного возраста.

А чрезмерный миграционный приток в данные регионы представителей других этносов может вообще привести к вытеснению, исчезновению коренных народов со своей исконной исторической территории.

Но как свидетельствует вышеназванная статистика, обезлюденье захватило и значительную территорию Азиатской части России даже в больших масштабах, чем в ее центральных регионах. По данным доктора экономических наук, профессора В.Н. Бобкова, если за «20 лет капиталистических реформ» население страны 2012 г. понизилось на 2,7 %, то в Сибири – на 7,3 %, на Дальнем Востоке – на 19,9 %.

В то же время численность жителей для государства Российского, и особенно для Азиатско-восточных регионов, имеет большое

геополитическое значение, учитывая его огромную территорию. Она простирается с востока на запад почти на 10 000 км, и с севера на юг – на 3600 км, и имеется сопредельная граница с 18 странами. К тому же население, как отмечалось, распределено крайне неравномерно на обширной территории. Так, за Уралом проживает на огромной площади 11 330 кв. км (66,4 %) от общей страны всего 18,3 % граждан. Если средняя плотность населения РФ равняется 8,3 человека на кв. м, в центральной части – 56,9, то в Сибири – 4,2; на Дальнем Востоке – 1,2 человека на кв. м [10].

Однако Россия, как отмечалось, занимает в мире первое место по размерам территории, но по плотности проживания на ней населения на порядок уступает ведущим государствам, в том числе и соседним с ней странам. Так, средняя плотность жителей в РФ в 14 раз ниже Китая, в 38 раз – Японии, в 17 раз – Западной Европы, в 3 раза ниже США [9, с. 17].

В свете представленного материала в современной России просматриваются две противоречивые тенденции в демографической ситуации – одна негативная, связанная с заметным сокращением общей численности населения, другая – позитивная, определяемая преодолением нынешней критической ситуации в его воспроизводстве, наметившаяся в последние несколько лет.

Не вдаваясь в подробный анализ причин резкого сокращения населения в современной России, который требует большого самостоятельного исследования, заметим, что в их основе лежат разрушительные «реформы», осуществленные российским руководством во главе с Б. Ельциным, нацеленные на ликвидацию социалистической системы и становление дикого капитализма, что привело к резкому падению жизненного уровня населения, к существенному сокращению рождаемости и значительному росту смертности граждан.

Нынешнее руководство страны, получив тяжелейшее наследие в демографической области, понимая геополитические угрозы,

принимает меры по воспроизводству населения, его росту, за счет повышения рождаемости, снижения смертности, миграционной политики, на реализацию которых, на наш взгляд, потребуется длительный исторический период.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Гундаров И.А. Влияние духовного состояния населения на динамику смертности в России // Философские науки. 2008. № 3. С. 97-106; Социально-демографическая безопасность России. Екатеринбург, 2008; Демографические перспективы России // Демократическое будущее России: проблемы и пути решения: матер. Междунар. науч.-практ. конф. Москва, 19—21 сентября 2008 г. М., 2008; Демографическое настоящее и будущее России. М., 2012; и др.

2. Социально-демографический портрет России. По итогам Всероссийской переписи населения 2010 г. М., 2012. С. 7.

3. Российский статистический ежегодник. 2000. Статистический сборник. М., 2000. С. 53, 97.

4. Там же. С. 53.

5. Социально-демографический портрет. С. 22.

6. См.: Демографическое настоящее и будущее России. С. 413.

7. Гундаров И.А. Духовное неблагополучие и демографическая катастрофа // Общественные науки и современность. 2001. № 5. С. 58-65.

8. Социально-демографическая безопасность России. С. 4.

9. Гундаров И.А. Демографическая катастрофа в России: причины, механизм, пути преодоления. – монография. М., 2001. 206 с.

10. Бобков В.Н. Удручающие социальные результаты двадцатилетней капиталистической трансформации России // Российский экономический журнал. 2012. № 2. С. 10-28.

11. Зинченко А.П. Демографическая ситуация в российской деревне // Экономика сельского хозяйства России. 2010. № 7. С. 73-77.

12. Носкова А.В. Социальные аспекты решения демографической проблемы низкой рождаемости // Социологические исследования. 2012. № 8. С. 60а-71.

13. Эрлихман В. Потери народонаселения в XX веке: справочник. М., 2004. С. 15.

14. Россия. 2005. 23 февраля – 2 марта.

15. Демографический ежегодник России. 2013. М., 2013. С. 21, 22.

16. Подсчитано по: там же.

17. Там же.

18. Социально-демографический портрет России. По итогам Всероссийской переписи населения 2010 года. М., 2012. С. 7.

19. Там же. С. 8.
20. Там же. С. 22.
21. Там же. С. 72–73; Российская газета. 2011. 16 декабря.
22. Российская газета. 2012. 13 декабря.
23. Там же. 2011. 26 сентября.
24. Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. 15 октября. № 42. С. 10382–10391.
25. См.: Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. 1 января. № 1. С. 90–99.
26. Социальное положение и уровень жизни населения России. 2012. М., 2012. С. 124.
27. Российская газета. 2014. 19 декабря.
28. Союз. Беларусь и Россия // Российская газета. 2012. 15 ноября.
29. Российский статистический ежегодник. 2012. Стат. сборник. М., 2012. С. 93.
30. Демографический ежегодник. 2013. С. 22; Союз Беларусь и Россия // Российская газета. 2012. 29 ноября.
31. Демографический ежегодник. 2013. С. 22.
32. Демографическое настоящее. С. 366.
33. Рыбаковский Л.Л. Демографические вызовы: что ожидает Россию? // Социологические исследования. 2012. № 8. С. 49-60.
34. Клупт М.А. Демографическое развитие России: нефтяной парратиф // Социологические исследования. 2013. № 5. С. 56-66.
35. Российская газета. 2015. 10 марта.
36. Там же. 2014. 19 декабря.
37. Там же. 21 октября; 5 декабря.
38. Там же. 2012. 13 декабря.
39. Демографический ежегодник России. 2013. С. 57.
40. Российский статистический ежегодник. 2012. Статистический сборник. М., 2012. С. 81.
41. Демографический ежегодник. 2013. С. 21.
42. Подсчитано по: там же. С. 22.
43. Российский статистический ежегодник. 2012. С. 76–77; Демографический ежегодник России. 2013. С. 25–27.
44. Российская газета. 2015. 10 марта.
45. Рыбаковский Л.Л. Демографическое будущее России в экстраполяционных и нормативных координатах // Социологические исследования. 2014. № 12 (368). С. 21-30

УДК 329

В. А. Коваленко

СТРАТЕГИЯ ОРГАНИЗАЦИИ ПО ПРОДОВОЛЬСТВИЮ И СЕЛЬСКОМУ ХОЗЯЙСТВУ В РЕШЕНИИ ГЛОБАЛЬНОЙ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ ПРОБЛЕМЫ

В настоящее время продовольственной проблемой занялись многие межгосударственные официальные и общественные организации и учреждения ООН, в том числе ФАО (Организация по продовольствию и сельскому хозяйству), созданная уже в 1945 году в рамках ООН, которая проводит текущие оценки состояния продовольственной проблемы. Ее деятельность направлена на уменьшение остроты проблемы нищеты и голода в мире через содействие развитию сельского хозяйства, улучшению питания и решение проблемы продовольственной безопасности.

Проблема обеспечением населения продовольствием была актуальна на всех этапах человеческого развития, однако институциональное оформление это получило в XIX веке, когда стали появляться международные организации по разным направлениям политико-экономической жизни. В числе прочих стали основываться и сельскохозяйственные организации. Так, например, в 1889 году была создана Международная сельскохозяйственная комиссия, основные цели которой заключались в организации и проведении международных встреч на высшем уровне и выставок, посвященных сельскому хозяйству. В 1903 году появилась Международная молочная ассоциация, а в 1912 году – Всемирная научная ассоциация по птицеводству. В 1924 году были созданы: Международная организация по виноградарству и виноделию, Международный союз

по почвоведению, Международная организация по контролю качества семян. В 1929 году была учреждена Международная ассоциация экономистов сельского хозяйства. В 1932 году – Международная конфедерация сельскохозяйственного кредита. Повышенный интерес мирового сообщества к состоянию рынка и появление новых сельскохозяйственных технологий привели к появлению Международного аграрного института, который был основан в Риме перед Второй мировой войной и стал прототипом Продовольственной и сельскохозяйственной организации Объединенных Наций (ФАО). Основными функциями аграрного института были:

1) сбор и анализ информации о мировых рынках, изучение публикаций, содержащих статистическую информацию о сельском хозяйстве во всем мире;

2) сбор и обобщение информации относительно мероприятий, нацеленных на защиту интересов государств в области сельского хозяйства [1 С.10].

В рамках института также издавался журнал «Обзор международного сельского хозяйства», где можно было найти результаты последних исследований, аналитические обзоры, материалы о состоянии рынков и земельных реформах. Отметим, что перед Второй мировой войной в организацию входило 71 государство, а также существовал Информационный фонд, насчитывающий 400 тысяч книг и журналов. В штате института было более 100 сотрудников. Во время войны организация не функционировала.

На сегодняшний день ФАО как преемница Международного аграрного института продолжает свою работу в Риме, Италия. В состав организации входит 189 государств и Европейский Союз, в качестве коллективного члена. Основные ее принципы были выработаны на Международной конференции по проблемам продовольственной безопасности в 1943 году в г. Хот-Спрингс (США), а инициаторами создания организации выступили

американский президент Ф.Д. Рузвельт и английский лорд Б. Орр (занимался вопросами продовольствия в Лиге Наций). На конференции присутствовали 46 государств, включая СССР. В 1945 году 16 октября в Квебеке был подписан Устав организации. СССР первоначально отказался от вступления в ФАО, т. к. считал, что организация пропагандирует интересы США. В 1946 году ФАО получила статус специализированного учреждения ООН. С этого момента роль ее значительно возросла. Это было связано, в первую очередь, с распадом колониальной системы, который повлек за собой обострение продовольственной проблемы в бывших колониях. Таким образом, стремясь обеспечить стабильность в мире в середине 70х гг. XX века, ФАО начала строить систему продовольственного порядка и безопасности. Необходимость коренных изменений была очевидна, особенно на фоне мирового зернового кризиса 1972–1974 гг. [1, с. 32]. Таким образом, в 1974 году было принято Международное обязательство по обеспечению всемирной продовольственной безопасности.

Политическая стратегия ФАО, сформированная в этот период, в своей основе имеет не только организационно-экономические меры, но и просветительские и превентивные. Так, например, в 1979 году был учрежден Всемирный День Продовольствия (16 октября). В настоящее время в этот день традиционно проходят конференции, посвященные проблеме продовольствия и поиску путей ее решения. Также проводятся мероприятия, нацеленные на то, чтобы привлечь внимание общественности к кризисной ситуации в мире; «активизировать национальные усилия, двустороннее и многостороннее сотрудничество, деятельность неправительственных организаций в этой области; содействовать развитию экономического и технического сотрудничества среди развивающихся стран; поощрять сельских жителей, особенно женщин и наименее привилегированные категории населения, к участию в принятии решений и деятельности, влияющих на условия их жизни; повысить уровень осведомленности о проблеме

голода в мире; содействовать процессу передачи технологий развивающимся странам; и укрепить солидарность на национальном и международном уровнях в борьбе с голодом, недоеданием и бедностью, а также акцентировать внимание на успехах, достигнутых в развитии сельского хозяйства и производства продуктов питания» [2]. В этот день также проходят многочисленные благотворительные акции. Таким образом, Всемирный День Продовольствия дает возможность задуматься о перспективах, подвести итоги о проделанной работе, проанализировать текущую ситуацию в мире по данному вопросу.

1980-е гг. для ФАО стали новым этапом в развитии стратегии организации. Так, следует отметить, что в 1980 году от лица организации в развивающиеся страны были направлены представители ФАО. С этого момента начинает активно развиваться система гуманитарной и технической помощи (в области сельского хозяйства) в нуждающихся государствах. С 1986 года заработал информационный центр АГРОСТАТ, ныне носящий название ФАОСТАТ. Важным событием в истории организации стало создание в 1994 году «Системы чрезвычайных мер предупреждения трансграничного распространения вредителей и болезней, опасных для животных и растений (ЭМПРЕС)». Данная программа была направлена на предупреждение эпидемий, возникающих из-за мигрирующих животных [3]. В этом же году была учреждена Специальная программа в области продовольственной безопасности, основной целью которой до сегодняшнего дня является повышение уровня продовольственной безопасности в бедных регионах планеты посредством внедрения сельскохозяйственных технологий.

Важным событием в повышении значимости ФАО в мире стало проведение в 1996 году в Риме Всемирного продовольственного саммита, на котором было принято решение сократить количество голодающих в мире в два раза к 2015 году [4]. На встрече присутствовали представители более 180 стран.

В связи с развитием глобальных телекоммуникаций, ФАО стала активно использовать их информационные возможности для решения своих задач. В связи с этим в 1997 году под эгидой ФАО была организована компания Телефуд, целью которой стало проведение телетрансляций благотворительных концертов и выпуск специальных программ о продовольственной проблеме в мире.

Важным аспектом деятельности ФАО является законотворчество. Так, в конце 1990-х гг. эксперты ФАО подготовили ряд важных документов:

- в 1998 году был подготовлен проект Конвенции, посвященной вопросу торговли и использования пестицидов и других вредных веществ, активно применяемых в сельском хозяйстве;
- в 1999 году был подготовлен документ, где предусматривались меры по ограничению охоты на акул и промысловых рыб.

Законотворческая деятельность продолжилась и в XXI веке. Рассматривая историю деятельности ФАО на этом этапе, следует выделить такие ключевые моменты ее деятельности, как:

1) создание в 2004 году Международного договора о генетических ресурсах растений для производства продовольствия и ведения сельского хозяйства, основной целью которого стало стимулирование сельского хозяйства в регионах посредством введения новых технологий и использования генетического материала;

2) создание в 2006 году Антикризисного центра по борьбе с пандемиями, в частности, с птичьим гриппом. В 2007 году в Риме прошел саммит по вопросам рыболовства, на котором 119 стран выступили за разработку документа, запрещающего незаконную ловлю рыбы. Конференция в Роттердаме 2008 году была посвящена вопросам биотоплива и его использования в мире. Единой позиции по данной проблематике выработано не было, однако страны отметили необходимость выделения значительных инвестиций в сельское хозяйство.

ФАО регулярно выпускает отчеты о своей деятельности. Одним из важных таких отчетов ФАО стал отчет, вышедший в 2008 году – «ФАО в действии 2008–2009. Голод и кризис». В этом документе анализировалась продовольственная ситуация в мире в указанный период, где центральной проблемой была борьба с продовольственным кризисом, который возник на фоне мирового финансового кризиса и характеризовался резким увеличением цен на продукты, количество голодающих увеличилось на 105 миллионов человек [5].

Продовольственный кризис 2008–2009 гг. более всего ударил по странам африканского континента, поэтому в 2008 году под эгидой ФАО прошла Панафриканская конференция, на которой обсуждались вопросы ирригации и гидроэлектроэнергии в африканских странах. «Участники конференции составили детальный инвестиционный портфель, рассчитанный на 20 лет и включающий около 1 000 проектов и инвестиционных программ в области водного контроля, сельского хозяйства и энергетики в 53 странах мира, общий бюджет которого составил 65 миллиардов долларов США» [5]. Отметим также, что 2008 год был провозглашен Международным годом картофеля, а 2009 – Международным годом природных волокон. Целью последнего стало привлечение внимания общественности к производству природных волокон (хлопок, лен, кашемир и др.). Данная статья производства составляет до 50% экспорта развивающихся стран. Таким образом, значительный доход, который получают государства от продажи природных волокон, может способствовать обеспечению их продовольственной безопасности.

В 2009 году в рамках ФАО прошел саммит, главной темой которого стала продовольственная безопасность в мире. Страны-участники вновь объявили о своем стремлении искоренить голод к 2025 году, разработать специальные схемы управления продовольственной безопасностью на национальных уровнях и увеличить долю сельского хозяйства в современной экономике.

На сегодняшний день, в рамках ФАО осуществляется ряд ключевых программ и инициатив. В первую очередь, это *Инициатива по борьбе с ростом цен на продовольствие*. Программа осуществляется совместно с Евросоюзом, благодаря которому удалось помочь более чем 25 африканским странам. Организация выделила более 1 миллиарда евро на поддержание национальных рынков развивающихся стран [6]. Сотрудничество с Евросоюзом с 2003 года относится к приоритетным направлениям деятельности ФАО.

С 1964 года осуществляется *Кооперативная программа ФАО / Мировой банк*, основной целью которой является оказание финансовой помощи государствам в подготовке и реализации сельскохозяйственных программ.

Одной из ключевых программ, проводящихся под эгидой ФАО, является *Декларация тысячелетия на 2000–2015 год*. Документ основывается на Декларации о мировой продовольственной безопасности и плане действий по ее обеспечению (принятых на Всемирном продовольственном саммите в Риме в 1996 г.). Рассматривая содержание стратегии, следует отметить, что в документе использовался системных подход, позволяющий учитывать все факторы, влияющие на продовольственную проблему в современном мире: демографический рост, технологические инновации; стихийные бедствия; глобализация мировой экономики; риски, связанные с чрезвычайными ситуациями; изменение рациона питания; повышение требований к качеству продуктов питания и др. [7].

Особое значение имеют так называемые экстренные программы ФАО. Они разделяются по трем типам:

- стратегии, нацеленные на предотвращение катастроф и миграции животных;
- экстренная помощь и восстановление после катастроф;
- экстренные программы в случае опасности и чрезвычайных ситуациях.

К первой группе относятся такие программы, как: доступ к земельным ресурсам (ФАО стремится обеспечить доступ к ресурсам в тех странах, в которых идут вооруженные конфликты (Судан и др.) и там, где население столкнулось с последствиями природных катастроф (цунами в Индийском океане в 2004 году); Адаптация населения к изменениям климата – программа ФАО, нацеленная на устойчивость сельскохозяйственных культур к неблагоприятной погоде и климатическим изменениям. Пример – засухоустойчивый урожай; Сохранение сельского хозяйства (включает в себя уроки, посвященные нарушению покрова земли; помощь по сохранению покрова земли; изучение производительных возможностей земли); Институты, политика и законодательство – эта программа ФАО заключается в помощи институтам в области выработки стратегий по предотвращению катастроф; регулирование миграции животных (особенное внимание уделяется вредителям) – программа направлена на снижение популяции вредителей в мире и регламентированное использования пестицидов (безопасное для человеческого здоровья и окружающей среды). При этом, учитываются такие факторы как: растущая устойчивость сельскохозяйственных культур, выращиваемых на фермах, к вредителям; уничтожение вредителей другими насекомыми / животными в природе; контроль по поддержанию видового разнообразия путем искусственного выращивания видов. Программы обычно осуществляются посредством фермерских школ. Программа совместного управления водными ресурсами, в случае если они являются пограничными территориями – программа заключается в наблюдении за экологической ситуацией и своевременном принятии мер в случае загрязнения речных бассейнов. Также действуют программы по предупреждению эрозии почв и оползней и осуществлению предупредительных мер в области рыболовства. Последняя программа включает в себя 4 аспекта: улучшение системы штормового предупреждения; тренинги по мерам предосторожности

для рыбаков; выработка программ в случае непредвиденных обстоятельств – болезни и загрязнения; схемы страхования рыбаков; схемы по улучшению качества воды и состояния окружающей среды. Программа направлена на восстановление земли и воды, загрязненной ядовитыми химикатами, устранение последствий потопов, засоления почв, повторное использование переработанных сточных вод для ирригации [8]. Данные инициативы, с точки зрения практического применения, действительно вносят существенный вклад в снижении последствий катастроф и миграции животных. Превентивные меры, направленные на снижение популяции вредителей, регламентация деятельности рыбаков, осуществление совместной выработки программ по предотвращению катастроф действительно косвенно способствуют снижению уровня голода в мире.

Ко второму типу программ, нацеленных на помощь в чрезвычайных ситуациях и восстановлении, относятся следующие стратегии ФАО: Оценка критической ситуации после катастроф (заключается в четком и своевременном анализе потребностей населения, выработке эффективных схем выхода из кризисной ситуации). Комиссии по оценке урожая и продовольственных ресурсов (Crop and Food Supply Assessment Missions (CFSAMs)) – осуществляют свою деятельность в кооперации с Всемирной Продовольственной Программой. Основная цель миссий заключается в предоставлении деталей о неизбежных проблемах в области продовольственной безопасности, учитывая действия правительств, международного сообщества и других акторов.

Программа оценки средств к существованию (Livelihood Assessment Tool-Kit (LAT)) и Оценка уровня соцобеспечения населения и система реагирования (Livelihood Assessment and Response System (LARS)). Развитие данных программ осуществляется ФАО совместно с Международной организацией труда. LAT предоставляет информацию о возможностях людей продолжать жизнь после катастроф – наводнения, землетрясения, цунами [9, с. 110].

Также иногда распространяется и на другие виды катастроф. Оценка осуществляется по следующим трем составляющим: а) предоставление основных средств к существованию государством (на национальном уровне) и склонность рассматриваемого региона к природным катастрофам; б) экспертиза оставшихся средств к существованию (измеряется в течение 14 дней после катастрофы); в) детализированная оценка средств к существованию (за 3 месяца). LAT действует под руководством LARS, которая также проводит оценку подготовленности государства к природным катастрофам и ее систему реагирования. Говоря о результатах осуществления этих программ, следует отметить, что подобные экспертизы во многом помогают снизить последствия природных катаклизмов и реально оценить и разработать возможные схемы развития продовольственных кризисов, вследствие чрезвычайных ситуаций. Подобные прогнозы использовались в 2005 году для расчета последствий кризиса в Судане. Тем не менее, программы недостаточно действенны в случае возникновения внезапных и экстренных ситуаций (наводнение на Гаити).

Помимо вышеперечисленных программ ко второму типу (экстренная помощь и восстановление после катастроф) относится также Схема классификации гуманитарной составляющей и продовольственной безопасности (Integrated Food Security and Humanitarian Phase Classification Scheme (IPC)). Программа устанавливает степень серьезности кризиса и величину необходимой гуманитарной помощи. Согласно IPC ситуации делятся на 5 типов: а) общая продовольственная безопасность; б) хронический недостаток еды; в) острый кризис в области продовольствия и недостаток средств к существованию; г) чрезвычайная ситуация гуманитарного характера; д) голод/гуманитарная катастрофа. ICP функционирует в 6 африканских государствах, и вносит значительный вклад в составление карты голода, которую мы рассмотрели выше. Примечательно, что программа также рассчитана на составление

долгосрочных и среднесрочных схем, т. к. основана осуществлении постоянного на наблюдения за регионом.

В группу третьего типа «опасности и чрезвычайные ситуации» входят следующие программы: «Химические опасности» – ФАО оказывает помощь правительствам в планировании схем реагирования на чрезвычайную ситуацию в случае производственных аварий на химических заводах, включая: а) утечка химических веществ в http://multitran.ru/c/m.exe?a=110&t=3040080_1_2&sc=517 водохранилище для ирригационного водоснабжения; б) попадание сточных вод и ядохимикатов в ирригационные воды; в) потопы, цунами и штормы – устранение последствий и аварий вследствие природных катастроф на химических заводах. ФАО также помогает контролировать учёт факторов риска и осуществление превентивных мер. Она также помогает правительству: а) установить инструкции по немедленному уведомлению о химических авариях; б) развить структуру по обработке и обмену информацией на международном уровне; в) способствовать координации деятельности между владельцами химических заводов [10, с. 87]. Важную роль играет программа по переработке вышедших из эксплуатации ядохимикатов. Она нацелена на помощь развивающимся странам в утилизации вышедших из эксплуатации ядохимикатов, обучение специальным схемам http://multitran.ru/c/m.exe?a=110&t=3432828_1_2&sc=585 ликвидации чрезвычайных ситуаций.

ФАО также разработала специальные методы, с помощью которых можно определить уровень загрязнения ядохимикатами и уровень опасности для жизни людей. Говоря об успехах организации в области осуществления этих программ на практике, следует привести ряд наглядных примеров: а) извлечение, вывоз и уничтожение 75 тонн дильдрина в Гао, Север Мали; б) извлечение и безопасное уничтожение 40 тонн запасов ДДТ (дихлордифенилтрихлорэтан) в здании госпиталя в Тунисе; в) быстрое извлечение и перемещение запасов ядохимикатов во время

наводнения в Мозамбике; г) извлечение просроченных ядохимикатов в Боливии; д) оценка рисков и рекомендации по устранению загрязнения ядохимикатами на территории Сомали; е) оценка рисков и рекомендации по устранению загрязнения ядохимикатами в порту Джибути [8].

Таким образом, можно утверждать, что осуществление мер по предотвращению экологических катастроф, является действительным достижением ФАО.

Большую роль играют программы по регулированию деятельности рыбодобывающего сектора, т. к. он очень уязвим с точки зрения рисков, связанных с утечкой бензина, нефти и выбросов различных токсинов. Примером служит ситуация, связанная с нефтяным танкером Престиж, который затонул в 2002 году на Северном берегу Испании. Экологическая катастрофа вызвала ряд серьезных проблем для рыбодобывающей индустрии. ФАО занимается устранением последствий/ предотвращением менее глобальных катастроф в данном секторе, а именно связанных с прорывом трубопроводов и утечкой углеводорода.

Кроме того, ФАО проводит программу «Химическая опасность и вода». Контроль и установление систем очистки воды крайне важен в данных регионах. С точки зрения практического применения программы, следует отметить, что ее успех зависит от конкретных условий, политической стабильности и предрасположенности региона к возникновению природных катаклизмов. Так в африканских странах, где идут вооруженные конфликты, говорить об установлении систем очистки воды или о регулировании проблемы государством весьма затруднительно.

Отметим также, что особое место в политике ФАО занимают программы, нацеленные на развитие национальных проектов по стимулированию сельскохозяйственной отрасли. В связи с этими целями, организация разработала программу технического сотрудничества, предусматривающую выделение денежных средств

из бюджета Центра инвестиций ФАО на введение технологических инноваций в развивающихся странах, а также на поддержку региональных программ стран-членов организации.

Таким образом, рассмотрев программы, которые осуществляет ФАО в рамках экстренных ситуаций, возникающих в мире, можно сделать вывод, что они являются достаточно успешными и действенными, а так же помогают предотвращать усугубление продовольственной проблемы.

Примечательно, что согласно Уставу ФАО, организация преследует такие цели, как: обеспечение роста производства, его эффективности, повышение качества питания, улучшение сельскохозяйственных технологий, продуманного распределения сельскохозяйственных продуктов и др. [11]. Однако, рассмотрев вышеприведенные программы, мы можем утверждать, что деятельность организации намного шире и зачастую пересекается со сферами, казалось бы, лишь косвенно влияющими на продовольственную проблему. Например, решение вопросов миграции животных, переработка ядерных и химических отходов, организация обучающих программ для фермеров и др. ФАО также способствует налаживанию диалога между руководителями предприятий в развивающихся странах, стремясь обеспечить контроль в сельскохозяйственном секторе и получать информацию относительно возможных кризисных ситуаций в регионе.

Таким образом, очевидно, что спектр деятельности ФАО многообразен и не сводится лишь к непосредственно продовольственным программам. В рамках организации создано множество вспомогательных органов, выполняющих конкретные задачи по предотвращению усугубления ситуации в мире.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Лупашко-Стальский И.П. Продовольственная и сельскохозяйственная организация Объединенных Наций (ФАО): основные сведения. вводный

ознакомительный курс /И.П. Лупашко-Стальский; М-во сел. хоз-ва Рос. Федерации. – Москва : Росинформагротех, 2006. – 125 с.

2. Официальный сайт ФАО. <http://www.fao.org/getinvolved/worldfoodday/worldfoodday-about/ru/>.

3. EMPRES. <http://www.fao.org/EMPRES/default.htm>.

4. МИД РФ. <http://www.mid.ru/ns-dmo.nsf/f1010b0687f6c452432569f400359178/432569f10031eb9343256bdb002f8a63?OpenDocument>.

5. ФАО в действии 2008-2009. Голод и кризис. <ftp://ftp.fao.org/docrep/fao/012/i1023r/i1023r00.pdf>.

6. FAO Initiative on Soaring Food Prices. <http://www.fao.org/fileadmin/ user_upload/ISFP/pdf_for_site_Country_Response_to_the_Food_Security.pdf>.

7. Декларация тысячелетия ООН. <http://www.un.org/russian/documen/declarat/summitdecl.htm>.

8. FAO and Emergencies. <http://www.fao.org/emergencies/home0/disaster-risk-reduction/prevention-and-mitigation/ru/>.

9. Кожуро Ю.Г. Моя ООН: Дипломатия сердца /Ю.Г. Кожуро. – Минск : Тесей, 2004. – 132 с.

10. Исраэлян В.Л. Дипломатия – моя жизнь. Из личного архива российского дипломата /Виктор Исраэлян. – Москва : Изд-во МБА, 2006. – 225 с.

11. Устав Продовольственной и сельскохозяйственной организации (ФАО). <http://www.mid.ru/ns-dmo.nsf/f1010b0687f6c452432569f400359178/016b1f956b829516c325709f0039af7e?OpenDocument>.

УДК 341. 23

Ли Цзя

СОТРУДНИЧЕСТВО КИТАЯ СО СТРАНАМИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ОБЛАСТИ

Энергетическое обеспечение потребностей китайской экономики выходит за пределы собственных возможностей страны. Руководство Китайской народной республики (КНР) уделяет большое внимание энергетическим проблемам и выработке адекватной энергетической стратегии страны. Важной составляющей энергетической стратегии Китая является долгосрочное закрепление в богатых энергоносителями странах и регионах. В частности в Центральной Азии.

Интерес Китая к странам Центральной Азии обозначился еще в 90-х годах XX века и с этого времени значение региона в китайской энергетической стратегии поступательно растет. Энергетическое взаимодействие между КНР и странами региона базируется на следующих условиях:

Во-первых, в регионе располагаются значительные запасы стратегически важных энергетических ресурсов. По объему топливно-энергетических ресурсов (нефти и газа), регион занимает второе место в мире. Общие разведанные запасы стран центрально-азиатского региона составляют: угля – около 40 млрд. тонн, нефти – около 3 млрд. тонн. Установленные нефтяные запасы Казахстана составляют 5,3 млрд. тонн, что составляет 3,2% мировых запасов. Запасы газа в Казахстане исчисляются 1,82 трлн. м^3, в Узбекистане – 1,58 трлн. м^3, в Туркмении – 7,94 трлн. м^3 [1, с. 38].

Во-вторых, географическая близость – естественное преимущество для энергетического сотрудничества. Китай

соседствует с Казахстаном, Кыргызстаном и Таджикистаном, рядом находятся Узбекистан и Туркменистан.

В-третьих, взаимодополняемость как движущая сила энергетического сотрудничества. Сотрудничество со странами Центральной Азии позволит избежать зависимости КНР от поставок энергоресурсов из Ближнего Востока, диверсифицировать энергоисточники и способы их транспортировки для обеспечения энергетической безопасности страны.

В первой половине 90-х годов XX века экономический интерес КНР к странам Центральной Азии был незначительным, экономические отношения ограничивались в основном торговлей с Казахстаном и Кыргызстаном. Такая позиция была связана с неопределенностью в экономической политике стран Центральной Азии после распада СССР. Однако и у Китая также еще не была четко сформулирована экономическая стратегия в данном регионе [2, с. 18].

Основные принципы внешней политики Китая в отношении стран Центральной Азии были сформулированы в 1994 году во время визита премьер Госсовета КНР Ли Пэна. Они заключались: в мирном сосуществовании и поддержке дружественных добрососедских отношений; развитии взаимовыгодного сотрудничества и содействии совместному процветанию; в уважении политического выбора каждого из государств и невмешательстве во внутреннюю политику других государств; уважении суверенитета, содействии региональной стабильности [3].

С конца 90-х годов XX века политика КНР в отношении Центральной Азии координально изменяется, что было связано с началом реализации в стране государственной программы по форсированному развитию своих внутриконтинентальных территорий. На практике это выразилось в первых проектах китайских компаний в нефтегазовой отрасли Казахстана и усилении присутствия китайских производителей на потребительских рынках стран региона.

Основой энергетической политики КНР в Центральной Азии является стратегия «выхода за пределы» （走出去）, предполагающая участие в освоении зарубежных нефтяных месторождений с помощью китайских технологий и китайского капитала. По мнению китайских исследователей, центр тяжести данной стратегии, должен находиться в России и странах Центральной Азии, поскольку эти страны владеют богатыми нефтегазовыми ресурсами, являются дружественно настроенными соседями и обладают относительной политической стабильностью.

В 1997 году премьер Госсовета КНР Ли Пэн в статье «Политика Китая в отношении энергетических ресурсов» определил стратегию «выхода за пределы» как новую эру в развитии энергетической дипломатии Пекина, которая должна вывести китайские компании на глобальный энергетический рынок. Премьер Госсовета призвал привлечь: «любые средства, включая лоббирование, финансовую помощь и обмен информацией, для достижения цели по диверсификации источников поставок энергоресурсов в Китай» [4, с. 9.]. Реализация данной стратегии, должна сократить разрыв между внутренним производством и потреблением энергоресурсов, укрепить энергетическую безопасность страны путем диверсификации источников их импорта.

Важным политическим вопросом между странами региона и Китаем был вопрос демаркации границ. В 1999 году такое соглашение было подписано с Кыргызстаном, в 2002 году с Казахстаном и Таджикистаном. В 2005 году были подписаны соглашения о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве с Казахстаном и Кыргызстаном и стратегическое партнерство с Казахстаном.

В 1996 и 1997 годах между пятью странами – Россией, Китаем, Казахстаном, Кыргызстаном и Таджикистаном – было подписано два соглашения:

26 апреля 1996 года было подписано «Соглашение об укреплении доверия в военной области в районе границ» содержащее пункты:

- о взаимном ненападении;
- о запрещении военных маневров, направленных против какой-либо договаривающейся стороны;
- об ограничениях, налагаемых на любые военные манеры в приграничных районах;
- о необходимости информировать заинтересованные страны о маневрах, проходящих в пределах 100 км от границы.

24 апреля 1997 года было подписано «Соглашение о взаимном сокращении вооруженных сил в районе границы» гарантирующее создание демилитаризованной зоны в пределах 100 км от границы, откуда должны быть выведены все войска, за исключением пограничных [5].

В начале XXI века значение Центральной Азии в системе внешнеэкономических приоритетов КНР кардинально возросла, что объясняется предпосылками как экономического, в том числе энергетического, так и геополитического характера. Пекин значительно усилил свою экономическую политику, выразившуюся, прежде всего, в проектно-инвестиционной активности, направленной на эксплуатацию энергетической базы региона.

Страны Центральной Азии, в свою очередь, стали рассматривать КНР как стратегический источник для инвестиций своих экономик. Начался процесс освоения территорий: строительство крупных трубопроводов, железных дорог, автодорог. Регион превращается в транзитное пространство, воссоздавая проект Великого шелкового пути на новых технологиях.

Китай ставит грандиозную цель, на основе Центрально-азиатского региона, создать новую экономическую зону, занимающую промежуточный характер между Азиатско-Тихоокеанским регионом и Европой. Во время визита в страны Центральной Азии Председатель КНР Си Цзиньпин упомянул о концепции «экономической зоны Великого шелкового пути»

(新丝绸之路经济带). Китайский лидер заявил, что эта зона будет создана путем укрепления, прежде всего, энергетического сотрудничества со странами данного региона [6].

Центральным направлением экономической деятельности Китая в Центральной Азии является нефтегазовое направление, где основной интерес фокусируется на Казахстане, Туркменистане и Узбекистане. В рамках данной политики реализуется множество масштабных проектов. Рассмотрим крупнейшие их них.

Казахстан

В результате международных торгов, Китайская национальная нефтегазовая корпорация (КННК) выиграла тендер на приобретение 60,28% акций акционерного общества Актобемунайгаз, на Северо-Западе Казахстана за 325 млн. долларов [7, с. 37.]. По условиям соглашения КННК должна инвестировать в компанию в течение пяти лет 686 млн. долл. В 2003 году КННК выкупила 25% акций актюбинского месторождения и тем самым получила контрольный пакт в размере 85,3%.

Акционерное общество «КННК – Акобемунайгаз» является самой крупной нефтяной компанией Актюбинской области и ведет разработку месторождений Жанажол и Кенкияк, с геологическими запасами нефти в 608,5 млн. тонн и газа – 146 млрд. кубометров [8, с. 49]. В 1997 году КННК начала инвестировать 4,3 млрд. долл. в течение двадцати лет за право освоения нефтяных месторождений Узень в Актюбинской области [9].

Главным условие в инвестиционных проектах стало подписание ряда соглашений на строительство нефтепровода Западный Казахстан – Западный Китай, для обеспечения непрерывной стабильной поставки нефти из Узеня в Карамай (СУАР) [7, с. 45]. Планировалось построить 2800 км трубопроводов, но производственные расчеты показали, что добыча на этом месторождении будет недостаточной даже для первой очереди

нефтепровода. В качестве дополнительного источника нефти рассматривалось казахстанское месторождение Тенгиз, но оно разрабатывалось международным консорциумом.

В 1997 году произошло резкое падение мировых цен на нефть, что сделало казахстанский нефтепроводной проект непривлекательный с экономической точки зрения. Одновременно в 1998 году произошла реструктуризация нефтяной промышленности Китая, что обеспечило КННК большую самостоятельность и возможность инвестировать в привлекательные проекты по разработке и добычи внутри Китая. В результате возникших трудностей в августе 1999 года китайская компания приняла решение о переносе сроков строительства газопровода [10].

В 2003 году план начал осуществляться, что было связано с открытием новых значительных месторождений, в частности Кашаган, одного из перспективных в мире. По оценкам специалистов запасы в нем составляют 30 млрд. баррелей нефти и 1 трлн. куб. газа. Эксплуатация данного месторождения привело к повышению производства казахской нефти с 536 тыс. баррелей в день в 1997 году до 1,3 млн. баррелей в день в 2004 году [11]. В это время наблюдался стремительный рост цен на нефть, что так же способствовало ускорению строительных работ.

Китайские компании постепенно укрепляли свои позиции в нефтегазовом секторе Казахстана. В 2001 году КННК совместно с Caspian Investments Resources Ltd создала компанию Buzachi Operating Ltd, с 50% долями акций, для разработки месторождения Северное Бузачи, геолоогические запасы которого оцениваются в 207 млн. тонн. [7, с. 45]. С середины 2003 года КННК владеет лицензией на разработку запасов блока Барс, окружающего месторождение Северное Бузачи [7, с. 43].

В 2003 году КННК выкупила государственные 25,12% акций в казахстанской компании ОАО КННК – Актобемунайгаз, в которой 60,28% уже принадлежало КННК с 1997 г. После этой сделки КННК

стала держателем 85,4% акций. С конца 2005 года КННК является акционером компании Petro Kazakhstan, с пакетом акций в 67% [12].

Китайская государственная инвестиционная компания China Investment Corporation (CIC) в 2006 году выиграла тендер по реализации казахстанских активов по разработке нефтегазового месторождения на западе Казахстана – Каражанбас [7, с. 45].

Во время визита Президента Казахстана Нурсултана Назарбаева в апреле 2009 года в Пекин, было подписано соглашение о предоставлении Астане кредитов на сумму 10 млрд. долларов. Половину из этих средств КННК предоставила «Казмунайгазу», за это Нурсултана Назарбаев согласился продать КННК долю в нефтяной компании «Мангистаумунайгаз». После этой сделки Китай стал крупнейшим иностранным игроком в нефтяной отрасли Казахстана [12]. В феврале 2011 года в ходе визита Президента Казахстана Нурсултана Назарбаева в КНР, КННК подписала с КазМунайГаз соглашение о совместной разработке, на равных долях, нефтегазоконденсатного месторождения Урихтау в Актюбинской области в западной части Казахстана [13].

Вопрос о транспортировке нефти из Казахстана был решен в июне 2003 года, в ходе государственного визита Председателя КНР Ху Цзиньтао в Казахстан. КННК подписала с правительством Казахстана договор о строительстве казахско-китайского нефтепровода Атасу – Алашанькоу, в июле 2006 году он был введен в эксплуатацию. В 2006 году КазМунайГаз и КННК подписали новое соглашение о строительстве недостающего участка нефтепровода Казахстан – Китай – из Кенкияка в Кумколь.

В октябре 2009 г. была достроена вторая очередь нефтепровода Казахстан – Китай [13]. В 2010 году этот участок работал, правда, в половину своей мощности. По оценкам ресурсной базы нефтепровода у КННК недостаточно ресурсов для выхода на полную мощность. Поэтому Астана и Москва договорились о поставках российской нефти в Китай для заполнения нефтепровода [7, с. 53].

В сентябре 2013 года Председатель КНР Си Цзиньпин и Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев торжественно открыли первый участок второй очереди казахстанско-китайского газопровода. Он берет начало в Бейнеу Мангистауской области и соединяется с газопроводом Китай – Центральная Азия в Чимкенте Южно-Казахстанской области. Протяженность второй очереди составляет 1475 км, проектно-пропускная способность 10 млрд. $м^3$ в год и может быть расширена до 15 млрд. $м^3$ [14, с. 41]. Газопровод Казахстан – Китай является базовым для проекта Трансазиатского трубопровода, связывающего страны Центральной Азии и Китай.

В настоящее время КНР владеет около 25% нефтегазовой продукцией Казахстана. Однако многие месторождения уже давно разработаны и прошли пик добычи. Поэтому КНР наиболее заинтересован в новых шельфовых месторождениях Казахстана, при этом газовый потенциал месторождений привлекает Китай больше чем нефтяной.

Туркменистан

Начало сотрудничества КНР с Туркменистаном относится к 1994 году и связано с инициативой Президента страны С.А. Ниязова о строительстве трубопровода из Туркменистана в Китай. Данный проект имел стратегическое значение для обеих стран, он отвечал долгосрочным интересам. Важным документом в отношении энергетического партнерства стало Соглашение о взаимопонимании и основных принципах сотрудничества в области нефти и газа между правительством Туркменистана и КННК. Это соглашение способствовало к привлечению китайских специалистов к активному участию в исследовании нефтегазовых месторождений, наращивании добычи нефти и газа в Туркменистане, а также и их транспортировку.

В 1996 году экспертами КННК, Exxon и Mitsubishi была завершена совместная проработка проекта создания газопровода Туркменистан – Китай – Япония, протяженностью около 8 тыс. км, в

том числе и морским путем и мощностью 30 млрд. $м^3$ в год. Стоимость строительства оценивалась в 12 млрд. долл., реализация в течение 5 лет [7, с. 54].

Высокая стоимость, большие проблемы окупаемости и возможные политические риски, газопровод должен был пройти по территории Узбекистана и Казахстана, не дали проекту продвинуться дальше в обозначенный период. Однако сам факт такого масштабного проекта со стороны КНР говорил о приоритетности политических и стратегических соображений в политике Китая в регионе.

В январе 2002 года КННК подписала с государственным концерном «Туркменнефть» контракт на техническое обслуживание по вторичной добычи нефти на месторождении Гумдак. По оценкам специалистов месторождение имеет возобновляемые запасы 43,92 млн. тонн нефти [15]. Во время встречи Председателя КНР Ху Цзиньтао с Президентом Туркменистана С.А. Ниязовым в мае 2005 года, была достигнута договоренность о расширении торгово-экономических связей. Президент Туркменистана отметил, что стороны особое внимание уделили сотрудничеству в нефтегазовой сфере. При этом он подчеркнул, что туркменская сторона приветствует взаимодействие с Китаем в энергетической разведке, освоении и обработке ресурсов страны [16]. КННК летом 2005 года подписало соглашение о сотрудничестве с Министерством нефти и природных ресурсов Туркменистана. Во время визита Президента Туркменистана Гурбангулы Бердымухамедова в КНР было подписано соглашение о полномасштабных работах по разведке и добыче природного газа на территории Багтыярлык на правобережье Амударьи [7, с. 45]. Одновременно китайская сторона взяла на себя обязательства по строительству газопровода.

В 2006 году между двумя странами было подписано соглашение о прокладке газопровода из Туркменистана в Китай через Узбекистан и Казахстан, с ежегодной поставкой 30 млрд. $м^3$ в течение 30 лет. В марте 2008 г. было создано совместное предприятие ТОО «Азиатский

газопровод» для строительства казахстанско-китайского участка газопровода Центральная Азия – Китай (Трансазиатского трубопровода). Общая протяженность трубопровода составит 7 тыс. км. При этом по территории Туркменистана проложено 188 км, Узбекистана – 525 км, Казахстана – 1293 км, Китая – более 4860 км. [17]. В декабре 2010 г. были сданы в эксплуатацию две линии («А» и «В») газопровода, в настоящей момент пропускная способность газопровода составляет 23 млрд. $м^3$ в год [14, с. 43]. Основной поток туркменского газа в Китай пойдет по строящейся линии Трансазиатского газопровода «D», открытие которой планируется в 2016 году.

Узбекистан

Визит Председателя КНР Ху Цзиньтао в 2004 году в Ташкент определил вектор сотрудничества между двумя странами, в частности речь шла о китайских проектах в Узбекистане. В результате в 2005 году было подписано сразу 20 инвестиционных соглашений, кредитных договоров и контрактов на сумму около 1,5 млрд. долл., включая 600 млн. долл. связанных с нефтегазовой отраслью [18].

КННК совместно с Узбекнефтегазом создали совместное предприятие «УзCNPC Петролеум» по проведению геологоразведочных работ и разработке нефтяных месторождений на территории Узбекистана. Деятельность компании направлена на разработку, обустройство и ввод в эксплуатацию месторождений с запасами жидких углеводородов в Бухаро-Хивинском районе и месторождений на плато Устюрт. По инициативе КННК совместно с Узбекнефтегазом, Лукойлом, малазийской компанией Petronas и корейской KNOC был создан международный консорциум по освоению нефтегазовых месторождений в узбекской акватории Аральского моря на условиях раздела продукции.

Узбекистан и Китай в апреле 2007 года подписали межправительственное соглашение о принципах строительства и эксплуатации газопровода Центральная Азия – Китай. Одновременно

было подписано соглашение об основных принципах сотрудничества по совместной доразведке и разработке месторождения Мингбулак [7].

Энергетическая политика КНР в Центральной Азии основана на растущем осознании Пекином важности данного региона. Результатами данной политики в первое десятилетие XXI века стали не только весомая доля лицензий на разведку и разработку нефтегазовых месторождений в регионе, но и газопровод Центральная Азия – Китай и нефтепровод Западный Казахстан – Китай, благодаря которым страна планирует получить из региона по 65 млрд. $м^3$ природного газа и 20 млн. тонн нефти в год.

Для КНР приоритетным является экономическое развитие и социальная стабильность страны. Программа по освоению западных регионов страны повысила значимость Центральной Азии для Китая и энергетические проекты играют в этом не малую роль. Западный регион Китая (СУАР), благодаря укреплению отношений ирреального сотрудничества со странами Центральной Азии, превращается в важный энергетический узел, что привлекает трудовые и финансовые ресурсы в этот район.

КНР реализует свою энергетическую политику в Центральной Азии посредством различных механизмов. С одной стороны Пекин взаимодействует со странами региона в рамках ШОС и через стратегическое партнерство с каждой страной в отдельности, с другой инструментами энергетической политики выступают прямое инвестирование в экономику стран региона и предоставление долгосрочных кредитов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Центральная Азия. Геополитика и экономика региона). / под общ. Ред. В.А.Гусейнова. – М., Институт стратегических оценок и анализа. 2010. – 292 с.

2. Мальцев А.Е. Особенности политики КНР в Центральной Азии в оценках российских и западных ученых // Сравнительная политика. 2012. № 4 (10) С.17-31.

3. 邢广程. 中国与中亚国家的关系 Xin Guangcheng. Zhongguo yu zhongya guojia de guanxi – Син Гуанчэн. Отношения Китая со странами Центральной Азии http://src-h.slav.hokudai.ac.jp/publictn/85/9CA-Chinese.pdf (23.03.14).
4. Кузык Б.Н., **Титаренко М.Л.** Китай-Россия 2050: стратегия соразвития. –М.: ИНЭС. 2006. -656 с.
5. Румер Е., **Менон Раджан**, **Тренин Д.В.**, **Чжао Хуашен**. Центральная Азия: взгляд из Вашингтона, Москвы и Пекина. http://uchebnik-online.com/soderzhanie/textbook_307.html (23.03.14)
6. Сыроежкин К.Ф. Экономический пояс на Шелковом пути с китайскими иероглифами // Байтерек. 2014. № 3 (86). С. 16-21.
7. Петелин Е.Н. Энергомонолит Китая с Центральной Азией // Индекс безопасности. 2011. Том: 17. № 4 (99). С.35-57.
8. Басен Ж.Т. Экономические интересы Китая в центральной Азии // Экономическая стратегия – Центральная Азия. 2006. № 1. С.48-53.
9. Mehmet Ogutsu, **Xin Ma**. Growing inks in energy and geopolitics China, Russia and Central Asia. http://www.dundee.ac.uk/cepmlp/gateway/files.php?file=CEPMLP_IJ_Mar08-Growing_links_916741751.pdf (08.03.14).
10. Галаджи И.М. Великий нефтегазовый треугольник. htt://www.netpilot.ca/geocryology/num3/Veliki.html (08.02.14)
11. John Seaman. Energy security, transnational pipelines and China`s role in Asia. http://www.ifri.org/downloads/asievisions27jseaman_1.pdf (08.04.14).
12. Габуев А. Казахстан пустил нефть в обход российских денег // Коммерсантъ. 2009. № 70. htt:// www.kommersant.ru/doc/1158373 (24/02/14)
13. Бикчурин Р. Казахстан и КНР. Энергия сотрудничества. – Режим доступа: http:// www.centrasia.ru/newsA.php?st=1302147900 (24.02.14)
14. Халова Г.О., **Сычева А.М.**, **Спивак В.Ю.** Деятельность китайских нефтегазовых компаний в государствах центрально-азиатского региона // Нефть, газ и бизнес. 2013. № 12 (163). С. 39-43.
15. Отчет «Сырое» пробуждение Туркменистана: нефть, газ и окружающая среда Южного Каспия. – Режим доступа: htt://ru.crudeaccountability.org/uploads/File/Turkmenistan/RUSFinalReport2009.pdf (25.02.14).
16. Встреча Ху Цзиньтао с Президентом Туркменистана // Агенство Синьхуа. – Режим доступа: htt://Russian.people.com.cn/31519/3372920.html (25.02.14).
17. Узбекистан запускает вторую нитку газопровода Туркменистан – Китай. – Режим доступа: htt://www.ctntrasia.ru/newsA?st=1293915720 (13/03/14).
18. Парамонов В., **Строков А.**, **Столповский О.** Экономическое присутствие Китая в Узбекистане – Информационно-аналитический центр. – Режим доступа: http://www.ia-centr.ru/expert/5461/ (16.03.14).

УДК 329

Чжоу Цзюнь

РОЛЬ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ НА МИРОВОМ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОМ РЫНКЕ

Энергетические ресурсы сегодня являются неотъемлемой частью развития современного общества. Современная экономическая политика Китайской Народной Республики (КНР) направлена на осуществление модернизации экономики и повышения уровня жизни всего китайского народа, поэтому ведущую роль в этом играет энергетическая стратегия.

Политика реформ и открытой экономики начавшая в конце 70-х годов XX века, способствовала бурному развитию китайской экономики. Вследствие этого КНР стала второй экономикой в мире после США. В области энергетики в настоящее время Китай является крупнейшим в мире государством производителем энергетических ресурсов. Всестороннее развитие угольной, нефтяной и газовой промышленности, развитие электроэнергетики и альтернативных источников энергии, способствовало обеспечению долгосрочному и динамичному росту народного хозяйства и дальнейшему повышению уровня жизни народа.

В последние годы энергетика КНР сталкивается с множеством вывозов:

Нерациональный топливно-энергетический баланс со значительной долей угля, небольшой долей нефти и природного газа. В 1952 году доля угля в общем балансе потребления энергоресурсов составлял 95%. По мере развития экономики и урбанизации его доля уменьшалась. К 2020 году ожидается его сокращение до 57%.

Недостаточные запасы энергетических ресурсов. Страна богата запасами энергетических ресурсов, но основная доля приходиться на уголь, запасы нефти и газа относительно невелики. В разведанных запасах, доля угля составляет 87,4%, нефти – 2,8%, природного газа – 0,3% [1, с. 47].

Увеличение спроса на энергоресурсы, с одновременным его разрывом между спросом и предложением. С ростом экономики и модернизацией основных отраслей производства, спрос на энергию в КНР увеличивается быстрыми темпами. За последние годы наблюдается значительное увеличение спроса на все виды топлива. Наиболее быстрыми темпами растет спрос на нефть и природный газ. К 2020 году доля импорта нефти будет составлять – 60%, газа – 50% [1, с. 49].

Отсутствие многостороннего энергетического диалога. КНР не входит в Международное энергетическое агентство (МЭА), объединяющее страны – энергопотребителей и Организацию стран производителей нефти (ОПЕК). В этой ситуации стране трудно отстаивать свои интересы в процессе проведения многосторонних переговорах по энергетическим вопросам и определению цен на энергоресурсы.

Экономические реформы 70–80-х годов проходили в обстановке хронической нехватки энергоресурсов и недостаточным развитием транспортной структуры. По некоторым оценка, в конце 70-х годов из-за дефицита топлива и электроэнергии 20–30% мощностей промышленности оставались незагруженными. В последующие годы были приняты меры: по сокращению капитального строительства, замораживанию ряда крупных объектов, снижению доли тяжелой промышленности. Все это привело к более эффективному использованию топливно-энергетических ресурсов.

К концу 70-х годов добыча нефти превысила 100 млн. тонн в год [2, с. 65], что превосходило возможности страны по ее переработки и потребления автотранспортом. Эта ситуация привела к экспорту

нефти, пик которой достиг к середине 80-х годов. В дальнейшем экспорт стал сокращаться и одновременно наметился рост импорта. С 1993 года страна превратилась в нетто-импортера топлива и к концу XX века уже ввозила 60 млн. тонн нефти и нефтепродуктов ежегодно [3, с. 42].

С середины 90-х годов XX века экономика КНР стала постепенно переходить на рыночный механизм. Однако дефицит топлива сохранялся, что было связано с отсталой системой ресурсопользования. Только во второй половине 90-х годов начались мероприятия по перестройки отрасли. В частности начался процесс закрытия мелких шахт. Был сформулирован лозунг «уголь по проводам», предусматривающий строительство новых ТЭС в крупных угледобывающих районах.

В 2000–2007 годах зависимость Китая от внешних источников энергии имела тенденцию к росту. В конце десятилетия страна превратилась из экспортера угля в нетто-импортера. Быстрыми темпами шло наращивание потребления и импорт нефти. Если в 2000 году добыча составляла 163 млн. тонн, а импорт 64 млн. тонн, в 2006 году соответственно 185 и 165 млн. тонн, в 2010 году 203 и 239 млн. тонн, в 2014 году 208 и 310 млн. тонн. По прогнозу на 2020 год, соотношение добычи и импорта будет 210 и 370 млн. тонн, а в 2030 году 210 и 420 млн. тонн [4, с. 6].

До 2006 года доля природного газа в импорте основных видов энергоресурсов была незначительной. С 2006 по 2009 годы увеличилась более чем в 7 раз, невзирая на мировой экономический кризис 2008 года. В 2014 году импорт природного газа приблизился к 55 млрд. м^3, с годовым приростом в 8%. В 2007 году добыча составляла 69,2 млрд. м^3, а импорт 1,3 млрд. м^3., в 2010 году соответственно 94,8 и 12,1 млрд. м^3., в 2014 году 200,0 и 55,0 млрд. м^3. По прогнозу на 2020 год соотношение добычи и импорта будет 200,0 и 120,0 млрд. м^3., в 2030 году 250,0 и 170,0 млрд. м^3. [4, с. 7].

По имеющимся расчетам, доля импорта в суммарном потреблении энергоресурсов к 2020 году возрастет до 20% [2, с. 67]. При этом чистый импорт энергоресурсов составит пятую часть всего мирового экспорта энергоносителей.

Сырьевой и топливный дефицит КНР часто является основанием пессимистических прогнозов для страны. Образ «энергетически голодного» Китая не вполне соответствует действительности. Главная проблема энергетического комплекса страны – низкая эффективность использования энергии в экономике. Они сводятся к следующему: высокая доля угля в энергобалансе, широкое распространение малоэффективных энергоустановок, потери в бытовом секторе.

За последние 20 лет ситуация в области эффективности энергопотребления в КНР существенно улучшилась. Начало века стало периодом бурного роста экономики страны, главным образом промышленности и в том числе энергоемких отраслей – химическое производство, черная и цветная металлургия, коксохимия, энерго- и теплоснабжение. Перспектива долгосрочного экономического развития связана с относительным снижением расхода топлива и его доли в ВВП. Темпы роста в тяжелой индустрии будут постепенно снижаться, а рост малоэнергозатратной сферы услуг будет увеличиваться. В настоящее время удельный вес сферы услуг в КНР составляет всего 43% производства, тогда как в Японии это показатель равен 70% [2, с. 67].

Во-вторых, высокая активность КНР на мировых рынках ресурсов обусловлена большими запасами валютных резервов. Это стимулирует страны искать дополнительные сферы приложения национального капитала за рубежом. Одной из таких сфер стали месторождения энергетических ресурсов.

В-третьих, Китай ведет активные геологоразведочные работы у себя в стране. Недра страны еще недостаточно изучены, поэтому не исключено открытие крупных месторождений углеводородов. Одновременно ведется активное строительство газо- и

нефтехранилищ. В сочетании с имеющимися ресурсами эти резервные мощности помогут КНР успешно преодолеть периоды неблагоприятной конъюнктуры мировых рынков и периодически сокращать закупки топлива за рубежом.

Крупнейшим поставщиком нефтегазовых ресурсов для Китая являются страны Ближнего Востока, их доля в китайском импорте этого сырья составляет более 50%. В последнее время увеличился импорт нефти из Африканских стран, в частности из Анголы. Африка становиться вторым крупным поставщиком нефти в КНР, обеспечивая около 25% нефтяного импорта страны [5].

Сегодняшняя политика Китая в вопросах энергоресурсов сводится к снижению зависимости от импорта ближневосточной нефти и активной работе китайских энергетических компаний в Африке. Энергетическое развитие страны во многом зависит от бесперебойного доступа к маршрутом доставки энергоносителей, сырья и к морским торговым путям. Однако лучшей гарантией энергетической безопасности Китая, по мнению правительства, является трубопроводный транспорт нефтегазового сырья. Поэтому наиболее перспективными партнерами КНР являются Россия и страны Центральной Азии, которые обладают богатыми нефтегазовыми ресурсами и являются дружественно настроенными соседями.

В конце прошлого века энергетическая стратегия КНР рассматривалась как сугубо внутренняя народнохозяйственная программа, ориентированная на имеющиеся собственные ресурсы, а внешние источники рассматривались лишь как дополнительные. Во второй половине 90-х прошлого века началось свертывание малых и экологически грязных добывающих производств, что стало показателем роста технического уровня отраслей. Топливно-энергетический комплекс страны постепенно встал на интенсивный путь развития. Вступление КНР во Всемирную торговую организация (ВТО) открыло новый подход стране к участию в мирохозяйственных процессах. Это коснулось и энергетического сектора. При вступлении

в ВТО Китай расширил допуск иностранного капитала в отрасли народного хозяйства, но сохранил государственное регулирование цен на топливно-энергетические товары при сохранении ключевых позиций госсектора.

В конце 90-х годов XX века началась реорганизация и реформа госпредприятий, приведшая к образованию национальных концернов. Их позиция усилилась развитием тяжелой промышленности в годы 10-й и 11-й пятилеток (2001–2010 гг.). В эти годы энергетическая стратегия Китая стала реализовываться через созданный Государственный энергетический комитет под представительством премьера Госсовета, а выполнение его решений было возложено на энергетическое управление КНР.

25 октября 2015 года была обнародована энергетическая стратегия КНР, которая рассматривалась как составная часть долгосрочной программы модернизации страны. Она получила название Белая книга «Китайская энергетическая политика – 2012» [6].

Задачи внутренней энергетической стратегии КНР сводятся к следующим направлениям:

Повсеместное осуществление режима экономии энергоресурсов за счет оптимизации структуры производств, увеличения экономии энергии в промышленности, усиления экономии энергии в строительстве, стимулирование энергосбережения в транспортной сфере и т. п.

Китай рассматривает оптимизацию структуры производства как стратегически важный пункт в развитии энергетики. Для этого ускоренными темпами сокращаются отсталые производственные мощности; реконструируются традиционные производства, применяя новые и высокие технологии; улучшается структура внешней торговли, отход от энерго- и трудоемкой продукции к капитало- и наукоемкой; развивается сфера услуг, формирующая ведущие отросли промышленности [6].

На долю промышленности приходится 70% всей потребляемой в стране энергии. Правительством Китая был разработан перечень передовых технологий по экономии энергии и сокращению вредных выбросов в отраслях тяжелой промышленности: сталелитейной, черной и цветной металлургии, угольной, нефтехимической промышленности. Была создана и совершенствуется обязательная система стандартов энергорасхода на единицу продукции в основных производственных отраслях, а так же развивается система оценки и контроля энергосбережения [7].

Особое внимание правительство Китая отводит транспортному сектору. В стране активно строятся железные дороги, которые улучшают систему транспортных перевозок, активно развивается логистика, разрабатываются новые модели электромобилей и гибридов.

Развитие новых и возобновляемых источников энергии предполагает: освоение гидроэнергетики, безопасное и эффективное развитие атомной энергетики, активное применение солнечной и ветряной энергетики и т. д.

КНР располагает богатыми гидроэнергетическими ресурсами. Однако на сегодняшний день степь их освоения крайне мала 30%. Основной упор планируется сделать именно на развитие гидроэнергетики и довести долю возобновляемых ресурсов к 2020году до 15%. Планируется увеличение общей мощности ГЭС страны до 290 млн. кВт к 2015 году. Политика развития гидроэнергетики имеет и социально-экономический характер. Она способствует экономическому развитию и трудоустройству данных регионов.

Атомная энергетика в энергетической стратегии Китая характеризуется как чистый, высокоэффективный и высококачественный современный источник энергии. После аварии на японской АЭС в Фукусиме, правительство КНР значительно усилило безопасность своих атомных электростанций. Были проведены строгие проверки ядерных объектов, ее результаты

показали, что ядерные энергоблоки соответствуют международным стандартам. Строительство новых АЭС проходит под строгим надзором за безопасностью, фиксируется контроль радиации на действующих станциях.

На сегодняшний день энергия ветра и солнца являются самыми перспективными и быстро развивающимися сегментами всей альтернативной электроэнергетики. В период реализации планов 12-й пятилетки КНР будет продолжать одновременно развитие централизованного и распределенного энергоснабжения с использованием солнечных и ветряных электростанций.

Диверсификация источников энергоснабжения включает в себя: ускоренные темпы освоения нефти и газа, освоение и применение нетрадиционных и возобновляемых источников энергии, развитие инфраструктуры, хранения и транспортировки.

КНР проводит курс на освоение нефти и газа, стабильно развивая нефте- газодобычу и одновременно усиливает реконструкцию старых месторождений, для стабильной добычи. Важную роль играет освоение добычи газа угольных пластов, горючих сланцев, нефтяных песков. Разрабатываются новые технологии, используются новые механизмы добычи и освоения, проводится политика комплексного совершенствования инфраструктуры отрасли.

Китай осуществляет систему планирования транспортировки энергоносителей: строятся и реконструируются железнодорожные магистрали, улучшается система электроснабжения, строятся нефте- и газопроводы. Страна проводит единое планирование государственных и коммерческих запасов энергоресурсов, совершенствует их систему запасов.

Ускорение и углубление реформ в энергетической сфере, является главным и мощным двигателем трансформации развития КНР. Проводя реформы в сфере энергетики, страна обеспечивает национальную энергетическую безопасность.

Внешняя энергетическая стратегия КНР разработана в «Докладе по энергетическому развитию Китая (2012)». Вопрос безопасности энергетического снабжения страны рассматривается в двух ситуациях: «абсолютной» и «относительной». «Абсолютная» энергетическая безопасность возникает в ситуации, когда крупный энергопотребитель с помощью своей экономической, политической и военной мощи пытается контролировать главные мировые нефтегазовые месторождения, стратегические пути транспортировки, занимать доминирующие позиции в международных энергетических организациях. В нынешних условиях эту роль играют США.

«Относительная» энергетическая безопасность предусматривает сотрудничество с целью обеспечения коллективной энергетической безопасности. Страны-потребители акцентируют свое внимание на налаживании сотрудничества с производителями энергоресурсов путем инвестиционной деятельности, совместной разработки месторождений и строительства энергетической инфраструктуры. Одновременно для обеспечения собственной энергобезопасности страны могут использоваться созданный механизм мониторинга энергетического рынка [8, с. 53].

В современных условиях КНР взял курс на обеспечение «относительной» энергетической безопасности. Внешняя стратегия энергетической безопасности включает в себя следующие приоритетные направления: ускорение научно-технического прогресса и диверсифицированное сотрудничество.

Научно-техническим инновациям отводится центральное место в развитии КНР, они играют роль стратегической опоры в повышении уровня производительных сил и совокупной государственной мощи. Одной из целей развития страны на ближайшие годы является формирование инновационного общества. Создание такого общества предусматривает в первую очередь формирование инноваций в энергетическом секторе и развитие научно-технического прогресса технологий. Руководство КНР неоднократно отмечало, что научно-

технический прогресс сыграл и продолжает играть важную роль в обеспечении энергетической безопасности страны [6].

В настоящее время научно-технический уровень в энергетической сфере Китая по-прежнему недостаточно высок. Слабая собственная инновационная база и отставание от передового уровня по уровню ключевых технологий. Поэтому важной составляющей внешнеполитического сотрудничества КНР с зарубежными странами является разработка новых видов энергии и научно-технических инноваций в энергетической сфере.

Являясь наблюдателем Энергетической хартии, поддерживая контакты с Международным энергетическим агентством, и участвуя в других международных организациях, КНР в области диверсификации сотрудничества в основном ориентируется на двухстороннее сотрудничество. Китай уже установил энергетический диалог и механизм сотрудничества со многими странами и регионами, среди которых США, Европейский Союз, Япония, Россия, Казахстан, Туркменистан, Узбекистан, Бразилия, Аргентина и Венесуэла [5]. Энергетическое сотрудничество со странами Центральной Азии является важнейшим фактором западной стратегии КНР. Для использования зарубежных ресурсов и диверсификации каналов энергетического снабжения, Китай нацелен проводить более активную политику открытости и расширять сотрудничество с западными пограничными странами [8, с. 56].

Сегодня в стране сохраняется относительный баланс между развитием экономики и потреблением энергии. Однако при реализации политики нацеленной на повышение жизненного уровня, дальнейшего развития отраслей промышленности, урбанизации страны проблема дефицита энергоресурсов усилится.

В настоящее время энергетика КНР сталкивается со следующими вызовами: низкий уровень потребления энергии на душу населения, высокая энергозатратность, высокая зависимость от импорта энергоресурсов, увеличение негативного влияния на окружающую

среду. Поэтому руководство страны уделяет энергетическим проблемам и выработке адекватной энергетической стратегии страны первостепенное внимание.

Согласно анализу официальных документов, таких, как Белая книга «Китайская энергетическая политика – 2012» и «Доклад по энергетическому развитию Китая (2012)», можно сделать вывод, что внутренняя политика КНР в области обеспечения энергетической безопасности характеризуется следующими направлениями [6].

- осуществление режима энергосбережения,
- развитие новых и возобновляемых источников энергии,
- диверсификация источников энергоснабжения,
- форсирование научно-технического прогресса и углубление реформ в энергетической сфере.

Внешняя стратегия обеспечения энергетической безопасности КНР, включает в себя основные направления:

- расширение импорта нефти и газа для удовлетворения внутренних потребностей,
- развитие трубопроводной сети нефти и газа для повышения безопасности поставок,
- развертывание многостороннего научно-технического сотрудничества с целью формирования инновационного процесса в энергетической сфере.

Реализация этих направлений в ближайшем будущем обеспечит национальную энергетическую безопасность страны.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Ся Ишань. Энергетическая стратегия Китая в новой ситуации и энергетическое сотрудничество Китая и России // Энергетическая политика. 2010. № 4. С. 46-53.

2. Томберг Р.И. Основные черты энергетической стратегии КНР // Мировая экономика и международные отношения. 2011. № 5. С.63-68.

3. Бергер Я.М. Энергетическая ориентация Китая // Аналитические записки. 2010. № 1. С.42-53.

4. Кукушкина Ксения. ТЭК Китая устами китайцев: итоги 2013 и планы 2014 // Нефтегазовая вертикаль. 2014. № 7. С.4-12.
5. Overview of China (last update February 14. 2014. http://www.eia.gov/contries/cab.cfm?fips=ch 923.03.14.
6. China`s Energy Policy 2012. http://www.gov.cn/english/official/2012-10/24/content_2250497_1.htm 11.04.14.
7. 节能减排 “十二五”规划 (jie neng jian pai “shi er wu” gui hua – план 12-ой пятилетки по энергосбережению). http://www.gov.cn/zwgk/2012-08/21/content_2207867.htm (17.03.14).
8. Ли Син, **Ван Чэнси**. Стратегия энергетической безопасности Китая в Центральной Азии // Сравнительная политика. 2013. № 2 (12). С.50-59.

УДК 373.91

К. Ю. Эйдемиллер

ИСЛАМСКИЙ ФАКТОР И МУСУЛЬМАНСКАЯ ОБЩИНА В ГОЛЛАНДСКОМ ОБЩЕСТВЕ: «PRO ET CONTRA»

Мусульманские общины в государствах Северной Европы, в контексте географического распространения Ислама, принято воспринимать как завоевание политики мультикультурализма и толерантности, и относить их появление в регионе исключительно к историческому периоду, начинающемуся с последней четверти XX века. Однако это утверждение верно лишь от части, и весьма далеко от исторических фактов.

Прежде всего, следует отметить, что распространение Ислама в Северной Европе началось несколько веков назад. Если доверять историческим источникам, голландские пираты во время войны за независимость Нидерландов от Испании, т. н. «Восьмидесятилетней войны» (1568 – январь 1648 годов), возможно, были первыми голландцами, а также представителями Северной Европы массово принявших Ислам сознательно и добровольно. Многие из них, после окончания войны и благополучного завершения разбойничьей и военной карьеры покидали пределы северных морей, начиная новую жизнь в государствах Магриба. Участники той вооруженной борьбы назывались *гёзами* [в переводе с нидерландского – *«нищие»*], среди них, самая большая группа гёзов воевала на море и называлась «морскими гёзами». Девизом морских гёзов был «Liever Turksdan Paaps» («Лучше турки, чем паписты») либо «Liever Turkschdan Paus» («Лучше турки, чем Папа»), а их символом был полумесяц на красном знамени, что очень напоминало знамя османов.

Материальном доказательством этого исторического факта служат серебряные медальоны в виде полумесяца с тем же девизом, которые гёзы носили на своей груди. Нужно понимать, насколько радикальным было подобное массовое обращение голландских повстанцев в ислам, да и ещё к явственной символике безусловных лидеров Pax Islamica того времени – Османов в пику «католических величеств» Испанских Габсбургов на восходе Золотого века Испании. Практически на век (с середины XVI и до середины XVII века) турки-мусульмане вошли в стратегический военный союз с протестантами на территории всей континентальной Европы. Сулейман Великолепный предложил прямую военную поддержку «лютеранам из Фландрии». Он сдержал слово и оказал её, начав новый виток ожесточенного противостояния, вошедший в историю как Османо-габсбургские и Австро-турецкие войны. Помимо голландцев-протестантов, в союз с мусульманами на коротком историческом отрезке вошли гугеноты и англикане. В 2008 году в голландской прессе публиковались данные исследования голландского историка Джошема ван ден Берга, который пришёл к сенсационному выводу, что отец-основатель независимых Нидерландов Вильгельм I Оранский обратился в Ислам за два года до смерти и принял мусульманское имя [1].

В современной Северной Европе положение мусульманской общины формируется под влиянием новых факторов, в том числе следующих: 1. мощный поток миграции исламского населения из стран, испытывающих сегодня социальные, экономические и политические проблемы; 2. включение эмигрантов в промышленный и обслуживающий секторы хозяйства, которые размещаются в основном в крупных городских агломерациях, с достаточно высокой плотностью населения; 3. тенденция отставания социальной политики принимающих государств от реальных задач взаимной адаптации пришлого и автохтонного населения, приводящая к конфликтным ситуациям и общему росту социального напряжения. В результате, в

мирное время растет число жертв, пострадавших от недостаточного уровня мультикультурализма и толерантности, а, по сути, может быть – от упадка общей культуры Европейской цивилизации.

Убийство популярного политика, который впоследствии посмертно был избран «величайшим нидерландцем всех времён», и поставлен в один ряд с основателем независимых Нидерландов Вильгельмом I Оранским Пима Фортейна 6 мая 2002 года Волкертом Ван дер Граафом, стало первым политическим убийством в Нидерландах за 100 с лишним лет [2] и всколыхнуло голландское общество. В суде примерный семьянин Ван дер Грааф заявил, что поводом к столь решительным действиям послужила политическая позиция Пима Фортейна. Ван дер Граф был обеспокоен тем, что Фортейн стал использовать мусульман и иммигрантов в качестве «козлов отпущения» [3] в своей политической кампании, чтобы снискать симпатии населения и таким образом прийти к власти, одновременно проводя и сравнивая его популизм и взгляды с Гитлером и нацизмом [4]. После этого резонансного события Нидерланды захлестнула волна протестов и манифестаций, а Северная Европа погрузилась в пучину антиисламских скандалов и череду политических убийств.

Уже через два года после этих событий, 2 ноября 2004 года в Амстердаме голландским марокканцем Мохаммедом Буйери был убит Теодор ван Гог – праправнучатый племянник живописца Винсента ван Гога (правнук брата художника Тео ван Гога), автор нашумевшего анти-исламского фильма «Submission» («Покорность»), который и стал причиной покушения. Данный фильм был снят по сюжету Айаан Али Хирси, нидерландского политика сомалийского происхождения, бывшего депутата нижней палаты парламента страны и члена «Народной партии за свободу и демократию» и «Партии труда». В фильме, по мнению целого ряда экспертов, было действительно отражено единичное, невежественное отношение к

женщине, бытующее в мусульманском мире, но не имеющее ничего общего с Исламом. Женское обрезание или кровная месть – всё, что приносит вред человеку, физический или духовный, как и всё то, что не соответствует шариату – в Исламе и его практике запрещено.

Айаан Хирси широко известна своей личной неприязнью к Исламу, основанной на опыте личной жизни, при том факте, что согласно шариату – практически всё, что с ней произошло, не имело ничего общего с Исламом. За своё озвученное желание снять фильм «Покорность 2», посвящённый терактам *хариджитов* в европейских государствах, с 2004 по 2006 года она была вынуждена скитаться по европейским странам, прося политического убежища, пока в 2007 году оно не было предоставлено ей в Дании [5].

Политические спекуляции на тему Ислама и всего, что с ним связано, стали очень популярны во всём североевропейском регионе. Особенно ярко на этом поприще выделяется нидерландский политик Герт Вилдерс, который в своей антиисламской риторике превзошёл кого-либо из публичных деятелей. Например, он заявил о том, что «выгнал бы пророка Мухаммеда из страны, если бы он жил в наше время» [6]. Вилдерс заявляет о себе, как о стороннике Израиля в ближневосточном конфликте, прожив 2 года в этой стране, а также, что «Израиль является первой линией обороны Запада» против того, что он называет исламской угрозой. Вильдерс отвергает любые компромиссы со стороны Израиля в решении палестинского вопроса, считая единственно верным решением «переименовать Иорданию в Палестину и переселить туда всех палестинцев» [7]. Вилдерс является центральной фигурой антиисламского движения, как в самих Нидерландах, так и за его пределами, основателем и лидером «Партии за свободу» («Partijvoorde Vrijheid»). Он не скрывает того, что если он станет премьер-министром, то введёт запрет на ношение паранджи, запретит строительство мечетей и примет меры к прекращению иммиграции из мусульманских стран.

Герт Вилдерс является автором короткометражного фильма «*Фитна*» («Fitna»)[1], размещённого в Интернете 27 марта 2008 года на голландском и английском языках, содержание которого, по мнению Ханса Герта Пёттеринга «придумано, и целью его является – затронуть религиозные чувства мусульман Нидерландов, Европы и всего мира». Критика фильма со стороны генерального секретаря ООН Пан Ги Муна, премьер-министра Нидерландов Ян Петер Балкененде, председателя Европарламента, официального представителя Организация исламского сотрудничества (до 2011 – Организация Исламская конференция), от России в лице представителя РПЦ, от ОАЭ, Пакистана, Индонезии, Бангладеша и Ирана, никак не изменила и не отразилась на мнении Вилдерса, а фильму лишь сделала большую рекламу и известность [8].

Нидерланды представляют интерес для детального анализа положения мусульманской общины в регионе Северной Европы, поскольку это единственная европейская страна, в которой ведётся относительно открытая статистика по количеству мусульман, проживающих на территории государства, которая, что особенно важно, не вызывает сомнений и отражает действительную демографическую и социальную картину.

Основная часть мусульманской общины Нидерландов проживает в центральных провинциях королевства: Северная и Южная Голландия, Флеволанд, Оверэйсел и Гелдерланд [9]. На 1 января 2004 года только лишь 5,8% от общего населения страны являлись мусульманами, но из-за проводимой дискриминационной политики в отношении Ислама, часть мусульман непрерывно покидает Нидерланды. За 4 года доля мусульманского населения сократилась в государстве на один 1% с 5,8% до 4,9% (на 2008 год) [10]. Динамику этого процесса отражают данные Центрального бюро статистики Нидерландов (см. табл. 1)

[1] Фитна (араб.فتنة – «смута») — арабское слово означающее «хаос», «смуту», иногда «гражданскую войну».

Таблица 1.

Количество мусульман в Нидерландах в соответствии с данными Центрального бюро статистики Нидерландов за 10 лет [11]

Год	***Число***	***Год***	***Число***
1996	654 000	2003	919 000
1997	687 000	2004	944 000
1998	724 000	2005	877 000
1999	765 000	2006	857 000
2000	801 000	2007	837 000
2001	844 000	2008	825 000
2002	886 000		

Нидерланды – это единственная западноевропейская страна, из которой наблюдается естественный отток мусульман по политическим соображениям и по причине религиозной сегрегации. В докладе Европейской комиссии против расизма и нетерпимости устанавливается причинно-следственная связь между плохим положением мусульман в Нидерландах и реакцией исламского сообщества. Комиссия констатирует, что «в отношении мусульман в Нидерландах используются общественно неверные стереотипы, происходит стигматизация, а иногда и вовсе, имеют место быть откровенно расистские политические выпады» [12], также, комиссия «отметила предвзятое освещение к мусульманам со стороны СМИ [13] и непропорциональное внимание к безопасности со стороны политиков, которые используют мусульман и Ислам в свои собственных интересах» [14].

Таким образом, для объективной оценки роли мусульманской общины в трансформации политического и социокультурного пространства стран Северной Европы необходимо провести многофакторный анализ, который не только выявит прямые и обратные связи в системе отношений, складывающихся в последние десятилетия, но будет учитывать длительную историческую

ретроспективу, а также рассмотрит политические процессы в регионе как часть динамично развивающегося мирового процесса.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. «Вильгельм Оранский был мусульманином» – http://www.speld.nl/2008/09/25/willem-van-oranje-was-bekeerde-moslim/

2. http://news.bbc.co.uk/hi/russian/news/newsid_3977000/3977293.stm

3. «Убийца Фортейна действовал в интересах мусульман» – http://www.paklinks.com/gs/world-affairs/96904-fortuyn-killer-acted-for-muslims.html

4. «Фортейн убит в защиту мусульман» - http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/europe/netherlands/1425944/Fortuyn-killed-to-protect-Muslims.html

5. «Убой и «Покорность»» - http://www.cbsnews.com/stories/2005/03/11/60minutes/main679609_page3.shtml

6. «Герт Вилдерс заявил о создании антиисламского альянса» – http://newsland.com/news/detail/id/533844/

7. Речь Гирта Вилдерса 25 марта 2011 года в Риме: «Провал мультикультурализма и как изменить ситуацию» – http://www.sem40.ru/index.php?newsid=216745

8. «Генсек ООН осудил фильм «Фитна», вызвавший негодование исламского мира» – http://rus.newsru.ua/world/29mar2008/fitna.html

9. Демографические тенденции «Квартальные статистические данные по демографии Нидерландов» Том 53 - 3-й квартал 2005 – http://www.cbs.nl/NR/rdonlyres/288C8035-40B6-4A97-98C8-791EC56D9363/0/2005k3b15pub.pdf

10. «Информационный бюллетень за 2009 год. Ислам. (Центральное бюро статистики и ACB Kenniscentrum)» – http://www.acbkenniscentrum.nl/public/Publicatie/28/download1/Factsheet%20Islam.pdf

11. «Религия в начале XXI века (2009)» – http://www.cbs.nl/NR/rdonlyres/953535E3-9D25-4C28-A70D-7A4AEEA76E27/0/2008e16pub.pdf

12. «Европейская комиссия против расизма и нетерпимости (ЕКРН) отметила в Нидерландах увеличение фактов проявления расизма и дискриминации в адрес мусульман» – http://socialisme.nu/blog/nieuws/882/ecri-constateert-dramatische-toename-racisme-2

13. «Мусульмане в средствах массовой информации» – http://interculturelecommunicatie.com/shadid/moslims-in-de-media-de-mythe-van-de-registrerende-journalistiek/

14. «Третий (3-й) доклад о Нидерландах. Европейская комиссия против расизма и нетерпимости (ЕКРН)» – http://hudoc.ecri.coe.int/XMLEcri/ENGLISH/Cycle_03/03_CbC_eng/NLD-CbC-III-2008-3-ENG.pdf

УДК 332

Т. С. Ягья

О СОСТАВЛЯЮЩИХ УСПЕХА ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА И РЕФОРМИРОВАНИЯ В КИТАЕ

На развитие Китая сегодня обращено внимание всего мирового сообщества. Оно пристально следит за темпами экономического роста Поднебесной и реализацией плана ее двенадцатой пятилетки. Ни одной стране в мире не удалось сделать за короткий срок то, что сделал Китай (так, вначале XXI века страна превратилась в ядерную и космическую державу), поэтому интерес к успешному его развитию очевиден. Следует напомнить, что после «великой культурной революции», длившейся с 1966 по 1976 год, Китай находился в состоянии хаоса, бедности и голода. К тому же, в результате этой революции, авторитет, единство китайского руководства были подорваны. Поэтому руководство, а точнее наиболее консервативные его члены были не в состоянии оказать какое-либо сопротивление сторонникам, призывавшим к проведению коренных экономических реформ. Важным является то, что к 1978 году подавляющее большинство руководителей и граждан страны поняли необходимость и важность проведения фундаментального реформирования, дабы радикально возродить страну. [6] Успешное продвижение реформ принадлежит Дэн Сяопину – опытному революционному деятелю, возглавившему движение за реформы. Именно Дэн Сяопин сумел в итоге осуществить далеко идущие реформы. Он положил начало курса открытости и реформ в Китае, цель которых заключалась в отказе от советской модели экономики, переходе к строительству

«социализма с китайской спецификой». Этот важный тезис был провозглашен и принят в декабре1978 года 3-м пленумом ЦК КПК 11-го созыва. Коммунистическая партия Китая (КПК) признала товарный характер экономики и многоукладность, план и рынок как средства экономического регулирования, а критерием эффективности экономический рост. Но, при этом ведущие отрасли экономики оставались в руках государства. Однако были внесены изменения в механизм политического руководства КПК. Построение «социализма с китайской спецификой» считалось воплощением теории начального этапа социализма. КПК осуществила внутренние преобразования, что превратили ее в признанный обществом институт государственного управления и в руководителя сильной вертикали власти. Таким образом, на протяжении последних почти четырех десятилетий Коммунистическая партия Китая смогла создать модель эффективной политической системы, заключающейся в силе авторитета. КПК осуществляет полное руководство страной, включая рыночное обновление. Для экономики Китая свойственно пятилетнее планирование при многоукладности страны. Страна полностью сохранила Государственную власть, а также приняла решение об ориентации на внешний рынок. Вперед вырвалась легкая и электронная промышленность, затем строительство. И лишь после власть страны начала переводить экономику страны на рыночные рельсы, на зрелый капитализм с Государственным банком. Весь мир волнует – как и почему Китай добился блистательного успеха в своем развитии. По-нашему мнению, изучение вопросов, связанных с экономическим ростом китайской экономики следует начать непосредственно с рассмотрения причин этого успеха, т. е. его составляющих:

- Довольно жесткие директивы государства относительно работы в городах и сельской местности, при низкой зарплате и существующей безработице. Политика чрезмерных пособий по

безработице, приведшая США и страны Евросоюза к убыткам, известна китайскому руководству. Власти Китая сознательно сокращают пособие по безработице, чтобы у его граждан не возникало мысли пожить за счет тех, кто работает, т. е. за счет работающей части населения. (Так, общая сумма расходов на социальное обеспечение сократилась с 1978года по 1995год с 4,0% до 0,9% ВВП). И это привело к тому, что в сравнении с другими странами с развитой экономикой, уровень безработице в стране с 1978года по 1995год снизился с 5,3% до 2,9% [1] и продолжал и в последующие годы также снижаться (так, уровень безработице составил около 4,4% в 2011году)[2].

- Использование так называемого «японского варианта», суть которого заключается в сознательном удерживании курса местной валюты на довольно таки низкой планки для создания уникальных, можно сказать, «тепличных» условий для экспорта готовой продукции по всему миру. Считается, что курс юаня занижен искусственно примерно, на 15% – 20% и к тому же мешает полноценной конкуренции на рынке товаров в глобальном масштабе [2]. Признавая регулирования курса юаня, власти Китая не торопятся отказаться от этого, поскольку эти действия приводят страну к позитивным последствиям. Пример тому дешевые китайские товары.

- Проведение всеобщей модернизации оборудования и рабочих мест в крупных промышленных регионах и также на селе осуществлялось в большей степени за счет импорта. Однако из-за дороговизны импортного оборудования уже к началу нового столетия Китай поставил задачу планомерного снижения доли импорта в производственной сфере и в этом плане весьма преуспел. Вместе с тем, благодаря модернизированному оборудованию стало возможным расширить масштабы производства, снизить расходы на продукцию и начать самой разрабатывать и производить оборудование, машины и пр.

- В период начала развития китайской экономики имел место сравнительно низкий уровень инфляционных процессов 7,5% – 8% .

Это свидетельствует о том, что китайцы смогли в 90-е годы скорректировать инфляцию на должном уровне в отличие от большинства растущих экономик мира, у которых на этом этапе уровень годовой инфляции составлял 17% – 20% [2]. Китай, имея низкий уровень инфляции, воспользовался системой банковских механизмов, с целью субсидирования экономики и перевода свободных средств в сбережения: среднесрочных и даже долгосрочных. Следует признать, что в эти годы лишь десятая часть производимой продукции соответствовала международным стандартам, но отличалась правда весьма низкими ценами. Однако в последующие 10–15 лет Китай смог значительно поднять уровень качества производимых товаров.

- Снятие «железного занавеса» для иностранных инвесторов. Известно, что на пустое место инвесторы не приходят, какие бы привлекательные условия им не предлагали. Иностранцы вкладывают инвестиции лишь в функционирующий капитал. Следует напомнить, что КПК после второй мировой войны проводила активную политику индустриализации и, поэтому к моменту перехода страны к реформам и открытости в 80-е годы XX века страна обладала довольно мощной промышленностью, которая и способствовала привлечению иностранного капитала. Так, приток прямых иностранных инвестиций в экономику Китая вырос с 0,11% ВВП в 1978 году до 5,08% в 1997 году, что означало активное участие страны в международном разделении труда, которое способствовало повышению его темпов экономического роста [1].

- По-нашему мнению главная причина ускоренного развития Китая состоит в характере проводившейся экономической политики, реализующей в процессах реформирования, в либеральных экономических реформах, т. е. в воплощении на практике либеральной

экономической модели экономических реформ. Следует подчеркнуть, что результатом реализации экономической модели стало сокращение степени вмешательства государства в экономическую жизнь по всем основным направлениям экономической политики (политика занятости, социальная политика, денежно-кредитная политика, бюджетная политика, внешнеэкономическая политика), обеспечившее высокие темпы роста китайской экономики. Таким образом, китайское руководство сумело с начало реформирования, т. е. с 1978 г. по 1995 г. сделать следующее:

1) в политике занятости за два первых года реформ доля занятых в государственном секторе сократилась с 94,9% до 26,6%, а к 1995году составляла – 18,9%;

2) в социальной политике удельный вес лиц, получающих пособия, субсидии и дотации из государственного бюджета сократился в 1,6 раза, с 5,6% в 1978 году до 3,4% в 1995 году, и соответственно общая сумма расходов на социальное обеспечение и потребительские субсидии сократилась почти в 4 раза к ВВП и это привело к сокращению уровня безработицы вдвое и к увеличению доли занятых во всем населении с 42,3% в 1978 году до 53% в 1997 году, что способствовало ускорению экономического развития страны;

3) в денежно-кредитной политике осуществлялась сдержанная денежная политика, проявившаяся в среднегодовых темпах прироста кредитов Национального банка, которые не превышали 15% в 1992–1997 года, а среднегодовые темпы прироста денежной массы за вычетом темпов прироста реального ВВП – 17,3% и благодаря этому среднегодовые темпы инфляции составили чуть более 10%, а ее негативное воздействие на экономическое развитие было незначительным;

4) в бюджетной политике произошло беспрецедентное в мировой экономической практике сокращение налогов – с 30,4% ВВП в 1979 г. до 10,3% в 1996 г. и, что повлекло за собой уменьшение всех

государственных доходов – с 31,3% ВВП в 1979 г. до 11,5% ВВП в 1996 г. и при этом происходило радикальное сокращение всех государственных расходов с 36,4% ВВП в 1979 г. до 13,1% в 1996 году;
5) во внешнеэкономической политике, осуществляемая либерализация внешнеэкономической деятельности привела к сокращению фактически взимаемых импортных таможенных пошлин с 17,7% от объема импорта в 1997 году до 2,5% в 1996 году и итогом этой либеральной политики стало повышение годовых темпов прироста внешней торговли с 2 – 3% в 1978году до 17 – 20% в 1996 году и увеличение доли экспорта и импорта в ВВП с 5 – 6% накануне проведения реформ до 15 – 17% в 1996 году и в целом объем китайского экспорта за 18 лет увеличился в 15,2 раза, объем импорта – в 12,5 раза, приток прямых иностранных инвестиций в экономику тоже вырос в 4,6 раза, т. е. активное участие страны в международном разделение труда содействовала повышению ее темпов экономического роста [1].

Таким образом, сокращению подверглись, в особенности, государственные расходы на инвестиции, субсидии, дотации, народное хозяйство, социальное обеспечение. Кроме того, следует сказать, что государственное потребление уменьшилось с 15,2 до 10,6%, расходы центрального правительства сократились с 16,4% ВВП в 1979 году до 3,8% в 1996 году, а расходы региональных правительств сократились лишь примерно в два раза с 15,7% в 1979 году до 8,3% в 1996 году. Проводимая китайским руководством экономическая политика обеспечила не только феноменальные экономические результаты, но и содействовала улучшению всех показателей человеческого развития. Так, увеличились: средняя продолжительность жизни с 66,0 лет в 1978 году до 69,5 в 1995 году, уровень грамотности населения с 66,1% до 80,9% , число студентов в вузах на 10 тыс. чел. с 89 в 1978 году до 240 в 1995 году.

Младенческая смертность на 1000 рождений сократилась с 41,0 в 1978 году до 30,5 в 1995 году [1].

Интерес представляют (выяснение особенностей) сами рыночные реформы. Они заложены, как мы выяснили выше, в проводимой государством экономической политике. Прежде всего, следует обратить внимание на то, что возможности (предпосылки) у Китая в успешном реформировании были весьма скромными. И объясняется это экономическим развитием самой страны, для которой было характерно следующее: низкий уровень индустриализации и развития инфраструктуры; узкий в отношении платежеспособности внутренний рынок; неграмотное население, в основном, сельское; необученная и низкооплачиваемая рабочая сила, незначительное число ученых, инженеров и техников; ограниченные природные ресурсы; малоуспешное функционирование плановой экономики, отсутствие возможности для обеспечения и рынками, и ресурсами; практически отсутствие взаимодействия с мировым сообществом; слабое развитие внешнеторговых связей с мировыми державами; отсутствие должной инвестиционной политики; неразвитое сельское хозяйство и др. К тому же, следует учесть наличие ряда проблем, с которыми Китай столкнулся к моменту перехода к рыночной экономике, а именно: коррупция и взяточничество; неэффективность государственных предприятий; трудности с поддержанием роста производства и доходов, возможностью возврата 20%-ой инфляции, хронической неполной занятостью, вступления на рынок труда новых работников, миграции рабочей силы; наличие возможности социальной, экономической и политической нестабильности, усугубляющей дифференциацией между уровнем развития провинций; проблемы, связанные с жильем и социальными выплатами в сельской местности и в городах для вновь прибывших граждан т. д. И, несмотря на все это, Китай многого добился в реализации своих реформ.

Процессу реформ присуще последовательность их проведения и правильный выбор их очередности. Это есть свидетельство хорошей (проработки) изученности сложившейся социально-экономической ситуации в стране. Так, Китай начал с рыночных реформ, а не с политических реформ и во избежание политического риска сохранил авторитарную политическую систему. Осознавая всю сложность экономического положения страны (бедность, нищету, голод людей), и понимая, что 80% населения страны проживает в сельской местности, Китай начал с реформы именно в сельском хозяйстве, раздробил крупные коллективные хозяйства на более мелкие, но более эффективные, и ввел систему ответственности домохозяйств. Благодаря этому был достигнут рост производительности труда, крестьяне разбогатели, начали торговать с городом и создали внутренний рынок потребительских товаров, что привело к массовому перемещению населения из сельской местности в город и, таким образом, формированию значительного потенциала рабочей силы в городах. Важный шаг был сделан в реформировании внешнеэкономической деятельности. Китай, прежде всего, начал организовывать прибрежные свободные экономические зоны на юге страны, в провинции Гуандун, создав, таким образом, условия для достижения своих целей в Гонконге, создал «второй Гонконг», а на востоке страны, в провинции Фуцзянь, обеспечил доступ к Тайваню. Эти свободные экономические зоны привлекли к себе промышленное производство, ориентированное на экспорт, что позволило стране зарабатывать необходимую иностранную валюту. Таким образом, в Китай потекли отовсюду капиталы, способствующие формированию огромного экспортного сектора экономики, ориентированного на низкозатратную, но трудоемкую продукцию. У Китая появилась возможность пробиться на потребительские рынки Запада, но особенно на рынки США. Важным шагом для Китая явилось реформирование государственных предприятий, а не их приватизация

как было, скажем в нашей стране, последствия которой известны каждому. Не делая ставку на приватизацию, руководство страны все внимание обратило к «новой экономике», означающий развитие новых предприятий разных уровней: деревенского, поселкового, провинциального, национального. Новые предприятия использовали: огромный потенциал рабочей силы из сел, заимствованные за рубежом новейшие технологии и проектные разработки, квалифицированные управленческие кадры, а также иностранные инвестиции, поступающие со всего мира. И эти меры принесли стране ошеломляющий успех. Так, начиная с 1985 года, темпы экономического роста в Китае составляли в среднем 10,3% в год [3]. Это высочайший показатель для любой крупной страны мира. К тому же, наметился колоссальный приток капиталов в страну отовсюду. В целом, можно сказать, что новые предприятия стали некой движущей силой как развития производства, так и расширения занятости. К тому же, они вступали в конкуренцию с существующими предприятиями, отвоевывая у них капиталы и трудовые ресурсы. Таким образом, не делая ставку на изменение формы собственности, Китай предпринимал действия, чтобы новые производства были современными и ориентировались на экспорт, а сама экспортная деятельность находилась и находится под контролем государства. Составляющей успеха роста экономики Китая можно считать, в первую очередь, создание новых институтов рыночной экономики, которые вводились и вводятся государством или местными органами власти (право собственности, система коммерческих и инвестиционных банков, юридическая система, торговый кодекс, страхование, бухгалтерский учет, финансовая система и т. д.). Эти институты были привнесены в страну либо собственными усилиями, либо с помощью мирового сообщества, чего, к сожалению, не произошло в России. Другой составляющей успеха можно назвать нарождающуюся и развивающуюся конкуренцию, которая придает

особое значение новым конкурирующим фирмам, отвоевывающим у неконкурентоспособных предприятий лучшие трудовые и материальные ресурсы, необходимые для производственной и экспортной деятельности. К тому же, созданные новые предприятия обостряют конкуренцию предприятий низового уровня: поселковых и сельских. По-нашему мнению, конкуренция как двигатель всего самого прогрессивного важнее, чем приватизация, которая имела место в России, где приватизированные предприятия-монополисты по-прежнему остаются монополистами. Таким образом, благодаря, в том числе и конкуренции, Китай добился ошеломляющих успехов – это и высокие темпы роста, и объемы ВВП, и значительный приток инвестиций и т. д. И, конечно же, важной составляющей успеха экономического развития страны следует назвать эффективное управление, заключающиеся в активных действиях компетентных органов власти на всех уровнях, начиная с общенационального вплоть до провинциального (областного), поселкового и деревенского. К тому же, активно действующее китайское правительство взяло на себя ведущую роль в руководстве процессом перехода к рыночным отношениям, к рынку посредством создания рыночных институтов на всех уровнях. В Китае местные органы власти активно принимали участие в создании рыночных институтов и фирм, а также содействовали установлению отношений сотрудничества между ними и частными или иностранными компаниями. Правительство и местные органы власти оказывали поддержку промышленным предприятиям в создании финансовых стимулов, увязывающиеся с основными показателями деятельности предприятий, с такими как величина инвестиций, объем экспорта, создание рабочих мест экономический рост, повышение производительности. В целом, Китай проявил свое умение управлять переходным процессом, процессом реформирования, что привело к позитивным последствиям. Речь идет об успешной китайской модели

реформирования, которой по сути дела могут следовать другие страны. Таким образом, особенностями (основными признаками) экономической модели реформирования можно считать:

- использование и развитие различных форм экономики и методов хозяйствования при ведущей роли общенародной собственности;
- переход к многоуровневой структуре (государство–предприятия–трудящиеся) принятия экономических решений с целью активизации деятельности предприятий;
- преобразование прежней системы экономического регулирования, базирующей на директивном планировании и административных методах воздействия на экономику, в систему, в которой применяются в основном экономические рычаги (например, цены) используется механизм рынка, рыночных отношений, но при сохранении определяющей роли плана;
- преобразование бывшей системы распределения, в которой предпочтение отдавалось, прежде всего, интересам государства, а не интересам коллектива и личности, в систему, учитывающую интересы и государства, и коллектива, и личности и обеспечивающую связь уровня дохода с экономической эффективностью;
- переход от прежней организационной структуры экономики, в которой преобладали вертикальные связи, к системе организации экономики с разделением административных и хозяйственных функций и ответственности, в которой горизонтальные связи станут главными, сформируется сеть из вертикальных и горизонтальных связей, а города – экономические центры – будут выступать в качестве «стержня», новой организационной структуры.

Таким образом, можно утверждать, что как раз успехи реформирования заложены в самой экономической модели, в ее выше изложенных основных признаках. Кроме того, успехи реформирования заключаются, прежде всего, в сохранение

значительного государственного контроля над экономикой, а также в возросшей роли государства в экономическом развитии страны. Государство (как мы выяснили ранее) принимало активное участие в каждом из основных направлений экономической политики, что, безусловно, можно считать спецификой китайской модели экономического реформирования. Важно отметить, что роль государства Китай в период реформирования была и остается (есть) ведущая, поскольку успешно осуществить реформы в отсутствии сильных и активно действующих органов власти не представляется возможным. Следует не забывать, что успехи экономического развития страны и успешная реализация реформ обусловлены уникальными особенностями китайского национального характера такими как трудолюбие, самоотверженность, неприхотливость, а также сильно развитым чувством патриотизма китайского народа, следовавшему китайскому пути – пути социализма с китайской спецификой. Кроме того, важнейшие составляющие успеха Китая, заключаются в объединении всего народа, что является его силой, в единстве руководства коммунистической партии, власти народа и управлении по закону, в поддержки главенства народа, в укреплении единого фронта патриотов, в усилении сотрудничества КПК с демократическими партиями и беспартийными деятелями и т. д. Сегодня Китай, не останавливаясь на достигнутом, уверенно идет вперед по избранному им пути, уделяя особое внимание «научному развитию» как главному фактору национального развития страны и расширению внутреннего потребительского спроса, для достижения которого следует достичь быстрого роста доходов городского и сельского населения; осуществить сокращение разрыва в доходах между ними; интенсифицировать строительство доступного жилья и жилья с низкой арендной платой и т. д. Известно, что в 2014 году ВВП вырос на 7,4% [4]. ВВП Китая (в текущих ценах) в 2015 вырос в 1,5 раза по сравнению с 2011

годом и составил 11,29 $ трлн. Это еще раз подтверждает мысль, что Китай – одна из лидирующих экономик мира[5].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Тайна китайского экономического чуда. URL: http://www.libertarium.ru/l_ptchina_china

2. Особенности китайского экономического чуда. URL: http://topwar.ru/9893-osobennosti-kitayskogo-ekonomicheskogo-chuda.html.

3. Чему Россия могла бы научиться у Китая при переходе к рыночной экономике. URL: http://r-reforms.ru/indexpub166.htm.

4. ВВП Китая в 2014 году вырос на 7,4 процента. URL: http://ria.ru/world/20150120/1043327101.html

5. Китайская экономика официально стала крупнейшей в мире. URL: http://top.rbc.ru/ economics/08/10/2014/5434f48dcbb20faeeafe2a0a

6. Ягья Т.С. К вопросу об экономическом развитии Китая // Россия в глобальном мире. 2014. № 4 (27). С. 135-152.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ

HISTORICAL AND CULTURAL CONTEXT OF INTERNATIONAL RELATIONS

УДК 338.12

А. А. Волова

РЕЛИГИОЗНО–ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ П.-Э. ТРЮДО

Политическая деятельность одного из самых выдающихся политиков XX века Пьера Эллиота Трюдо на посту премьер-министра Канады длилась почти 16 лет с 1965 до 1982 год. За период своего пребывания у власти П.Э. Трюдо добился полной государственной и экономической самостоятельности Канады. За короткий исторический срок Канада стала одной из наиболее развитых стран мира и приобрела авторитет на международной арене. До настоящего времени Канада занимает первые позиции среди стран с наиболее благоприятными условиями для проживания.

Период пребывания Трюдо у власти совпадает с историческим периодом развития в 50-х –70-х годах в странах западной демократии послевоенного государства благосостояния (welfare state) на принципах справедливости [1, с. 126]. Трюдо относится к тем политикам этого периода, чья деятельность в построении справедливого общества и государства благосостояния была наиболее успешной.

В связи с тем, что Трюдо выступал как действующий политик, его система политических взглядов получила практическое применение, реализовавшись в идейно-политической платформе либеральной партии Канады, которую он возглавил в 1968 году. И в последующие годы основные идеи Трюдо продолжают в значительной мере формировать политику партии в новых политических условиях, после того как в 1984 году П.Э. Трюдо перестал быть её лидером.

Политическая система взглядов Трюдо не является некоторой академической идеологической теорией, абстрагированной от реалий политической жизни. Политическая философия Трюдо была ориентирована на проблемы, которые требовали немедленного решения в связи с современной Трюдо политической ситуацией в Канаде.

А именно: защита личных прав и свобод граждан, противодействие национализму и сепаратизму, сохранение целостности и суверенитета государства, проблемы федерализма и баланса между властью провинций и федерального центра, роли и степени присутствия государства в управлении экономикой, социальная политика на принципах справедливости, сохранение национальной идентичности государства в эпоху глобализации, преимущества мультиполярного мира перед однополярным, ядерная угроза. Взгляды П.Э. Трюдо на каждую из перечисленных проблем и предложенные им способы их разрешения продолжают оставаться актуальными до настоящего времени.

Ключевым моментом в политической философии Трюдо является философская категория справедливости, сформировавшаяся в его мировоззрении под влиянием христианской универсальной концепции справедливости, социального учения католической церкви и трудов французских персоналистов-католиков. В этом заключается своеобразие политической философии Трюдо и отличие её от либеральной концепции справедливости, разработанной в традиции либерального эгалитаризма и ставшей философским обоснованием теории государства благосостояния. Либеральная концепция справедливости получила отражение в классической работе Роулза «Теория справедливости» [2], изданной в 1971 году, когда практическое воплощение государства благосостояния уже начинало переживать кризис.

В значительной мере приверженность ценностям христианства и стремление Трюдо построить справедливое государство на их основе были обусловлены субъективным фактором – происхождением

Трюдо. На родине Трюдо во Французской Канаде – Квебеке в 30–40 годы, очень сильна была религиозная традиция, и образование находилось в руках католической церкви, поэтому свое начальное образование Трюдо получил в иезуитском колледже имени первого католического епископа Канады Жана Бребёфа, что считалось весьма престижным в той состоятельной интеллектуальной среде, к которой принадлежала семья Трюдо [3].

Образование в иезуитском колледже Бребефа, в большинстве биографий и политических портретах Трюдо [4; 5] рассматривается как некая экзотическая деталь его биографии. На самом деле полученное в иезуитском колледже образование оказало огромное влияние не только на формирование личностных качеств, но и на мировоззрение Трюдо, заложив базовые нравственные, моральные и мировоззренческие принципы его личности.

Воспитанников образовательных учреждений Иезуитов убеждают в том, что личность человека и социальное устройство мира, должны быть изменены к лучшему на основе знания о мире и о своей личности, знании, дающем четкое представление о добре и зле, умении отличать одно от другого [6].

Всячески приветствуется и *одобряется стремление молодежи к политической деятельности. После окончания обучения выпускники должны воплотить* свои убеждения и свою веру в деятельности в политических и государственных структурах. При этом провозглашается принцип терпимости и уважения к людям других вероисповеданий и возможность сотрудничества.

Важнейшей в системе иезуитского воспитания является *доктрина справедливости,* которая обсуждается на особых курсах, воплощаются в самой школьной жизни, предусматривается усвоение этих принципов на практике при соприкосновении с людьми, которым необходима помощь для обеспечения достойного человеческого существования.

Концепция справедливости в религиозно-философском изложении, получила непосредственное воплощение в политической деятельности Трюдо по созданию «справедливого общества», и стала для него тем идеалом, которому он следовал всю свою жизнь. В 1959 году он так определил свое отношение к понятию справедливости:

«Справедливость – это главная проблема, та, что волнует меня больше всего, о которой я больше всего заявлял, о которой больше всего думал. Пожалуй, большинство авторов, которых я читал, воплощают именно мою идею добродетели – справедливость как краеугольный камень общества, в котором я живу, основа для всех человеческих отношений в семье или в государстве. Для меня «Справедливое общество» не было модным словечком или клише, и я не хотел бы, чтобы оно было таковым сейчас. Я вижу в нем суть отношений в обществе свободных людей. Справедливое общество – это общество, которое основано на свободе. …. Справедливое общество может получиться только при участии каждого гражданина, и первое условие существования такого общества – это уважение к свободе индивидуумов» [7, с. 12] .

Трюдо так определил свою политику в построении справедливого общества: «стремление к справедливому обществу относится к самым старым и высочайшим целям человечества. На беспрерывном пути к совершенству и справедливости мы сумеем построить самое гуманное и сострадательное общество, какое возможно» [7, с. 13].

Идея справедливости толковалась Трюдо расширительно. Эта идея выступала в качестве основополагающей, как во внутренней политике правительства Трюдо (социальная справедливость, экономическая справедливость, справедливость законов), так и во внешней – справедливое отношение ко всем государствам, независимо от их политического строя (программа диверсификации внешней политики).

Политическая философия Трюдо представляет некоторую интегральную систему взглядов, составленную на основе критического анализа всего спектра политической, философской и

экономической мысли существовавший к началу 40-х годов XX века, которые он смог изучить, получая образование в Монреальском и Гарвардском университетах, в парижской Школе политических наук и в Лондонской школе экономики. Политическая философия Трюдо не может быть полностью отнесена ни к одному из направлений идеологии XX века либерализму, консерватизму, социализму, марксизму, а представляет некоторый синтез идеологий [14]. Этим вызвано разнообразие оценок его политической позиции от либертианца до социалиста.

Ни одно из этих представлений не является полностью соответствующим действительности, так как не учитывает мнения самого Трюдо, которое он высказал в своих мемуарах, написанных в 1993 году, и которое не учитывалось ранее в работах отечественных исследователей.

В своих мемуарах Трюдо заявляет, что относит себя к персоналистам и среди оказавших на него наибольшее влияние философов этого направления назвал Ж. Маритена и Э. Мунье. «Благодаря этим двум философам я *не стал приверженцем абсолютного либерализма*, я стал последователем *персонализма*, который примеряет личность и общество Личность согласно этим двум ученым есть индивид, *обогащенный социальной совестью*, включенный в жизнь общества, которое его окружает и в современный ему экономический контекст, что и должно обеспечить ему средства для осуществления свободы выбора. Это и было то понятие справедливости, которое наряду со свободой стало центром моих дальнейших размышлений… моя приверженность персонализму не была результатом случайного прозрения, а результатом длительных размышлений» [8, с. 40].

Идеи персонализма в работах, одного из упоминаемых Трюдо персоналистов Жака Маритена – целиком базируется на философии томизма (последователях Фомы Аквинского). Другой католический философ – персоналист Эмманюэль Мунье, на основе идеи

персонализма стремится к сочетанию разных философских и идеологических направлений. [9, с. 189–194].

Приведем здесь основные положения персонализма, которые по нашему мнению составили идеологическую основу политики Трюдо по созданию государства на основе принципов справедливости. К таким базовым понятиям персонализма относятся личность, интегральный гуманизм, общее благо, персоналистическая общность и персоналистическое государство.

Ж. Маритен исходит из томистского понимания личности, которое заключается в различии между индивидуумом и личностью.

Индивидуум заключает в себе материальный элемент человеческой натуры, а личность – совершенство человека как разумного существа, выходящее за пределы материального в сторону трансцендентного.

Личность, её духовная составляющая ищет общего блага и посвящает себя ему, совершенствуется и проявляет свое совершенство в единении с другими. В персонализме влечение личности к обществу, вовлечение в него ради общего блага, которое мы разделяем с другими представляется естественным.

Маритен различает три этапа в развитии гуманизма: средневековый гуманизм с теоцентрическим и сакральным характером, рационалистический гуманизм, лишенный всяких элементов духовности, и, наконец, *интегральный гуманизм*, высоко ставящий все человеческие и общественные ценности и базирующиеся на *томистском понимание личности*.

Персоналистская концепция общего блага, наряду с *интегральным гуманизмом* имеет определяющее значение для понимания социально-философских взглядов Маритена. Анализ общего блага приводит его к выводу, что оно не только не противоречит, но как нельзя более полно согласуется с благом личности. При этом он обращает внимание на некоторые существенные особенности блага каждого сообщества.

- Общее благо предполагает перераспределение: оно как бы

должно быть «роздано» между членами сообщества, то есть из него должна проистекать польза для всех, оно должно содействовать развитию всех.

- Общее благо требует существования общественной власти, которая бы устанавливала обязанности и бдительно следила за честным его распределением. Власть осуществляет служение общему благу, то есть отвечает за его рост и справедливое распределение.
- Общее благо, должно отвечать требованиям справедливости и нести в себе нравственное начало. Где нет справедливости, там нет общего блага, а несправедливые законы законами не являются.

Для того что бы общее благо возникло в персоналистическом сообществе необходимо создание **государства общего блага, его институтов.** В данном вопросе Маритен целиком опирается на политическую философию Фомы Аквинского (1227–1274) создавшего концепцию государства как органа положительного благосостояния, миссией которого является служба обществу. Такой переворот в представлении о роли государства мог быть осуществлен только в рамках томистской концепции человека как существа, наделенного общественными потенциями, которые нуждаются в реализации. Эта концепция социального государства шла вразрез с традиционной средневековой идеей, согласно которой жизненно важно было ограничить деятельность людей, не давая им права самим решать свою судьбу[10, с. 73].

Государство общего блага это государство, представляющее общее благо разных социальных групп, заинтересованное в реализации всех целей этих групп, а также в поддержании условий, позволяющих осуществить эти цели.

Государство общего блага должно быть *плюралистическим* государство**,** допускающее наличие разных точек зрения в вопросе создания хорошей жизни в обществе

В таком государстве уважается *естественное право*, как неизменный фундамент любой хорошей жизни (на него опираются

право на жизнь, объединения, личные свободы и свобода совести). Ни одно решение, принятое тем или иным способом, в том числе с помощью демократических процедур, не может изменить естественного права.

Демократия – самый лучший режим, и никто не должен ее подрывать. Концепция *персоналистской демократии*, сформулированная Маритеном, провозглашает принципы всеобщих выборов, равноправия мужчин и женщин, участия всех граждан в общественно-политической жизни.

В государстве должен быть обязательным *принцип субсидиарности*. Последний гласит, что задания, которые могут быть успешно выполнены сообществами низшего порядка, чем государство, например, профессиональные или муниципальные, должны остаться вне пределов его заинтересованности.

Экономика, индустрия и техника должны служить человеку, а не быть орудием его порабощения, что связано с убеждением в *доминировании этики над экономикой и техникой*. Маритен хвалит мирную борьбу работников за свои права и образ государства как институции, активно действующей в пользу подавления наиболее ярких форм выгоды и несправедливости, Задачей последнего, кроме заботы о порядке и охраны справедливости закона, должно быть обеспечение всем средств, позволяющих достойно существовать.

В заключение рассмотрения основных положений персонализма Маритена справедливо будет отметить, что произведения Маритена сформировали социальные и политические взгляды не только католиков. Благодаря его большим личным усилиям была создана знаменитая Всеобщая Декларация прав человека, так как он был председателем комитета ЮНЕСКО, в задачу которого входила подготовка проекта этой декларации.

Христианская направленность персонализма Ж. Маритена. особенно привлекала Трюдо во время его пребывания в Квебеке, когда он был под влиянием своих преподавателей – католиков. Ему

особенно импонировали те положения персонализма Маритена, где он утверждал абсолютную ценность личности и примат личности над обществом. Когда он пришел к власти, этот принцип стал означать для него, что именно политические институты должны служить человеку, а не наоборот. Он принес это видение в Конституцию Канады через Хартию прав и свобод. Положение об общем благе, не противоречащее правам и свободам личности и, которое государство должно обеспечить через экономические механизмы, позже легли в основу его экономической политики

Практически одновременно с «Интегральным гуманизмом» Ж. Маритена в 1937 году был опубликован «Манифест персонализма» Эммануила Мунье [11]. Персонализм Эммануила Мунье опирается на базовые понятия персонализма Жака Маритена – понятие личности, интегрального гуманизма, общего блага, плюралистического общества. Характерная черта его версии персонализма – более резкая критика капитализма и утверждение необходимости изменения капиталистических отношений – несправедливых, разобщающих и приводящих к духовному падению человека, и как противоречащих общественным отношениям в их персоналистическом понимании.

С позиций персонализма Мунье критикует так же, индивидуализм и либерализм. Свобода индивидуализма, по его мнению, мнимая и ложная, так как это политические права без экономического обеспечения, ведущие, напротив, к экономической зависимости, граничат с незаметным, но очень глубоким и полным порабощением.

Мунье предлагает заменить капиталистический строй *демократическим социализмом*. Его характерной чертой было рассеивание собственности и обеспечение государством всем людям «жизненного минимума».

Э. Мунье предлагает новый стиль христианского вовлечения в плюралистическом обществе, за пределами религиозных институтов. Э. Мунье и его единомышленники стремились выработать такой тип

взаимоотношения с Церковью, в котором возможно было бы сочетание, глубокой приверженности основным ценностям христианства, но с другой стороны, оно предоставляло бы личности необходимую свободу действия. В этом плане ими обсуждался вопрос отделения Церкви от государства, остро интересовавший Трюдо в связи с доминированием в Квебеке католической церкви, которое становилось препятствием для развития этой провинции.

Французские философы Ж. Маритен и Э. Мунье, основные положения персонализма которых были изложены выше, не являются единственными философами – персоналистами, чьи взгляды разделял Трюдо. Биографы Трюдо Макс и Моник Немни в уже упоминавшейся интеллектуальной биографии Трюдо, изданной в 1992 году утверждают, что помимо Ж. Маритена и Э. Мунье на Трюдо повлияли так же работа русского философа – персоналиста, социалиста, католика, участвовавшего в формировании французского персонализма 30–40-годов Н.А. Бердяева. «Персонализм Трюдо не может быть понят без отсылок на персонализм Бердяева»[12, с. 70].

М. и М. Немни считают, что именно под воздействием работы «О рабстве и свободе человека (Опыты философии персонализма)», вышедшей в Париже в 1939 году, завершилась окончательная трансформация взглядов Трюдо на национализм, нацию, национальную идентичность. Убежденность в том, что революция во имя нации справедлива – отправная точка интеллектуального пути Трюдо, была абсолютно опровергнута аргументами Бердяева, который критиковал национализм на основе христианской веры.

«Христианство есть религия персоналистическая и универсальная, но не национальная, не родовая религия. Всякий раз, когда национализм провозглашает: «Германия для немцев, Франция для французов, Россия для русских», – он изобличает свою языческую и бесчеловечную природу. Тот, кто не видит брата в человеке другой национальности, кто, например, отказывается видеть брата в еврее, тот не только не христианин, но и теряет свою собственную человечность,

свою человеческую глубину» [13, с. 143]. Таким образом, Бердяев убеждает, что человек не может быть одновременно христианином и националистом.

Так же враждебен национализм персонализму. Бердяев пишет: «Персонализм отрицает, что экзистенциальный центр, центр сознания находится в нации или в какой-либо коллективной, нечеловеческой реальности, он всегда в личности. Личность не часть нации, национальность есть часть личности, и находится в ней как одно из её качественных содержаний» [13, с. 138].

Бердяев подчеркивает различие между понятиями патриотизма и национализма. «Любовь к своему народу (мы увидим, что народ не то же самое, что нация) есть очень естественное и хорошее чувство, но национализм требует нелюбви, вражды, презрения к другим народам. Национализм есть уже потенциальная война» [13, с. 138].

Трюдо принял концепцию патриотизма, выдвинутую Бердяевым, как эмоциональное восприятие этнической группы, места, культуры. Идея, которую он опровергал всю свою оставшуюся жизнь, была идея политизации концепции нации. В 1962 году он заявил в присущей ему резкой манере «Ретроградной является не идея нации, а то, что нации необходимо быть суверенной» [12, с. 74].

Трюдо так же как важные для себя, отметил взгляды Бердяева на первенство личности над коллективом, его веру в христианский род социализма с усилением достоинства личности; признание аристократии основанной на таланте и личных качествах, а не социальном статусе.

Принципом своей жизни Трюдо сделал утверждение Бердяева: «Знание правды требует победы над страхом», так же почерпнутое им из «Рабства и свобода человека». М. и М. Немни пишут: «Всю свою жизнь Трюдо был за правду, которая побеждала страх. Канадцы, включая его врагов, отмечали его исключительное мужество, которое подвергалось несколько раз испытаниям в течение его политической карьеры. Возможно, эта решительная победа над страхом была

почерпнута и усилена под влиянием чтения Бердяева?» [12, с. 72].

Завершая рассмотрение основных положений персонализма, так же следует отметить, что персонализм в понимании его создателей никогда не трактовался как законченная доктрина, а скорее рассматривался как позиция, внутренняя склонность, общий методологический подход, Поэтому приверженность персонализму, не может препятствовать политику, выбирать любую политическую партию, религию, если они не нарушают основных принципов персонализма. Это в полной мере относится к Трюдо, который являясь приверженцем персонализма, зарекомендовал себя как гибкий политик-практик.

Как утверждал сам Трюдо: «Я прагматик в политике, но это не означает, что у меня нет идеалов. У меня есть несколько базовых принципов, которые я хотел бы видеть осуществленными в нашей стране и которые могут быть четко определены в терминах свободы, уважения личности, демократических форм правления, парламентской системы, баланса между федеральной властью и властью провинций. Но за пределами этих идеалов, я прагматик, пытающийся найти правильное решения для каждой конкретной ситуации, при этом я не чувствую себя связанным какими либо доктринами или устоявшимися нормами» [7, с. 11].

В заключение можно сделать следующий вывод. Знакомство с христианской социальной концепцией справедливости и религиозно-философским направлением в философии – персонализмом сформировало «персоналистический» образ политики Трюдо, в основе которой лежит постулат о достоинстве и ценности личности и её примат над обществом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Кимлика У. Современная политическая философия. Введение / Уилл Кимлика; пер. с англ. Сергея Моисеева. – Москва: Издательский дом Государственного университета – Высшей школы экономики, 2010. – 588 с.

2. Ролз Дж. Теория справедливости / Джон Ролз; пер. с англ. В.В. Целищева. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 1995. – 372 с.
3. Nemni, M. Young Trudeau 1919–1944 (Trudeau, Son of Quebec, Father of Canada) / Max and Monique Nemni; translated by William Johnson –Toronto: McClelland & Stewart, c.2006 – v.1.
4. English J. Citizen of the world: the life of Pierre Elliott Trudeau [Текст] / John English 1st ed. – Toronto: A.A. Knopf Canada, c. 2006–2009. – 2 v.
5. Бабаев Э.А. Пьер Эллиот Трюдо: Политический портрет // Наука и школа. 2011. №4. С. 147–149.
6. Темкин А. Принципы иезуитского воспитания // Отечественные записки. 2004. № 3 (18): http://www.strana-oz.ru/2004/3/principy-iezuitskogo-vospitaniya;
7. Trudeau P. Conversation with Canadians / Pierre Elliott Trudeau; Ivan L. Head forword. – Toronto :University of Toronto Press, c.1972. – 183 p.
8. Trudeau P. Memoirs / Pierre Elliott Trudeau – Toronto: McClelland & Stewart, c. 1993. – 379 p.
9. Шахай А. Философия политики / Анджей Шахай, Марек Якубовски. = Харьков: Гуманитарный центр,2011. – 234 с.
10. Политология (проблемы теории) / [Отв. ред. В.А Гуторов.] – СПб.: Изд-во «Лань», 2000. – 384 с.
11. Мунье Э. Манифест персонализма / Эмманюэль Мунье; [Пер. с фр. И.С. Вдовиной и В.М. Володина Общ. ред. пер. и вступ. ст. И.С. Вдовиной]. – М.: Республика, 1999. – 558 с.
12. Nemni M. Trudeau Transformed: The Shaping of a Statesman 1944–1965 (Trudeau, Son of Quebec, Father of Canada) / Max and Monique Nemni; translated by William Johnson. – Toronto : McClelland & Stewart, c.2009. – v. 2.
13. Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека (Опыт персоналистической философии / Николай Бердяев. – Москва : АСТ Хранитель, 2006. – 316 с.
14. Волова А.А. Политическая философия Пьера Эллиота Трюдо (1919-2000). Этапы становления политического лидера // Россия в глобальном мире. 2014. № 4 (27). С. 376-385.

УДК 27-1

Г. Ю. Каптен

«МИСТАГОГИЯ» ПРЕПОДОБНОГО МАКСИМА ИСПОВЕДНИКА КАК ФИЛОСОФСКИЙ ТРАКТАТ[1]

Творчество св. Максима Исповедника все чаще становится сегодня объектом разного рода исследований. Его личность интересует светский и церковных историков Византии, богословов и философов. Пристальный интерес вызывают мысли преподобного, изложенные в его крупных и очень емких в плане насыщенности философскими концептами работах: «Амбигвах», «Вопросоответах», «Главах о богословии и домостроительстве Воплощения», а так же письмам важного богословского содержания.

Менее популярны тексты, посвященные частным вопросам, такие как малые экзегетические трактаты «Толкование на молитву Господню», «Толкование на 59 псалом». Справедливо это и для двух работ, посвященных казалось бы частным проблемам богословия: «Слово о подвижнической жизни» и «Мистагогия». Некоторое пренебрежение ими следует признать ошибочным, и представленное исследование ставит своей целью несколько сгладить такое положение вещей, показав как преп. Максим раскрывает в «Мистагогии» основные концепты своего учения в контексте чинопоследования Литургии.

«Мистагогия» преп. Максима стала одной из первых работ, посвященных толкованию внутреннего смысла хода богослужения,

[1] Исследование осуществляется при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект «Александрийская школа Климента и Оригена и ее наследие», №15-03-00813а, рук. проекта канд. филос. наук Г.Ю. Каптен.

став образцом для творчества последующих византийских литургистов. Однако этот сравнительно краткий труд содержит и глубокие размышления, посвященные Церкви вообще, что делает возможным говорить о нем и как об екклезиологическом трактате. Это подтверждает и сам св. Максим Исповедник, говоря во введении, что всего лишь продолжает работу «богопросвещенного Дионисия», дополняя его труд «О церковной иерархии» (Mystagogia, 3, 660d.).

Представляется, что для преподобного такая связь была принципиально важна: не существует ни Евхаристии без Церкви, ни Церкви без Евхаристии. Высочайшее таинство является в его глазах как бы квинтэссенцией всего «относящегося к Церкви», выражением ее богословия, храмовой архитектуры, гимнографии и прочего. Это соображение делает логичным структуру трактата, где толкованию Литургии предшествуют семь глав своего рода философского введения, рассуждающего об особой роли Церкви в мироздании. Максим Исповедник выделяет несколько уровней понимания этой темы, принимая во внимание платонический аспект воспитания [7, с. 125–130; 8, с. 52–58; 9, с.168–177; 10, с. 80–81] .

Во-первых, Церковь есть образ Бога в мире, перенимающее Его действия по хранению бытия мира. «Святая Церковь на первом уровне созерцания носит образ и изображение Божие, вследствие чего и обладает, по подражанию и подобию, таким же действием. Бог же, сотворивший и приведший в бытие всяческая Своей беспредельной силой, связывает, сочетает и ограничивает все, умопостигаемое и чувственное, промыслительно соединяя одно с другим и с Самим Собою. И, будучи Причиной, Началом и Концом, Он удерживает около Себя вещи, по природе отделенные друг от друга, заставляя их соединяться силою одной связи с Собою как с Началом. Благодаря этой силе, все приводится к неуничтожимому и неслиянному тождеству движения и бытия… подобным же образом дело обстоит и со Святой Церковью Божией, поскольку Она, будучи образом

Первообраза, совершает относительно нас действия, подобные делам Божиим» (Mystagogia, 3, 664d-665c).

Фактически, для верных Церковь есть постоянное имперсональное энергийное воплощение Бога в мире, задуманное от сотворения мира, но явным образом показавшееся в день Пятидесятницы. Поскольку для христианского богословия, в том числе и в системе св. Максима Исповедника, личностное понимание Бога является ведущим, то и Церковь признается им как Боговоплощение энергийное, онтологически зависимое от личностного Воплощения Спасителя и ограниченное в мире общиной верных (поскольку далее по тексту преп. Максим говорит именно об общине, не обсуждая тему причастности Церкви не относящихся к ней видимым образом, хотя и такое более широкое осмысление вполне возможно), в отличие от первичного и всеобщего значения пришествия Христа: «Который одной простой и беспредельно мудрой силой Своей Благости всё заключает в Себе, подобно тому, как центр соединяет в себе прямые линии вследствие одной простой и единственной причины и силы. Он не позволяет началам сущих рассыпаться по периферии, но замыкает их центробежные стремления, приводя к Себе многоразличные виды сущих, получившие бытие от Него. И это для того, чтобы творения и создания единого Бога не были совершенно чуждыми и враждебными друг другу, чтобы не утратили они предмет и цель проявления своей любви, миролюбия и тождества по отношению друг к другу, и чтобы не подвергались они опасности превратить само бытие свое, отделяющееся от Бога, в небытие» (Mystagogia, 3, 668a-b).

Из-за того, что развитие этой темы увело бы за рамки трактата, св. Максим не говорит подробно о «механике» Божественного поддержания мира в состоянии бытия. Изучение этого вопроса содержится в других работах преподобного в рамках учения о Божественном Логосе и логосах вещей [9, с. 133–140; 10, с. 432–438].

Даже сам термин «логос» у него чрезвычайно многозначен. В. В. Петров считает, что «Максим намеренно свел лексически и терминологически различные реалии философии и богословия в одно понятие» [6, с. 19]. Прежде всего, логосы есть энергетические и смыслообразующие элементы всех вещей [1, p. 107]. Они причастны Божественному Логосу, Второй Ипостаси Троицы, так, что по сути своей «многие логосы, есть один Логос» (Ambiquorum Liber, 3, 1081b – «Πόλλοι λόγοι ο εις λόγος εστι»). По сути, Божественный Логос и есть онтологический субъект всех малых логосов, собственного существования не имеющих.

Их определенность дает существованию вещей «естественную устойчивость», т. е. удерживает конкретное бытие от самораспада и трансформации. Бытие, словно переплетенное ими, обладает целостностью и непротиворечивостью. Эти «логосы сущих», или мысли-идеи Бога о мире были предуготовлены еще до начала творения. Преподобный пишет: «мы суть и называемся частицей Бога по причине предсуществования в Боге логосов нашего бытия» (Ambiquorum Liber, 3, 1081c).

Их созерцание дает философу познание мира, но такое знание не может быть совершенным само по себе. Отчасти логосы познаваемы «научным» методом, поэтому любой мыслитель, без разницы язычник он или христианин, обладает знанием о мире. Однако такое знание слишком поверхностно. В «Главах о богословии и домостроительстве Воплощения», Максим Исповедник использует тот же образ, что и приведенный выше фрагмент «Мистагогии» – логосы суть прямые линии, исходящие от единого центра (См. Capita Theologiae, 2, 1126d-1128a). Именно посредством их, Бог удерживает мир в бытии, соответственно и истинное познание вещей возможно только через обращение к их источнику – Божественному Логосу.

Во-вторых, Церковь есть образ мира и человека в их совершенном состоянии. Преп. Максим уподобляет даже само здание храма различным планам бытия: алтарную часть – миру ангелов и

бесплотных сил, неф – миру материальных существ (См. Mistagogia, 3, 668d-672a). Космос пребывает в гармоничном сочетании этих реальностей, но еще не достиг совершенства. В жизни же будущего века весь космос станет храмом Бога, соединяя Его сущность с природой всех сотворенных существ.

Учение о мире тесно связано с антропологическими воззрениями преподобного, поскольку человек, по его мысли, есть гармоничное единство материального и умопостигаемого, своего рода модель мира, микрокосмос, о котором Максим пишет в длинном рассуждении «Амбигв», что он «вводится последним в число сущих, словно некое естественное связующее звено (συνδέσμος τις φυσικὸς), посредствующее различными своими частями между всеми вообще противоположностями» (Ambiquorum Liber, 3, 1305b).

Преодолевая собственные разделения, он достигает совершенства в себе самом. Затем «рай и мир объединив посредством своего святолепного жития, сотворил бы единую землю» (Ambiquorum Liber, 3, 1305d), трактуемую преподобным как нечто единое и однородное, без различия разнесенных в пространстве частей. Вероятно, это следует понимать и в буквальном, «географическом плане», как преодоление пространственной протяженности, вплоть до связанных с ней различий в рельефе, климате и т. п.

«Затем, объединив небо и землю, по причине тождества по добродетели во всей (πάντι τρόπω κατ’ αρετὴν) своей жизни с ангелами, насколько это возможно человеку, он соделал бы единой и совершенно нераздельной по отношению к самой себе чувственную тварь, совершенно не разделяемой им пространственно расстояниям» (Ambiquorum Liber, 3, 1308a), – этим он совершенно преодолел бы всякую материальную ограниченность, «телесную тяжесть» по выражению св. Максима. Это означает не просто снятие «Адамовых риз», которые исчезают уже при первом шаге, а именно полный отказ

от материальной ограниченности и временности, вступление в тварную вечность, став на один уровень с ангелами.

Здесь он уже призван объединить все мироздание воедино, преодолев различие в «гносеологическом опыте» (γνωστικὴς ἐπιστημὴς) ангельских чинов. Следуя традиции «небесной иерархии» псевдо-Дионисия, св. Максим не останавливается на ней, как на чем-то законченном и совершенном, а стремится возвыситься и над этой различенностью [11, с.166–187].

Теперь уже остается лишь единственное препятствие на пути к Богу – граница тварности. «И, в конце концов, после всего этого, любовью соединив и тварное естество с нетварным (о, чудо Божьего к нам человеколюбия!) он явил бы их по дару благодать одним и тем же, весь всецело облекшись (περιχωρήσας) всем Богом и став всем, чем только является Бог, кроме тождества по сущности» (Ambiquorum Liber, 1308b). Приведенная мысль св. Максима ставит высшую цель для человека и не нуждается в комментировании. Следует отметить лишь употребление в ней термина περιχωρήσις, который обычно употребляется для обозначения взаимопроникновения Лиц внутри Троицы. Стало быть, преподобный говорит о максимально тесном сближении с Богом, даже остающееся различие сущностей не становится препятствием, по образу пребывания человеческого естества во славе Троицы по ипостаси Сына.

Однако Адам ошибся и добровольно злоупотребил данной ему силой: «первый человек, получив бытие от Бога и произойдя [от Него], по самому происхождению [своего] бытия был свободен от тления и греха, ибо они не были созданы вместе с ним, то когда он, преступив заповедь, согрешил, то вследствие этого и был осужден на рождение, возникшее через страсть и грех. А потому грех в [явившейся] из-за него страстности имел происхождение уже как бы по закону природы. В силу этой страстности никто не безгрешен, ибо [всякий] по природе подлежит закону рождения, введенного по

причине греха после [первоначального] происхождения» (Quastiones, 2, 312c-313a) – пишет св. Максим.

Катастрофа произошла в тот момент, когда он находился на пороге вечности, т. е. в состоянии близком к настоящему. Эту же ошибку совершают люди и теперь при попытках найти в материи онтологическую основу бытия. Бог же из милости не дает человеку укорениться в своей ошибке и предоставляет возможность «передумать», увидеть к чему приводит предпочтение материи (а именно весь существующий миропорядок). Для того чтобы оказавшись вновь перед выбором (т. е. перед лицом смерти), он смог поступить правильно.

Свободный выбор зла привел не к порче сущности человека в собственном смысле этого слова, а к дурной привычке неправильно использовать данные от Бога силы. Тем не менее, эта привычка настолько укоренилась, что возвращение к совершенству стало уже не по силам. Смерть, буквально «тление творения» (φθόρα γενεσέως), не дает возможности для человека измениться самому. Он становится единственным «мутным пятном» в совершенном мироздании. Лишь жертва Самого Бога способна восстановить первоначальное совершенство, исправив совершенное Адамом и вернуть человека на путь «возрастающего единения» с Богом.

В терминологии Максима эта причастность (μετοχὴ) трактуется как причастность логосам. Преподобный выделяет два ее типа – индивидуальная (ипостасная) и природная. Например, все люди существуют по причастности человеческой природы логосу бытия, но конкретный святой, достигнув обожения, причаствует логосу вечного благобытия только своей ипостасью. Сейчас только святые обладают логосом вечного благобытия и причастны Богу через свою индивидуальную ипостась, но в жизни будущего века Ему будут причастны все люди по природе. Различие святых и грешников при этом заключается в том, что первые причастны этому логосу и природно и ипостасно, а вторые – только природно. Максим не

поясняет, насколько это различие будет иметь значение в их судьбе, отмечая лишь, что вся тварь причастна Богу в той или иной степени [См. аналгии с Оригеном 8, с. 120–134].

Приведенные выше замечания делают чрезвычайно важным мысль преп. Максима Исповедника о Церкви как образе мира и человека. Поскольку именно через нее человечество обретает внутреннее единство и может выполнить еще более возвышенную задачу объединение материального мира и предстояния перед Богом от имени всего тварного.

Особое значение в этом «служении единству» играет, по мысли преп. Максима, таинство Евхаристии. «Святая Церковь Божия… сводит все воедино в таинстве, совершаемом на божественном жертвеннике. И кто благоразумно смог, посредством [богослужения], происходящего в Церкви, быть посвященным [в это таинство], тот подлинно соделал свою душу Церковью Божией и божественной» (Mystagogia, 3, 681d). Церковное богослужение вообще связывает алтарь и неф, клириков и народ, разум и чувственную сторону человека. Евхаристия же осуществляет связь с Богом, как индивидуального человека, так и народ в целом.

В контексте учения о логосах, можно истолковать Евхаристию следующим образом: необходимость таинства Причастия для пути к обожению включена в каждый индивидуальный логос человека, (но не, например, животного, который приобретает обожение вместе со всем миром через предстательство человека). Содействие ему не только приводит к единству не только внутренних сил, обычно описываемые в аскетике как успокоение помыслов, пребывание в божественном покое и пр., но и соединяет верных друг с другом.

«Устраняя помыслы, еще тяготеющие к земле, Оно [чтение Евангелия] возводит ревнителей веры, уже затворивших свои чувства, через закрытие врат и вход святых даров, к созерцанию умопостигаемых логосов и вещей. Затем Слово научает их, оказавшихся вне плоти и мира, уже связанных друг с другом и с Ним

через лобзание, неизреченным тайнам; они же признательно возносят Ему взамен, за великое благодеяние и спасение их, благодарственное исповедание, выражающееся в божественном символе веры. Потом, причислив их к сонму ангелов через Трисвятое и даровав им такое же ведение священнейшего богословия, [Слово] приводит их, усыновленных Духом через молитву, посредством которой они удостоились называть Бога Отцом [своим], к Богу и Отцу. А вслед за этим [Слово] неведомым образом ведет их, уже познавших все логосы сущего, посредством пения «Един свят» и последующего, к непознаваемой Единице, обожив их благодатию и, вследствие сопричастия с Ней, сообщив им, по возможности, подобие нераздельного тождества» (Mystagogia, 3, 692b-c).

В приведенной цитате следует особо отметить гносеологический аспект Литургии, которая представляется св. Максиму и как мистическое деятельное познание. Возникает своего рода параллелизм – уподобление ангельскому богослужению, выражаемому в пении Трисвятого, приводит к равенству ангелам в познании. Это так же находит свое объяснение в учение о логосах, поскольку уподобление деятельности (энергии) небесных сил приводит к уподоблению им и по сущностным характеристикам, в том числе и гносеологическому статусу (для учения преп. Максима уровень богопознания не только тесно связан с онтологическим статусом, но и, фактически, определяет его. [См. 4; 5]).

Эта тема находит свое отражение и в толковании конкретных священнодействий, так Великий Вход есть, по мысли преп. Максима, «начало и прелюдия новому обучению, которое свершится на небесах, о Домостроительстве Божием касательно нас и откровение тайны спасения нашего, сущей в святилищах божественной сокровенности» (Mystagogia, 3, 693d).

«Служение единству» не только объединяет верных, но и имеет чрезвычайно важное значение для всего мироздания. Как было уже сказано выше, человек призван привести к Богу весь материальный

мир и это предназначение осталось и после грехопадения, исправленного жертвой Христа. «Бог становится человеком, дабы спасти погибающего человека и сообразно природе соединив Собой разрывы всеобщего естества всего» (Ambiquorum Liber, 3, 1308d).

В «Мистагогии» повествование преп. Максима согласует изложение этих аспектов с ходом Литургии до и после анафоры. Лобзание мира прообразует всеобщее единомыслие и «разумное тождества по вере и любви всех между собой, которое осуществится во время будущих неизреченных благ и посредством которого усвояются Слову и Богу достойно принимающие их» (Mystagogia, 3, 696a.). Сама анафоральная молитва, по мнению св. Максима, читается в эсхатологической перспективе, от имени людей и ангелов: «троекратное возглашение «Святый» указывает на наше единение и равночестность с бесплотными умными силами, которое будет явлено в будущем, когда естество человеков, вследствие тождества неизменного и присносущего движения окрест Бога, научится, в полном созвучии с горними силами, воспевать и освящать единое триипостасное Божество» (Mystagogia, 3, 696c).

Своеобразной мистической кульминацией становится пение «Отче наш», есть что «символ воипостасного и реального усыновления [людей] по дару и благодати Святого Духа. Вследствие этого усыновления, когда с пришествием благодати побеждается и скрывается всякая человеческая самость, сынами Божиими нарекутся все святые, которые уже в здешней жизни через добродетели светло и преславно украсили себя божественной красотой благодати» (Mystagogia, 3, 696d).

Усыновление же Богом к преодолению самой границы тварности: «Исповедание, совершаемое всем верующим народом в конце таинственного священнодействия произнесением «Един Свят» и последующего, показывает сокровенные, превышающие ум и разум, связь и соединение с единством Божественной Простоты, которых сподобятся – по Богу премудро и таинственно – совершенные в

нетленном духовном веке. Там. созерцая свет незримой и сверхизреченной славы, они вместе с горними силами становятся вместилищем блаженной чистоты… Поэтому и они могут, по усыновлению и благодати, быть и называться богами, поскольку весь Бог всецело наполнил их, не оставив в них ничего, что было бы лишено Его присутствия» (Mystagogia, 3, 696d-697a).

Таким образом, можно заключить, что в «Мистагогии», при всей ее краткости и обращенности к конкретной теме богослужения, находят свое отражение основные концепты учения преп. Максима. Это связано, во-первых, с глубиной самой Литургии, выражающего главные аспекты восточно-христианского учения. Во-вторых, здесь проявляется и характерная черта творчества самого Максима Исповедника, так и не написавшего фундаментальный труд, но выразив в каждом частном трактате свою богословскую систему.

В «Мистагогии» преподобный строит свою мысль согласно антропологическим воззрениям, считая именно Литургию выражением истинного призвания человека в мире. Через язык богослужения он раскрывает основную проблематику своего учения: представление о логосах, пути спасения и пр., В то же время, только в этом трактате встречается концепция Церкви, перенимающей миродержительные логосы или энергии Творца. Все это делает данный трактат чрезвычайно интересным для понимания всей глубины учения преп. Максима Исповедника.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Blowers P.M.** Exegesis and Spiritual Pedagogy in Maximus the Confessor. A Investigation of the Quastiones ad Thalassium // Christianity and Judaism in Antiquity. Notre-Dame IN University of Notre Dame Press, 1991.
2. **Migne J.-P.** Patrologia Graecorum Vol. 90, 1865.
3. **Migne J.-P.** Patrologia Graecorum Vol., 91, 1865.
4. **Каптен Г.Ю.** Заметки по гносеологии св. Максима Исповедника // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2007. Т. 8. № 1. С. 18-26.

5. Каптен Г.Ю. Гносеологическое значение учения об обожении в критике оригенизма Максимом Исповедником // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2010. Т. 2. № 1. С. 16-23.
6. Петров В.В. Максим Исповедник: Онтология и метод в византийской философии VII века. М., 2007.
7. Соколова М.И. Пайдейя в платоновском «Государстве»: социальное и абсолютное // ΠΛΑΤΩΝΟΠΟΛΙΣ: философское антиковедение как междисциплинарный синтез философских, исторических и филологических исследований Материалы 5-7 летних молодежных научных школ 2008–2010 г., научные отчеты Санкт-Петербургского Платоновского философского общества. СПб. СКИФИЯ-ПРИНТ. – 2012, С.125–130.
8. Соколова М.И. Гносеологические и этические основания понимания символизма в «Строматах» Климента Александрийского // Материалы IV Летней международной молодежной научной школы PLATONOPOLIS: философское антиковедение как междисциплинарный синтез философских, исторических и филологических исследований. Отв. ред. А.В. Цыб. – СПб. – 2005 – С. 52-58.
9. Соколова М.И. Бытие как φύσις и бытие как ιδέα (М. Хайдеггер Введение в метафизику) и Строматы Климента Александрийского. Δόξα и τέλος // «Универсум платоновской мысли. Платоновская и аристотелевская традиции в античности и в европейской философии: Материалы XIII международной историко-философской конф. Отв. ред. А.В. Цыб. –СПб. – 2005/ С. 168–177
10. Соколова М.И. Естество и образ. Образование в Средние века и в Новое время // Научная сессия ГУАП: Сб. в 4-х ч. Ч. III. Гуманитарные науки. – 2009. – С. 80–81
11. Цыб А.В. Использование платоновских и аристотелевских концептов в сочинении Оригена «О началах» // AKADHMEIA: материалы и исследования по истории платонизма, Вып. 1. – СПб., Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1997 – С. 120–134
12. Цыб А.В. Учение Климента Александриского о Логосе и традиция античной логософии // Универсум Платоновской мысли: Вопросы познания. Процедуры правильного мышления. Докса и ноэсис. Материалы 5-й Платоновской конф. 26-29 мая 1997 г. СПб., Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1997 – С. 133–140.

УДК 327

С. А. Ланцов

МИРОВЫЕ ВОЙНЫ XX ВЕКА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

В 2014 и 2015 годах отмечаются две памятные даты мировой истории: в 2014 г. – 100-летие с начала Первой мировой войны, а в 2015 г. – 70-летие со дня окончания Второй мировой войны. Оба исторических события столь огромного масштаба произошли в XX веке и вызвали политические последствия, которых до этого времени человечество не знало.

Возможность возникновения вооруженных конфликтов такого типа как Первая и Вторая мировые войны была обусловлена радикальными переменами в мировом развитии второй половины XIX – начала XX столетий. Международные отношения, ранее формировавшиеся на локальных и региональных уровнях, в результате перемен приобрели глобальный характер.

Происшедшие в международной жизни изменения отразились в появлении такого термина, как «мировая политика». С конца XIX в. этот термин начинает активно использоваться специалистами и политиками. Однако и сегодня среди политологов нет единства в понимании сущности феномена мировой политики [1, с. 53]. Термины «мировая политика» и «международная политика» многими авторами употребляются как синонимы. Представляется, что это неверно. Мировая политика – это не просто международная политика глобального масштаба. Появление мировой политики стало качественно новым этапом развития всей политической сферы. Мировая политика отличается от международной политики предшествующих столетий и по содержанию проблем, стоящих в ее

центре, и по характеру субъектов, действующих в ее рамках. Традиционные для международной политики проблемы межгосударственных конфликтов и межгосударственного сотрудничества дополнились проблемами выбора путей и целей экономического, социального и политического развития мира. Возникшие во второй половине XIX в. на базе глобальных политических идеологий (либерализм, консерватизм, социализм и т. д.) международные политические движения стали предлагать свои варианты общественного устройства, а также средств и способов их достижения. Эти движения институциализировались на мировой политической арене как сеть международных неправительственных организаций, тесно связанных с многочисленными партиями, организациями и движениями в отдельных национальных государствах. К концу XX в. граница, разделявшая внутреннюю и внешнюю политику, становилась все более проницаемой.

Отличия мировой политики XX века от традиционной международной политики весьма точно характеризуют Первая и, особенно, Вторая мировые войны. Эти войны отличались от войн предшествующих исторических эпох не только глобальными масштабами и техническими средствами ведения боевых действий. В рамках традиционной международной политики война всегда была крайней формой межгосударственных конфликтов. В итоге войн обычно пересматривались межгосударственные границы, менялся баланс сил как между участвовавшими, так и не участвовавшими в войне государствами. Первая же и Вторая мировые войны, кроме вышеназванных, имели и другие последствия, отразившиеся на развитии мирового политического процесса.

К специфическим предпосылкам Первой мировой войны, в отличие от вооруженных конфликтов более ранних исторических эпох, следует отнести тесное переплетение внутригосударственных и международных процессов, размывание грани между внутриполитической и международной сферами. Примером этого

могут служить этнополитические процессы, охватившие на рубеже XIX – XX вв. не только значительную часть европейского континента, но и другие регионы мира. К этому времени формирование наций и образование национальных государств, первоначально характерное для Западной Европы, стало общемировой тенденцией. Активизировались национальные движения, возросло их влияние на политику, как внутреннюю, так и внешнюю. Американский этнополитолог Л. Снайдер выделял по отношению к тому историческому периоду два типа национализма [2, p. 48]. Первый он определял как «разъединяющий национализм», включая в него идеологию политических движений, стремившихся к созданию самостоятельных национальных государств на месте прежних полиэтнических образований в Центральной и Восточной Европе. Второй тип национализма Снайдер назвал «агрессивным национализмом». Именно такой национализм стал заметным явлением в начале XX в. В данном случае речь шла об идеологическом обосновании внешнеполитической экспансии или, иными словами, об империалистической внешней политике. Такая внешняя политика ведущих государств мира лежала в основе международных конфликтов, приведших в итоге к началу Первой мировой войны. Но и другой тип национализма в какой-то мере способствовал ее возникновению.

В предвоенные годы экономическая ситуация и международные отношения в Восточной Европе отличались появлением и возрастанием активности негосударственных акторов мировой политики. Анализируя положение, сложившееся тогда в австро-венгерской провинции Галиции, современный российский исследователь этнополитических процессов начала XX в. А.И. Миллер отметил несколько центров активности как в самой Галиции, так и вокруг нее. В их числе наряду с официальными властями Российский и Австро-Венгерской империи он выделил Католическую церковь, организации и движения различной политической ориентации, представлявшие интересы польского и русинского (украинского)

населения Галиции, а также организации и движения, действовавшие за ее пределами. «Большинство акторов этого списка, – констатировал А. Миллер, – можно охарактеризовать как внеимперские. Они активно пытались влиять на формирование идентичностей и лояльностей местного населения как путем финансовой поддержки тех или иных сил в провинции, так и посылкой туда своих агентов. Вопрос о возможной аннексии Галиции периодически обсуждался в правящих кругах Российской империи еще в середине XIX века, а в начале XX века… стал одним из ключевых пунктов внешнеполитической повестки дня русского национализма. В свою очередь, Вена, местные поляки и выступавший с ними в союзе Ватикан боролись с русофильскими настроениями в самой Галиции, а со временем стали поддерживать местных украинских националистов в их стремлении влиять на “русскую” Украину» [3, с. 38–39].

Наиболее остро этнополитические конфликты проявились в начале XX века на юго-востоке европейского континента, на Балканах. Здесь тесно переплетались внутренние и международные аспекты, что нашло выражение в таких заметных событиях международных отношений той эпохи как Боснийский кризис 1907 г., I и II Балканские войны. В конечном итоге и инцидент, спровоцировавший кризис, приведший к началу Первой мировой войны, был связан с этнополитическими аспектами международных отношений вокруг Балканского полуострова. В этом инциденте можно также увидеть взаимосвязь внутриполитических и международных процессов, участниками которых были как государственные, так и негосударственные акторы. Общепринято считать, что убийство эрцгерцога Фердинанда и его супруги было организовано сербской террористической группой «Млада Босна», действовавшей в аннексированной Австро-Венгрией Боснии. Официальные власти Сербии не имели отношения к этому террористическому акту. Однако сегодня известно, что существовали связи между боснийскими террористами и действовавшей на

территории Сербии организацией «Черная рука», членами которой были и сербские офицеры, состоявшие на службе в сербской армии. Выстрел Гаврилы Принципа, сам по себе бывший актом индивидуального террора, дал толчок международному кризису, завершившемуся в августе 1914 года началом общеевропейского вооруженного конфликта.

Как показали дальнейшие события, эта война имела и количественные, и качественные отличия от войн и вооруженных конфликтов прошлого. Ее быстрое превращение из европейской в мировую было непосредственно связано с тем, что в предшествующие десятилетия регионально-дискретная международная политика эволюционировала в глобальную мировую политику. Глобальный, общемировой характер войны определялся и тем, что военные действия вышли далеко за пределы европейского континента (Южная Атлантика, Дальний Восток, Ближний и Средний Восток), и тем, что в войне приняли участие многие неевропейские государства, в том числе такие крупные как Китай, Япония и США.

Вооруженные конфликты, имевшие место в Европе до Первой мировой войны, соответствовали критериям конвенциональных войн, в которых вооруженное насилие было направлено на уничтожение и ослабление именно военной мощи противника. В них не ставились цели подорвать или уничтожить внутреннее общественно-государственное устройство. В конвенциональной войне участвуют государства, признающие и уважающие суверенитет друг друга, придерживающиеся некоторых правил и ограничений. Такой характер вооруженных конфликтов соответствовал характеру традиционной международной политики, где внутренняя и международная сферы разъединены между собой. Первая мировая война началась как конвенциальная, но быстро переросла в войну тотального типа, в которой резко возрастают масштабы вооруженного насилия и его жертвами становятся не только непосредственные участники военных действий, но и мирное население. Кроме того, в тотальной войне

противники стремятся подорвать общественно-государственные институты друг друга, используя для этого широкий набор средств и ресурсов экономического, политического и духовно-идеологического характера.

С самого начала воюющие государства активно разыгрывали этнополитическую карту, стараясь использовать национальные движения в стане противника в собственных интересах. Осуществлялась пропаганда, направленная на определенные этнические группы во враждебных государствах, поддерживалась деятельность организаций, боровшихся против правительств этих государств. Из военнопленных отдельных национальностей создавались вооруженные формирования, участвовавшие в боевых действиях против армий тех государств, подданными которых они являлись. Германия и Австро-Венгрия делали ставку на польских и украинских националистов, а Россия и страны Антанты поддерживали национальные движения чехов, словаков и южных славян. Гонениям подвергались представители тех этнических групп среди населения собственных стран, в чьей лояльности власти сомневались. Примеры тому – репрессии австро-венгерских властей против русофильски настроенных жителей Восточной Галиции в самом начале войны и массовый геноцид армянского населения в Османской империи.

В своем стремлении нанести максимальный урон не только в военной сфере, воюющие государства перешли черту, ранее ограничивающую их вмешательство во внутренние дела противника. Это имело место и в таких полиэтнических государственных образованиях как Австро-Венгерская, Российская и других империй континентального типа. А. Миллер отмечает, что «только в ходе приготовлений к большой европейской войне и во время Первой мировой соседние империи стали столь активно, отбросив прежние ограничения, использовать этническую карту против своих противников. Сила национальных движений в этой макросистеме к

концу войны во многом была обусловлена тем, что они получили поддержку соперничавших империй, которые теперь боролись друг с другом “на уничтожение”» [3, с. 41–42].

Воюющие государства использовали не только внутренние этнополитические, но и социально-политические противоречия и конфликты противостоящей стороны, делая ставку на оппозиционные партии, организации и движения в их тылу.

Все воюющие государства в той или иной степени испытывали серьезные внутренние социально-политические трудности, претерпевали изменения, связанные с тем, что масштабные и продолжительные военные действия легли тяжелым бременем на бóльшую часть общества. Следствием Первой мировой войны стал распад Австро-Венгерской, Османской империй, революционные события в Германии и многих других странах. Но наиболее важное событие в этой цепи, несомненно, – революция в России. Русскую революцию необходимо рассматривать и как реализацию тенденций, проявившихся в развитии мирового политического процесса в предшествующие десятилетия, и как качественный поворот в мировой политике XX в. Наметившаяся еще в конце XIX в. конкуренция проектов мирового общественного развития перешла из сферы теоретических дискуссий в практическую плоскость. При всем своеобразии русского большевизма его идейной основой стал революционный марксизм, который к началу XX в. был одним из распространенных идеологических течений. Другое дело, что реализация марксистской утопии на практике дала совершенно неожиданные результаты.

Социально-политические и идеологические различия, характерные для внутренней политики государств, в последние месяцы Первой мировой войны начинают проявляться в сфере международных отношений. Уже на заключительном этапе Первой мировой войны обнаружилось соперничество коммунистического и либерального проектов послевоенного мирного урегулирования.

Большевики, едва придя к власти, призвали к «миру без аннексий и контрибуций», провозгласили «право наций на самоопределение». Но с похожими идеями выступил и президент США В. Вильсон, выдвинувший 14 пунктов мирного урегулирования, в которых также речь шла о «мире без победителей». Анализируя предложения Вильсона, американский историк Дж. Гэддис отмечает: «Мы имеем дело по-своему с точно таким же амбициозным сценарием, как и у большевиков. Львиная часть последующей истории XX в. развивалась под знаком столкновения этих двух идеологий – Вильсон против Ленина, и обе они стали составным элементом мировой политики в течение двух с половиной месяцев, которые отделяли большевистский переворот ноября 1917 г. от послания президента Вильсона Конгрессу о “14 пунктах” в январе 1918 г.» [4, p. 5].

По ряду пунктов лозунги Ленина и Вильсона были весьма созвучными. Например, в вопросах самоопределения народов и у Вильсона, и у Ленина речь шла не только о Европе, но и о других континентах, в том числе о колониальных владениях в Азии и Африке. Соперничество двух альтернативных проектов деколонизации и догоняющей модернизации, особенно остро проявившееся в мировой политике второй половины XX в., берет свое начало в спорах вокруг основ миропорядка, который должен был утвердиться после Первой мировой войны. Некоторые исследователи, в частности И. Валлерстайн, обращают внимание на схожесть, а иногда и полное совпадение ленинских и вильсоновских идей и высказываний. Последний в своих работах даже ставит знак равенства между «ленинизмом» и «вильсонизмом» [5, с. 153].

Схожесть вильсоновских и ленинских положений объясняется тем, во многом они восходят к одним и тем же источникам. Вильсон озвучивал отнюдь не собственные оригинальные идеи. Его программа послевоенного мирного урегулирования основывалась на взглядах И. Канта, Дж. Бентама и других мыслителей конца XVIII – начала XIX вв., заложивших фундамент либеральной концепции перестройки

международных отношений. Некоторые элементы этой концепции использовали, интерпретируя их по-своему, и марксисты. Впоследствии идейно-теоретические подходы к международным отношениям, лежавшие в основе взглядов В. Вильсона, получили определение «политического идеализма». Такая характеристика подчеркивала непригодность подобных взглядов для проведения реального внешнеполитического курса вследствие их утопичности. Эта утопичность может рассматриваться как еще одни элемент, сближающий идеи Вильсона и Ленина. Точно также как реализация ленинских идей и установок дала неожиданные и нередко противоречивые результаты, реализация некоторых из 14 пунктов мирного урегулирования «по Вильсону» привела к последствиям, которые оказались противоположны изначальным замыслам их автора.

Самоопределение народов должно было заложить основы прочного мира, устранить потенциальную опасность разрушительных вооруженных конфликтов, однако, на практике случилось обратное.

Кроме идеологии на мировую политику в период послевоенного мирного урегулирования продолжали оказывать влияние и традиционные факторы международных отношений, прежде всего геополитические. Лидеры большинства стран-победительниц на Версальской конференции руководствовались в своих подходах к формированию нового миропорядка отнюдь не либерально-идеалистическими принципами, а соображениями Realpolitik. Кроме того, представляется, что творцы Версальского мира не отдавали себе полного отчета в глубинных сдвигах, происшедших в мировой политике накануне и, особенно в результате Первой мировой войны.

Наиболее активно условия Версальского мира диктовали главные участники победившей в войне Антанты – Великобритания и Франция. Они стремились формировать послевоенный международный порядок в соответствии со своими традиционно понимаемыми интересами. Как отмечают авторы наиболее комплексного и системного исследования истории международных

отношений XX в., «великие европейские державы – Франция и Великобритания – смогли восстановить многополярную структуру европейских отношений приблизительно в той форме, которая казалась им идеальной. В духе европейского равновесия XIX века они позаботились о том, чтобы на континенте не было ни одной страны, которая бы слишком явно вырывалась вперед по своим геополитическим и иным возможностям» [6, с. 77]. Однако «это был старый европейский баланс сил без старой Европы» [6, с. 77]. Поэтому обеспечить прочный мир и всеобщую безопасность постверсальский международный порядок не смог.

Создание Лиги Наций стало одним из важных итогов Версальской конференции. Это объективно соответствовало эволюции системы международных отношений в сторону ее глобализации, но опыт функционирования первой в истории человечества универсальной международной организации оказался неудачным. Во-первых, оказались несовершенными организационные принципы функционирования данного международного института. Во-вторых, Лига Наций не объединила все важнейшие государства тогдашнего мира. Изначально за ее бортом остались побежденная Германия и попавшая в тех условиях международную изоляцию Советская Россия. Несмотря на то, что инициатором создания Лиги Наций был Вудро Вильсон, США после его ухода с президентского поста отказались участвовать в деятельности этой организации. Неспособность обеспечить выполнение своих же собственных решений, противоречия между декларируемыми целями и реальными результатами снижали авторитет Лиги Наций в мировом сообществе и постепенно привели к ее фактическому банкротству.

Имманентно присущие версальскому мирному урегулированию противоречия стали одной из причин возникновения нового глобального конфликта – Второй мировой войны. Версальский мир утвердил итоги, традиционно фиксировавшиеся по окончании всех предшествующих войн: пересмотр существовавших в предвоенный

период государственных границ, изменение баланса сил в международных отношениях. Но были и иные последствия Первой мировой войны, обусловленные качественным отличием новой мировой политики от международной политики прошлых столетий. Возрастание роли идеологии выразилось в возникновении и нарастании тенденции раскола мира по идейно-политическим линиям, дифференциации государств на основе социально-политических и идеологических факторов. В результате русской революции родилось принципиально новое государство в лице Советской России, а затем – СССР. В международной системе появились и иные государства «нового типа» – фашистские.

Фашистские движения и в Италии, и в Германии нельзя понять и объяснить, не учитывая исторического контекста Первой мировой войны и ее последствий. Фашизм как идеология, как политическое движение и как политический режим мог появиться только в условиях, порожденных мировой войной. Резкий всплеск националистических настроений, трудности и лишения военных лет, экономический кризис послевоенного времени, разрушение привычных социальных связей и структур, «атомизация» индивидов (по Х. Арендт) стали питательной средой для возникновения фашистских движений. Нельзя забывать, что основная часть как рядовых участников, так и лидеров этих движений (включая А. Гитлера и Б. Муссолини) – ветераны войны, вчерашние фронтовики. Идеология фашизма была прямой противоположностью левым идеологическим течениям и, прежде всего, марксизму, но фашисты стремились использовать опыт социалистических партий и движений, внимательно присматривались к практике русской революции и деятельности одержавших победу большевиков. Внешнеполитическая идеология фашистских режимов – как итальянского, так и германского – изначально имела ярко выраженный агрессивный, экспансионистский характер. Германия стремилась к реваншу и пересмотру условий Версальского мира.

Сегодня мы являемся свидетелями многочисленных, и порой ожесточенных, дискуссий по проблемам истории Второй мировой войны. Через 70 лет после ее окончания обнаружилась тенденция возложить равную ответственность за развязывание глобального военного конфликта на тоталитарные режимы – как на Германию, так и на Советский Союз. В качестве непосредственного пролога к войне называют Договор о ненападении между Германией и СССР, вошедший в историю под названием «Пакта Молотова-Риббентропа». Подобная интерпретация событий имеет ярко выраженную антироссийскую направленность и отпор, который встречают эти взгляды на страницах российских политических и научных периодических изданий, вполне оправдан. Однако некоторые участники дискуссий при рассмотрении международных отношений предвоенной эпохи обращают внимание преимущественно на геополитические факторы, оставляя в стороне факторы идеологического и социально-политического характера [7, с. 156]. Представляется, что геополитика и идеология тесным образом переплетались в мировой политике как накануне, так и во время Второй мировой войны. Роль идеологии во внешней политике отдельных государств могла усиливаться или, наоборот, ослабевать. Во внешней политике СССР в предвоенные годы идеологическая составляющая существенно уменьшилась по сравнению в послереволюционным периодом.

Кратковременное сотрудничество Советского Союза с гитлеровской Германией в начальный период Второй мировой войны не устраняло идеологической несовместимости между ними. СССР стремился противостоять фашистской угрозе различными способами. В отличие от ведущих стран Запада он был готов не только к созданию системы коллективной безопасности, но и к прямому вооруженному отпору фашистской агрессии. Накануне мюнхенских соглашений СССР предлагал свою помощь Чехословакии, которую западные державы подталкивали к капитуляции перед гитлеровской

Германией. Предпринятые после Мюнхена дипломатические маневры, основанные на геополитическом расчете, позволили Сталину избежать втягивания СССР в начавшуюся мировую войну в неблагоприятной для него обстановке. Но потенциально неизбежное вооруженное столкновение с гитлеровской Германией стало реальностью в момент начала ее агрессии против Советского Союза.

Вторая мировая война еще в бóльшей степени соответствовала особенностям мировой политики XX в., чем Первая. Масштабы военного конфликта носили еще более глобальный характер: ее участниками стали государства практически всех материков и континентов земного шара, а военные действия развернулись на огромных пространствах. Так же как и во время Первой мировой войны дали о себе знать этнополитические факторы. Просчеты, допущенные в ходе проведенного после Версаля национального самоопределения, оказывали влияние на ситуацию как накануне, так и в период новой мировой войны. В еще большей степени усилилось влияние социально-политических и идеологических факторов на взаимоотношения между воюющими государствами и на положение внутри них. В значительной степени именно идейно-политические факторы определили главные линии размежевания во Второй мировой войне. Коалиция, противостоящая Германии и ее союзникам, недаром получила название «антигитлеровской». Фактически цель союзников заключалась не просто в военной победе над Германией, но и в полном уничтожении нацистского режима и породившей его идеологии.

Но внутри самой Антигитлеровской коалиции также проходила разделительная линия, по одну сторону которой находился коммунистический Советский Союз, а по другую – его западные союзники. Неоднородной была и коалиция, созданная гитлеровской Германией. В нее, наряду с откровенно фашистскими государствами и их марионетками, входили страны с традиционными авторитарными политическими режимами. Социально-политические различия между странами-союзниками обнаруживали себя в

зависимости от меняющейся военной ситуации. Пока Германия одерживала победы, она была способна контролировать своих союзников. Как только военная ситуация изменилась правящие круги большинства союзных Германии стран стали искать свои пути выхода из войны. В Италии король и верхушка армии организовали заговор, в результате которого фашистский режим Муссолини был свергнут. Примерно также события развивались и в Румынии. Диктатор Венгрии Хорти предпочел сам искать контакты с представителями стран Антигитлеровской коалиции, и лишь германское вмешательство остановило там румынско-итальянский вариант развития событий.

К концу 1944 г. большинство европейских союзников Германии – Болгария, Италия, Румыния, Финляндия – объявили ей войну. Верность Гитлеру сохранили лишь откровенно фашистские силы – нилашисты в Венгрии, «железногвардейцы» в Румынии, хорватские усташи, остатки итальянских фашистов во главе с Б. Муссолини в так называемой «Республике Сало».

Социально-политические и идеологические различия между странами Антигитлеровской коалиции также по-разному проявлялись на различных этапах Второй мировой войны. На начальном этапе быстрый успех Германии заставил противостоящие ей страны и их лидеров насколько возможно забыть об идейных расхождениях и социально-политической несовместимости. У. Черчилль сразу же после нападения гитлеровской Германии на СССР заявил, что, несмотря на свой антикоммунизм, видит в Советской России союзника в борьбе против общего врага. И. Сталин ради военно-стратегических интересов в этот период отодвинул идеологический фактор на задний план и стремился не допускать шагов, которые затруднили бы сотрудничество с западными союзниками.

Однако и тогда социально-политические и идеологические различия между странами Антигитлеровской коалиции обнаруживали себя, например, в стремлении поддерживать разные группы в

движении Сопротивления. На оккупированных гитлеровцами территориях глобальный военный конфликт переплетался с внутренними вооруженными и социально-политическими конфликтами, в которых было множество участников. Силы, боровшиеся против оккупантов и местных коллаборационистов, придерживались разной идеологической ориентации и по-разному видели послевоенное будущее своих стран. Конечный результат конфликтов зависел не столько от баланса сил их непосредственных участников, сколько от баланса сил во всей мировой политике, менявшегося в ходе войны.

Чем ближе была победа над Германией и Японией, тем активнее становилось соперничество между СССР и его западными союзниками – США и Великобританией – по вопросу о политическом будущем отдельных стран, регионов и мира в целом. С одной стороны, шел закулисный политический торг о разделе сфер влияния, с другой стороны, военные решения все чаще принимались из соображений возможности установления впоследствии контроля над теми или иными геополитическими пространствами. В конечном итоге послевоенное социально-политическое развитие европейских и азиатских стран было определено тем, в какую сферу влияния они были включены, и тем, чьи вооруженные силы оказались на их территории. Например, в Польше коммунисты, не имевшие поддержки большинства населения, стали правящей партией, а греческие коммунисты, де-факто контролировавшие почти всю территорию своей страны, потерпели поражение в гражданской войне.

Последствия Второй мировой войны для мировой политики второй половины XX века оказались более существенными, чем последствия Первой мировой войны для мировой политики первой половины того же столетия. И причина этого не только в более масштабном изменении политической карты мира. Поражение в войне получила не просто коалиция государств во главе с Германией. Произошло крушение фашистских тоталитарных режимов, идеология

и антигуманная политическая практика фашизма была глубоко дискредитирована. В результате этой войны кардинально изменился баланс сил в системе международных отношений, которая на многие десятилетия стала биполярной, а также окончательно и необратимо приобрела глобальный, всеобщий характер. Вместо прежних «великих держав» в послевоенной мировой политике на первые роли вышли качественно новые акторы – сверхдержавы. Каждая из них – СССР и США – олицетворяла собой одну из альтернатив общественного развития: либерально-капиталистическую, с одной стороны, и коммунистическую, с другой. Это и определило содержание мирового политического процесса на несколько десятилетий, все основные события которых были связаны с соперничеством двух систем и возглавляющих и олицетворяющих эти системы сверхдержав. Соперничество между сверхдержавами приняло форму холодной войны, не раз грозившую обернуться реальным вооруженным конфликтом глобального характера. Проблема предотвращения новой мировой войны стала одной из важнейших проблем мировой политики.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Цыганков П.А.** Мировая политика и ее содержание // Международные процессы. 2005. Том 3. № 1. С. 53-65.
2. **Snyder L.** The New Nationalism. New York., 1968. P.48.
3. **Миллер А.** Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. М.: Новое литературное обозрение, 2006. – 240 с.
4. **Gaddis J.L.** We Now Know: Rethinking Cold War History. N.Y., 1997.
5. **Валлерстайн И.** Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб.: Издательство «Университетская книга», 2001. – 416 с.
6. Системная история международных отношений в двух томах / Под редакцией А.Д. Богатурова. Том первый. События 1918–1945 годов. М.: Культурная революция, 2006. – 480 с.
7. **Нарочницкая Н. «**Двойная игра великих держав» накануне решающих событий // Международная жизнь. 2009. № 10. С.156–166.

УДК 327

М. Х. Мукбиль

ХОЛОДНАЯ ВОЙНА И ЕЕ НЕГАТИВНОЕ ВЛИЯНИЕ НА ЖИЗНЬ ОБЩЕСТВА

В мировом информационном пространстве, от масс-медиа до академического дискурса, – всё чаще мелькает знакомый из прошлого термин «холодная война». Представляется, что возврат термина «холодная война» имеет две стороны. Одна из них связана с его удобством для фиксации обществом и различными структурами власти реального состояния дел в мире, усиления конфронтационных тенденций между Россией и Западом, резкого нарастания их конфликтного потенциала. Вторая сторона заключается в том, что холодная война, как известно, представляла собой вполне определённый, детерминированный историческими обстоятельствами тип острого конфликта между мировыми капиталистической и социалистической системами. Этот конфликт базировался на отказе от традиционных прямых вооружённых столкновений между сторонами конфликта, на их переносе в иные регионы и сферы соперничества с использованием идеологических, экономических и иных инструментов. Сегодня ситуация коренным образом изменилась. Появились такие летальные вооружения, которые никак не связаны с традиционными видами оружия и могут использоваться скрытно, в том числе без обнаружения реальной стороны, стоящей за применением этого вооружения. В этих условиях термин «холодная война», по сути, описывает вчерашнюю реальность и скрывает существо дела. Как отметил в сентябре 2014 года ведущий военный теоретик, консультант Пентагона и правительства Израиля Мартин

Ван Кревельд: «В современном мире больше нельзя провести грань между войной и миром, и в этом смысле привычные нам понятия «горячей» и «холодной войны» утратили смысл. Мир всё в большей степени перманентно оказывается в ситуации непрекращающегося, но в значительной мере скрытого насилия»[1]. Соответственно, можно сделать вывод о том, что массированное использование на Западе термина «холодная война» является средством психолингвистического воздействия на российское экспертное сообщество и российский политический класс, элементом рефлексивного управления: мол, вы проиграли в прошлой холодной войне, значит, обязаны проиграть и в этой. Поэтому, используя термин «холодная война», следует помнить, что он – всего лишь обёртка, внутри которой прячется новое, принципиально иное содержание, гораздо более опасное для России. Отличие связано, прежде всего, с тем, что приход к власти администрации Б. Обамы означал принятие на вооружение правящей элитой США радикальной доктрины американской исключительности. Об этой исключительности Барак Обама сказал в первой же своей речи в качестве президента США и с тех пор не устает повторять этот значимый термин во всех ключевых выступлениях.

Иногда даже искушённые аналитики за рубежом и в России делают вывод о том, что американская исключительность – это не более чем пропагандистский штамп и риторический приём. Однако это не так. В соответствии с американской политической традицией частое использование столь значимых терминов показывает на появление принципиально новой внешнеполитической доктрины. Эта доктрина представляет собой следующий и ещё более, если можно так выразиться, фундаменталистский вариант привычной концепции однополюсного мира. Доктрина американской исключительности предоставляет право быть субъектом стратегического действия только лишь США. Остальные страны, в конечном счёте, должны выполнять роль инструментов в реализации исключительного права

Америки устанавливать идеалы, сформулированные в её Декларации о независимости. Нетрудно заметить, что доктрина американской исключительности появилась и была обнародована вскоре после исторической Мюнхенской речи В.В. Путина, но в значительной мере «доктрина Обамы» была именно ответом на сформулированное президентом РФ видение современности и будущего как сложного, взаимозависимого существования и развития равноправных цивилизационных миров, каждый из которых имеет собственную логику развития, ценности и суверенные права. По сути, выступление В.В. Путина явилось обнародованием первой за столетие российской внешнеполитической доктрины, основанной на традициях отечественной геостратегической мысли, восходящей к работам К. Леонтьева, Н. Данилевского и ряда других авторов. С этого момента правящие элиты не только США, но и Запада в целом, прилагают все усилия к тому, чтобы не допустить формирования России как самостоятельного субъекта стратегического действия. Когда эти усилия внутри нашей страны не увенчались успехом, упор был перенесён на внешнеполитическую арену. Ключевой момент «доктрины Обамы» состоит в том, что её невозможно реализовать без ликвидации России как реального и потенциального субъекта стратегического действия, без превращения нашей страны в политический объект, в инструмент для правящих элит Запада. Теория «управляемого хаоса» полностью лежит в русле стратегии Белого дома и Пентагона, которая направлена на то, «чтобы предотвратить повторное появление любой новой сверхдержавы на территории бывшего Советского Союза или в каком-либо другом месте. Цель состоит в том, чтобы Соединённые Штаты Америки никогда впредь не сталкивались с угрозой, сравнимой с Советским Союзом. Это является главным фактором, лежащим в основе новых глобальных и региональных стратегий. Практически они должны обеспечить условия, которые предотвратят доминирование любой враждебной силы в регионах, ресурсы которых достаточны для

создания в перспективе новой глобальной власти. К таким регионам относятся Западная Европа, Восточная Азия, территории бывшего Советского Союза и Юго-Восточной Азии»[2]. Данная стратегия впервые была опубликована в марте 1992 года и утверждена ещё президентом Дж. Бушем-старшим, а с тех пор неуклонно реализуется сменяющими друг друга администрациями Белого дома независимо от их партийной и прочей принадлежности.

Теория «управляемого хаоса» Стивена Манна ставила и ставит своей целью деструкцию территорий и ресурсных баз любых потенциальных кандидатов в новые сверхдержавы. Некоторое время её положения циркулировали в пределах государственного департамента и учебных учреждений министерства обороны США. Подавляющая часть проблем, с которыми сталкиваются в настоящее время Соединённые Штаты в самых разных уголках планеты, от Египта до Ирака, от Нигерии до Афганистана, являются результатом их же собственных неразумных, авантюристических действий, в значительной степени связанных с реализацией стратегии «управляемого хаоса». Хаос можно организовать или создать, но управлять им ещё никто не научился. Поэтому после каждого вмешательства американцев остаются «несостоявшиеся государства», и зоны перманентных боевых действий, типа Сомали, Йемена, Афганистана, Ирака и других стран Ближнего Востока, лесных районов Колумбии и т. п. В свою очередь, эти регионы становятся рассадниками мирового терроризма, наркотрафика, работорговли, торговли оружием и т. п. И всё это, так или иначе, проникает в Америку и Европу. В общем, концепция «управляемого хаоса», которую более правильно было бы назвать концепцией «управляемой организации хаоса», обернулась вторжением хаоса в сами Соединённые Штаты и другие страны Запада. Сегодня всё четче проступает новое лицо войны, которую Запад ведёт против России. На наших глазах стирается граница между войной и миром и формируется – по крайней мере, на обозримое будущее – новая

реальность: «войномира» или «мировойны». В этой неудобной, жёстокой и некомфортной реальности предстоит жить всем. И наша страна здесь – не исключение. Ей уже сегодня брошены прямые и жёсткие вызовы, созданы новые, в том числе непривычные, угрозы. В ходе нарастающего глобального системного кризиса индустриализма в его поздней стадии финансизма любые жёсткие насильственные противоборства неизбежно приобретают характер войн за будущее. Такого рода войны ведутся во имя решения трёх задач.

Во-первых, для выигрыша времени, необходимого для нахождения путей выхода из кризиса. Войны за время – самые жестокие войны, поскольку во многих случаях они предполагают лишь одного выжившего, забравшего себе временной ресурс всех проигравших.

Во-вторых, это войны за ресурсы, в том числе не только за полезные ископаемые, производственный потенциал и т. п., но и, во всё большей степени, – за воду, другие рекреационные ресурсы, нетронутые территории, которые могут стать основой новых техноценозов, и т. п.

В-третьих, это войны, главной целью которых становится не обладание каким-либо ресурсом, а десубъективизация противника, превращение его из активного, деятельного актора, играющего свою роль в мировой политике, а главное – имеющего собственное культурное и цивилизационное лицо, – в объект, инструмент для решения тех или иных задач победителя военного конфликта.

На ведущих американских военных интернет-ресурсах особо отмечается искусство осуществления операций в рамках гибридных войн, продемонстрированное Россией в Крыму[3]. Несмотря на достаточно жёсткую форму противоборства России, США, Евросоюза, НАТО в ходе украинского кризиса, высшие должностные лица западных стран и союзов, включая Б. Обаму, нового Генерального секретаря НАТО Й. Столтенберга, Ф. Бридлава и других, не устают повторять, что «горячий» военный конфликт между Россией, США и НАТО просто немыслим в современном мире.

Искренностью эти высказывания, конечно, не отличаются. Однако вполне очевидно, что традиционный военный конфликт напрямую с Россией – это последнее, на что готов пойти сегодня Запад. Так же скептически Запад рассматривает свои шансы на дипломатической арене. Тому много причин, включая постоянное членство России в Совете Безопасности ООН, блокирование по многим ведущим вопросам мировой политики России, Китая, Индии, Бразилии, противоречия внутри Европейского союза и т. п. До недавнего времени большие надежды в конфронтационной плоскости Запад связывал с информационными войнами. Однако за последнее время ситуация изменилась и здесь – вследствие сложной комбинации разнообразных факторов. Среди них, прежде всего, следует выделить целенаправленные и согласованные действия России, Китая и присоединившихся к ним многочисленных стран, традиционно относимых ко второму миру [4], по радикальному ослаблению контроля США над интернет-пространством и защите собственного «цифрового суверенитета». Свою роль сыграли и разоблачения Э. Сноудена, заметно изменившие отношение к информационной политике США со стороны их западных партнёров. Наконец, немаловажную роль сыграл переход России от оборонительной к наступательной стратегии в информационном противоборстве, включая задействование таких инструментов, как Russia Today, блогерские сообщества и т. п. По мнению подавляющего большинства серьёзных аналитиков, в сфере ментальных войн Запад утратил технологическое и кадровое превосходство и перешёл от наступления к обороне. Огромные надежды в сфере информационного противоборства связываются на Западе с инструментарием поведенческих войн. Однако пока здесь только завершаются подготовительные мероприятия, и реальное применение поведенческих войн ожидается только через два–три года[5]. В этих условиях фактически безальтернативными полями войны Запада против России стали поля экономики и технологии. Традиционным

инструментом, используемым в этих сферах, является механизм санкций, который в том или ином виде действует уже более 200 лет.

Теме экономических и технологических санкций посвящено огромное количество работ. Она постоянно обсуждается на многочисленных открытых и закрытых площадках. Наибольшим авторитетом на Западе в этой сфере пользуются основополагающие труды, посвящённые теоретическому и эмпирическому анализу санкций за последний век, авторами которых выступили Г. Хофбауэр, Д. Скотт и К. Эллиотт, а также Б. Тейлор [6]. При этом экономические санкции, на которых в значительной мере сосредоточено внимание общества, несмотря на всю их внешнюю грозность, носят дополняющий характер и являются своего рода вспомогательными санкциями по отношению к технологическим. Любые ограничения по доступу к рынкам капитала даже в краткосрочной перспективе, измеряемой интервалом порядка полутора-двух лет, не могут оказать сколько-нибудь заметного воздействия на российскую экономику. В настоящее время огромные объёмы инвестиционных ресурсов и свободных финансовых средств имеются на рынках Китая, Ближнего Востока, в таких финансовых центрах, как Гонконг, Сингапур и т. п. В современном мире единственный ресурс, который наличествует в избытке, – это деньги. Именно с переизбытком данного ресурса связана происходящая на наших глазах повсеместная инфляция активов, выражающаяся в росте курсов акций и различного рода индексов. Высшие китайские должностные лица уже сделали заявления о своей готовности заместить западные финансовые институты на рынках кредитования и инвестирования в российскую экономику. Поэтому сами по себе финансовые санкции неприятны, но и мало результативны. Это угрозы, которые несложно отразить даже с использованием стандартных финансово-инвестиционных инструментов. С технологическими санкциями дело обстоит сложнее. Несмотря на глобализацию экономики, соответствующей ей технологической глобализации не произошло. В результате налицо

достаточно серьёзная диспропорция между динамикой и масштабами экономической мощи и объективными характеристиками технологического лидерства. Соединённые Штаты, Германия, Франция, Великобритания, Япония, Израиль и ряд других западных стран по-прежнему концентрируют в своих руках собственность на основные критические технологии [7]. Это хотя и неприятная для нас, но реальность. Зачастую её пытаются опровергать ссылками на экспоненциальный рост новых патентов в Китае и частично в Индии, как показатели резкого возрастания их научно-технологической мощи. Также используется индекс роста совокупных расходов на НИОКР. Однако это не вполне так. Детальный анализ патентов и структуры расходов на НИОКР показывают, что подавляющая их часть относится к так называемым «улучшающим инновациям», т.е. различного рода техническим изобретениям, совершенствующим уже найденные технологические решения. Они не имеют прямого отношения к прорывным критическим технологиям и не ведут к изменению структуры страновой собственности на основные пакеты технологий.

Параллельно этому следовало бы обратить внимание на ещё одно обстоятельство, совершенно ускользающее от внимания аналитиков и ни разу не упомянутое в российской и зарубежной открытой печати. По результатам разоблачений Э. Сноудена, уже после того, как прошла первая волна сенсационных материалов, Лаура Пойнтрасс на основе переданных ей Э. Сноуденом материалов опубликовала статью о роли, возможностях и инструментах АНБ в тотальном контроле и шпионаже в отношении мировых финансовых потоков, доходящих до уровня сплошного скрининга всех финансовых транзакций, осуществляемых по системе SWIFT[8]. Известно также, что с 2011 года в США под другим названием была, по сути, реанимирована программа Socrates [9], нацеленная, помимо прочего, на мониторинг конкурентоспособности не только отраслей, но даже отдельных секторов и технологических блоков и предприятий в странах – потенциальных конкурентах США. Вполне очевидно, что

соединение функционала программы Socrates и возможностей АНБ позволяет американской разведке отслеживать поставки не только готовых изделий в сферах критических и высоких технологий, но и их комплектующих в любую страну мира, относимую к потенциальным конкурентам США, в том числе – через систему финансовых транзакций.

Что же касается России, то уровень информированности США об экспорте в нашу страну не только готовых изделий, но и комплектующих для производимой в стране продукции достаточно велик ввиду ещё одного обстоятельства. Как известно, переговоры по вступлению в ВТО шли более десятилетия. В ходе этих переговоров детально «утрясались» пошлины и другие вопросы регулирования экспортно-импортных операций по изделиям любого типа, включая комплектующие, субстанции для переработки и т. п. Со слов переговорщиков известно, что по каждому вопросу западная сторона требовала предоставления от российских экономических органов соответствующей информации, обосновывающей её позицию. Таким образом, по факту у западных контрагентов, действующих, несомненно, в том числе по прямому заданию разведок, скопился огромный массив сведений по структуре российского импорта, включая, опять же, не только готовую продукцию high-tec, но и комплектующие для её производства в нашей стране. Дополнительно была получена бесценная информация, связанная с возможностями локализации высокотехнологичного производства. Для непосвященных следует пояснить, что под безобидным словом «локализация» скрываются реальные возможности импортозамещения как готовой продукции, так и компонентов и сырья, необходимого для производства готовых изделий на территории России. Информация по локализации предоставлялась для того, чтобы обосновать российскую позицию по отсрочке введения тех или иных норм ВТО, либо временного их изменения.

Таким образом, рассматривая вопросы технологических санкций, и шире, технологического противоборства, следует отдавать себе отчёт, что Запад располагает достаточно полной и адекватной информацией о потенциале, возможностях и сроках импортозамещения, а также о наличии или отсутствии альтернатив замены поставщиков из стран, присоединившихся к санкциям, на представителей иных, более дружественных нашей стране государств. Наиболее уязвимыми в технологическом плане отраслями являются нефтегазовая, в части глубокого и сложного бурения, бурения на шельфе; нефтепереработка и нефтехимия; высокотехнологичное машиностроение, включая космическую отрасль, авиастроение, судостроение, фармацевтику и т. п. Это лишь основные из множества отраслей, подотраслей и видов производств, критически зависящих от американской и европейской продукции и комплектующих, которые не могут быть заменены: либо вообще, либо без значительной потери в эффективности, – аналогами из других регионов мира, включая Китай. Отдельный разговор – об информационно-коммуникационных технологиях, в первую очередь – об их аппаратном компоненте. Следует иметь в виду, что производителями определённых классов аппаратных компонентов и готовых изделий эксклюзивно являются американские компании либо компании других стран, полностью контролируемые американским капиталом. Если в сфере бытовой электроники и техники основными производителями и частично изготовителями даже микроэлектронных компонентов стали Китай и другие страны Южной и Восточной Азии, то применительно к сложным микроэлектронным изделиям монополию по-прежнему продолжают держать США, Япония и – в меньшей степени – Канада, Великобритания, Франция и Германия. С учётом этого и выстроена западная стратегия введения технологических санкций. В первую очередь были введены такие технологические санкции, как запрет на передачу технологий, поставку техники, а также различного рода компонентов и осуществления инжиниринговых работ для

энергетического сектора, сектора двойных технологий, примыкающую к оборонно-промышленному комплексу. Несложно просчитать в этой логике и вероятные последующие шаги Запада.

Чрезвычайно важно обратить внимание и ещё на одно обстоятельство, на которое не обращается должного внимания при рассмотрении противоборства в технологической плоскости. Технологические санкции являются ключевым, но не единственным инструментом этого противоборства. Сами по себе технологии без людей мертвы. Поэтому колоссальную роль играют различного рода научно-технические обмены, стажировки специалистов в ведущих зарубежных компаниях, и особенно – в университетах, которые давно превратились в мощнейшие научно-технические и производственные комплексы. В рамках противоборства с Россией в течение последнего года проводится явный и всё более ощущаемый курс на сворачивание такого рода контактов. Делается это без каких-либо видимо принятых директивными органами санкций и широковещательных объявлений. Просто попечительские советы университетов и различного рода фондов не выделяют гранты, закрывают темы, сворачивают программы научного и технологического обмена, а также закрывают двери лабораторий и компаний перед российскими специалистами. С учётом того, что в ведущих университетах США, Западной Европы и Японии давно уже работают межнациональные коллективы, в том числе с широким представительством граждан Китая, Индии, Южной Америки, такого рода акции, по сути, ведут к серьёзному ограничению участия российских исследователей, разработчиков, инженеров, технологов в глобальном международном разделении труда.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Нарочницкая Н**. Россия и русские в современном мире – М.: Алгоритм, 2009.
2. Выдержки из «Руководства Пентагона по предотвращению повторного появления нового соперника», опубликованные газетой New York Times 08.03.1992.

3. http://www.stripes.com/news/saceur-allies-must-prepare-for-russia-hybrid-war-1.301464

4. Параг Ханна. Второй мир. – М.: Европа, 2010.

5. Ларина Е., **Овчинский В.** Кибервойны XXI века. О чем умолчал Эдвард Сноуден. — М.: Книжный мир, 2014.

6. Gary Clyde Hufbauer, **Jeffrey J. Schott**, **Kimberly Ann Elliott**. «Economic Sanctions Reconsidered», Peterson Institute for International Economics; Third edition, 2009; См. также **Brendan Taylor** «Sanctions as Grand Strategy «, Routledge, 2010.

7. Asymmetry of technological leadership and economic power D Martin Zhao Zhen GUP NY 2014.

8. Пойнтрасс Л., **Розенбах М.**, **Старх С.** «Слежка за деньгами. Как Агентство национальной безопасности мониторит мировую финансовую систему», Шпигель. http://hrazvedka.ru/guru/slezhka-za-dengami-kak-agentstvo-nacionalnoj-bezopasnosti-monitorit-mirovuyu-finansovuyu-sistem.html.

9. President Reagan's Program to secure U.S. Leadership Indefinitely: Project Socrates, http://projectsocrates.us/

УДК I (091)

И. Д. Осипов

КРИТИКА ПРАВОВЫХ ОСНОВАНИЙ ЕВРОПОЦЕНТРИЗМА В РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ[1]

Идеология европоцентризма наряду с другими аспектами имеет и собственно правовой, юридический смысл. В русской философии правовая позиция умеренного европоцентризма выявилась в концепции Н.М. Карамзина, который отмечал: «Вообще царствование Романовых, Михаила, Алексея, Феодора способствовало сближению россиян с Европою, как в гражданских учреждениях, так и в нравах от частых государственных сношений с её дворами, от принятия в нашу службу многих иноземцев и поселения других в Москве. Еще предки наши усердно следовали своим обычаям, но пример начинал действовать, и явная польза, явное превосходство одерживали верх над старым навыком в воинских Уставах, в системе дипломатической, в образе воспитания или учения, в самом светском обхождении: ибо нет сомнения, что Европа от XIII до XIV века далеко опередила нас в гражданском просвещении», – писал он [1, с. 31]. В позиции историка представлена идея просвещенного консерватизма, сочетающего национальное и универсальное в праве. По его мнению «Два государства могут стоять на одной степени гражданского просвещения, имея нравы различные. Государство может заимствовать от другого полезные сведения, не следуя ему в обычаях. Путь сии обычаи естественно изменяются, но предписывать им Уставы есть насилие, беззаконное и для монарха самодержавного» [1, с. 33]. Вообще же, по

[1] Статья написана и опубликована при поддержке Гранта РГНФ 15-03-00445 «Идеология европоцентризма и философские основания её критики».

мнению, Карамзина авторы законов должны доказать народу их пользу, как это делал Петр Великий.

Согласно П.Я. Чаадаеву народы Европы имеют общее сходство, существует связующая их в одно целое черта – христианский мир и публичное право. Идеи долга, справедливости, права, порядка создали там общество; они образуют составные элементы социального мира европейских стран. В России же «идея права для русского народа бессмыслица». «Никакая сила в мире не заставит нас выйти из круга идей, на котором построена наша вся наша история, который и теперь составляет всю поэзию нашего существования, который признает лишь право дарованное и отметает всякую мысль о праве естественном» [2, с. 203]. В русском народе, согласно Чаадаеву, есть нечто «неотвратимое – полное равнодушие к природе той власти, которая им управляет», народ никогда не принимает участия в социальных реформах.

А.Д. Градовский сформулировал социальный идеал, который может быть назван правовым государством, которое обеспечивает совокупность личных законных прав. По его мнению, если законы не обеспечивают собственности, свободы, труда, то человек как субъект гражданского права не существует. И если законы не обеспечивают возможности выражения духовных способностей человека, то он не существует в качестве субъекта духовной жизни. Он подчеркивал, что государство по мере своего развития всё в большей степени приобретало также и нравственную миссию. «От азиатских государств европейские государства отличаются именно степенью уважения и достоинства, каким в них пользуется человеческая личность. И именно потому, что Россия смогла понять это начало и восприять его, она также есть государство *европейское*».[3, с. 471].

Политическим идеалом Б.Н. Чичерина было сильное правовое государство, способное сдерживать противоборствующие стороны и частные силы в обществе при господстве «правды распределяющей» и пропорциональном равенстве согласно способностям и заслугам лиц.

В таком государстве (не обязательно конституционном) право задает меру, регулирующую взаимные обязанности индивида и государства, не позволяя проявиться, с одной стороны, анархическому своеволию человека, а с другой – деспотизму государства. В основании государства находятся права личности: право действовать по своему усмотрению, не нарушая при этом чужих прав, право свободного перемещения, свободы труда, мысли, совести и частной собственности, а также принцип неприкосновенности личности.

Европейские законы подвергались также и критике в русской мысли. Писатель Д.И. Фонвизин в письме графу П.И. Панину писал в 1778 году о законах Франции: «Здешние злоупотребления и грабежи, конечно не меньше у нас случившихся. В рассуждении правосудия вижу я, что везде одним манером поступают. Наилучшие законы не значат ничего, когда исчез в людских сердцах первый закон, первый между людьми союз – добрая вера»[4, с. 285].

Выдающийся русский правовед и создатель «Полного Собрания Российских законов» М.М. Сперанский обратил внимание на специфику генезиса российского права: «Другая судьба предначертана нам была Провидением. Из наследства римского нам ничего не досталось. Законодательство наше должно было почерпать всё из собственных своих источников. Подражания, с XVIII в. у нас изредка являющиеся, не делают в сем правиле важного изъятия: они относились к одной только ветви законов, к учреждениям, и заимствованы были не прямо от римских, но от внутренних германских установлений. Законы гражданские, законы уголовные, законы внутреннего благоустройства и благочиния-все надлежало созидать вновь и из своих собственных материалов» [5, с. 147]. Мыслитель также уточняет, что в Уложении имеется несколько статей, сходных с Кормчей книгой и с Литовским Статутом. Первое объясняется православным происхождением Кормчих Книг, а второе тем, что Литовский Статут был первоначально написан на русском языке и в пограничных областях мог быть еще до Уложения. В целом

же эти факты, по мнению Сперанского, не доказывают близость российского законодательства с римским или Юстиниановым. Отвечая критикам, упрекавшим его в заимствовании норм западного права, он подчеркивал: «Но законы римские всегда для нас будут законы чуждые, и хотя по великому их обилию, а в некоторых частях и по великому их превосходству, они везде должны занимать важное место, но учение их у нас должно быть учением только вспомогательным, а не главным; их система должна быть приспособлена к нашей, а не наша к ним, ибо римские законы не достоинством системы отличаются: напротив известно, сколь она вообще недостаточна, но они отличаются самым существом их, здравым, практическим их смыслом, остатками древнего высокого знания и опытности». Право понимается Сперанским в тесной связи с нравственностью и предполагает осуществление нравственного порядка, где человечество «навыкает, приуготовляется, образуется к нравственному единству» [5, с. 151]. Нравственные законы носят всеобщий характер, так как едина правда, которая при этом конкретна, поскольку соотносится со временем и с образом жизни народа. Такая слитность естественного и нравственного начал человеческого общежития оказывается залогом единства нравственного и правового законов, формирования нравственно-правового сознания.

В последующем проблема соотношения нравственности и права стала важной теоретической предпосылкой противопоставления России и Европы. И в этом есть определённый резон, так как в западноевропейской культуре Нового времени можно заметить рационализацию философского знания, что способствовало противопоставлению юридического права и морали. Согласно Н.М. Коркунову: «Выставленное индивидуалистическими теориями противоположение права и нравственности сделалось лозунгом в борьбе за свободу совести и вообще за индивидуальную свободу против системы всепоглощающей правительственной опеки» [6, с. 42–43]. В России в философии западничества отчетливо выражено противопоставление характера развития правовых культур России и

Европы.

Правовой европоцентризм получил развернутую критику в славянофильстве на основе категории соборности, решается вопрос о сущности человеческой свободы, где нравственность выступает её содержанием, а право отражает её формальную сторону. А.С. Хомяков писал: «Для того, чтобы сила сделалась правом, надобно, чтобы она получила свои границы от закона, не от закона внешнего, который опять не что иное как сила (как, например, завоевание) но от закона внутреннего, признанного самим человеком. Этот признанный закон есть признанная им нравственная обязанность. Она и только она, дает силам человека значение права» [7, с. 92]. Мыслитель выявил православные основания свободы, раскрыл ее особый смысл, «подчиняющейся безусловным началам веры» и указал на символический характер нравственной нормы, отличающей её от права, во многом связанного с деятельностью законодателя. Свобода и закон, по его мнению, находятся в контрарных отношениях и существуют в особых сферах: закон в праве, отражая внешнюю жизнь человека и общества, а свобода реализуется по преимуществу во внутренней нравственной жизни индивида. Особая роль верующего разума виделась в нравственно-правовой легитимации верховной власти. Идея соборности предполагает гармоничное единство свободных и верующих индивидуумов, согласие человека и мира. Жизненный смысл православной религии славянофилы видели в том, что соборность не противопоставляет свободу и единство общества, а предусматривает их взаимопроникновение, гармонизацию на основе закона любви. Согласно Хомякову идея права не может разумно соединиться с идеей общества, основанного на «личной пользе, огражденной договором». «Личная польза, как бы она себя не ограждала, имеет только значение силы, употреблённой с расчетом на барыш. Она никогда не может взойти до понятия о праве, и употребление слова *право* в таком обществе есть не что иное, как злоупотребление и перенесение на торговую компанию понятия,

принадлежащего только нравственному обществу» [7, с. 93]. Точно также согласно Хомякову и спор о юридических правах мужчины и женщины в западном обществе подменил собой вопрос об их нравственных и равных обязанностях. Произошло это вследствие привычки в Западной Европе полагать право чем-то самостоятельным.

Н.В. Гоголь, рассматривая специфику правовой культуры Европы, отмечал её сложность и то, что гражданские законы выходят за свои пределы и вступают в области им не принадлежащие: народных обычаев и нравственности. По его мнению: «Все до единого теперь видят, что множество дел, злоупотреблений и всяких кляуз произошло именно от того, что европейские философы–законодатели стали заранее определять все возможные случаи уклонений, до малейших подробностей, и тем открыли всякому, даже благородному и доброму, пути к бесконечным и несправедливейшим тяжбам…» [8, с. 211–212]. Согласно Гоголю необходимо с помощью верховной власти упростить данную бюрократическую и юридическую регламентацию жизни, а также расширить полномочия совестного суда, подчинив его принципам христианской нравственности: «Правосудие у нас могло исполняться лучше, нежели во всех других государствах, потому что из всех народов только в одном русском зародилась эта верная мысль, что нет человека правого и что прав один только Бог» [8, с. 186]. На основе этой мысли можно прекращать ссоры и конфликты.

Более умеренной в критике европоцентризма была точка зрения В.С. Соловьева. Он признает важное значение правового прогресса в Западной Европе, но при этом исходит из наличия правовой специфики русской культуры, обусловленной православием. Для него существование абсолютного начала божественного порядка в синтезе с конечным миром выступает как понятие высшего блага, или добра. «Так, например, подчинение народным и отеческим преданиям и установлениям есть доброе дело или нравственная обязанность в той мере, в какой сами эти предания и установления выражают добро или

дают определённую форму моему *должному* отношению к Богу, к людям и к миру. Но, если это условие будет забыто, условная обязанность принята за безусловную, или «национальный интерес» поставлен на место Правды Божией, то доброе может превратиться в злое и в источник зол» [9, с. 94]. Нравственное начало обнимает у Соловьева всю сферу общественной жизни и практической жизнедеятельности, являясь главным оправданием развития экономических, политических и правовых отношений. Так из стремления к формальным благам возникает государство, из влечения к абсолютному существованию – духовное общество, а из стремления к справедливости – право. Указанные виды блага не равноценны, и высшим из них оказывается благо вечной жизни. В свободной теократии абсолютное благо различно для каждого и учитывает индивидуальные качества субъекта.

Философ выражал своё согласие с кантовским императивом – человек может быть только целью для другого, а не средством, но считал, что каждый человек может стать безусловной целью только тогда, когда отношения между людьми будут определяться не эгоистическим интересами и формальными правилами поведения, а безусловной любовью – законом бытия личности. Отличие этики всеединства Соловьева от автономной этики Канта заключается в доказательстве русским философом божественной природы морали и права, что возможно не только на основе живого чувства религиозной веры, но и посредством рационального обоснования практической нравственности. Подлинно нравственная деятельность состоит, по его мнению, не в формальном признании и соблюдении свободы другого человека, а в превращении ее в свою цель, в «свое другое». Человек должен относиться к другим «не как к границе своей свободы, а как к ее содержанию и объекту». Однако этот принцип может осуществиться только в «божественном порядке», в реальной же истории общество должно жить в рамках государственного закона и права. По отношению к свободе долг выступает обязанностью каждого индивида признавать

свободу других индивидуумов в качестве основания своей свободы, и этот принцип реализован в праве. Принципиальная позиция мыслителя заключена в отрицании безусловной противоположности права и морали. Для него действительное противоречие существует не между моралью и правом, а между разными состояниями правового и нравственного сознания, что подтверждается неуклонным тяготением правовых норм к нравственным требованиям и позитивным взаимоотношением права и морали, что получило выражение в языке, где принцип долженствования совпадает с сознанием обязанности. Соловьев поясняет:

Во-первых: «Чисто нравственное требование предполагает нравственное совершенство или неограниченное стремление к совершенству». Поэтому нравственный идеал безусловен. Правовой же закон ограничен тем, что он требует низшей, минимальной степени нравственности, вместо совершенства он требует низшей, минимальной степени нравственного состояния, лишь фактической задержки известных проявлений безнравственной воли. Право – есть минимум нравственности.

Во-вторых, исполнение нравственных требований не «обусловливается непременно, а также не исчерпывается никакими определенными внешними проявлениями или материальными действиями». Напротив, юридическим законом предписываются или запрещаются вполне определенные внешние действия. По мнению, Соловьева данное различие подчеркивает единство нравственности и права, так как требование нравственной установки человека не только не исключает внешних поступков, но вообще прямо их предполагает как свое доказательство или оправдание, С другой стороны, предписание определенных действий не отрицает соответствующих им внутренних состояний. Нравственный и юридический закон относятся к воле человека, но первый берет эту волю в её общности, а второй – лишь в частичной реализации.

В-третьих, требование нравственного совершенства как

внутреннего состояния требует свободного исполнения, напротив, внешнее осуществление закономерного порядка допускает принуждение. Соловьев определяет право как «принудительное требование реализации определенного минимального добра, или порядка, не допускающего известных проявлений зла» [9, с. 450]. Из «встречи» индивидуальной свободы и общественного блага рождается право. Оригинальность воззрений Соловьева в том, что частные отношения людей им понимаются в контексте нравственности, а не права. Его не устраивает присущая европейскому либерализму дифференциация частного и публичного права, внутренней и внешней свободы, и он не согласен с однозначным противопоставлением гражданина человеку.

По его мнению, человек должен быть нравственным свободно, а для этого ему нужна некоторая свобода быть безнравственным. Граница нравственного и безнравственного пролегает в самосознании и относится к частной жизни. Право же в «известных пределах» обеспечивает за человеком эту свободу, нисколько не принуждая к её использованию. Только тогда, когда злая воля покушается на объективные публичные права и грозит безопасности общества, интерес общего блага должен ограничить свободу зла. Сущность права состоит в сохранении равновесия личной свободы и общего блага и последнее может только ограничить свободу личности, ни в коем случае не упраздняя её, ибо тогда указанное равновесие было бы нарушено.

Соловьев указывает также и на характерное отличие западного и восточного типа государства, заключенное в том, что западное государство – условие равновесия множества сил и интересов, отраженных в законе. «Каждая из борющихся сил выставляет свое право, но эти права, сами по себе неопределенные и безграничные, а потому и исключающие друг друга, могут уравновеситься только под условием общего для них предела. Этот общий предел всех прав, перед которым все равны, и есть закон. Западное государство, как равновесие борющихся прав, есть по преимуществу государство

закона» [10, с. 128]. Воплощение закона есть власть, и из античности и римского права пришла идея власти как живой действительной силы. На каком-то этапе она потеряла эту силу и уступила свое место христианскому государству, в котором существующие права человека даны не из безграничного эгоизма, а из нравственной бесконечности человека. Закон существует не в смысле простого узаконения действительных отношений, а в смысле их исправления по идеям высшей правды. Христианство, возвышая религию над государством и правом, тем самым освобождает общество от всевластия государства и создает общество свободных личностей. Можно утверждать, что философия Соловьева явилась результатом творческого синтеза божественного права и концепции права как этического минимума. Он конструирует абсолютный нравственно-правовой идеал, не предлагая его юридической формы, и с позиции естественного права критикует европейский юридический позитивизм.

Можно утверждать, что в идеологии западничества отразились процессы формирования национальной идентичности российского общества, которые во многом имели отношение к правовой идентичности. И сравнение с европейской правовой культурой было вполне естественно, учитывая давние связи России и Европы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Карамзин Н.М.** Записка о древней и новой России в её политическом и гражданском отношениях. М., Наука., 1991.
2. **Чаадаев П.Я.** Избранные сочинения и письма. М., Правда. 1991.
3. **Градовский А.Д.** Сочинения. СПб., Наука. 2001.
4. **Фонвизин Д.И.** Избранное. М., 1983.
5. **Сперанский М.М.** Руководство к познанию законов. Под ред. И.Д. Осипова. СПб, Наука, 2002.
6. **Коркунов Н.М.** Лекции по общей теории права. Изд-е 8-е СПб., 1908
7. **Хомяков А.С.** О старом и новом. Статьи и очерки. М., Современник. 1988.
8. **Гоголь Н.В.** Духовная проза. М., Русская книга. 1992.
9. **Соловьев В.С.** Оправдание добра. Нравственная философия. Соч. в 2-х т. Т. 1. М., Мысль, 1990.
10. **Соловьев В.С.** Духовные основы жизни. СПб., Марс. 1995.

УДК 94(470)

О. К. Павлова

ИНОСТРАНЦЫ В ПЕТЕРБУРГЕ: БИЗНЕС И БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ. ИЗ ИСТОРИИ XIX – НАЧАЛА XX ВВ.

Среди петербургских предпринимателей заметную роль играли иностранные подданные. Некоторые из них считали себя русскими предпринимателями, приняли российское гражданство, православную веру и остались жить на веки в России, здесь жили их дети и внуки. Другие иностранцы приехали в Россию с целью сделать бизнес в богатой стране.

Со времени основания Петербурга Петр I систематически привлекал иностранцев к строительству и развитию города. Приемники Петра продолжали его политику. Иностранцам гарантировались различные привилегии, например, освобождение от воинской повинности и от уплаты налогов. Манифестами 60-х годов XVIII века Екатерина II сохраняла за иностранцами право на свою национальную веру, язык и уклад жизни, но при обязательном условии – принятии русского подданства. Относительно благоприятные условия, созданные российскими властями для иностранцев в XVIII веке, являлись одной из причин переселения представителей делового европейского мира в Россию. Молодой развивающийся Петербург был особенно привлекателен для частного иностранного бизнеса. Иностранцы стремились в Петербург, принимали активное участие в его строительстве, деловой и культурной жизни города. В 1888 году было введено правило, по которому некоторым иностранным обществам разрешалось

производить операции в России без особого разрешения императора. Законодательные акты 80–90-х годов XIX века изменили *правовой статус иностранных предпринимателей*, в результате чего иностранцы приобрели «почти полную свободу в занятиях торговлей и промышленностью в Российской империи» [1, с.21].

Среди российских предпринимателей XVIII–XX веков встречается много иностранных фамилий с русскими именами. Однако к началу XX века иностранцев-предпринимателей в Петербурге зафиксировано меньше, чем в Москве (соответственно 223 против 363). Их удельный вес среди плательщиков промыслового налога составлял соответственно 6,3 % и 7,1 %. Сокращение численности иностранных предпринимателей в столице объясняется рядом причин, в том числе условиями жесткой конкуренции, политикой правительства и определенной стабилизацией рыночных отношений. Иностранцы-предприниматели кроме своей основной деятельности вносили в жизнь столицы культуру и традиции, воспринятые ими на родине. В частности, это касалось призрения и благотворительности. Этот аспект их деятельности имел особые мотивации, так как вдали от родины многие испытывали трудности, и была важна поддержка соотечественников в чужой стране. Формы благотворительности иностранцев были разнообразны и традиционны для России – от личного участия предпринимателей в общероссийских государственных, общественных и частных благотворительных организациях до создания национальных благотворительных обществ и учреждений.

Характер деятельности иностранцев в России, формировавший финансовую базу иностранцев-благотворителей был многовариантным. Основная предпринимательская деятельность иностранцев в Петербурге заключалась, прежде всего, в содержании различных контор. Другим распространенным занятием иностранных граждан в Петербурге являлась торговля. В монографии Н.В. Юхневой, посвященной этническому составу и этносоциальной структуре

населения Петербурга, делаются выводы о том, что среди оптовиков, торговавших импортными товарами, главным образом были иностранцы, они составляли около 8 % всех оптовых торговцев. Продуктами сельскохозяйственного происхождения торговали в основном русские крестьяне, а промышленными товарами российского происхождения – российские купцы и представители других сословий, различных национальностей, но с преобладанием русских. По данным Н.В. Юхневой, подавляющее число лавок также принадлежало преимущественно русским (свыше 82 %), при этом доля русских торговцев одеждой «снижалась на двух полюсах: лучшие магазины в центре города принадлежали иностранцам (немцам и французам), а на другом полюсе лавки поношенной одежды в большом числе содержались евреями» [2]. Представляют интерес и другие выводы, сделанные на основании исследований Н.В. Юхневой. Автор выделила в Петербурге три социально-бытовые зоны: благоустроенный аристократический центр (Адмиралтейская часть, 1 и 3 участки Казанской и 1 участок Спасской частей, Литейная часть, 1 участок Васильевской части и 1 участок Коломенской части), торгово-ремесленные районы (3–4 участки Спасской части, 2 участок Казанской части, 1–3 участки Московской части) и окраины [3]. Таким образом, большинство торговых предприятий иностранцев (свыше ¾) находились в зоне административного, культурного и торгового центра, что свидетельствует об их благополучном бизнесе. Известно, что начиная с конца XVIII в. магазины, появившиеся в этих местах, были предназначены для удовлетворения потребностей социальной верхушки общества. Описание «аристократической» части Петербурга приведено в путеводителе, изданном в 1874 году: «Невский проспект до Аничкова моста, обе Морские, Конюшенные, Казанская улица, можно сказать, положительно в руках иностранцев, так как здесь сосредотачивается вся торговля – так называемая «магазинная» – иностранными товарами» [4]. Следовательно, иностранцы-предприниматели ориентировались в своей деятельности

на удовлетворение потребностей состоятельной и элитной части петербургского общества.

По данным М.К. Шацило, в аристократическом центре находилось 66 торговых заведений иностранных подданных. Среди них немецким предпринимателям принадлежало 26 торговых заведений, французским – 19, австрийским – 9, английским – 2, швейцарским и шведским – по 3, остальные – представителям других национальностей. Для сравнения в торгово-промышленной части немецким предпринимателям принадлежало 6 предприятий, а на окраине – 2. Французы имели в торгово-промышленной части только 2 заведения и ни одного на окраине [5]. Ориентация на зажиточных и богатых клиентов обеспечивала высокий доход иностранным предпринимателям.

Этнограф-исследователь И.Б. Котляр получил сведения о 16 тыс. человек, в том числе о 4 тысячах плательщиков промыслового налога и 12 тыс. членов их семей. В соответствии с этими сведениями автор отмечает, что: *тремя крупнейшими этническими группам* петербургского предпринимательства были русские (более 13 тыс. чел.), немцы (около 1 тысячи), евреи (1100–1200 чел.). К представителям других этнических групп относились англичане, поляки, французы, шведы, итальянцы (по 10–30 человек), бельгийцы, болгары, голландцы, испанцы, латыши, татары, чехи, швейцарцы (менее 10 чел.) [6]. Среди владельцев промышленных предприятий доля *иностранцев-предпринимателей* была относительно незначительной – примерно 3,3 % (среди единоличных владельцев Европейской России). Иностранные фабриканты в основном являлись владельцами крупных промышленных предприятий: «процент крупных и крупнейших заведений, принадлежащих данной группе, более чем в два раза превышает средний показатель (29,7 % против 14,4 %), однако владельцев мелких предприятий почти в два раза меньше (15,8 % против 27,8 %)» [7].

Среди *иностранцев-промышленников* преобладали граждане Германии (212 предприятие), далее следовали австрийцы (41 предприятие), англичане (37), французы (29), швейцарцы (16), турки

(12), греки (8), прочие (19 предприятий). Представители западных государств в большей степени тяготели к Петербургу и Москве, где проживало свыше 40 % представителей Франции и Великобритании, свыше 1/3 выходцев из других промышленно развитых стран [8].

Многовековые деловые и культурные традиции связывали Россию и Германию, способствовали интеграции немцев в русскую среду. В Петербурге жили немецкие предприниматели Вогау, Р. Дизель, Крупп, К. Сименс, Штиглицы, Юнкеры и другие. Часть урожденных немецких предпринимателей успешно работала и развивалась на российской почве, «пускала корни», нередко принимая российское гражданство. В России вышли замуж за русских подданных дочери промышленника К. Сименса. Выдающимся российским банкиром, директором Петербургского Международного коммерческого банка был А.Ю. Ротштейн, родившийся в 1856 году в Берлине и в 26-летнем возрасте приехавший в Россию. А.Ю. Ротштейн стал соратником министра финансов России С.Ю. Витте и сыграл важную роль в проведении денежной реформы в конце XIX века.

Традиционной сферой прямых германских инвестиций была российская электропромышленность и электрический транспорт. Немецкие фирмы действовали и в других отраслях российской промышленности. Под большим влиянием немецкого капитала находился русский химический рынок. Фирма «Фридрих Байер и K^0» активно действовала в России, в конце XIX века фирма создала собственное представительство в Петербурге. В 1819 году немец И.В. Юнкер учредил Торговый дом под фирмой «И.В. Юнкер и K^0». В 1824 году И.В. Юнкер принял участниками Торгового дома своих братьев: Федора, Адольфа и Льва Юнкеров, а позднее и других. Таким образом, из Торгового дома возник «Банкирский дом И.В. Юнкер и K^0» в Санкт-Петербурге.

Немецкие петербуржцы преуспели и в издательском деле. Первая частная типография, открытая в Петербурге при Екатерине II, принадлежала немцу И.М. Гартунгу. Другая большая петербургская

частная типография принадлежала немцу И.К. Шнору, и размещалась в одном из домов Лютеранской церкви на Невском проспекте. Крупнейшим издателем второй половины XIX века был сын немецкого фабриканта А. Маркс, являвшийся «генералом в издательской армии» Петербурга. Типография А. Маркса издавала книги по различным отраслям знаний, с 1867 году выпускала журнал для семейного чтения «Нива» с бесплатными приложениями в виде картин, календарей и т. п. Тираж «Нивы» был очень высок, составлял 250 тыс. экземпляров.

Глава фортепьянной фабрики «Шредер» (возникла в 1818 году). На построенной им большой фабрике впервые в фортепьянном производстве использовалась сила пара. Полученная прибыль от усовершенствованного производства создавала финансовую базу благотворительности. Рояли фирмы «Шредер» были неоднократно удостоены высоких наград на международных выставках. Фирма имела роскошный магазин на Невском проспекте. Кроме этого, К.И. Шредер как активный благотворитель состоял почетным членом и членом хозяйственного комитета Покровской общины сестер милосердия. Он являлся почетным членом совета Дома призрения и ремесленного образования бедных детей. За успехи на деловом и благотворительном поприще К.И. Шредер был удостоен орденов Св. Станислава, Св. Анны 3-й степени и Св. Владимира 3-й степени.

Основатель питерской династии Кенингов – И.Г. Кенинг был булочником, его сын стал богатым сахарозаводчиком, известный под фирмой «Zucker Koenig» («сахарный король»), внук основателя династии являлся владельцем крупной бумагопрядильни «Л. Кенинг – младший». Л.Л. Кенинг проявлял известную заботу о своих рабочих, на его предприятии не использовался детский труд, имелись недорогое жилье для рабочих и бесплатная читальня, а также вечерняя школа, больница. Кроме того, Л.Л. Кенинг являлся учредителем Нарвского училища Императорского русского технического общества, где бесплатно обучались дети рабочих его предприятия. По оценкам того времени данная деятельность рассматривалась как благотворительная.

Однако, подобную заботу в полной мере нельзя рассматривать как благотворительную деятельность, ибо владелец получал больше прибыли при хороших условиях работы его служащих. Все названные компоненты скорее свидетельствуют о том, что предприятие Л.Л. Кенинга было передовым для своего времени.

Среди наиболее крупных предприятий, принадлежавших немцам в Петербурге на рубеже XIX и XX веков можно отметить машиностроительный завод «Г.А. Лесснер», табачную фабрику «Лаферм», художественно-строительный завод «Карл Винклер», трикотажную фабрику «В.П. Керстен» и другие, которые создавали финансовую базу для немецкой благотворительности в Петербурге.

Кроме крупных немцев-бизнесменов в Петербурге проживали представители мелкого бизнеса, финансовый капитал и выпускаемая ими продукция, также создавали базу для благотворительности. Хорошо были известны в Петербурге немецкие хлебопекарни. На Караванной улице располагался магазин Гесселя – «Сладкое царство». Как отмечает А.Н. Чеснокова: «Немцы не только усовершенствовали технологию хлебопечения. Изобрели тестомесилку, но и обогатили русский язык словом «крендель» (от немецкого «Krengel»), изображение которого стало символом булочной …» [9].

Немецкий капитал активно проникал в промышленную и финансовую сферы Петербурга, распространялся и на благотворительные мероприятия. Банкиры Л. Штиглиц и его сын А.Л. Штиглиц были известны в финансово-промышленной сфере. Часть своего огромного состояния А.Л. Штиглиц вложил в создание лучшего в стране художественно-промышленного училища и одного из богатейших в мире музеев прикладного искусства, что являлось проявлением благотворительности в образовательной и культурной сферах. В конце XIX века в России активно действовали «Дойче» и «Дрезднер» банки. В Петербурге заметное место имел «Юнкер и K^0» банк, ставший в начале XX века одним из крупнейших акционерных банков России. На улицах столицы имелись многочисленные вывески

на немецком языке, что свидетельствовало о большом количестве торговых точек, принадлежавших немецким купцам. На Невском проспекте располагались модные магазины, называвшиеся «Нюренбергскими лавками». В основном немецкие купцы в Петербурге занимались оптовой торговлей. Таким образом, немецкие предприниматели, составляя значительную и наиболее состоятельную часть немецкой диаспоры в Петербурге, являлись финансовой опорой благотворительности и призрения немцев в столице.

Среди иностранцев следующее по численности место в Петербурге занимала шведская диаспора, в числе которой были знаменитые петербургские шведы Нобели. Кроме активной деятельности в области машиностроения и нефтепереработки, Нобели внесли заметный вклад в дело благотворительности. В ЦГИА Санкт-Петербурга сохранились журналы заседания Совета «Санкт-Петербургского общества изыскания средств для технического образования женщин». В журнале за № 7 (1905 г.) указывалось, что на заседании общества, во втором вопросе было заслушано письмо М.Л. Нобель к Олейниковой о поступлении в пользу учреждения женского технического института следующих пожертвований: «От Рольфа Людвиговича Нобеля 2.000 р., от Эмилия Людвиговича Нобеля 2.000 р., от Густова Людвиговича Нобеля 2.000 р., от Марты Людвиговны Нобель-Олейниковой 1.000 р.». Совет общества выражал искреннюю благодарность семье Нобелей за оказанную поддержку [10]. Многочисленные просьбы об оказании помощи поступали в адрес Эммануила Людвиговича Нобеля. Только в 1909 году к нему обратились с просьбами о материальной поддержке благотворительные организации и общества: «Комитет по сооружению храма в память моряков, погибших в войну с Японией», «Общество попечения о бедных и больных детях, состоящих под покровительством великой княгини Елизаветы Маврикиевны», «Общество попечения о бедных и больных детях «Братские ясли», «Братство во имя Серафима Саровского», «Попечительное общество

о трудовых приютах», «Сампсоновское благотворительное общество». «Общество содействия нравственному, умственному и физическому развитию молодых людей «Маяк», находившееся под покровительством принца А.П. Ольденбургского, сообщало о решении общего собрания, согласно которому Э.Л. Нобель был утвержден почетным попечителем общества [11]. Список просителей может быть продолжен. Однако трудно предположить, что даже столь состоятельный предприниматель как Э.Л. Нобель, мог удовлетворить просьбы всех просящих.

Третье место по численности занимала французская диаспора**.** Французы в Петербурге составляли в начале XIX века около четырех тысяч человек. На рубеже XIX и XX веков французская колония в Петербурге насчитывала около 3700 человек (от 0,5 до 0,2 % от всего населения столицы) [12]. Влияние Франции и французов на жизнь северной столицы всегда было велико. Достаточно вспомнить, что в интеллектуальных кругах Петербурга XIX века было модно говорить на французском языке, блистать знаниями французской литературы. Однако следует отметить, что к концу XIX в. французское население Петербурга было неоднородно. Меньшинство составляли подданные Франции. Значительную часть французов, принявших российское подданство, составляли ремесленники, в большей степени, сохранявшие свои национальные традиции, язык, культуру. В Петербурге славились французские портные, модистки, повара, парикмахеры. Среди французов было немало владельцев ресторанов, модных магазинов. Французские рестораны считались самыми модными и посещаемыми. Большинство из них находилось в центре города. Центр города пестрил рекламой французских товаров. Традиционно профиль французских магазинов не менялся десятилетиями, они в основном торговали парфюмерией, галантереей, готовыми платьями, ювелирными и кондитерскими изделиями. Производство изделий широкого потребления составляли основу малого бизнеса в Петербурге. Французы оставили заметный след в развитии промышленности

северной столицы. В XIX в. в Петербурге была знаменита промышленная фирма по производству и по отливке памятников «Морана А. Преемники». Фабрика Ф. Шопена занималась изготовлением предметов мелкой пластики, выполняла заказы царской семьи. Шопен имел свой магазин на Большой Морской улице. Наиболее значительным предприятием тяжелой промышленности был Франко-русский машиностроительный завод (основанный в 1881 г.), выпускавший судовые машины. Это было крупное машиностроительное предприятие, по объему производства и количеству рабочих оно могло сравниться с Путиловским и Металлическим заводами.

Немалую активность проявляли французские банки, особенно выделялись «Париба» и «Сосьете Женераль» банки, парижский банк «Лионский кредит», его агентство размещалось с 1879 года в здании Пассажа, главным назначением банка было размещение займов царского правительства во Франции. В 1885 году проживающий в Санкт-Петербурге парижский банкир Г.Е. Госкьэ пожертвовал в пользу бедных жителей столицы 1.500 рублей. Городская дума на своем заседании в декабре 1885 года постановила: «с благодарностью принять пожертвования, предоставить эту сумму в распоряжение исполнительной комиссии общественного здравия с целью обращения их в помощь бедным больным жителям. Общая сумма, пожертвованная парижским банкиром, составляла 2.000 рублей, из них, по решению доверенного лица банкира, 500 рублей были употреблены в пользу иностранных благотворительных обществ» [13].

Давним партнером России в торгово-промышленных и банковских делах была Англия. Проникновение английских предпринимателей в Россию началась в средние века. Тесными были связи англичан с Петербургом. К середине XIX века британская колония в Петербурге насчитывала около 2500 человек и сохранилась практически неизменной до Первой мировой войны [14]. Англичане также вносили в Петербург свои национальные традиции. В 1770 году

в Петербурге было создано Английское собрание. Ранее возникли Английская церковь, Английский клуб и Английский магазин. Английское собрание или «Английский клуб» были основаны британским предпринимателем Ф. Гарнером как место общения и поддержки соотечественников. В 1784 году купец Дж. Пикерсгиль открыл на Английской набережной первую в Петербурге «Английскую лавку», где продавались новомодные товары самых известных английских фирм.

Англичане занимали немаловажное место в промышленности Петербурга XVIII и XIX веков. В этот период в промышленном мире Петербурга было хорошо известно имя Ч. Берда, прибывшего в Петербург еще при Екатерине II. Он создал в 1792 году в Петербурге литейный завод, на его заводе в 1815 году был построен первый русский пароход «Елизавета». Владея передовыми технологиями в области текстильной промышленности, англичане проявили активность в этой отрасли. В начале XVIII века англичане Чемберлен и Козенс учредили первую в Петербурге ситцевую фабрику. Британцы участвовали в создании крупнейших частных бумагопрядильных мануфактур – Русской и Невской. Позднее английские купцы А. Форсман и Ф. Гольцгауэр открыли еще одну бумагопрядильную фабрику – Охтинскую. В начале XIX века английский дом «Джон Хаббард и K^0» занимал видное место в торговле текстильными товарами между Россией и Англией через Балтийское море. Первоначально деятельность Хаббордов в России ограничивалась лишь торговыми операциями. Но с середины XIX века они активно включились в развитие текстильного производства. В 1843 году в Петербурге Арчибальдом Мерилизом-старшим была создана торговая фирма «Мюр и Мерлиз» для «оптовой импортной торговли бумажными нитками, кружевом и другими товарами британского производства» [15]. В 1889 году правление фирмы «Мюр и Мерлиз» зарегистрировало в Петербурге независимую торговую компанию под названием «Оборот» [16]. Эта фирма часто встречалась

в списках благотворительных организаций. Большая часть английского капитала текстильной промышленности были вложены в предприятия, находившиеся в Петербурге и прилегающих районов [17].

Крупнейшим производителем ниток в России была компания Каутсов, которым на рубеже веков удалось быстрыми темпами осуществить строительство ниточной мануфактуры. Затем они укрепили свои позиции приобретением ряда крупнейших ниточных фабрик в России – компании Невской ниточной мануфактуры, Невской бумагопрядильной мануфактуры и других. Среди английских фабрик в Петербурге была известна фабрика шерстяных изделий Торнтона. Ее особенность была в том, что англичанами на этой фабрики были не только ее основатель и владелец, но и управляющий, а также весь технический персонал. Сырье и оборудование для фабрики доставлялось из Англии. Сукна фабрики славились качеством на всю Россию. В Гостином дворе А.П. Торнтон имел свой шикарный магазин.

На финансовом рынке России весьма заметна была роль *Русско-Английского банка*, сыгравшего большое значение в становлении Русской Кредитной и Финансовой Компаний. Английская колония в Петербурге до первой мировой войны составляла примерно 0,2–0,3 % от общего числа населения города.

В последнее десятилетие XIX в. возросло число заводов и фабрик, принадлежащих гражданам Австро-Венгрии, Бельгии, США, Дании и др. В 80-х годах XIX в. в Российской империи начала торговлю американская компания по производству швейных машинок «Зингер».

Предпринимательская деятельность иностранных предпринимателей создавала условия для развития призрения и благотворительности. Практически все национальные диаспоры Петербурга имели свои благотворительные общества и организации, как правило, объединенные при церквях. Большинство обществ существовало за счет финансовой поддержки представителей торгово-промышленного сословия. Первые благотворительные

общества возникли в 1814 году – Швейцарское благотворительное общество в Петербурге, в 1820 году – Французское, а в 1842 г. – Германское, в 1864 г. – Итальянское благотворительные общества. Позднее, в 1881 году было создано Английское и в 1896 г. – Бельгийское благотворительные общества. Все благотворительные общества имели уставы, составленные по одному образцу и утвержденные на всех уровнях существовавшей власти России – от министра внутренних дел до градоначальника. Во всех уставах указывались цель создания общества, средства существования общества, формы отчетности, формы оказания помощи и т. д. Например, в уставе Финского благотворительного общества в параграфе первом указывалась цель создания общества: «… доставление средств к улучшению нравственного и материального состояния бедных финляндцев, проживающих в Петербурге» [18]. Устав данного общества был утвержден Министерством внутренних дел в 1882 году. Общество, как и другие благотворительные организации, выдавало пособия бедным финнам, неспособным прокормиться своим трудом, выдавало одежду и обувь ученикам училищ финского прихода. Общество поддерживало летнюю колонию для слабых детей финской школы, выдавало пособие двум детям для продолжения образования в Финляндии в виде стипендии от общества. В 1907 году Финское благотворительное общество состояло из двух почетных членов, 6 пожизненных членов и 89 действительных членов, уплативших годовой членский взнос в размере 3 и 2 рублей. Финансовый приход общества в 1909 году равнялся 1026 рублям 58 копейкам. Наибольшие статьи прихода формировали доходы от членских взносов – 224 рубля, от устраиваемых вечеров – 160 рублей. Добровольные пожертвования приносили 153 рубля, а пособия, выданные из канцелярии его величества – 100 рублей [19]. Таким образом, часть иностранных предпринимателей ориентировалась на удовлетворение потребностей отдельных национальностей.

В Петербурге имелись подобные благотворительные общества всех национальных групп с аналогичными уставами. Например, Латышское благотворительное общество, Мусульманское благотворительное общество и многие другие. Работа этих обществ и средства, на которые они существовали, были однотипны. Одной из статей доходов, кроме индивидуальных взносов и пожертвований, были чтения лекций, литературные вечера, лотереи. Так, в 1909 году Латышское благотворительное общество получило разрешение градоначальника на проведение в пользу общества «в присутствии полиции публичного доклада Э. Эзенталя «Некоторые типы из Латышской изящной литературы» на русском языке» [20].

Наряду с многочисленными национальными благотворительными организациями в Петербурге действовал Славянский благотворительный комитет. Он был основан в 1868 году как самостоятельное объединение для поддержки славянских народов, прибывших в Россию, и насчитывал 768 человек. Из своих рядов комитет избирал управление, секретаря, казначея, председателя и двух его заместителей, членов исполнительного присутствия и библиотекаря. Кроме того, комитет избирал из своей среды издательскую и редакционную комиссию, целью которой была подготовка и издание книг, по предметам славянской истории, этнографии и филологии. Основной капитал общества в 1870 году составлял 4.717 рублей, а 1874 году – 9.849 рублей. К этим суммам добавлялся годовой членский взнос в размере 5 рублей, попечительный совет вносил единовременно 100 рублей, сбор, получаемый от чтения лекций, проведенных вечеров, маскарадов, устроенных комитетом, и другие пожертвования. Осуществлялись и специальные сборы на конкретные цели, которые проводились по подписке. Например, на рассылку в русские села, изданных комитетом, словарей и других предметов было затрачено в 1870 году – 976 рублей, в 1871 году – 2.039 рублей, в 1872 году – 9.566 рублей [21]. Благотворительность Славянского комитета имели

различные варианты. Кроме традиционной выдачи пособий, приезжающим в Россию для получения образования славян (пособия выдавались как единовременные, так и в виде стипендий) и платы за обучение комитет оказывал поддержку в славянских землях православных церквей, школ, литературных обществ, научных учреждений, занимался рассылкой православных книг в русские села. Комитет выплачивал учащимся стипендию в размере 25 рублей ежемесячно. Комитет поддерживал свое финансовое положение за счет частных пожертвований. Самое значительное пожертвование в 1874 году поступило от Московской городской купеческой управы – 1000 рублей, 155 рублей – на женское Южно-славянское училище, на пособие обучающимся черногорцам – 200 рублей. Из министерства народного просвещения было отпущено на воспитание детей из южных славян 1.191 рублей 65 копеек [22]. Но эти средства вряд ли можно рассматривать как благотворительные. Направления благотворительной деятельности Славянского благотворительного комитета были различными. С этой точки зрения представляет интерес письмо И.А. Пеха, создателя фирмы «Смоляр и Пех», в Санкт-Петербургский славянский благотворительный комитет. В письме содержалась просьба: «… Фирма имеет в виду не денежную помощь, … но скорее нравственную… чтобы ученые, библиотеки учебные и ученые заведения и др. в славянских землях благоволили обратить свое внимание на мою фирму и посылали свои требования на книги, какого угодно знания и языка (не только славянского) в Германии или Австрии, не к немецким книжным торговцам, а ко мне [23].

В Петербурге действовало Мусульманское благотворительное общество. Его устав был утвержден в 1898 году, но после этого неоднократно менялся. Как и в уставах других национальных благотворительных обществ, в данном уставе записано: «Мусульманское благотворительное общество имеет целью вспомоществование и призрение беднейших слоев из мусульман, как в существующих богадельнях, так и находящихся в лечебницах, а

также содействовать беднейшим ученикам мусульманам к поступлению или довершению образования в средних и высших учебных заведениях» [24]. Помощь общества выражалась в доставлении одежды и продуктов питания, предоставлении квартиры и медицинской помощи, назначение «в исключительных случаях» денежных пособий, уплаты взносов за учение. В прошении правления Мусульманского благотворительного общества в Петербурге, представленного в 1906 году в Главное управление по делам местного хозяйства, указывалось на то, что в столице проживало примерно 12.000 душ магометанского населения, имеется только два приходских имама, которые помимо исполнения своих прямых обязанностей, занимались преподаванием основ религии в разных казенных и частных учебных заведениях. Правление просило разрешить для беднейших слоев населения иметь особого муллу-духовника [25]. Представляет интерес дополнение, сделанное обществом в 21 параграф Устава общества: «Ввиду увеличения средств общества, общее собрание нашло желательным установить, чтобы пособие учащимся в высших учебных заведениях выдавались бы не иначе, как с обязательством возвратить их по окончанию учения» [26]. В отчете Мусульманского благотворительного общества за десятый год его деятельности (1.03.1907 – 1.03.1908) доход общества определяется в сумме 5.784 рублей. В том числе общество имело процентные бумаги на сумму 16.400 рублей, из которых 15.200 рублей составляют неприкосновенный капитал, а 1.200 рублей – специальный капитал на устройство приюта. Членские взносы составили 410 рублей. Специальные пожертвования, к ним относились пожертвования от наследника Хана Хавинского – 100 рублей, на стипендии им. Д.С. Смольского – 23 рубля, от Ш. Сыртланова – 15 рублей и от других – 25 рублей. Небольшие доходы давал традиционный кружечный сбор – 58 рублей, а сбор с восточного вечера, организованного обществом, принес значительный доход в размере 2.799 рублей 48 копеек. Общая цифра

прихода общества за год равнялась 5.784 рублей. Основной расход был связан с выдачей пособий учащимся – 1.135 рублей 50 копеек, а 851 рублей 70 копеек было истрачено на наем и содержание помещения для правления общества и начальной школы при нем [27]. Таким образом, Мусульманское благотворительное общество значительные средства тратило на повышение образовательного уровня мусульман столицы. Материальная поддержка учащихся мусульман рассматривалась как одна из основных задач общества. За шесть лет общество израсходовало на эти цели около 29 % всего валового прихода, а на дела благотворения неимущим – около 15 % средств [28]. В составе Мусульманского общества были люди с разным социальным положением и достатком. Среди них были Э. Бухарский, его наследник, почетными попечителями являлись Х. Зейналь и А. Тагие – действительный статский советник, внесший в общество единовременное пожертвование в размере 10.000 рублей. Почетными членами общества были купец первой гильдии А. Шамса (единовременное пожертвование 500 р.), Байбеков Хаджи Хусеин – купец-домовладелец (единовременное пожертвование 300 рублей и билет Дворянского выигрышного займа), Максутов Мухаммед-Аким – петербургский купец и домовладелец, Хабибула Ялышев – купец (ежегодные пожертвования в размере 50 р.). Среди пожизненных членов общества числился купец А. Байрашев, единовременно пожертвовавший 100 рублей. Общество принимало пожертвования не только от частных лиц, но и от акционерных обществ, компаний и т. п. В 1908 году в списках приславших пожертвования на IX восточный вечер, устроенный обществом 2 февраля 1908 года, указывались «Торговый Дом Горфункель В.», «Петров и Лямин Торговый Дом», «Понизовский Г.С. Товарищество», «Хомяков А. и Финогенов А. Торговый Дом». В 1907–1908 годах состав общества насчитывал 103 членов, тогда как в 1898–1899 годах членов общества было – 125 человек [29]. В отчете общества отмечался существенный недостаток, которым страдали

практически все благотворительные организации и общества – отсутствие крупных поступлений от местного населения. Тем не менее, за 10 лет поступления в пользу общества выразились в размере 49.594 рублей 86 копеек [30]. Национальные благотворительные организации особое внимание уделяли образованию детей. Санкт-Петербургское Эстонское общество образования традиционно проводило в школах общества для детей сирот и детей из бедных семей без различия национальности общую елку. Но средств в обществе для проведения мероприятия не было. В декабре 1908 года Общество обратилось к Э.Л. Нобелю с просьбой оказания помощи в любых размерах и любом виде [31].

Иностранные подданные жители Петербурга в различных формах принимали участие в сфере призрения и благотворительности, включая личное участие. Распространенным видом благотворительности, иностранного купечества, как и российского, были духовные завещания. На основании этой традиции в 1884 году швейцарский гражданин активный предприниматель В.Е. Цолликофер по духовному завещанию передал 5 тысяч рублей Санкт-Петербургской управе в пользу городских училищ. На основании доклада городской управы и по решению Городской думы завещанный капитал был превращен в облигации Санкт-Петербургского кредитного общества. Проценты с этого капитала по усмотрению комиссии по заведыванию начальными городскими училищами распределялись на пособия бедным учащимся [32]

Личностная благотворительность иностранцев была характерна для представителей различных национальностей. Так, в связи с благотворительностью немцев – представителей делового мира Петербурга, необходимо отметить яркую личность в области благотворительности принца П.Г. Ольденбургского. На свои средства он основал в Петербурге училище правоведения, приют и общину сестер милосердия, женский институт. П.Г. Ольденбургский был инициатором создания первой женской гимназии, создал детскую

больницу, под покровительством принца находилось более 500 благотворительных учреждений в разных городах России.

Многие представители деловых кругов немецкой национальности, объединялись вокруг церкви. Примерно 90 % петербургских немцев были протестантами. В столице действовало около десяти немецких лютеранских храмов и Немецкая реформаторская церковь. Чаще всего именно церковь способствовала развитию благотворительности, через нее шел сбор средств, она проявляла инициативу для открытия того или иного благотворительного учреждения. В церковь приносили свои благотворительные взносы и пожертвования люди с разными материальными возможностями. При четырех немецких церквях имелись училища и школы, которые существовали за счет церковной (немецкой) общины. Наиболее знаменитой в Петербурге была Петришуле, располагавшаяся за Лютеранской церковью св. Петра (основана в 1709 г.), была известна частная гимназия Мая. Исследователи отмечают, что преподавание в немецких школах велось на двух языках, различий по национальному и религиозному принципу не было, что позволяет отметить межнациональную благотворительность немцев.

Как и другие диаспоры, французы центром своего национального объединения считали церковь – католический костел собор св. Екатерины на Невском проспекте. На Большой Конюшенной улице находилась Французская реформаторская церковь Апостола Павла. Основная благотворительная деятельность осуществлялась французами через эти храмы, здесь собирались значительные суммы денег. На эти средства Французская реформаторская церковь содержала свои учебно-воспитательные учреждения. В 1838 году был открыть пансион Шене для девушек мещанского сословия, несколько учебных заведений имелись при соборе св. Екатерины, среди них – две гимназии (мужская и женская). В конце XIX века был утвержден устав Римско-католического благотворительного общества при церкви Св. Екатерины, цель его создания определялась в

первом параграфе, как «вспомоществование лицам римско-католического вероисповедания, находящимся в Петербурге» [33]. Благотворительное Римско-католическое общество открыло приют для престарелых, детский интернат, «Комитет труда» в помощь ищущим работу. В Петербурге на Васильевском острове действовало крупное благотворительное общество с известной в городе Французской больницей Марии Магдалины. Это было передовое медицинское учреждение, имевшее в начале XX века родильное отделение, рентгеновский кабинет, амбулаторию и гидротерапевтический кабинет. Благотворительная деятельность в основном осуществлялась на добровольные пожертвования. Французское благотворительное общество содержало Дом для престарелых мужчин и женщин, помещавшийся в доме Общества вместе с другими заведениями. В нем призревалось 11 мужчин и 13 женщин. Рассчитана богадельня была на 29 человек. Здесь же существовало убежище для временно нуждающихся на 6 человек.

В Петербурге развивалась также национально ориентированная благотворительность, осуществлявшаяся через этнические объединения. Этнические группы, проживавшие в Петербурге, объединялись в различные союзы, общества, клубы, осуществляли призрение и благотворительность. Например, еще в XVIII веке возникло «Немецкое купеческое общество для балов». О благотворительности данного общества сведения не найдены, однако другие общества, объединявшие людей по роду их деятельности и по принадлежности к определенной национальной группе, оказывали поддержку хотя бы друг другу. В XIX веке в столице было известно общество «Пальме», созданное немецкими ремесленниками прибалтийского происхождения. Целью общества было оказание помощи в существовании своих собратьев по ремеслу и организации совместного отдыха. В 1843 году было учреждено Германское благотворительное общество для оказания помощи обедневшим и престарелым германским подданным. В столице находилась

богадельня Германского благотворительного общества на 30 человек, располагавшаяся в доме общества и содержавшаяся на его средства, а так же приют. Некоторые призреваемые в богадельне привлекались к шитью белья и другим работам, что рассматривалось как воспитательный момент привлечения к честному заработку. Общество выдавало нуждающимся людям денежные пособия, а при необходимости – паспорта [34].

Национальные благотворительные общества, как и российские, пытались получить от правительства некоторые привилегии за свою деятельность. В связи с этим, они обращались к правительству с просьбой об освобождении от пошлин и сборов. Например, Германское благотворительное общество в 1865 году ходатайствовало об освобождении от сборов и пошлин дома и магазина, принадлежавших обществу. Городская общая дума отказала в данной просьбе по причине отсутствия надзора со стороны городских властей за проводимой торговлей, что не исключало возможности торговли не только производимыми в обществе изделиями [35].

Подобные заведения имели и другие иностранные общества, например, убежище для уроженок из Швейцарии, приют для падших женщин лютеранского вероисповедания, состоявший в ведении особого Комитета Евангелического Магдалинского приюта при Евангелической больнице. Одним из старейших было Швейцарское благотворительное общество, основанное в Петербурге в 1814 году с целью оказания помощи проживающим и приезжающим в столицу соотечественникам. Общество оказывало в основном материальную поддержку, снабжало ссудами, помогало неимущим родителям воспитывать детей, содействовало воспитанию сирот. В конце XIX – начале XX века председателем правления общества был предприниматель С.С. Бехли, занимавшийся производством и торговлей галантерейных товаров. Все швейцарцы приглашались к содействию цели общества. Однако положение общества не всегда было благополучно. Годовой отчет общества за 1909 год

свидетельствует о неудачной деятельности, что объяснялось чрезвычайными расходами и сокращением поступлений от недвижимости. «Обыкновенные поступления составили 52.743 рубля 90 копеек против 53.264 рублей 93 копеек в 1908 году. Сумма членских взносов в сравнении с прошлым годом повысилась на 415 рублей. Это объясняется тем, что значительное число членов сдали свои взносы за 1908 год в текущем отчетном году. В настоящее время еще 32 члена не уплатили» [36]. В отчете сообщалось и об увеличении пожертвований с 22 рублей до 115 рублей, в то время как возврат ссуд не достиг высоты 1908 года. Общая сумма расходов в 1909 году составила 20.650 рублей 11 копеек, в том числе 10.703 рублей 61 копейка выплата пенсий, на воспитание детей пошло 4.225 рублей 15 копеек, пособия выплачены в размере 3.594 рублей 05 копеек и т. д. [37]. Таким образом, самые значительные суммы были выплачены с целью призрения детей и пожилых беспомощных людей. Швейцарская диаспора имела «Дом швейцарской колонии», в котором помещались в 1909 году 7 пансионерок и 1 кандидатка. При Доме имелось отделение для гувернанток, которое в отчетном году посетило 64 дамы. Дом швейцарской колонии отпускал обеды и ужины. Швейцарцы оказывали финансовую и имущественную благотворительную помощь своим обществам. Среди отмеченных жертвователей были купец 2-й гильдии и торговец аптекарскими товарами В. Бюлер, книгоиздатель А.Ф. Девриен и другие [38].

В Петербурге находились богадельня Р. Лингена, помещавшаяся в доме Эстонской церкви, частный приют баронессы Торнау для призрения выздоравливающих молодых девушек, предназначенный для вышедших из больниц девушек в возрасте от 15 до 25 лет.

Личностная благотворительность иностранцев-предпринимателей и благотворительность их фирм проявлялась через участие в деятельности российских благотворительных организациях. Так, членами благотворительного общества при Санкт-Петербургских городских богадельнях в 1902 году были подданные Мекленбурга

директор общества «Орион» П.П. Бекель и его жена А.Л. Бекель [39]. В списке жертвователей и членов Санкт-Петербургского благотворительного общества в начале 70-х годов XIX века были «Юнкер и K^0», Банкирский дом великобританского подданного «Мейер и K^0», фирма «Сименс и Гальске», «Штоль и Шмидт», а также барон Штиглиц и другие [40]. Среди действительных членов благотворительного общества при Санкт-Петербургском городском ломбарде в 1910 году был выходец из Германии владелец крупнейшей винно-торговой фирмы К.А. Бауер, его жена М.К. Бауер [41]. Подобных примеров достаточно много в списках благотворительных обществ.

Таким образом, благотворительная деятельность иностранцев-предпринимателей происходила в рамках законодательства России, на базе исторически сложившихся российских и национальных традиций. Эта деятельность существовала во многом за счет экономической поддержки представителей национальных деловых кругов. Формы благотворительной деятельности, источники финансирования и цели иностранцев во многом совпадали с традиционными формами для России. Имели место национальные и межнациональные ориентации в благотворительности. Национально ориентированные благотворительные организации оказывали помощь, как правило, представителям своей диаспоры.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Поткина И.В.** Законодательное регулирование предпринимательской деятельности иностранцев в России. 1861–1916 гг. // Иностранное предпринимательство и заграничные инвестиции в России: Очерки. – М.,1997.
2. **Юхнева Н.В.** Этнический состав и этносоциальная структура населения Петербурга. – Л.,1984. – С. 67.
3. Там же. – С.111–127.
4. **Михневич В.О.** Петербург весь на ладони. – СПб., 1874. – С. 266.
5. **Шацило М.К.** Иностранцы в составе российского предпринимательства // Иностранное предпринимательство и заграничные инвестиции в России: Очерки. – М.,1997. – С. 43.
6. **Котляр И.Б.** «Справочная книга о лицах С.-Петербургского купечества» как источник этнической антропонимики Петербурга // Этнические группы в городах Европейской части СССР. – М.,1987. – С.126–127.

7. Шацило М.К. Указ. Соч. – С. 48.
8. Там же. – С. 49.
9. Чеснокова А.Н. Иностранцы в Петербурге. Немцы, французы, британцы.1703–1917. – СПб., 2001. – С. 23.
10. ЦГИА СПБ. Ф.871. Оп.4. Д.3. Л.16.
11. ЦГИА СПб. Ф.1258.Оп.2.Д.236.Л.135,141–143, 169–170, 190, 395.
12. Чеснокова А.Н. Иностранцы в Петербурге. Немцы. Французы. Британцы 1703–1917. – СПб., 2001. – С. 43.
13. ЦГИА СПб. Ф.792. Оп.1. Д. 4164. Л. 3.
14. Чеснокова А.Н. Указ. Соч. – С. 109.
15. Питчер Х. Мюр и Мерилиз. Шотландцы в России. – М., 1993. – С. 43.
16. Указатель действовавших в империи акционерных предприятий / Под ред. В.А. Дмитриева-Мамонова. СПб., 1903. – С. 1350.
17. Лаверычев В.Я. Монополистический капитализм в текстильной промышленности России. – М., 1963. – С. 22.
18. ЦГИА СПб. Ф.569.ОП.13.Д.46. С.1.
19. Там же. – Л. 46.
20. ЦГИА СПб. Ф.569. Оп. 13. д.140. С. 57.
21. ЦГИА СПб. Ф.400. Оп. 1. Д. 12. Л. 121–122.
22. Там же. – Л. 123–125.
23. ЦГИА СПб. Ф.400. Оп. 1.Д.12. Л.61.
24. ЦГИА СПб. Ф.569. Оп. 20. Д.336. Л.1.
25. Там же. – Л.5.
26. ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп.20. Д.336. Л. 5 об.
27. Там же. – Л. 3–4.
28. Там же. – Л. 35.
29. ЦГИА СПб. Ф.569. Оп.20. Д.336. Л. 5,7, 15, 17, 19, 24, 32.
30. Там же. – Л. 40.
31. ЦГИА СПб. Ф.1258. Оп.2. Д.236. Л.220.
32. ЦГИА СПб. Ф792. Оп. 1. Д.3878. Л.1–1об.
33. Устав Римско-Католического благотворительного Общества при Санкт-Петербургской церкви Св. Екатерины. – СПб., 1899. – С. 2.
34. ЦГИА СПБ. Ф. 792. Оп.1. Д.620. Л. 10.
35. Там же. – Л. 4, 35, 35 об.
36. ЦГИА СПб. Ф.287. Оп.1. Д.100. Л. 18-20.
37. Там же. – Л.21
38. Там же. – Л. 22,26.
39. Отчет благотворительного общества при Санкт-Петербургских градских богадельнях за 1902-1903 г. СПб., 1904. – С. 9.
40. Список жертвователей и членов Санкт-Петербургского Благотворительного общества. – СПб., 1871. – С. 3–5.
41. Отчет о деятельности Благотворительного общества при Санкт-Петербургском Городском Ломбарде за 1910 и 1911 г. – СПб., 1912. – С. 29.

УДК 341.1

С. Н. Погодин

ФЕННОМАНИЯ И ПРОЦЕСС СТАНОВЛЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XIX ВЕКЕ [1]

Становление национального сознания в России стало результатом столкновения с западноевропейской культурой, активное воздействие которой началось в XVIII в. Не случайно XVIII столетие часто называют периодом ученичества, временем заимствования западноевропейской культуры. Однако в последней трети этого столетия в России начинает нарастать критика европеизма, постепенно приведшая к явлению, получившему название «просвещенного национализма» [1; 2, с. 103–104; 3, с. 18–21].

Результатом этой критики стало формирование национального сознания и становление русской национальной культуры. Широкое осмысление, в том числе философское, этого факта приходится уже на XIX в. Оно связано с деятельностью кружка славянофилов. Во многом славянофилы были порождением эпохи романтизма, сопровождавшейся интересом к народной культуре, литературе, искусству и т. п. В то же время славянофилы не предлагали какой-либо определенной национальной программы, были лишены идеи национальной исключительности [4, с. 177]. Эта особенность русского национального сознания привела к тому, что XIX в. стал временем формирования национального сознания и других народов, входящих в состав Российской империи. Показателен в этом

[1] Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант № 15-03-00224).

отношении процесс формирования финского национального сознания, направление и формы которого во многом были вызваны особенностями развития русского национального сознания. Иными словами, процесс формирования финского национального сознания шел не вопреки аналогичному процессу в русском народе, а принимал близкие формы, часто проходил в условиях даже более благоприятных (в частности, имел и определенное политическое выражение). Стоит заметить, что сформулированный славянофилами идеальный принцип соотношения народа и государства – «один народ – одно государство» – полностью находил подтверждение в политики российского государства в отношении финской народности. По словам признанного последователя славянофильского учения Н.Я. Данилевского, «*всякая народность имеет право на самостоятельное существование в той именно мере, в какой сама его сознает и имеет на него притязание*» [5, с. 20]. Таким притязанием, безусловно, является развитое национальное сознание. «Финское племя, – продолжает Н.Я. Данилевский, – населяющее Финляндию, подобно всем прочим финским племенам, рассеянным по пространству России, никогда не жило исторической жизнью» [5, с. 22]. Лишь после вхождения в состав русского государства началось формирование финской политической нации, политическое воспитание финского народа и его национального сознания. «И действительно, – заключает Н.Я. Данилевский, – только со времени присоединения Финляндии к России начала пробуждаться финская народность и достигла, наконец, того, что за языком ее могла быть признана равноправность со шведским в отношении университетского образования, администрации и даже прений в сейме. Сделанное Россией для финской национальности будет, без сомнения, оценено беспристрастными людьми; во враждебном лагере, конечно, возбуждает оно ока только негодование, доходящее иногда до смешного. В мою бытность в Норвегии меня серьезно уверял один швед, что русское правительство из вражды к Швеции искусственно вызывало финскую национальность

и сочинило, с этой именно целью, эпическую поэму Калевалу. Удивительное правительство, которое, по отзывам поляков, указами создает русский язык и научает ему своих монгольских подданных, а, по отзывам шведов, сочиняет народные эпосы!» [5, с. 22–23]. Основу политики российского государства на территории Финляндии составляло создание национальной интеллигенции, поддержка национальной культуры, прежде всего, языка и литературы. Хотя, конечно, в реальности этот процесс не был лишен противоречий. Результатом этой политики стало явление, получившее название **фенномания.** Можно сказать, что как первые ростки русского национального сознания стали результатом взаимодействия с «чужой» (в данном случае западноевропейской) культурой, так и финское национальное сознание было результатом взаимодействия с русской культурой, но во многом воспроизводило формы русской культуры.

Фенномания – это национальное движение финнов, зародившееся в первой половине XIX века, и ставшее впоследствии политической борьбой за автономию Финляндии [6, с. 177]. Первоначально это движение приняло литературно-научное направление. Во главе его стояли профессор Йохан Вильгельм Снелльман (1806–1881), поэт Йо́хан Лю́двиг Ру́неберг (1804–1877), собиратель «Калевалы» Элиас Лённрот (1802–1884). Идейным руководителем был историк и журналист Й.В. Снелльман. Национальный вопрос был ключевым в его мировоззрении. Он выступал за национализм с народными корнями, за развитие финской государственности на основе языкового единства народа, ему принадлежит известный фенноманский лозунг «Один народ, один язык» [7, с. 120].

Для расширения прав автономии и пробуждения национального самосознания, по мнению Й.В. Снелльмана, недостаточно было только финского языка и грамотности населения. Необходимо просвещать народ, сделать основой нации интеллигенцию, а финский язык государственным. Эта позиция первоначально вызвала большие дебаты в финском обществе. Большая часть общества, признавала

необходимость перехода страны на финский язык, но не в тот момент, а в будущем.

В 20-е годы XIX века в Великом княжестве Финляндском еще не было предпосылок для широкого национального пробуждения и это было связано с положением гласности в Российской империи. По законам того времени, только чиновники имели право выражать общественное мнение. Гражданскую общественную деятельность, правительство держало под строгим контролем. По всей территории Империи действовали цензурные ограничения, которые обеспечивали политическую безопасность государства [8].

В 1829 году в Великом княжестве Финляндском был введен собственный цензурный устав [7, с. 120]. Появление этого устава было связано с опасениями Российского правительства, о проникновении в страну идей европейского либерализма. Европейские идеи, соединенные с национализмом, могли вызвать повстанческие движения на западных окраинах Империи.

Экономическое развитие Великого княжества Финляндского в 30–40 годы в XIX веке, привело к росту образованности населения. В результате кропотливой работы по развитию финского языка и литературы, началось пробуждение национального самосознания широких кругов народа. Особою роль в этом сыграла публицистика Й.В. Снелльмана и издаваемая и редактируемая им с 1844 года газета «Сайма» [6, с. 179]. Главную цель, которую ставила издание – это адаптация идей «Учения о государстве» к финским условиям. Исходя из сложной политической ситуации в стране, эти идеи подавались в полемическом ключе. Публицист широко использовал в газете материалы дебатов, которые велись вокруг национальной идеи у чехов и венгров, применяя их к Финляндии.

На страницах «Саймы» Й.В. Снелльман подробно излагал свои общественно-политические взгляды. Он считал, что нации имею право на существование, если они реализуют свое национальное историческое предназначение. В этой связи Финляндия должна занять

достойное место во всемирной истории благодаря своей культуре. Нация, по мнению редактора, должна подавлять усвоение элементов других культур, а для формирования устойчивости к влиянию извне необходимо укреплять национальный дух.

Основной формой формирования национального духа нации, по Й.В. Снелльману должна быть национальная литература, написанная на финском языке. Данная программа национального возрождения устраивала не всех. В Великом княжестве Финляндском большая часть финской интеллигенции была шведоязычной, и она не готова была полностью принять финский язык как главный язык княжества. По мнению же публициста, им нужно было сменить язык, для того, чтобы стать частью финской нации и с помощью просвещения широких слоев претворить в жизнь идею о равноправии финского и шведского языков.

С лета 1845 года генерал-губернатор Великого княжества Финляндского князь А.С. Меншиков начал внимательно следить за статьями, публикуемыми в газете «Сайма». Проанализировав большую часть статей написанных Й.В. Снелльманом, он указал публицисту, что с предложениями, затрагивающими улучшения в общественной жизни Великого княжества Финляндского, следует обращаться непосредственно к властям, а не вызывать публичное недовольство «нынешним положением страны». Весной 1846 года у газеты появился очень пристальный, строгий чиновник из отдела цензуры. Чиновника не устраивал резкий и саркастический тон статей Й.В. Снелльмана, по вопросам внутренней политики Великого княжества Финляндского. Многие статьи главного редактора подрывали авторитет российских чиновников в национальном вопросе.

Весной 1846 года резко обострилась политическая ситуация в Европе. Она была вызвана подъемом националистических настроений в Германии и в Шлезвиг-Гольштейне. Этот подъем напрямую затронул и национальный вопрос в Российской Империи. В Великом княжестве Финляндском резко ужесточилась цензура. Газета «Сайма»

была обвинена российским правительство в пагубном влиянии на молодое поколение финнов. В конце 1846 года Сенат Великого княжества Финляндского отменил разрешение на издательство «Саймы». Закрытие газеты «Сайма» не остановила Й.В. Снелльмана от продолжения пропаганды национальных идей, языка и культуры Финляндии. В начале 1847 года он получил возможность распространять свои взгляды в ежемесячном журнале «Литтературблад» («Литературный листок для всеобщего гражданского просвещения»).

Новый подъем национальных движений в Европе, вызванный революциями 1848 года, напрямую отразился на финском национальном движении. Российские власти заподозрили это движение, без основания, в демагогических устремлениях, начался процесс его преследования. В 1848 году было запрещено издавать книги на финском языке, исключение было сделано только для книг религиозного и сельскохозяйственного содержания [9, с. 54]. Надо заметить, что цензурным запретам в это время подвергались не только финские издания, но и, например, издававшиеся московскими славянофилами сборники. Подобного рода запреты были характерной чертой николаевского царствования.

Фенноманы первой половины XIX века ничего не требовали, кроме мирных реформ в рамках существующего в Великом княжестве Финляндском политического строя. Такая умеренность требований объясняется еще слабостью национального движения. Одновременно фенноманы понимали, что правительство Российской Империи никогда не допустит расширения национального финского движения и его либерализации.

Лидеры движения национального возрождения не видели альтернативы лояльности царской России. Поэтому отношения их с российским самодержавием носили компромиссный характер. Российское правительство запрещало студентам Александровского университета петь «Марсельезу», гимн победившей французской

революции, но одновременно поощряла исполнение глубоко патриотического гимна «Наш край» [10].

Издание «Калевалы» вызвало большой интерес финнов к родной истории, языку и фольклору. Российские власти одобрили публикацию и видели в ней попытку финнов выяснить свою собственную уникальность. Несмотря на цензурные ограничения, российское самодержавие оставляло финнам возможность для языковых и фольклорных исканий, для развития национальной литературы.

Подобная политика российских властей была обусловлена желанием ликвидировать шведское влияние в своих Северо-Западных владениях. Эта политика привела к тому, что финское национальное движение, поначалу полностью зависевшее от изменений в политике России по отношению к Финляндии, к 60-м годам XIX века выросло в значительную общественно-политическую силу. Этот факт, несомненно, способствовал развитию финского национального самосознания, формирование которого происходило в полном соответствии с идеями Й.В. Снелльмана. Благодаря открытию самобытной финской культуры широким массам финнов и формированию литературного финского языка все больше финнов стало задумываться о положении своей страны и не только ее национальной, но и политической идентичности. При этом надо заметить, что распространение финского литературного языка было вполне понятным явлением и не вызывало того отторжения и споров, какие, например, были связаны с попытками создании украинского литературного языка [11].

Поражение России в Крымской войне, оказало существенное влияние на Великое княжество Финляндское. Война ослабила положение царской России и одновременно упрочила позиции Великобритании и Франции, она заложила предпосылки ориентации Финляндии в вопросах экономики, политики, культуры на страны Западной Европы.

В конце 50-х годов XIX века возродился процесс борьбы за автономные права финского народа, за созыв Сейма и ликвидацию ряда феодальных институтов. Для сохранения своего влияния на Великое княжество Финляндское, царская Россия предполагала оживить экономику, торговлю и начать подготовку и проведения социально-экономических и политических реформ в крае. В сфере экономики ставилась задача добиться сбалансированного товарооборота между Россией и Великим княжеством Финляндским, улучшить состояние транспортной сети.

Реализация в жизнь подобных реформ требовала дополнительного финансирования и обновления законодательства Великого княжества Финляндского. По существующему законодательству, изменения не возможно было сделать без созыва Сейма [12]. Наученный горьким опытом реформ в Польше, Александр II старался создать в Великом княжестве Финляндском либеральную атмосферу, ослабить цензуру.

В 1863 году в Великом княжестве Финляндском был созван Сейм, это окончательно доказывало особое привилегированное положении автономии. Законы, принимаемые для Великого княжества Финляндского, должны были одобряться Сеймом. Финские войска получили особый статус, из финнов были организованы собственные подразделения, которые не могли находиться за пределами Великого княжества Финляндского. Автономия получила свою денежную единицу – финскую марку, что существенно облегчило ее торговлю с Западной Европой [9, с. 44].

Были проведены реформы в области национальной культуры и расширены права финского языка, созданы финские школы. Стали издаваться новые газеты и журналы, был основан профессиональный финский театр [13].

Созыв Сейма повлиял на развитие гражданского общества в автономии. Финны начали воспринимать свою страну не как часть Российской империи, а как отдельное государство.

На основе всего выше сказанного, можно сделать вывод, что в первой половине XIX века были заложены основы самостоятельности Великого княжества Финляндского. Александр I дал соответствующие гарантии и выстроил систему управления автономией. Правление Николая I для Финляндии характеризовалось с одной стороны формальным сохранением атрибутов автономии, с другой усилением цензуры и контроля над управлением. В царствование либерального Александра II Великое княжество Финляндское получило действующий парламент, собственные вооруженные силы.

Однако Финляндия оставалась в достаточной зависимости от Российской империи и все решения по организации власти, принятию законов в автономии полностью зависели от воли Российского императора. С другой стороны финские органы управления, правовые обычаи и издание законов защищали Великое княжество Финляндское от авторитарности российских властей.

Главным результатом XIX века стал быстрый политический рост, возникновение демократических сил, которые начали борьбу не только за национальную, но и политическую идентичность Финляндии. В этом процессе большую роль внесло движение фенноманов во главе со Й.В. Снелльманом. Становление национального сознания финнов было следствием определенной культурной открытости, распространения либеральных идей и тенденций, проводником которых было и русское национальное сознание, в частности, либеральная программа славянофилов, включавшая требования свободы слова, отмены крепостного права, сословных ограничений и т. п. Можно сказать, что проект финского национального сознания во многом был отражением тех процессов, которые происходили в русском национальном сознании в XIX в. Он хорошо иллюстрирует отношение к неславянским народам и культурам, входившим в состав Российской империи.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Стенник Ю.В.** Идея «древней» и «новой» России в литературе и общественно-исторической мысли XVIII – начала XIX века. СПб.: Наука, 2004. – 280 с.
2. **Малинов А.В.** «Школьная» философия в культуре русского просвещения // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 17: Философия. Конфликтология. Культурология. 2013. № 2. С. 98–107.
3. **Малинов А.В.** История русской философии. XVIII век. СПб.: Интерсоцис, 2012. – 148 с.
4. **Малинов А.В.** Поэтическая историософия А.С. Хомякова // Вече. 2014. № 26. С. 137–173.
5. **Данилевский Н.Я.** Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германо-Романскому. СПб.: Изд. С.-Петербургского ун-та, Изд. «Глаголъ», 1995. – 552 с.
6. **Колесников Д.Е.** Фенномания как система взглядов Й.В. Снельмана // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2010. № 2(111). С.177–182.
7. **Мейнандер Х.** История Финляндии. линии, структуры, переломные моменты / Хенрик Мейнандер; [пер. со швед. З. Линден]. – Москва : Весь мир, 2008. – 237 с.
8. **Погодин С.Н.** Взаимоотношения царской России с Финляндией (политико-правовой аспект) // Россия в глобальном мире. 2014. № 4 (27). С. 221–231.
9. **Юссила О.** Политическая история Финляндии, 1809–2009 / Осмо Юссила, Сеппо Хентиля, Юкка Невакиви; [пер., предисл. Ю.С. Дерябина]. – [2-е изд.]. – Москва : Весь Мир, 2010. – 471 с.
10. **Лаллукка С.** Предпосылки формирования национального самосознания финно-угорских народов в XIX – XX веке. [Электронный ресурс]. – www.krc.karelia.ru/publ.php?plang=r&id=8655 (25.04.14).
11. **Малинов А.В.**, **Пешперова И.Ю.** Украинофильство и вопрос о языке // Россия в глобальном мире. 2014. № 4 (27). С. 55–69.
12. **Новикова И.Н.** Особое государство или провинция империи: проблема государственно-правового статуса Финляндии в российско-финляндских отношениях XIX века [Электронный ресур] URL: http://www.vbrg.ru/articles/ referaty_otnoshenie_rossii_i_finljandii//problema_gosudarstvenno-pravovogo_statusa_ finljandii_v_rossijjisko-finljandskikh_otnoshenijakh_xix_veka/ – (04.05.2014).
13. **Быков В**., **Дергач О.** Двести лет сами по себе [Электронный ресурс] URL: http://uisrussia.msu.ru/docs/nov/2009/138/nov_2009_138_10.htm – (12.05.2014)

УДК 141. 4.

А. Л. Рябова

ПРОБЛЕМЫ ЭТНО-КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ (СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)[1]

Проблема культурной и этнической идентичности затрагивает широкий круг вопросов, в том числе и фиксирующих эту идентичность идеологических учений. Как правило, такие учения принято характеризовать как националистические, хотя это далеко не так. В свое время евразийцы отмечали, что крайние позиции в отношении к национальному вопросу у европейцев – шовинизм и космополитизм – на самом деле объединяются, по словам Н.С. Трубецкого, в общий романо-германский шовинизм, под которым европейцы понимают культуру всех цивилизованных народов. Национальная идентичность находит оправдание в определенных теориях или даже в мировоззрении нации. Она четко указывает на отличие «своего» от «чужого». В то же время Европа долгое время оставалась центром «культурно-исторического самодовольства», считая народы, не принадлежащие к европейской цивилизации, варварами. В этом отношение европейская культура сродни китайскому культурно-историческому самосознанию и заметно отличается от механизмов национально-культурной самоидентификации в России. Национальная идентичность в России во многом сформировалась в XVIII в. результате столкновения именно с европейской культурой; она стала реакцией на европеизм.

[1] Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант № 15-03-00224).

Однако агрессивное воздействие европейской культуры поколебало и традиционные механизмы китайской идентичности; в китайской культуре также сформировалась реакция на европеизм. В последние десятилетия заметным трансформациям подверглась и европейская идентичность. Европейцы также столкнулись с проблемой заимствований, миграции и т. п. Это сказалось даже на представлениях об идентичности среди наиболее закрытых и консервативных европейцев, которыми всегда считались британцы.

Жители Британских островов, как и многие другие народы в конце XX – начале XXI века стремятся осознать свою национальную идентичность и сохранить самобытность и уникальность своей культуры. Интерес к своей национальной принадлежности проявляется в сохранении и воссоздании старинных традиций, обычаев, культуры, желании сохранить чистоту языка, укрепить положительный образ государства и народа. Культурная и этническая идентичность в современной Британии претерпела значительные изменения, некоторые старые стереотипы были размыты новыми влияниями как извне, так и изнутри. К таким влияниям можно отнести распространение американской массовой культуры, общие международные социальные и культурные изменения, повышение значений новых технологий, европеизацию. Внутри страны на национальную идентичность воздействовала трансформация общего климата, в том числе то, что было названо многими комментаторами «тэтчеризмом». Влияние извне проявилось через второе поколение британцев, а именно, детей иммигрантов, благодаря укреплению связей и консолидации Европейского союза, уничтожению торговых барьеров в 1992 году. На Британское сообщество также оказало значительное воздействие относительное снижение связей и значимости Британского содружества наций, усиление американизации и глобализации мировой экономики. Все эти

факторы повлияли на понятия национальной идентичности британцев, их ‘Britishness’.

Можно придти к заключению, что имеется *три основных аспекта изменений национальной идентичности британцев.* Во-первых, американизация британской культуры нарушает четкость и определенность национальной идентичности британцев. Во-вторых, расцвет национальной идентичности различных этнических сообществ и национальных меньшинств внутри Британии, не могут не оказывать влияния на понятия традиционной британской культуры. В-третьих, национальная идентичность все больше проявляется в связи с развитием и распространением новых технологий, интернета, средств массовой коммуникации, которые способствуют возникновению новых разнообразных стилей общения [1].

1) Идентичность непосредственно связана с национальной культурой. Одним из виновников значительных изменений в национальной идентичности британцев считается телевидение. Британская культура подверглась американизации в связи с американизацией британского телевидения. Процесс американизации часто воспринимается британцами не как американское влияние, а объясняется более общими терминами 'change' или 'progress'. Проникновение культуры из-за океана, которая проявляется в музыкальных ритмах, возникших в недрах негритянской американской и карибской культуры, по мнению некоторых критиков, способствует обогащению национальной культуры и приводит к созданию англо-американо-карибской негритянской культуры. Другой особенностью современных британцев является заметный сдвиг в сторону индивидуалистической этики и отход от коллективной этики 1980-х годов. Многие британцы разочаровались в таких государственных институтах как монархия, церковь и парламент. Старые, традиционные стереотипы коллективной идентичности размываются более новыми неустойчивыми формами,

которые 40 лет назад считались бы во всех смыслах «иностранными» ('foreign') и неприемлемыми для жителей Британии.

2) Идентичность зависит от места рождения, этнической принадлежности, тендера, религии, возраста и сферы деятельности. Идентичность проявляется в том, как люди воспринимают «себя» и как их воспринимают «другие». Национальные культурные идентичности Британии становятся более разнообразными. Употребляя слово «идентичность» во множественном числе применительно к современной Британии означает, то, что Великобритания сегодня представляет собой сложное общество, состоящее из людей с различными историческими корнями, с многообразием традиций и интересов.

Попытки дать простое определение понятию ‘Britishness', перечислив наиболее типические черты, такие как, например, – котелки, женские шляпки, зонтики, костюмы в тонкую полоску, костюмы-двойки и жемчужные ожерелья или шотландские юбки-килты, не позволят создать образ современной Британии. Это часть образа Британии, которой, возможно, никогда не было, которая нам знакома по «Саге о Форсайтах» Дж. Голсуорси или «Приключениям Шерлока Холмса» Артура Конан Дойля, но многие хотят верить, что это и есть прошлое страны.

Историческое прошлое, наследие империи, где «никогда не садилось солнце», повлияло на концепт 'Britishness', способствовало развитию таких черт, как самоуверенное высокомерие и пренебрежительное отношение к иностранцам. 'Little England' долгое время являлась образом нации, которая основывалась на культурной и этнической чистоте и которая стремилась сохранить образ прошлого сельской и аристократической нации. Слово 'foreigner' имеет сильную негативную коннотацию в Британии. Термин используется, чтобы подчеркнуть расовые и этнические отличия всех не британцев, включая других европейцев.

Сегодня, старый стиль социальной иерархии и почтения, который сохранял истеблишмент, постепенно исчезает, так как само общество становится более разнородным, раздробленным, индивидуалистическим и плюралистическим. Новые британские ценности, особенно в сфере бизнеса, сегодня основаны на личном вкладе предпринимателя, его деловой активности, умении общаться с представителями международных компаний, знании культуры и особенностей ведения бизнеса представителей компаний-партнеров, терпимости и других достоинствах успешного делового человека. [2].

Не существует единой точки зрения на концепт 'Britishness'. Все чаще в стране говорят не о национальной идентичности британцев, а национальной идентичности англичан, валлийцев, шотландцев. В современной Британии связи, скрепляющие национальную идентичность, ослабли, и чувство уверенности и единства страны сменилось ощущением замешательства и поисками нового взгляда на понятие «идентичность». Наряду с понятием 'Britishness' существуют понятия 'Englishness', 'Scotishness', 'Welshness'. Разнообразие британских национальных характеров проявляется, в некоторой степени, в названиях страны (England, Britain, Great Britain, the British Isles, the United Kingdom, Albion), которые имеют различные коннотации, в зависимости от контекста.

3) Самой заметной чертой изменений являются размывание граней основной, центральной составляющей национальной культуры. Культура Британии находится в постоянном движении, появляются новые формы и сдвиги в национальной идентичности, которые отражаются в поведении и ролях людей, в их отношении к вопросам тендера, этничности, возраста, социальных классов.

Современная Британия сочетает в себе противоречивые элементы и будет неправильно предположить, что существует или когда-либо существовало такое понятие, как истинно британский национальный характер или личность. Можно говорить о многообразии различных

и, возможно, противоречивых культурных идентичностях и характерах. Британцы всегда называли себя «островной нацией», чья исключительность и особенность подчеркивалась проливом, отделяющим их от европейского континента. Британцы подвержены влиянию США (американцы, также склонны считать себя избранным народом и подчёркивать свою исключительную миссию), в настоящее время жители Британии уступают под натиском глобализации культуры, которая может нивелировать их идентичность и разобщить их, но при этом делают все возможное, чтобы противостоять этому.

Концепт 'Britishness' является неясным и трудно определяемым ярлыком для британцев, проживающих на британских островах в конце XX в начале XXI века, но возможно, лучше всего выполняет задание национального символа традиционных ценностей [3]. Противопоставление север-юг ('North-South divide') свидетельствует о наличии различных национальных идентичностей. Мнения представителей юга и севера друг о друге полны стереотипных предрассудков, которые до некоторой степени можно объяснить историческими и экономическими факторами. Разделение на север-юг отражается не только в образе жизни и пристрастиях, но и в акцентах, произношении. Стереотипы национальных образов представителей различных регионов страны сохранились, хотя и претерпели некоторые изменения.

Англичане сохраняют репутацию хранителей традиций и, в первую очередь, они особенно консервативны в отношении того, что они считают символом 'Britishness'. Однако многие из «типично» английских традиций перестали быть типичными для англичан (например, стереотип лондонского клерка, традиционный английский чай или традиционный английский завтрак). Англичане ценят традиции, так как они символизируют стабильность, «старые добрые времена». Ностальгия по прошлому страны непосредственно связана с любовью к традициям, что в свою очередь ведет к конфликту

между консерватизмом и творчеством. Одной из общепризнанных черт англичан является сдержанность ('reserve'), соблюдение формальностей, что неразрывно связано с понятием 'privacy' (уединение).

4) Этничность проявляется в языке, так как язык сохраняет и передает из поколения в поколение мысли, верования, символы, имеющие существенное значение для этноса. Региональные и социальные особенности речи могут вызывать предвзятое и иногда пренебрежительное отношение к их носителям, в первую очередь, в связи с классовыми предрассудками. Стандартный английский язык с произношением RP, который был языком высших слоев общества и считался правильным и престижным на протяжении XIX–XX веков, в настоящее время постепенно теряет свое влияние, так как он ассоциируется с социальным снобизмом и превосходством. Акцент 'posh' на телевидении и в кино превратился в клише, выражающее жестокость, высокомерие и глупость. Тем не менее, акцент играет важную роль для достижения высокого положения и продвижения по служебной лестнице не только в системе государственных учреждений, но и в крупных негосударственных компаниях. Акцент является одной из главных характеристик социального положения британцев, выдает их происхождение, уровень образования, культурные привязанности. Произношение говорит об уровне образования, классовой принадлежности и общей культуре. Стандартный английский язык необходим для осуществления международных контактов и достижения лучшего понимания в связи с тем, что иностранцы в большинстве своем учат стандартный английский язык.

Одним из основных факторов, воздействующих на современный английский язык Британии, является экономическое и культурное влияние США. Массовая культура, кино, компьютерные технологии способствуют проникновению на британские острова американского

варианта английского языка, что, по мнению некоторых, ведет к вырождению английского языка и влияет на лингвистическую идентичность британцев. Наличие идеального английского языка сегодня представляется почти недостижимым, во-первых, из-за его искусственности и, во-вторых, из-за активной роли акцентов и региональных вариантов в культурной жизни общества.

Английский национальный характер сложился под влиянием географических и климатических особенностей страны, которые не отличаются большим разнообразием. Умеренность и отсутствие контрастов в природе проявляются в темпераменте англичан и их приверженности к компромиссам. Любовь к природе отражает их тоску по утерянному сельскому раю, идеализированному представлению о деревне. Английский загородный дом иллюстрирует стремление англичан к уединению. Сельская жизнь символизирует стабильность, безмятежность, порядок, соблюдение традиций, что является проявлением английского консерватизма. По мнению психологов, политологов и по результатам опросов, национальный характер и психология британцев изменилась незначительно. Желание, к достижению которого по-прежнему стремятся британцы – покупка дома с лужайкой и возможность жизни вне шумного мегаполиса. Британцы остаются спокойными, сдержанными, довольно консервативными. Государство, монархия, правительство, истеблишмент, проблемы экономического и делового характера, вопросы присоединения к Европейскому союзу не занимают доминирующего положения в жизни простых британцев, которые в основном живут по правилам массовой культуры и индивидуализма.

5) Взаимоотношения страны с другими народами также могут рассказать много о «себе» и своей идентичности. Отношение британцев к Европе, к миру на протяжении более 200-х лет основывалось, во-первых, на островном положении страны, во-вторых, на обладании

огромными заморскими территориями, в-третьих, – на господствующих позициях в торговле и стабильном экономическом положении.

В последние десятилетия Британия старалась сохранить особые отношения с США, которые объясняются общим языком и исторически общей англосаксонской культурой. Британцы проявляют настороженный интерес к сотрудничеству с Европой. Настороженность британцев объясняется опасением потерять свою индивидуальность. Американизация британского общества проявляется в культурной и политической риторике, экономике и политике. Общество Британии с трудом поддается чёткому определению и описанию, так как для него характерны разнообразные академические и идеологические модели. Оно многолико и изменчиво и поэтому его трудно охарактеризовать простой формулой. Британское общество нельзя воспринимать ни как «набор» социальных проблем, таких как противостояние, основанное на классовых, тендерных или других противоречиях, ни как борьбу между «основными» или радикальными тенденциями, средним классом и рабочими, мужчинами и женщинами, молодыми и старыми, белыми и черными. Несмотря на увеличение пропасти между богатыми и бедными в 1980-х годах, британцы в целом стали более обеспеченными, также можно отметить заметное социальное движение вверх ('upward social mobility'), многие молодые люди из рабочих семей получили высшее образование и хорошую работу в сфере умственного труда. Британцы уверены, что граждане страны, известной, как государство самой старой демократии в мире и народ, создавший самую большую империю, являются исключительными, и они обязательно найдут выход из современных трудностей.

Уверенность в собственной исключительности не является уникальной в истории культуры. Не менее исключительной или даже уникальной свою культуру считают и китайцы. Более того, столкновение с европейской культурой не привело к переоценке

традиционных ценностей в Китае, а, скорее, к их ассимиляции, новому симбиозу. Другое дело в России, где до XVIII в. преобладала религиозная идентичность. Лишь период ученичества у монологичной европейской культуры, заимствование у европейцев низкой оценки русской культуры, вызвал в последней трети XVIII в. ответную реакцию, приведшую на исходе века к формированию как национальной культуры, так и национального самосознания [4; 5; 6; 7]. Однако и в этом случае русская культура сохранила свою открытость и даже в национально ориентированных идеологиях, например, славянофильстве, отказалась от принципа национальной исключительности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Dawson Ross.** Conclusion: Present and Future of Britain // British cultural identities. – London & New York: Routledge, 1997, pp. 316-330
2. **Oakland John.** British Civilization. An Introduction (third edition). – Routledge. London, 1995, pp. 3-7
3. **Childs Peter.** Place and Environment: nation and region. // British cultural identities. London and New York, 1997, pp. 45-80.
4. **Стенник Ю.В.** Идея «древней» и «новой» России в литературе и общественно-исторической мысли XVIII – начала XIX века. СПб., 2004.
5. **Малинов А.В.** «Школьная» философия в культуре русского просвещения // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 17: Философия. Конфликтология. Культурология. 2013. № 2. С. 103–104.
6. **Малинов А.В.** История русской философии. XVIII век. СПб., 2012. С. 18–21.
7. **Троицкий С.А**. Процесс национальной самоидентификации в России XVIII в. и становление краеведения // Вече. 2010. № 21. С. 94-108.

УДК 1 (091)

М. И. Соколова

КЛИМЕНТ АЛЕКСАНДРИЙСКИЙ И ОРИГЕН: ИСТОРИЯ КАК ПАЙДЕЙЯ [1]

Существенная определенность христианского отношения к истории и историческому, которое только зарождается у александрийских мыслителей, заключается в том, что для того, чтобы история была историей, необходимо наличие некого «внеположного» ей, того, что, будучи принципиально внеисторическим (вневременным) делает историю историей. Исходя из этого «внеисторического» в историю «вписываются» все предыдущие явления, становясь историческими феноменами, т. е. получая свою «миссию» на пути к заповеданному. Климент Александрийский и Ориген уделяют значительное внимание этой проблематике, ее разработка представляет собой существенную часть их концепций. Однако пути осмысления, средства описания, концептуальные построения во многом принципиально различаются, хотя и остаются созвучными и даже едиными в стремлении выразить, в конечном счете, одно и то же.

Климент Александрийский словно бы стягивает, собирает события и их знаки (пророчества), приводит средоточие исторического к моменту, который он описывает как гносис, туда, где «экзистенциальное» символически соединяется с «онтологическим». Этим моментом является то «сейчас», в котором словно «снимается» будущее, и прошлое: «Если созерцание есть цель мудрого, то

[1] Исследование осуществляется при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект «Александрийская школа Климента и Оригена и ее наследие», №15-03-00813а, рук. проекта канд. филос. наук Г.Ю. Каптен.

стремящийся к божественному знанию не достигнет его, оставаясь философом, если не познает это самое пророческое откровение, позволяющее охватить настоящее, прошедшее и будущее – как оно есть было и будет. Этот гносис через устное предание сообщен немногим. Значит, следует упражнять гносис и мудрость, ведущие к совершенному видению вечных и неизменных сущностей» (Strom. VI.61.3). Гносис как момент осуществления невозможной в обычном порядке вещей целостности человеческого и божественного, единичного и Единого полагается 1) в опыте конкретного человека (хотя, конечно, многое из того, что с «обыденной точки зрения» представляет собой конкретность данного человека в событии гносиса «снимается»); 2) в конечном счете – вне времени. Состояние гносиса скорее есть присутствие в «вечном теперь». Гностик поистине и в полноте присутствует в настоящем (Например, «гностическую молитву» Климент определяет следующим образом: «Итак, те, кто раскаялись, но не имели твердой веры, получают от Бога то, что они просят в своих молитвах, тем же, кто ведет безгрешную и гностическую жизнь, достаточно просто помыслить, чтобы получить» (Strom.VI.101.3). Именно такое понимание гносиса дает возможность ввести в историю действительно «внеисторическое» (Божественное), которое и сделает ее собственно историей, в соответствии с этим пониманием в мысли Климента выстраивается на новых основаниях «историческая перспектива» [14, с. 166–187].

Одно событие в этой перспективе является качественно новым относительно прошлого. Это – пришествие и искупление Спасителя. Значимость этого события в том, что, соединяя в себе временное и вечное, сущее и сверхсущее, оно оказывается той «переломной» точкой, как замыкание круга, как переход перевала, из которой видна истинная значимость пройденного пути, и открывается новая невиданная перспектива. Как отдельному человеку, продвигающемуся по пути образования как восхождения к наиболее божественному из какой-то определенной точки своего пути не очевидна значимость

проходимого им пути (которая во всей полноте ясна, по сути лишь «с точки зрения» Логоса, а человеку видна только «из» самого события гносиса, которое не рядоположно другим событиям его жизни, и парадоксально беспредпосылочно), так в общей истории народов и поколений, приобретающих разнообразные знания и приближающихся в той или иной мере к истине, свершившееся событие воплощения Христа делает очевидной истинную значимость прошедших исторических событий, проясняет пророчества, хотя само по себе, будучи предсказанным и провозвещенным, от этого не становится менее беспредпосылочным. «Вот, Я сотворю новое (Ис. 43:19), – говорит Логос…». И все это могут видеть, слышать, понимать ученики Господа новым зрением, новым слухом и новым сердцем, говоря, слушая и действуя под влиянием Божественного Духа» (Strom. II.15.3). С Логосом, Христом связано у Климента описание и ощущение новизны, имеющей онтологическое, мирообразующее значение [12, с. 133–140; 13, с. 432–438]. Новизна Климента имеет божественное происхождение и историческую окраску. Новое, осознаваясь как новое, определяет таким образом «старое», ветхое, включает его в соответствующие рамки и делает по-новому значимым. Позже Ориген будет ясно проговаривать, что в связи с этим то, что было ранее (промыслительно) сообщено в скрытой, зашифрованной форме и не имело в принципе однозначного истолкования, теперь приобрело качественно иную ясность.

Эту принципиальную новизну, характерную для христианской мысли александрийцев можно проиллюстрировать кратким сравнением Климентова понимания гносиса с созвучными построениям Плотина. Ярче всего различие видно как раз в аспекте восприятия истории и исторического, притом, что фокус на некоем «вневременном» сейчас как моменте истинного созерцания, гносиса, спасения остается, и наиболее детально осмысливается и описывается именно Плотином. Отличает их, пожалуй, место и значимость этого «сейчас» в самом по себе историческом (как временном). Вот как

описывает Плотин соотношение знамений и их исполнения. «Знамение обозначает то, что собирается произойти, прежде, чем оно произошло, однако и возникающее само (всегда) обозначается другими вещами, поскольку все – одно, и принадлежит к одному; одна вещь познается из другой, причина – из того, что определено ею, следующее – из предшествующего, и составленное – по одной из его частей, потому что (логос) уподобил одну его часть другой» (Enn. IV.4.39). Взаимное указание вещей друг на друга, в том числе во времени, феномен знамений обуславливается всеобщей симпатией и единством. Основание этого единства лежит как бы «в центре» мироздания, там, где все поистине совпадает со всем. Но эта точка совпадения задана, но ни в каком смысле не обещана и не заповедана, и ее бытийность не зависит от того или иного откровения, данного раньше или позже. Когда Плотин говорит: «Единый не приходит, как это может кем-нибудь предполагаться. Но уже пришел» (Enn. V.5.8), это означает совсем не то, о чем говорит Климент, как о «полноте Христовой» которая «ныне явлена» (Рим. 14:25) (Strom. V.64). «Уже пришел» по Плотину значит, что само бытие есть как таковое – присутствие Единого. Климент же здесь, как и Ориген вслед за ним, в первую очередь подчеркивает, что с событием боговоплощения связана принципиально новая ясность некогда провозвещенного.

Итак, значимость совершившегося в учении Климента состоит в том, что он «включает» в целостность христианства то, что «растянуто» и разделено во времени и в пространстве. «Бог – управитель обоих заветов – дал эллинам их философию, посредством которой они прославляют Его могущество. Через эллинское образование и иудейский закон в единый род собираются все те народы, которые приняли веру. И эти народы не разделены временем, чтобы кто-либо не решил, что они имеют три различные природы и воспитываются тремя разными заветами, а не единым, единого Господа» (Strom. VI.42.1–2). Стягивая в единую линию историю, в единство гносиса Божественное и человеческое, Провидение, Бог,

дарующий Завет собирает в единый род сосуществующие одновременно на земле, но отличные друг от друга народы. Объединение это происходит, конечно же, в третьем народе, в христианах, тех, кто принимает Христа и стремится к истинному гносису. В «вертикальном» измерении конкретной человеческой жизни Климент описывает это соединение как гносис и анализирует его условия и предпосылки (например, важность, но не исчерпывающее значение образования и, соотношение веры, выбора и знания и т. д.). Когда мировое целое «разворачивается» в продолжительность истории, – по сути дела, действуют те же самые закономерности. Функцией Логоса – носителя Божественного промысла – в первую очередь оказывается функция наставничества, будем ли мы смотреть через призму «гностической жизни» отдельного человека, или «в исторической перспективе». «Только в нем конец оказывается вместе с тем и началом, а, завершившись, снова становится новым началом, нигде не претерпевая разрыва» (Strom.IV.157.1). Эту функцию он осуществляет, привнося каждый раз в нужное время определенное «количество» истины, в определенной степени открытой и доступной, которая заключается и в Законе Моисея и даже в эллинской философии.

Ориген описывает существо возможности невозможного события целостности посредством других образов и концептуальных построений. В принципе, это событие и здесь полагается над временем. Не в меньшей мере оно связано и с судьбой и заслугами конкретной индивидуальности. Специфика же заключается главным образом в том, что возможность этого события «конца или свершения» (consummatio), (а соответственно – и способ его описания) определяется из существа очень сложного и противоречивого представления Оригена об истории.

Одним из наиболее «скандально известных» в истории пунктов учения Оригена является его концепция бесконечно сменяющих друг друга миров [1, с. 58–76; 2; 3; 4, с. 418–26; 5, с. 16–23]. Он

«утверждает, что миров бесчисленное множество, что эти весьма многие миры, вопреки Эпикуру, не существуют одновременно и не сходны между собою, но по окончании одного мира получает начало другой» (Из письма Иеронима к Авиту) [2, с. 110]. Ориген учит о сотворенности мира и всех населяющих его существ. Сотворенность означает для него не в последнюю очередь то, что все и вся, кроме Святой Троицы «лишь мысленно» отделимо от телесности. Дело, видимо, в том, что именно в телесности он видит возможность разделения и любого «разнообразия». Отдельные сотворенные души могут существовать как таковые только в силу их изначальной причастности телесности. Насколько жестко он отстаивает полную бестелесность Троицы, настолько подробно и настойчиво он аргументирует необходимость телесности сотворенных существ. Исходя из того, что телесность для него фактически синонимична сотворенности, он считает нужным уделить внимание доказательству сотворенности материи (в противовес учениям о демиурги). Представляется все же, что в его учении сотворенность означает в первую очередь бытийную зависимость от Бога-Творца, разговор же о каком-либо «событии сотворения материи» «стушевывается» его представлением о бесконечно растянутой во времени последовательности миров. О сотворении как событии он говорит, описывая начало «этого», «нашего» мира.

В телесности, более тонкой или более грубой, существуют по Оригену сотворенные души (умы), принадлежащие людям, животным, существам ангельского и дьявольского рода. Их статус непостоянен, а, напротив, зависит от степени их добродетели и совершаемых ими выборов. «В этом начале (твари) Бог сотворил такое число разумных или духовных тварей (или как бы ни назвать те твари, которые мы наименовали выше умами), сколько, по Его предведению, могло быть достаточно» (De Prin. II.9.1). Важно, что все эти сущие изначально – по сути своей – умы. Бытие душами для них – уже состояние отпадения. «Ум, уклонившийся от своего состояния и

достоинства, сделался и назван – душою; и… душа, в случае восстановления и исправления, снова сделается умом» (Ibid. II.8.3). Он приводит этимологию слова psyhē, связывая его с образом охлаждения. Душа может быть так названа «потому, что охладела к ревности праведных и к участию в божественном огне» (Ibid.). Само мироустройство, таким образом, представляет собой некое динамическое единство ниспадающих и возвращающихся к Богу душ.

Бесконечность существования миров как таковых тесно связана с его учением о неуничтожимости телесности тварных сущих. Смена миров представляет собой циклический процесс. «Конец всегда подобен началу» (De prin. I.6.2). Каждый отдельный мир (kosmos), в том числе наш, сам по себе творится во времени (Ibid. III.5.1). Это творение есть творение из ничего определенного числа отдельных сущих. В силу присущей им свободы воли они в разной мере отпадают от Бога или приближаются к нему. Из-за этого отпадения (во многом определяющего существо данного мира) само создание мира в целом является katabolē (стоический термин) – «низвержение или свержение вниз» (Ibid. III.5.4). В череде миров индивидуальные разумные сущие, наделенные свободой воли и присущей им телесностью, (которая может преображаться, но остается все той же конкретной телесностью), оказываются то «наверху», то «внизу» мироздания, но всегда даже у наиболее глубоко павших остается возможность спасения, а заслужившие ангельские чины рискуют вновь ниспасть, если поколеблются или отступят [11, с. 120–134; 15, с. 70–82].

Оставаясь в «плоскости» этой концепции, в принципе, мы имеем дело с дурной бесконечностью, и самому Оригену это вполне очевидно. «Компромисс» бесконечности миров устраивает его в качестве объяснения «безначальности» процесса творения Бога, но для вечно «колеблющихся» сотворенных сущих необходима некая трансценденция, возможность выхода в другое «измерение» относительно описанной «плоскости». И действительно, данный пункт является «системообразующим» в учении Оригена. Так, только

в трактате «О началах» он помещает в первой книге главу «О конце или свершении», возвращается к этим вопросам на протяжении всего текста, и в третьей книге вновь говорит «О совершении мира». Что же означает для него свершение (consummatio) мира? «Конец или свершение есть объявление совершенных вещей»; «конец или свершение мира наступит тогда, когда каждый за грехи свои подвергнется наказаниям, причем это время, когда каждый получит должное по заслугам, знает только Бог» (De prin. I.6.1). Время, момент этого свершения, «восстановления в единство» (Ibid. I.6.2) неизвестно человеку не просто потому, что оно неизвестно, а потому что событие это само по себе есть событие как бы вневременное. «Если существует нечто большее, чем века, то таким образом века должно мыслить только в приложении к тварям, а в приложении к тому, что превосходит и превышает видимые твари, (что будет, конечно, при восстановлении всего, когда вся вселенная достигнет совершенного конца), может быть, должно мыслиться нечто большее, нежели век, в чем и будет (заключаться) свершение всего» (Ibid. II.3.3). Относится ли описание к концу времени конкретного мира (ср. Ibid. II.9.8: «я думаю, нечто подобное уже было и прежде»), или означает «снятие» бесконечности миров вообще, – Ориген не дает окончательного ответа на этот вопрос, более того, вообще, рассуждая на эту тему, он не устает оговариваться, что высказываемое им здесь имеет статус лишь его рассуждений и предположений, а не догматических утверждений (см. например: De prin. I.6.1). Скорее всего, мы можем интерпретировать все это таким образом, что, решая стоящие перед ним задачи, Ориген, порой трудно и противоречиво, пытается выразить все тот же, ощущаемый им непреложно, факт, что «историчность» христианской теологии, чтобы быть таковой, нуждается в наличии «вневременной», «надисторической» [8, с. 198] «точке отсчета», из которой только и возможно выстроить христианскую «историческую перспективу» как таковую.

Сравнивая концепции Оригена и Климента Александрийского, необходимо отметить, что учение Оригена по-своему не менее «пайдонично», чем учение Климента, но Ориген создает скорее всекосмическую, чем касающуюся конкретного «гностика» концепцию. Само «обучение» как приближение к истинному богоподобию происходит не в единичной жизни, а в порядке сменяющихся эпох и миров, управляясь Провидением. (Ориген ничуть не хуже Климента разбирается в enkyklia – он еще в ранней молодости преподает в Александрийской школе грамматику и риторику. Однако он проговаривает традиционное содержание «общего образования», описывая грамматику, риторику, геометрию, медицину как «мудрость мира сего», которая «вовсе не занимается познанием о Божестве, или о сущности мира, или о каких-нибудь высших предметах, или об устроении доброй и блаженной жизни» (De prin. III.3.1). «Египетскую, так называемую тайную и сокровенную философию, астрологию халдеев и индийцев…, а также многоразличные и разнообразные мнения греков о Божестве» (Ibid.) он, в отличие от Климента, относит к «мудрости князей мира сего», истинность и само происхождение которой сомнительны). Если перед Климентом стоит задача «вписать» предыдущие эпохи и содержание мысли в перспективу, ведущую к его «сейчас», то Ориген, по сути, исходит из факта наличия этой перспективы и «растягивает» ее фактически за пределы времени. Тем не менее, в мысли обоих александрийцев мы наблюдаем как бы пересечение «плоскостей» «всемирной истории» и личного опыта богопознания и единения с Божестнвенным – гносиса. И то и другое можно рассматривать как в самом широком смысле «пайдейю» – путь к состоянию полноты и вневременного единства творения с Творцом [16, с. 165–179].

В своем месте (Fug. 166–176) Филон Александрийский говорил, что как таковое, время необходимо лишь для образования тому, кто в нем нуждается. Соотношение концепций исторического времени и

образования двух александрийских мыслителей отчасти проясняет это положение.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Каптен Г.Ю. Критика Оригенизма в философии Максима Исповедника // AKADHMEIA: мат-лы и исследования по истории платонизма. 2014. № 9. С. 58–76.
2. Каптен Г.Ю. Критика оригенизма в философии Максима исповедника. дисс…на соиск. уч. ст. канд. филос. наук / Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена. Санкт-Петербург, 2010
3. Каптен Г.Ю. Критика оригенизма в философии Максима Исповедника. Автореф. дисс… на соиск. уч. ст. канд. филос. наук / Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена. Санкт-Петербург, 2010.
4. Каптен Г.Ю. Заметки по гносеологии Св. Максима Исповедника // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2007. Т. 8. № 1. С. 18–26.
5. Каптен Г.Ю. Гносеологическое значение учения об обожении в критике оригенизма Максимом Исповедником // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2010. № 2 (1). С. 16–23.
6. Климент Александрийский. Строматы. (Пер. Е.В. Афонасина). Т. 1-3. – СПб., – 2003.
7. Ориген. О началах. (Пер. Н. Петрова). – Новосибирск, 1993.
8. Светлов Р.В. Античный неоплатонизм и александрийская экзегетика. СПб., 1996.
9. Соколова М.И. Пайдейя в платоновском «Государстве»: социальное и абсолютное // ΠΛΑΤΩΝΟΠΟΛΙΣ: философское антиковедение как междисциплинарный синтез философских, исторических и филологических исследований Материалы 5–7 летних молодежных научных школ 2008–2010 г., научные отчеты СПб Платоновского философского общества. – Санкт-Петербург. – СКИФИЯ-ПРИНТ. – 2012, С. 125–130.
10. Филон Александрийский. Толкования Ветхого Завета. (Пер. Е.Д. Матусовой, В.Е. и М.Г. Витковских, О.Л. Левинской, И.А. Макарова, А.В Вдовиченко). М.: ГЛК, 2000.
11. Цыб А.В. Использование платоновских и аристотелевских концептов в сочинении Оригена «О началах» // AKADHMEIA: мат- и исследования по истории платонизма, Вып. 1. – СПб., Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1997 – С. 120–134
12. Цыб А.В. Учение Климента Александриского о Логосе и традиция античной логософии // Универсум Платоновской мысли: Вопросы познания. Процедуры правильного мышления. Докса и ноэсис. Материалы 5-й Платоновской конф. 26–29 мая 1997 г. СПб., Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1997 – С.133-140.
13. Цыб А.В. «Удивляющийся бог» Тхаумас и «императивный» гносис Климента, устрашающий долгом // AKADHMEIA: материалы и исследования по истории платонизма, Вып. 1.– СПб., Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1997 – С. 432–438

14. Цыб А.В., **Афонасин Е.В.** и др. Итоговый научный отчет по проекту № 08-03-00431а (03–150) Российского гуманитарного научного фонда «Античный гностицизм и культура позднего эллинизма» (2008–2009 гг.) // ΠΛΑΤΩΝΟΠΟΛΙΣ: философское антиковедение как междисциплинарный синтез философских, исторических и филологических исследований Материалы VIII летней молодежной научной школы 25.08–28.08.2012 г., научные отчеты СПб Платоновского философского общества. – СПб., – СКИФИЯ-ПРИНТ– 2013. С.166–187.

15. Цыб А.В. Античная философия в александрийской экзегетике II–III веков н.э. // Универсум Платоновской мысли: Рационализм или философская религия? Эпистемология Платона. Материалы 4-й Платоновской конф. 14 мая 1996 г. и историко-философского семинара 29 марта- 2 апреля1997 г. – СПб. – Изд-во С.-Петербургского университета. – 1997 –С. 70–82.

16. Цыб А.В. Итоговый научный отчет по проекту «Akademeia: материалы и исследования по истории платонизма», вып. 5. // Универсум Платоновской мысли: Платонизм и европейская культура на рубеже тысячелетий. Материалы X Платоновской конф. 23–24 июня 2002 г. СПб., Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1997 – С. 165–179.

УДК 141.4.

И. Л. Фокин

РЕЦЕПЦИЯ ТЕОСОФИИ БЁМЕ В ФИЛОСОФИИ ШЕЛЛИНГА

Существенным признаком немецкого идеализма является то, что в нем исходным пунктом толкования действительности выступает человеческое сознание, дух, Я. Немецкая философия совершает шаг от метафизики трансцендентных ценностей к открытию человеческой личности как центрального пункта всякого мышления и действия. Абсолютное, рассматриваемое в философии предшествующих столетий в далекой потусторонности, актуализируется уже в человеческом сознании, в духе, в самом Я человека. Мышление признается творческим актом, в котором Я, как учит Фихте, полагает мир. Бог реализует себя в человеческом духе, согласно Гегелю, абсолютный дух приходит в человеке к сознанию и осуществлению самого себя.

Этот значительный шаг без сомнения был подготовлен благодаря немецкой мистике, в том числе теософии Якоба Бёме. Уже средневековая немецкая мистическая теология попыталась с помощью учения о душевной искорке теоретически-познавательно объяснить опыт единения с Богом. В человеческой душе есть нечто Несотворенное, «душевная искорка», «душевный за́мок» (Seelenburg). В этой душевной искорке имеет место соприкосновение души с Богом, здесь порождает Бог своего Сына, здесь Он себя осуществляет, здесь Он выступает со всей полнотой своего Существа, здесь Он полностью актуализируется. Якоб Бёме описал это событие единения, которое осуществляется в душевной искорке, не только как вторжение трансцендентного Существа в человеческую душу, но также как и свершаемое со стороны человека возвышение человека до

того пункта, в котором таким образом благословенная и возвышенная душа имеет участие не только во внутренней жизни Бога, но и в Его деле творения и спасения. В таком понимании в первый раз был указан тот важный момент, благодаря которому был получен отправной пункт понимания действительности из божественной трансценденции к самой человеческой душе, а именно – к высшей «искорке» ее интуиции, к мыслительному акту. Здесь уже ясно была обозначена идеалистическая позиция, в дальнейшем ставшая на долгое время основанием всей немецкой культуры: абсолютный миротворящий разум реализует себя в душе, которая посредством этого оставляет свое особенное (партикулярное) бытие и «просветляется» светом божественной мудрости (становится «чистой»). Именно посредством истолкования этого мистического переживания немецкая мистика во многом подготовила интеграцию знания и познания, которые затем немецкий идеализм развил дальше в своем учении о творческом Я и о творческой силе мышления, сделав эти новые принципы основанием всеобщей теории познания.

Все эти представления находят свое отражение в учении немецкой философии о сознании. В человеческом сознании Бог открывается одновременно как творец природы и как господин истории. Взгляд на собственное Я раскрывает взгляд не только на сущность Бога, но и на сущность природы. В своих лекциях по истории философии Гегель говорит об этом:

«Основная идея Бёме состоит в стремлении сохранить все в абсолютном единстве, он хочет показать абсолютное божественное единство и объединение в Боге всех противоположностей. Можно сказать, что главной и даже единственной мыслью, проходящей красной нитью через все его произведения, является в общем постижение во всем и всяческом священной троичности, познание всех вещей как ее раскрытие и воплощение, так что она представляет собою то всеобщее начало, в котором и через которое все существует… Вселенная представляет собою, следовательно, для него

единую божественную жизнь и откровение Божие во всех вещах, так что, в частности, из единой сущности Бога, совокупности всех сил и качеств, вечно рождается Сын, светящийся в этих силах, а внутреннее единство этого света с субстанцией сил есть Дух» [1, с. 300–301].

Если центральное воззрение идеалистической философии хочет охватить одновременно глубину духа и природы, и рассматривает природу как откровение Бога, и если самопознание Я охватывает вместе с тем познание природы, то тем самым спекулятивно развивает дальше мистическое понимание природы.

Несомненно, что в мистическом переживании единства и в мистическом опыте взгляда в сущность, находится сильный импульс философской постановки вопроса. Каждая философская система покоится на отношении к действительности, а мистический опыт есть своего рода первоначальная форма человеческого познания бытия. Но подлинная мистика обнаруживается лишь вместе с подлинным мистическим переживанием Бога и обусловлена определенной медитацией. При этом у католических мистиков сильнее выступает соединение мистического опыта с Таинством, а у протестантских мистиков – со Словом Божиим. Поэтому невозможно теоретическое познание мистической теологии просто оторвать от религиозной жизни, нельзя секуляризировать мистику. Здесь среди немецких философов обнаруживаются серьезные различия.

Первым из философов, обратившим пристальное внимание на мистическую составляющую теософии Бёме, был Франц фон Баадер. Интересно, что при своем первом знакомстве с сочинениями Бёме, еще юношей, Баадер с отвращением отбросил книгу Бёме. Спустя десять лет он уже читает многочисленные лекции о Якобе Бёме, подготавливает издание собрания бёмевских сочинений, работает над примечаниями к его философии, и все это для того, чтобы вернуть немецкую философию к ее подлинным мистическим источникам жизни. В конце концов, Баадер становится столь одержим Бёме, что смотрит на себя самого в свете бёмевского ожидания конца времен.

Время спекулятивной теологии, которое он сам вводит, кажется ему исполнением бёмевского обетования наступающего «времени лилий» (Lilienzeit).

У остальных философов начала XIX века можно встретить схожие высказывания, свидетельствующие о глубоком потрясении, которое произвело на них открытие мистической теологии.

Независимо от Баадера, хотя и с другой позиции выступил со своим принципом абсолютного Я Фихте. Тем самым Фихте бессознательно для себя возродил традицию немецкой мистики, которая уже со времен Мастера Экхарта выводила из внутреннего я весь универсум. Рядом с Фихте в философской традиции, но ближе по внутреннему духу в религиозном отношении к Баадеру, выступает Шеллинг, для мышления которого в целом всегда характерно христианское направление к вере, в значительной степени определявшее его понимание Бога и положение человека во вселенной. Его религиозное и духовное воспитание получило отпечаток от швабской теософии Фридриха Отингера и, можно сказать, что Шеллинг изначально пребывает внутри живой традиции христианской мистики.

Ни Баадер, ни Шеллинг не считали, подобно Фихте, самостоятельную реальность трансцендентного духовного мира присущей творческому Я. Отсюда Шеллинг развил свое понимание природы и истории, и в обеих увидел различные формы единого воплощения Бога, не впав в односторонность и ограниченность Фихте, признающего Бога лишь настолько, насколько Он осуществляется в человеке. Для Шеллинга Я еще не есть Бог, и в этом смысле его «Философия откровения» (1841) есть совершенное выражение мистической теологии, которая придерживается основных фактов христианского откровения и убеждения в реальности трансцендентного мира, равно как и веры в личностность Бога.

У Шеллинга спекулятивные мистические идеи нигде не оторваны от своих религиозных оснований, как это видно из его письма Георгию:

«Я никогда не принижал столь значение телесного, – признается здесь Шеллинг, – как это делал и до сих пор еще делает идеализм нашего времени. Мы не можем довольствоваться всеобщим продолжением жизни после смерти наших умерших близких, ибо мы хотим сохранить всю их личностность, и ничего – даже из самого незначительного – не хотим от них потерять. Как благотворна здесь вера, что даже и самая незначительная часть нашей природы взята и принята Богом, – достоверность обожествления всего человечества через Христа. В самом деле, если это мистическое связывание божественной и человеческой природы есть высший пункт во всем христианстве, тогда убеждение в действительном единстве Бога и природы (в силу которого она принадлежит Ему не только как нечто ошибочное и производное, но как нечто собственное и личностное) есть истинный пункт завершения человеческой науки. От этого пункта впервые Все представляется нам в высшем свете. Даже смерть, которая заставляет нас проклинать нашу зависимость от природы и которая при первом впечатлении наполняет человеческую душу почти отвращением к этой немилосердной силе, беспощадно уничтожающей даже самое Лучшее и Прекрасное, когда этого требуют ее законы, – даже смерть, постигнутая более глубоко, открывает нам глаза на это Единство Природного и Божественного. Мы не можем отказать природе в известном соподчиненном Всемогуществе; если она и не Бог, то она есть род иного Бога, которому мы – по крайней мере, частью нашего существа – принадлежим. Как можем мы быть исключительно детьми истинного Бога, когда мы все же не от Его Плоти и Крови? И как Бог, который есть исключительно Дух, станет пробуждать тело, которое принадлежит другому Богу, и как Он будет связывать опять его с духом, который относится исключительно к Его роду (Geschlecht)?

Без этой последней надежды даже сама достоверность так называемого “бессмертия” была бы лишь половинной радостью, смешанной с болью. Достоверность, что тот прошел через смерть, кто впервые восстановил связь между Природой и Царством Духов, превращает для нас смерть в триумф, которую мы встречаем как воина после уверенной победы» [2, s. 248].

Шеллинг и Гегель, пожалуй, единственные из всего ряда классической немецкой философии XIX столетия, относились к Бёме с большим почитанием и пиететом. Тем не менее, на их философию нельзя указать совершенно прямого влияния Бёме. Долгое время последующие историки философии и культуры вообще не учитывали того факта, что эти великие философы «понятия» могли творить, питаясь из такого «темного» источника, каковым является на первый взгляд философия Бёме. Конечно, более непосредственное влияние Бёме оказал на этот идеализм через своего последователя Отингера, но, учитывая влияние Бёме на самого Отингера и с ним на весь протестантский пиетизм XVIII века, можно сказать, что Бёме и Отингер в «совокупности» представляют в своем творчестве почти весь материал представлений – и отчасти даже «понятий» – используемый, в частности, в философии Шеллинга. Подобное можно утверждать в целом и о философии Гегеля.

Уже первый самостоятельный период творчества Шеллинга, заключающийся в его натурфилософии, может быть понят лишь по отношению к своему основанию в пансофии. Здесь Шеллинг уже сильно отклоняется от Канта и от просветительской философии. Даже такой в общем тоже связанный опосредствованно с немецкой мистикой философ как Фихте также находит неоправданным и даже «бессмысленным» развивать философию природы наряду с философией Я (трансцендентальным идеализмом), которую Шеллинг принял от него в самом начале своего творчества. Конечно, здесь может возникнуть вопрос об изначальном коренном разногласии Шеллинга и его великих предшественников Канта и Фихте, а именно:

насколько Шеллинг в эту пору вообще усвоил кантовско-фихтевскую критику познания. Во всяком случае, в двух своих натурфилософских произведениях первого периода – в «Идеях к философии природы» (1797) и в трактате «О мировой душе» (1798) – он выступает скорее с пансофической точки зрения. Он рассматривает здесь материю, элементы, электричество, магнетизм и т. д., пытаясь сделать набросок «философии химии» и «спекулятивной физики».

Показательно, что он не обсуждает здесь темы, связанные с условиями и границами человеческого познания – т. е. те темы, которые являются актуальными в философии со времен Декарта и особенно Канта. Можно сказать, что Шеллинг находится в это время – как, в известном смысле и позже – на докритической ступени философского мышления, являясь одновременно антиподом того «просветительского рассудка», одностороннее дискурсивное мышление которого было подвергнуто критике Канта. Здесь особенно выясняется насколько сильно Шеллинг был связан со старыми, большей частью неакадемическими теософскими учениями, коренящимися в учениях Бёме и Отингера.

Дальнейшую ступень в творчестве Шеллинга представляет его философия, изложенная в «Системе трансцендентального идеализма» (1800) и особенно в его «Лекциях о методе университетского образования» (1803). Для выяснения связи философии Шеллинга с учением Бёме достаточно указания на понятие Бога, которое здесь выступает. Так, Шеллинг говорит:

«История как целое представляет собой прогрессивное, постепенно раскрывающееся откровение Абсолютного» [3, с. 230].

Эту идею мы обнаруживаем уже у Отингера. Именно Отингер соотносит идею Бога с историей, и именно он преобразует теософию в философию истории.

Начиная с 1802 года теософское влияние на Шеллинга усиливается. Романтики снова открыли Бёме, но кроме Баадера никто в тогдашней Германии научно не исследовал учение Бёме. Поэтому хотя Шеллинг и

был знаком с сочинениями романтиков, сам он очевидно испытал влияние Бёме не через романтиков, но через Отингера.

В 1806 году Шеллинг переезжает в Мюнхен и знакомится с Францем Баадером и кругом его друзей. В результате этого знакомства в 1809 г. появляются «Философские исследования о сущности человеческой свободы». Этим сочинением начинается так называемый «поздний» период философского творчества Шеллинга. Этот период завершается лекциями «О мировых эпохах» (1811–1815), а также лекциями по «Философии мифологии» и «Философии откровения» (1841–1842). Эти работы полны тех же самых теософских воззрений, что и прежде. Только теперь Шеллинг пытается, в частности, во введении к «Мировым эпохам», выяснить свое собственное положение и место в истории философии, понимаемой им как движение умственного и духовного развития всего человечества. Он различает во всеобщей истории духовного развития две традиции – теософскую и философскую.

«Первая, – говорит он, – обладает преимуществом перед последней в глубине, полноте и жизненности содержания, настолько, насколько действительный предмет имеет преимущество перед своим изображением, а природа – перед представлением о ней. Это преимущество свойственно теософским системам перед всеми ценящимися до сих пор, ибо в первых, по крайней мере, есть природа (Natur), даже если до конца и не покорная им, в то время как в последних напротив нет ничего, кроме неестества (Unnatur) и искусственности (eitle Kunst)» [4, s. 8].

Говоря здесь о «философской» традиции, Шеллинг имеет ввиду Фихте, Канта, но, прежде всего, конечно, Гегеля. Системы и концепции этих мыслителей содержат, по его выражению, «неестественность (Unnatur) и искусственность». Это означает, что их философия возникла из одних только «понятий», которым не соответствует никакая действительность. Другое дело теософия, которая, по Шеллингу, обладает «глубиной, полнотой и живым

содержанием». Конечно и теософы, согласно Шеллингу, также не достигают еще чистого познания, ибо им недостает «ясности». Как и мистики, они пытаются «описать рождение вещей, словно непосредственно и из непосредственного созерцания» [4, s. 206] – попытка, обреченная, по мнению Шеллинга, на неудачу. Оттого-то для них не примиряются чистое мышление и последняя достоверность.

Таким образом, Шеллинг ясно видит границы теософии и тем самым также границы воззрения Бёме. Да и сам Бёме сознавал, что он не достиг подлинной цели своего познания, но должен только бороться и делать все новые и новые попытки. Шеллинг говорит о нем:

«Якоб Бёме, как известно, много говорит о колесе природы (или рождения), что является одной из глубочайших его апперцепций, посредством которой он выражает дуализм сил в борющейся самой с собой, желающей, но не способной породить себя природой. Но это колесо собственно есть он сам, он сам есть природа, которая желает, но не может породить эту науку. Круговорот (Rotation) его духа совершается (entsteht) посредством того, что он пытается избежать зависимость от того субстанциального, под властью которого он находится, и найти прибежище в свободной науке» [4, s. 123].

Шеллинг полагает, что он может развить далее дело Бёме. Он также старается достичь «глубокого, содержательного, живого» мышления, и кроме того, он желает предложить еще и «научную ясность». В стремлении к этой ясности, у Шеллинга историческое постижение Бога постепенно побеждает мистическое Его постижение. Так, о понятии Бога Шеллинг говорит:

«Бог есть нечто более Реальное, нежели один лишь моральный миропорядок и имеет в себе совершенно другие, более живые движущие силы, нежели Ему приписывает скудная субтильность абстрактных идеалистов» [5, s. 105].

О моральном миропорядке говорили Кант и Фихте, а под «абстрактными идеалистами» подразумевался, прежде всего, Гегель. Шеллинг делает Гегелю упрек в учении «лишь негативной

философии», которая исходит из принципов и понятий и не выходит за пределы логической системы. «Бог» негативной философии есть поэтому, согласно Шеллингу, не живой, а «придуманный» (gedachter) Бог, – действия такого Бога были бы лишь «необходимым Его саморазвертыванием», в то время как Шеллинг делает ударение именно на свободном деянии в Истории.

Итак, Шеллинг хочет исследовать «живые движущие силы» в Боге. Он предполагает прежде всего две силы, которые взаимодействуют друг с другом, как Да и Нет, как Любовь и Гнев, как притяжение и отталкивание. Эти мысли мы встречаем уже у Бёме. Также и рождение Бога Шеллинг представляет себе подобно Бёме.

«Поскольку до или вне Бога ничего нет, то Он должен иметь основание своего существования в самом себе. Так утверждают все существующие философии; однако они говорят об этом основании как о простом понятии, не делая его чем-то реальным и действительным. Это основание своего существования, которое Бог имеет в себе, безусловно рассматриваемое, не есть Бог, т.е. поскольку оно существует; ибо оно есть лишь основание Его существования, оно есть природа в Боге: хотя и неотделимое от Него, но все же отличное существо» [5, с. 107].

Высшая субстанция обычно, особенно со времен Спинозы, также понимается как causa sui. Теософы же пытаются объективировать то основание, которое порождает Бога и отличить его от Бога как Существующего. Это представление и перенимает у них Шеллинг.

Здесь достаточно рассмотреть истолкование Шеллинга понятия зла, которое целиком исходит из мыслей Бёме и Отингера. Для Шеллинга зло это не только – как для большинства философов – частность, небытие, но скорее активная сила, коренящаяся в самом Боге. В божественной жизни, согласно Отингеру, имеется неразрывно соединяющая оба начала связь, в то время как в человеке и в мире эта связь расторгнута. Шеллинг перенимает это представление, когда он говорит:

«Если бы в духе человека тождество обоих начал было столь же нерасторжимо как в Боге, тогда между человеком и Богом не было бы никакого различия… Это единство, которое неразрывно в Боге, должно таким образом быть разрываемо в человеке, – в этом и состоит возможность добра и зла» [5, s. 112].

Шеллинг дает здесь, таким образом, как бы готовый, понятийный образ, в то время как у Отингера можно видеть развитие его созерцания. То, что здесь передает Шеллинг, есть учение Бёме в постижении Отингера.

Бёме эсхатологически излагал свое учение. Шеллинг в общем ведет свои исследования подобным же образом, поскольку он полагает, что только будущее сделает возможным истинное Знание. В предисловии к сочинению «О мировых эпохах» он описывает состояние последней исторической эпохи. Конечно, Шеллинг не дает здесь каких-то более точных апокалиптических определений. Он ограничивается самыми общими чертами. Что касается того, что эта эпоха даст, так это, согласно предсказанию Шеллинга, до сих пор неизвестное единство наук; лишь тогда станет возможной истинная система. Цель, к которой стремится Шеллинг со всем своим умозрением, он подытоживает в пророческих словах:

«Презрение, с которым лишь невежды смотрели свысока на все физическое, быстро прекратится и еще раз истинно зазвучат слова: «Камень, который бросили рабочие, стал краеугольным камнем». Тогда само собой обнаружится столь часто напрасно искомая полярность. Тогда между миром мысли и миром действительности не будет больше никакого различия. То будет единый мир, и мир золотой эпохи впервые наступит в единодушном объединении всех наук» [4, s. 206].

Здесь Шеллинг повторяет то, что он уже сказал в 1803 г. в лекциях о методе университетского образования:

«И в науке, и в искусстве особенное лишь постольку имеет ценность, поскольку оно содержит в себе Всеобщее и Абсолютное…

Таким образом, обучению отдельной дисциплине должно предшествовать познание органического Целого всех наук. Тот, кто посвящает себя какой-то определенной науке, должен узнать сперва место, которое она занимает в этом Целом… следовательно, узнать также и то, каким образом он сам должен приступать к этой науке, чтобы мыслить ее не рабски, но свободно и в духе Целого… Методика университетского образования состоит лишь в действительном и истинном познании живой связи всех наук, без которой всякое наставление оказывается мертвым, бездуховным, односторонним и ограниченным» [6, с. 4–5].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Гегель, Г.В.Ф.** Лекции по истории философии в 3 томах. Т. 3. СПб., 1994. С. 300-301.
2. Schellings Leben aus seinen Briefen. Bd. II. (1803–1820). Leipzig, 1870.
3. **Шеллинг, Ф.В.Й**. Бруно, или О божественном и природном начале вещей. Беседа∥Шеллинг, Ф. В. Й. Сочинения в 2 томах. Том 1. М., 1987.
4. **Schelling, F.W.J**. Die Weltalter. (Fragmente). München, 1976.
5. **Шеллинг, Ф.В.Й.** Философские исследования о сущности человеческой свободы∥Шеллинг, Ф.В.Й. Сочинения в 2 томах. Том 2. М., 1989.
6. **Шеллинг, Ф.В.Й.** Лекции о методе университетского образования. СПб., 2009.

УДК 141.41

А. В. Цыб

«АЛЕКСАНДРИЙСКАЯ ШКОЛА» ВО II–Ш ВВ. Н.Э. [1]

Эпоха Климента и Оригена. II–III вв. н. э. знаменуют собой конец эллинизма и начало римско-эллинистического периода мировой истории, когда главной и определяющей чертой всей общественной, государственной, экономической и культурной жизни становится тенденция к абсолютному универсализму [2]. В государственной сфере эта тенденция проявляется в создании Империи, в экономической – всеобщего средиземноморского рынка, в культурной – она выразилась в синкретическом слиянии ранее мало совместимых или несовместимых вообще элементов культуры самых различных этносов, населявших районы греко-римского влияния. Синкретизм культур коснулся всех сторон духовной жизни народов: в религии он проявился в преобразовании древних культов в новые (Серапис в Александрии, Изида в Греции и Риме, Митра и Вакх-Либер в Риме, Гермес-Трисмегист в эллинистическом Египте [59, с. 209–273], в искусстве – в заимствовании сюжетов, приемов обработки материалов и способов художественного выражения, в философии, которая по-прежнему (как и во времена античной классики) остается центром сосредоточения наиболее напряженной духовной жизни, тенденция к универсализму находит выход в создании новых мега-

[1] При финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 15-03-00813а. Материал статьи дополнен и доработан по отношению к диссертации [57].

[2] О начальном периоде этого процесса, вызванного завоеваниями Александра Великого, см.: труды Пьера Левека [30]; о «надполисной государственности» и формуле «pax Romana» в ранней Римской империи говорят, напр.: Кнабе Г.С. [28, с. 112–140], Егоров А.Б [16 с. 49–72]; Свенцицкая И.С., Кобельман А.Б. [44, с. 73–87].

метафизических учений неоплатонического стиля, возникающих после длительного периода скептицизма и философско-этического релятивизма.

Весь этот комплекс культурно-исторических явлений в значительной мере проявляется в Александрии Египетской, одном из крупнейших культурных центров римско-эллинистического мира. Начиная с I н. э. века здесь формируется очаг философской культуры, который сохранит свое значение до самого конца античного мира. Но наиболее напряженное и интересное время формирования александрийской философии, приходится, пожалуй, на вторую половину II–III вв. христианской эры.

В историко-философской литературе существует обычное подразделение александрийских учений II–III вв. н. э. на три формально и содержательно разнящихся направления: языческий неоплатонизм (Аммоний Саккас, Плотин, Ориген-неоплатоник, Порфирий, Лонгин), раннее христианское богословие и гностицизм (Валентин, Василид, Маркион), которые при всем действительном внешнем различии и полемическом сопротивлении друг другу все же находят сходные структурные, а часто и образно-символистические парадигмы своего олицетворения.

Особенности становления и развития этих поздних философских учений римско-эллинистического мира в настоящее время оцениваются с самых различных точек зрения. Среди прочих следует выделить ту, которая анализирует способы освоения и теоретической переработки представителями этих направлений классического философского наследия, исходя из констатации трех наиболее общих тенденций в процессе их формирования, из которых «каждая ощущала необходимость устранить всякие противоречия между Платоном и Аристотелем, с одной стороны, и между Святым Писанием и языческой философией с другой. Это эклектизм,

гармонизация и синкретизм [1]. Иными словами, речь идет о различной степени одного и того же явления, суть которого состоит в совмещении философем и мифологем различного культурно-исторического и этнического происхождения. Перечисленные тенденции философского мышления александрийцев имели различные уровни рефлективной определенности и самоидентификации в названных трех направлениях – неоплатонизме, осуществившем непосредственную преемственность по отношении к классической греческой метафизике, гностицизме, в котором на первый план выступило цветистое разнообразие восточных сюжетов, метафизически переосмысленных и модернизированных, и христианстве, взявшем изначальную установку на преодоление этнической специфики мифологического содержания учений, на ассимиляцию науки, философии и веры, проводимую на основании упрощения метафизики с позиций превосходства нового этического «императива» над «рационалистической ограниченностью» двух первых.

[1] К.О. Вебер: «Все понятия «эклектизм», «гармонизация», «синкретизм» и «философия компромисса» предполагают, что философ сталкивается с различными теоретическими построениями, с которыми он вынужден определить отношения. При этом он обязан одной определенной философии либо во всех идейных положениях, либо только в некоторых... Как правило, второй случай соответствует тому, что он заимствует какую-либо философему от одного мыслителя, другую – от другого. Если только все положения, которые он считает истинными, он сводит к смысловому единству, то из определенных частей имеющихся идейных конструкций посредством определенного порядка возникает новая философия, которая называется эклектической. Эклектиком, таким образом, называется такой философ, который из обнаруженных рядов противоречащих друг другу положений выбирает по мере надобности тезис, отвергает соответствующий антитезис и упорядочивает остальные положения. От эклектизма следует четко отличать всякую гармонизацию. В то время как эклектик удовлетворяется рассмотрением различных мнений только на предмет их истинности, гармонизирующий философ прослеживает также, из каких оснований происходят эти мнения, одновременно намереваясь подчеркнуть их общность. ...Синкретист, таким образом, тот, кто с целью переплавить друг с другом различные учения, так снимает существующие между ними важные противоречия, как будто они не существовали вовсе» [61, с. 57].

Александрийская «христианская школа» II–III вв. н. э. Историко-философская проблематика. В этой связи справедливо поставить вопрос: к какой из указанных тенденций принадлежала в большей степени христианская теологическая школа Пантена, Климента Александрийского и Оригена-христианина? В рамках огромного корпуса исследовательской литературы, посвященного истории экзегетики можно встретить разнообразные суждения на этот счет [13; 9, с. 305; 10; 45; 41; 34; 19, 29; 60; 43], однако наиболее привлекательным представляется мнение, согласно которому в александрийской экзегетике II–III вв. складывается особый вид христианско-неоплатонического синтеза при неявном включении в христианскую теологию многих основополагающих идей и философем языческой мудрости [1] [48, с. 43; 32, с. 50–53; 2, с. 247–268]; об аристотелевско-платоническом синтезе как философском источнике христианства вообще см.: [50], определяемого как «средний платонизм» [2]. Речь идет, прежде всего, о включении в христианскую теологию философского онтологического (космогоническом) триадизма, высказанного впервые Платоном в его поздних сочинениях (Тимей, Законы), а также – платоновских учений об умопостигаемом благе и диалектическом пути восхождения философа в эту область бытия идей (Государство, VI–VII), о субстанциальном разделении тела и души, о бессмертии души, в которых Платон опирается на более раннюю орфическую и современную ему пифагорейскую традицию (Федон), о разделении человеческой души на аффективную и разумную части (Федр), о способе перехода бытия в инобытие (Софист), божественного блага в

[1] Майоров Г.Г. : «Ориген трактует Логос двумя способами: неоплатоническим, приписывая ему те же войства, которые Плотин приписывал Нусу, и стоическим, наделяя его чертами имманентной миру разумной силы» [33, с. 94–96 и сл.; 62].

[2] Daniélou J : «Le système philosophique d'Origène et le néoplatonisme s'expliquent par des influences communes, celles de l'école appelée le « moyen platonisme », école à mi-chemin entre Platon et Plotin. Quand on parle du platonisme des Pères, c'est à ce platonisme qu'on pense» [11, c. 98].

физическую материальность (Тимей) и т. д., кроме того, речь идет о применении аристотелевской теологии космического ума, его учения о первой и второй сущности к христианскому учению о сущности божества [18]. Данные сравнительные аспекты получили освещение в отечественной историко-философской литературе. Имеется отличное исследование прошлого века «Учение Оригена о Святой Троице» В.В. Болотова [5], где триадическая концепция Оригена анализируется в том числе и с точки зрения содержания в ней философских идей.

В качестве представителей направления следует рассматривать двух основных учителей александрийской катехической школы: Климента Александрийского и Оригена-христианина, поскольку основатель школы стоический философ [15, с. 281–282] Пантен, видимо, не оставил письменных свидетельств своей деятельности. Главным предметом собственно философских размышлений этих мыслителей стали: вопрос об онто-психологических основаниях нового знания – «гносиса» [1]), и христианизированный космогонический сюжет, или история происхождения мира, представленная путем толкования различных мест Ветхого и Нового заветов. Такой метод философствования, возникший в Александрии Египетской исторических рамках общей комментаторской традиции VI в. до н. э. – XVI в. [58, с. 68–77], получает здесь наименование «александрийской школы экзегезы», развиваемой в трех направлениях: буквальном, аллегорическом и моральном. Можно принять, что субъективно точка зрения этих мыслителей была теологической, поскольку они решительно отрицали значительную часть достижений, накопленных античной философией, но верно и то, что подобные заявления во многих конкретных случаях, т. е. сюжетах и философемах их собственных сочинений, имели лишь декларативный, мировоззренческий характер, не всегда отражающий реальные

[1] Постановка которого сама по себе не представляла ничего необычного и для всей античной философии, см., напр.: материалы конференции «Универсум Платоновской мысли: рационализм или философская религия. Эпистемология Платона [55].

теоретические истоки самого оппонента, и рациональные основания раннего христианского богословия составили идеи классической античной философии.

Климент Александрийский. Биографические сведения и общая характеристика учения. О жизни Климента известны следующие факты: рожденный в Афинах ок. 150 г. в семье греков-язычников, он был воспитан в духе эллинизма, посвящен в Элевсинские мистерии и получил отменное грекоязычное образование. По примеру многих знаменитых мыслителей древности он уже в юности отправился в длительное путешествие по культурным центрам Средиземноморья, объехав Великую Грецию, Палестину и Египет и, сменив семь учителей, ок. 180 г. остановился на христианском учении Пантена в Александрии Египетской. После смерти Пантена, которая произошла, видимо, в последние годы II века, он становится главой христианской катехической школы, и остается здесь до гонений Септимия Севера 202–203 гг., после чего удаляется в Каппадокийскую Кессарию и Антиохию, куда восходят последние свидетельства о жизни Климента, относящиеся к 211 году [25, с. 203 и сл.].

От сочинений Климента для нас сохранены четыре: «Протрептик» (Увещевание), «Воспитатель» (Педагог), «Строматы» и одно маленькое исследование о главах евангелия по Марку (Марк, 10, 17–31) «Какой богатый спасется?». Две первых названных книги принадлежат к трилогии, строение которой указано в первой главе «Воспитателя». Согласно этому первая книга должна называться не «Увещевание», а «Наставительный логос» [20, с. 205]. Содержанием этой первой части трилогии является приглашение к христианской святости, вдохновление, или, – если попытаться понять это в буквальном смысле того времени, – «вдувание божественного духа» в пневматическую часть (наименее смешанную с телесностью) людских душ, способствующее тому, что обозначено термином «метанойя» (изменение мыслей). Вторая часть, в которой логос действует как «педагог», или воспитатель, обращена к воле и движениям души. Ее

цель состоит в выводе сознания из языческих, «мирских» обычаев, формирование христианского характера. Эти два подготовительные сочинения содержат и философскую проблематику, главным образом логософическую и теологическую, которая развивается и завершается в главном сочинении Климента – «Строматах». Именно здесь Климент ставит перед собой весь комплекс разграничительных задач между философским и христианским способами богопознания, в решении которых Климентом мы и обнаруживаем богатую философскую культуру этого автора [см. также: 49, с. 125; 50, с. 52–58; 51, с. 168–177; 52, с. 80–81].

Демаркация между эллинской философией и «богатством вечного логоса» ставит перед Климентом прежде всего вопрос о выяснении природы «истинного гносиса»: три книги [1; 2; 5] этого трактата посвящены группе проблем познавательного характера. Опираясь на индуктивно-онтологический аргумент: невозможно знать часть, если не знаешь целого (Стром. I 14), – он доказывает, что «в греческой философии, как в орехах, не все съедобно», что науки и философия имеют лишь «приготовительное значение» (Стром. I 5), ибо они «подобно вакхантам разорвали Пенфея (истину) на части» (Стром. I 13) и нуждаются в объединяющей власти христианской веры.

Из глубокого аналитического обзора познавательных теорий предшествующих эпох Климент выстраивает собственную концепцию знания – учение о «христианском гносисе», которая отчасти напоминает платоновскую «аналитику» познавательных способностей души из диалога «Государство» (Государство YI 509d-533d). Однако платоническая концепция существенно модифицируется Климентом в сторону мистического интуитивизма: и то, что в античной платонической традиции представлено способностью интеллектуального умопостижения (у Платона это диалектический ум), Климент увязывает только с христианской верой – интуицией, которая, по его словам, только и способствует «проникновению в самую сущность вещей», «не останавливается на

мнениях..., но успокаивается в свете истины» (Стром. II 4). Она же является необходимой ступенью к восприятию божественного «логоса». Переходя к описанию «логоса» Климент резко критикует атомизм эпикурейцев, ведущий к отрицанию провидения», стоиков за учение о Боге как «телесной субстанции, проникающей собою все, даже грубейшую материю» (Стром. II 11), Имея ввиду учение об огненной «пневме», при этом Климент называет «софистами тех, кто выступает против» Св. Писания (Стром. I 3), а также критикует урфилософов-досократиков за их наивный фюзикализм, Климент, обращается к авторитету Платона, также отмечает значение Анаксагора из Лампсака, который, по его мнению, «признавал бога, так как первый стал учить, что происхождению всех вещей предшествовал ум» (Стром. II 4).

Однако для Климента рациональные формы катафатического описания сущности божества оказываются не столь важными как апофатические (в отличие от его идейного последователя Оригена), и главное внимание он сосредотачивает на теолого-метафизических характеристиках логоса-Христа, который в этой интерпретации предстает в формах «слова», «закона», божественной энергии и космического Педагога, сущностно обеспечивающего связь человеческого (христианского) гносиса с возможностью умопостижения надмирного творца. При этом Климент, время от времени принимая на себя роль мистагога, объясняющего возможность этой связи посредством экстатических или аскетических (например, в значении позднесредневековой экхартовской мистики – особых внутренних состояний, достигаемых путем аскетических упражнений), все же склоняется к тому, чтобы объяснить «христианский гносис» исходя из здравого смысла и упрощения практик религиозных экстазисов, накопленных тысячелетним опытом языческих культов. Что делает Климента – через Дионисия Ареопагита [1] и Св. Августина [12] – одним из источников позднейшей средневековой мистики Мейстера Экхарта и его ученика Иоганна Таулера (Ср. идею «внутреннего

человека», упоминаемую Климентом, напр., в «Педагоге» II 5, его, подхваченную из платоновского «Теэтета», идею «уподобления богу» в Стром. I 19, и – учение Иоганна Таулера о «сердцевине души» и вхождении человека в божество [57], также испанских мистиков и иллюминатов (alumbrazos) XVI века, находившихся в интеллектуальной оппозиции к официальной католической доктрине [3, с. 182–196], и – предтечей европейского «персонализма» и интуитивизма.

В стоической семантике, заимствованной Климентом, Логос – это (помимо космологических значений) знак, истина, идея, мысль, которые, по представлению Климента, бог подает человеку для познания, самого же творца учитель Церкви интерпретирует в чисто платоновской терминологии: он – «благая монада», которая потому и является богом, что в ней есть непременное свойство всегда быть источником благ (Стром. IV 23; VI 16), он есть точка совпадения всех потенций космоса. Благой – это наиболее чистое, безотносительное определение бога, логически предшествующее его определению как творца; через логос бог сотворил мир и управляет им. По своему существу Он далек от мира, потому что рожденное не может приблизиться к нерожденному, но Он близок к миру своей энергией – логосом (Стром. VII 2). Платонизм Климента развивается и усложняется перипатетическим синтезом в творчестве его ближайшего последователя Оригена.

Ориген. Биографические данные и общая характеристика учения. Уже Вл. Соловьев, которому принадлежит одна из лучших в отечественной историко-философской традиции статей о христианском платонике II–III вв. Оригене [53, с. 141–145], обратил внимание на тот удивительный факт, что по свидетельству современников общее число сочинений Оригена составляло 6000 книг в античном значении этого слова. Даже для наиболее плодотворных в литературном отношении времен, когда перо и лист являлись, по сути, единственным средством культурной коммуникации, слава столь легендарно плодовитого автора закреплялась далеко не за каждым

писателем. Но Ориген-христианин, жизнь которого продолжалась ок. 70 лет (189–254) в непрерывных полемических и экзегетических трудах, принадлежал к этому числу. Родившись в Александрии в эллинизированной христианской семье, он ок. 202 потерял отца, который был казнен во время гонений Септимия Севера, и, оказавшись в нужде, в семнадцать лет сделался учителем грамматики и риторики и был приглашен в наставники катехической школы, руководимой Климентом. В 228 г. совершил путешествие в Грецию, а в 231 г. из-за начавшихся проявлений враждебности со стороны александрийского епископа был вынужден перенести свою деятельность в Кессарию Палестинскую, совершил новое путешествие в Афины и Аравию, во время Декиевых гонений 249–251 гг. был подвергнут тюремному заключению в Тире, где умер ок. 253–254 г.

При этом естественно, что до нашего времени из сочинений Оригена дошла лишь незначительная часть (большее число из них даже по упоминанию названий утеряна навсегда, что, по мнению Э.Р. Редепеннинга, объяснимы замешательством в отношении Оригена со стороны христианских комментаторов, которое возникло в результате объявления его еретиком [42, с. 380–381]. Наиболее известные из них – это трактаты «О началах», «Против Цельса», «Толкование на евангелие по Матфею», «Толкование на Апокалипсис Иоанна», «Гомилии» [35; 36; 37; 39] и некоторые другие. Комментаторские трактаты Оригена принадлежат к разряду его ранних сочинений и, по словам, одного из лучших знатоков его творчества, Э.Р. Редепеннинга, работу в этом жанре Ориген начинает уже в ранней юности с обширных пометок на полях изученных им философских трудов, которые он сам вряд ли предназначал для публикации [42, с. 379–380]. Что это были за философы? Отвечая на этот вопрос, мы с необходимостью сталкиваемся с известной проблемой «двух Оригенов» [46].

Первым по счету самостоятельным трудом в этом ряду принято считать трактат «Толкование на евангелие по Иоанну» [38], который, по всей видимости, создавался в течение ряда лет и является наиболее

существенным произведением Оригена и по ряду причин – важнейшим для понимания философии Оригена, поскольку является, по общему мнению, наименее искаженным относительно первоначального авторского текста. [1] Вместе с тем, в отечественной (как, впрочем, и зарубежной литературе), данное произведение Оригена находилось под пристальным вниманием чаще лишь богословских интерпретаторов и по той причине долгое время было подвержено одностороннему теологическому комментированию, в то время как на лицо имеются вполне объективные основания для выявления антично-философских истоков идей Оригена. Основательные предпосылки к этому созданы усилиями А.Ф. Лосева [31, с. 860–862]. Из современных иностранных исследователей к этому дает повод, например, труд К.О. Вебера [61].

Некоторые биографические сведения, сопутствующие созданию Оригеном трактата, сообщает Э.Р. Редепеннинг: история создания «Толкования», по его словам, не изобилует точными фактами [42, с. 379–380]. Известно, что пять первых книг Ориген написал в Александрии, там же он начал шестую книгу. В это время Оригену около тридцати семи лет и он не спешит выступать в качестве писателя, подвигаемый к этой деятельности только материальной нуждой. Время создания остальных книг «Толкования» точно не известно. По справедливому замечанию того же исследователя, характерной особенностью этого раннего произведения Оригена является отсутствие систематической структуры, как и во многих других его трактатах, несмотря на то, что традиционно Ориген считается систематиком христианского вероучения, на чем настаивает не только вся православно-теологическая традиция, но и отечественные неконфессиональные историко-философские исследования, например, В.В. Соколов [48, с. 43]. Такое представление сложилось главным образом по результатам другого, наиболее

[1] Исторические данные о рукописной традиции «Толкования» см. во вступительной статье Эрвина Пройшена к изданию Прусской Академии наук [40, с. IX–XII].

известного трактата Оригена – «О началах», который традиционно считается первым догматическим христианским сочинением, но дошел до наших дней, как известно в сильно искаженном латинском переводе.

И все же содержание большинства его трактатов свидетельствует о том, что центральной философско-теологической проблемой для Оригена является построение троичной божественной иерархии, которую он решает с помощью активного внедрения в богословие философского аристотелевско-платонического языка. Распределить поднимаемые Оригеном философские проблемы по конкретным произведениям невозможно, поскольку одна и та же тема поднимается по несколько раз, иногда вызванная содержанием объясняемого места, иногда – возникающей по данному поводу полемикой с идейными противниками, иногда – заключенная в обильно приводимых Оригеном параллельных местах. С другой стороны, ряд таких важных проблем как природа греха и спасения, сущности бога, тринитарная проблема реконструируются только из разрозненных отрывков и нигде не излагаются в сколько-нибудь полной форме. В связи с этим представляется разумным обратиться к важнейшим теоретическим проблемам, как и в случае с Климентом Александрийским, построив изложение по системному, а не по формальному признаку.

Определение аристотелевско-платонических концептов. Теоретические усилия Климента Адександрийского и его продолжателя Оригена направлены, используя выражение В.В. Болотова, к проблематике первой стадии формирования христианской философии – «богословской» [6, с. 301–305]. Дополним только, что акценты этих усилий сосредотачиваются не только в учении о боге-посреднике (Христе), но в сфере космогенезиса и космологии. Космогоническая ноология (учение о космическом уме), объясненная с точки зрения непреходящего авторитета Платона и Аристотеля, собственно, и стала тем общим эпистемологическим полем, или, по выражению М. Фуко, «операционным столом» [56], на котором проводили свои метафизические опыты не только александрийские

интерпретаторы Ветхого и Нового Заветов, но и гностики, не говоря уже о самих неоплатониках. Среди различных точек зрения на способы идентификации философских школ II–III вв. привлекает внимание та, которая предлагает искать суть различий между платониками II–III вв. в ортодоксальности и еретичности ориентализованного платонизма [47, с. 64]. Правда, в упоминаемой здесь работе речь шла о плотиновской критике гностиков-валентиниан, но, пожалуй, указанный взгляд на способ дифференциации и идентификации учений, подходит и к рассмотрению раннего александрийского христианства (с учетом его общей синкретической тенденции). Это утверждение прекрасно иллюстрирует содержание «Педагога» и «Строматов» Климента и сочинений Оригена «О началах», «Толкование на евангелие от Иоанна», «О молитве», которые способствовали ассимиляции христианством не только «ортодоксального» платонизма, но и в значительной мере аристотелизма. [см. также: 20, с. 58–76; 21; 22; 23, с. 18–26; 24, с. 16–23].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Аврелий Августин. – Исповедь (7 X, 10 X). – М., 1991.

2. Афонасин Е.В. «Агностикос тхеос»: учение о трансцендентном божестве в Строматах Климента Александрийского // Историко-философский ежегодник. 1996. Т. 1995. С. 247–268.

3. Bejarano M.M. Historia de la filosofía en España hasta el siglo XX. – Madrid, 1927.

4. Berchman R.M. From Philo to Origen: Middle Platonism in Transition. – Brown Judaic Studies. – 69. – Chicago: Scholars, 1984.

5. Болотов В.В. Учение Оригена о Святой Троице. – СПб., 1897.

6. Болотов В.В. Лекции по истории Древней Церкви., М.: Издание Спасо-Преображенского Валаамского Ставропигиального монастыря, 1994. Т.2. – 474 с.

7. Clemens Alexandriner. Stromata. Leipzig: Hrg. von O.Staehlin.,1906. Bd.2, Buch.1–4.

8. Des Clemens von Alexandria ausgewählte Schriften aus dem Griechischen übersetzt, von O.Stählin // Bibliothek der Kirchenväter (II. Reihe, Bd.7,8, 17,19,20). – München, 1934–1938.

9. Виндельбанд В. История Древней философии. – СПб, 1902.

10. Гэтч Э. Эллинизм и христианство // Общая история европейской культуры. – СПб., 1903, т.YI.

11. Daniélou J. Origène {Génie du christianisme, collection publiée sous la direction de François Mauriac). Paris: Éditions de la Table Ronde, in-8°. – 1948. – 310 p.

12. Дионисий Ареопагит. Мистическое богословие. – Киев: Издание христианской благотворительно просветительской ассоциации «Путь к истине», 1991. – 390 с.
13. Дмитриевский В.П. Александрийская школа. Очерк из истории духовного просвещения от I до начала Y века по Р.Х. – Казань, 1884.
14. Егоров А.Б. Социально-экономическое и политическое развитие ранней Римской империи // История древнего мира. Упадок древних обществ (под ред. И.М. Дьяконова, В.Д. Нероновой, И.С. Свенцицкой). М.: Главная редакция восточной литературы, 1989. – С. 49–72.
15. Евсевий Памфил. Церковная История, V, 10–12 // Сочинения Евсевия Памфила, перевод с греч. При СПб Духовной Академии. – СПб.: В типографии Е. Фишера. Т.I. – С. 281–282.
16. Eusebius von Cäsarea. Kirchengeschichte. – Darmstadt: hg. v. H. Kraft, übers. v. P. Haeuser und H.A. Gärtner. – 1984.
17. Историко-критический очерк // Ориген. О началах. – Самара, 1991.
18. Hammerstädt J. Der trinitarische Gebrauch des Hypostasisbegriffs // Jahrbuch für Antike und Christentum. – 1991, Jahrgang 34.
19. Hoffman E. Platonismus und christliche Philosophie. – Zuerich-Stutgart, 1975.
20. Каптен Г.Ю. Критика Оригенизма в философии Максима Исповедника // AKADHMEIA: мат-лы и исследования по истории платонизма. 2014. № 9. С. 58–76.
21. Каптен Г.Ю. Критика оригенизма в философии Максима исповедника. Дисс… на соиск. уч. ст. канд. филос. наук / Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена. Санкт-Петербург, 2010.
22. Каптен Г.Ю. Критика оригенизма в философии Максима Исповедника. Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. канд. филос. наук / Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена. СПб. – 2010.
23. Каптен Г.Ю. Заметки по гносеологии Св. Максима Исповедника // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2007. Т. 8. № 1. С. 18–26.
24. Каптен Г.Ю. Гносеологическое значение учения об обожении в критике оригенизма максимом исповедником // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2010. № 2 (1). С. 16–23.
25. Kelber L. Die Logoslehre. Von Heraklit bis Origenes. – Stuttgart, 1958.
26. Климент Александрийский. Строматы (перев. Н.Н. Корсунского). – Ярославль, 1898.
27. Климент Александрийский. Педагог (перев. Н.Н. Корсунского и Г. Чистякова). – New York, Москва, – 1996.
28. Кнабе Г.С. Римское общество в эпоху ранней империи // История древнего мира. Упадок древних обществ (под ред. И.М.Дьяконова, В.Д. Нероновой, И.С. Свенцицкой). – М.: Главная редакция восточной литературы, 1989. – С. 112–140.
29. Krueger L. Ueber Vaerhaeltniss des Origenes zu Ammonius Sakkas // Zeitschrifrt fuer histor. Theologie, 13, N.F.7. – 1843.
30. Левек П. Эллинистический мир. Пер. С франц. Е.Н.Чиковой. Коммент. и послесл. Г.А. Кошеленко. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1989 // Levéque P. Le monde hellenistiqu. – Paris, Armand Colin, 1961.
31. Лосев А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии. – М.: Мысль. 1993.

32. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития. - М.: Мысль. 1992.
33. Майоров Г.Г. Формирование средневековой философии. – М.: Мысль. 1979. – 430 с.
34. Meinfort Y. Der Platonismus bei Clemens Alexandrinus// Heidelberger Abhandlungen zur Philosophie und ihrer Geschichte. – Tuebingen, 1928, N. 17; E.
35. Origenes. De principiis (On First Principles): Henri Crouzel and Manlio Simonetti, eds., Origène: Traité des principles, 5 vols., Sources chrétiennes 252 (Books 1–2), 253 (Commentaries and fragments of Books 1–2), 268 (Books 3–4), 269 (Commentary on and fragments from Books 3-4), 312 (index) (Paris: Éditions du Cerf, 1978–1984). See also Vol. 5 of Origenes Werke, GCS 22 (Leipzig: Hinrichs, 1913).
36. Origenes. Scolienkommentar zur Apokaypse Johannis, Hgg. von Diobouniotis u.A. Harnak, Lpz.,1911.
37. Origenes. Contra Celsum (Against Celsus): Marcel Borret, ed. Origène: Contre Celse, Sources chrétiennes 132 (Books 1–2), 136 (Books 3–4), 147 (Books 5–6), 150 (Books 7–8) (Paris: Éditions du Cerf, 1967–1969)
38. Origenes. Commentarii in evangelium Johannis (Commentary on the Gospel of John): C. Blanc, ed., Origène: Commentaire sur saint Jean, 5 vols., Sources chrétiennes 120, 157, 222, 290, 385 (Paris: Éditions du Cerf, 1964–1992). See also vol. 4 of Origenes Werke, GCS 10 (Leipzig: Hinrichs, 1903).
39. Origenes. Commentarium in evangelium Matthaei (Commentary on the Gospel of Matthew): R. Girod, ed., Origène: Commentaire sur l'Évangile selon Matthieu, Sources chrétiennes 162 (Paris: Éditions du Cerf, 1970), vol. 1 [X-XI]. See also Vols. 10, 11, and 12.1–2 of Origenes Werke, GCS 38, 40, 41 (Leipzig: Hinrichs, 1935–1955; vol. 3 revised, 1968).
40. Preuschen E. Einleitung // Die griechischen christlichen Schriftsteller der ersten drei Jahrhunderte. Origenes Werke, IY Bd., Der Johanneskommentar. – Leipzig, 1903, S. IX–XII.
41. Пфейдерер О. Подготовка христианства в греческой философии. – СПб., 1908.
42. Redepenning E.R. Origenes. Eine Darstellung seines Lebens und seiner Lehre. – Bonn, 1841, Bd.I–II.
43. Саврей В.Я. Александрийская школа в истории философско-богословской мысли. Издательство «КомКнига». – М., 2005.
44. Свенцицкая И.С., **Кобельман А.Б.** Восточные провинции Римской империи // История древнего мира. Упадок древних обществ (под ред. И.М. Дьяконова, В.Д. Нероновой, И.С. Свенцицкой). М.: Главная редакция восточной литературы, 1989.– С. 73–87.
45. Сергиевский А. Отношение апологетов Восточной Церкви к языческой философии // Вера и разум. №86. 1–2.
46. Серегин А.В. К вопросу о двух Оригенах // Богословские Труды. 2009. №. 42. С. 44-86.
47. Сидоров А.И. Плотин и гностики // Вестник древней истории. 1879. №1.
48. Соколов В.В. Средневековая философия. – М., 1979.

49. Соколова М.И. Концепция уподобления у александрийцев (Филон Александрийский, Климент Александрийский, Ориген, Плотин) // Античный мимесис. Сб. ст. СПб.: С.-Петербургское Философское общ-во, 2008. С. 116–148.
50. Соколова М.И. Пайдейя в платоновском «Государстве»: социальное и абсолютное // ΠΛΑΤΩΝΟΠΟΛΙΣ: философское антиковедение как междисциплинарный синтез философских, исторических и филологических исследований. Мат-лы 5–7 летних молодежн. науч. школ 2008–2010 г., науч. отчеты СПб Платоновского филос. общ-ва. СПб. СКИФИЯ-ПРИНТ. 2012. С. 125–130.
51. Соколова М.И. Гносеологические и этические основания понимания символизма в «Строматах» Климента Александрийского // Мат-лы IV Летней междунар. молодежн. науч. школы PLATONOPOLIS: философское антиковедение как междисциплинарный синтез философских, исторических и филологических исследований. Отв. ред. А.В. Цыб. – СПб. – 2005 – С. 52–58.
52. Соколова М.И. Бытие как φύσις и бытие как ιδέα (М. Хайдеггер Введение в метафизику) и Строматы Климента Александрийского. Δόξα и τέλος // «Универсум платоновской мысли. Платоновская и аристотелевская традиции в античности и в европейской философии: Мат-лы XIII междунар. историко-философской конф. Отв. ред. А.В. Цыб. СПб., 2005, С. 168–177.
53. Соколова М.И. Естество и образ. Образование в Средние века и в Новое время // Научная сессия ГУАП: Сб. в 4-х ч. Ч. III. Гуманитарные науки. – 2009. – С. 80–81.
54. Соловьев В.С. Ориген // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона, XII, с.141–145
55. Taulers Medulla animae oder von der Vollkommenheit aller Tagenden. – Frankfurt am Main, 1843.
56. Универсум Платоновской мысли: рационализм или философская религия. Эпистемология Платона: мат-лы IY историко-философской конф. 14 мая 1996 г. и историко-филос. семинара 29 марта – 2 апреля 1997 г. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1997. – 152 с. // С.-Петербургское Платоновское филос. общ-во науч.-образоват. информ. ресурс URL: http://www.platoakademeia.ru/index.php/ru/conferences/itemlist/category/14-upt_4 (дата обращения 24.04.2015).
57. Foucault M. Les mots et les choses. Une Archeologie des sciences humaines. – Paris, Callimard, 1966.
58. Цыб А.В. Античная философия в александрийской экзегетике II–III веков н. э.: дис. … канд. филос. наук. 09.00.03 – История философии – СПб. 1999. – 154 с.
59. Шичалин Ю.А. Возникновение европейской комментаторской традиции // Историко-философский ежегодник. 1989. Т. 1989. С. 68–77.
60. Штаерман Е.М. Социальные основы религии Древнего Рима. М., 1987.
61. Stein H.v. Verältniss des Platonismus zur Philosophie der christlichen Zeiten. – Göttingen, 1875.
62. Weber K.O. Origenes der Neuplatoniker. Versuch einer Interpretation. – München, C.H.Beck'sche Verlagsbuchhandlung, 1962. – 164 s.
63. Wynand de Beer. The Platonist Christian cosmology of Origen, Augustine, and Eriugena // Режим доступа: http://www.earlychurch.org.uk/pdf/origen_de-beer.pdf (дата обращения 24.04.2015).

УДК:94

Йунус Нади Шен

КОНЦЕПЦИИ ИНТЕГРАЦИИ ЕВРАЗИЙСКОГО ПРОСТРАНСТВА В ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ И РЕСПУБЛИКАНСКОЙ ТУРЦИИ

В Турции существует несколько мнений на счет появления термина *евразийство*. По мнению турецкого левого исследователя О. Эрдема данное понятие ввел в обиход сам Мустафа Кемаль Ататюрк [6]. Согласно другой версии термин был придуман в России, потом перенят турецкими интеллектуалами [16]. Существует также мнение, что данный термин впервые в Турции его использовали младотурки [4]. Однако, если анализировать идеологию младотурков начала XX века, где основная мысль сводится к созданию «Великого Турана», объединяющего земли, на которых преимущественно проживают этнических тюрки [10, pp. 27–84; 11, pp. 17–41], то можно найти немало отличий по сравнению с термином евразийство. Видение евразийства в Турции очень сильно отличается от его терминологического понятия России. Это обусловлено культурно-историческим прошлым турецкого народа и его происхождением, а также психологией народа и современной политической ситуацией.

По мнению большинства турецких ученых [13, pp. 273–277], сильное влияние на турецкое евразийство оказало евразийство российское. При сравнении турецкого евразийства с российским можно найти немало сходств и различий, однако, не вызывает никаких сомнений тот факт, что возникали они автономно и по своему генезису представляют собой два различных явления.

Российское, в отличие от турецкого, имеет давнюю и четкую внешнеполитическую подоплеку.

Если русское евразийство имеет глубокие корни в противопоставлении себя Западному миру и осознании себя в качестве отдельной не западной цивилизации, то в Турции данное явление оказалось в тесной связи именно с западничеством, модернизацией страны. Теории тюркизма и пантюркизма в качестве первых евразийских концепций были искусственно введены местной светской интеллигенцией в противоположность панисламской идеологии властей. Целью турецких интеллектуалов, придерживающихся евразийской интеграции, было восстановление политического могущества Турции на Востоке через изменение направления экспансии с юга и запада (арабские страны и Балканский полуостров) на восток [12, pp. 17–41].

Появлению идей евразийства в Турции способствовали как внутренние причины (противостояние традиционалистов и модернистов), так и внешние – влияние Запада и последствия распада Османской Империи. В обоих случаях становление и популяризация идей евразийства вытекают из политического и системного кризиса, в состоянии которого оказались оба государства. Пытаясь сохранить стабильность и расширить свое влияние, Россия и Турция приступили к переосмыслению своей идентичности, придавая большое значение своему происхождению и традициям. В некотором роде, концепция Евразийства является очень опасным инструментом, открывающим дорогу идеям национализма, которые могут привести к жестокому кровопролитию. Поэтому, по мнению турецких левых евразийцев, к евразийской теории следует относиться с особой осторожностью, придерживаясь изначально заложенных идей сотрудничества между народами Евразии [1, pp. 550–552.].

В России научная трактовка евразийства появилась чуть раньше, чем в Турции. В идеологическом плане российский вариант имел более успешную научную базу и был более консолидирован общим

подходом к решению проблем, в отличие от турецкого, где каждая сторона по-своему трактовала причины и последствия распада Османской Империи. В некотором роде, поэтому в основе турецкого евразийства были использованы идеи успешного российского евразийства. Но несмотря на это, турецкая интеллигенция того времени считала, что свои корни евразийство в Турции берет от идей пантюркизма и пантуранизма, распространившихся среди турецкой светской интеллигенции во время правления младотурок. Отчасти это можно объяснить тем, что Турция и Россия начала XX века отождествляли себя как уникальные государства, находящиеся на периферии западной и восточной культур. Поэтому каждая из сторон расценивала свою внешнеполитическую доктрину евразийства, единственную в своем роде. Исходя из идей евразийства, Турция и Россия были склонны считать своей колыбелью восточную культуру, но и не отрицали тот факт, что переняли многое из западной культуры. Турция и Россия всегда подчеркивали свою самобытность, которая проявлялась во многих аспектах жизни общества и политике государства.

Ведь как в случае Турции, так и России, интеллигенция этих стран видела в евразийстве альтернативный путь спасения и развития государств, в уже пошатнувшихся устоях империализма, за счет расширения в восточном направлении и с применением более мягких инструментов внешней политики.

Следует обратить внимание на параллели становления и развития турецкого и российского империализма, которые вполне в евразийском ключе проводит британский ученый Д. Ливен: «И русские, и османы выросли в тени монголов, в регионах, косвенно контролируемых государствами – наследниками Великого хана. По мере того как могущество империи монголов шло на спад, русские и османы занимали оставляемые ею ниши. Османы, например, захватили Черное море и его северный берег и господствовали там. В середине XVI века распространение русских в южные степи вступило в противоречие с

интересами османов, и главным образом с интересами их сателлита – Крымского хана. С этого времени отношения между двумя государствами, и прежде не слишком близкие, но вполне дружелюбные, начали портиться» [21, с. 679]. Таким образом, автор приходит к выводам о наличие некоторых общих закономерностей в развитии двух государств, что позволяет сравнивать эволюцию их развития.

И Турция, и Россия являются наследниками Великой Монгольской Империи, а значит и в идеях евразийства обеих стран можно найти много общего. Но факторы географического соседства и ограниченного геополитического пространства отрицательно повлияли на союзнические отношения между Османской и Российской империями. Д. Ливен пишет об следующее: «И московская, и османская династии появились на периферии огромных территорий и цивилизаций, над которыми они впоследствии установили свое господство. Москва была аванпостом Киевской Руси, а та, в свою очередь, являлась одним из последних и самых удаленных «завоеваний» византийского христианства. Тюрки Центральной Азии, от которых, собственно, и произошли османы, были, по крайней мере, так же далеки от центра ислама. Русские обратились в христианство, а тюрки – в ислам в том же десятом веке. Наплыв тюрков в Анатолию начался после поражения Византии при Манзикерте в 1071 году; в это же время славяне начали заселять Северо-Восточную Русь – будущее Московское царство. В Средние века религиозные убеждения обычного османского или московского подданного были далеки от символов веры, провозглашаемых городскими религиозными лидерами православия или ислама. Крестьянство Северо-Восточной России до XIV века было христианским только в отдельных местах. Религией османского населения в это время был сплав мусульманства, христианства и язычества, что вполне естественно для региона, только недавно завоеванного чуждыми тюркскими элементами, но веками до этого принадлежавшего различным культурам, цивилизациям и правителям»

[21, с. 680]. По данному отрывку мы понимаем, насколько же схожи при всем разнообразии наследники Империи Монголов. Несмотря на свое общее происхождение, каждая из империй выбрала свой путь развития. В начале строительства мультикультурных Российской и Османской империй у обоих государств отсутствовал интерес к сотрудничеству с европейскими странами. По истечению времени и прогресса Западной цивилизации Османская и Российская империи начали интегрироваться в Европейскую культуру. Европейцам было не выгодно иметь сильных соседей на Востоке, и поэтому они не особо стремились к сотрудничеству. Европа не видела партнеров в лице новообразованных сопредельных империй на востоке. Стоит лишь упомянуть о потере такого важного оплота христианства как Византия. Для Европы восточный непреодолимый барьер в виде осколков Арабского халифата и могущественной Великой Монгольской Империи преобразовался в новых потенциальных врагов – Османскую и Российскую империи [8, pp. 12–13]. Стремление Османов и России проникнуть в Европу, как и желание европейцев захватить восточные территории, вылились в кровопролитные сражения. Длительный промежуток времени Европейские державы очень умело манипулировали отношениями между Османской и Российской империями, не давая им возможности объединиться против Европы. Отчасти безрезультатность продвижения Османской и Российской империи в западном направлении, отсутствие у них постоянных и сильных партнеров, а также жесткий ответ Европы и привели к переосмыслению самоидентификации с изменением политических взглядов в сторону Евразийства.

Столкнувшись с последствиями Первой мировой войны (военная интервенция в России, освободительная война) и крахом империй, Турция и Россия осознали, что они находятся «в одной лодке» и у них общий враг в лице Запада. Наконец-то вместо обособленности и самолюбия пришло понимание общего родства и политического единства. Сам факт неоценимой помощи со стороны большевистской России в отношении кемалистской Турции во время противостояния с

Западом (в ходе войны за независимость Турции, в которой ей противостояли державы Антанты), подтверждает то, насколько были близки взгляды и сплоченность этих государств. Параллельно этому Советская власть расценивало данное сотрудничество, как помощь в пробуждении восточных и мусульманских стран в борьбе с империализмом [20, с. 427]. Но, несмотря на это, после образования СССР и смерти Мустафы Кемаля (10 ноября 1938 г.) приведшей к смене политического курса, идеи Евразийства в обеих странах начинают угасать. Этому также способствовало масштабное противостояние двух мировых идеологий XX века – капитализма и социализма, где идеям такого плана отводилась второстепенная роль.

Незадолго до смерти первого президента Кемаля Ататюрка, Турция стала отдаляться от СССР и сближаться Западом, в первую очередь, с Германией [19, с. 31–34]. В годы Второй мировой войны Турция сохраняла нейтралитет, однако, поражения СССР в ходе первых лет войны стали причиной активизации прогерманских политических движений. По мнению их сторонников, Турция должна была выступить против СССР и захватить районы, населенные тюркским и мусульманским населением. Фактически, в Турции в начале 40-х гг. XX в. имело место возрождение пантюркистского и пантуранистского движения, зародившегося еще в начале XX в [18, pp. 28–29]. Однако, с поражением Германии деятельность этих политических групп была раскритикована, а ряд их членов отданы под суд. Среди них был офицер Альпарслан Тюркеш, впоследствии один из лидеров военного переворота 1960 г., основатель и бессменный лидер «Партии националистического движения», чья идеология была основана на турецком национализме и пантюркизме.

После краха модели СССР меняется политическая картина мира. К северу и западу от Турции возникает, так называемая «геополитическая пустота» [5, p. 472], которая открывает новые возможности в развитии и продвижении турецкого евразийства. В этот период и происходит перерождение идеи Евразийства.

Используя свое родство в языковом, этническом, религиозном и историческом аспекте, Турция начинает активно сотрудничать с такими регионами как Средняя Азия и Кавказ. Наряду с ростом амбиций возникает и немало вопросов по поводу методов продвижения своей идеологии в данных регионах.

В Турции в 90-е гг. XX в. наблюдается возрождение пантюркистских теорий начала XX в. Вновь популярными становятся идеи Ю. Акчуры и З. Гёкалпа о необходимости интеграции тюркского пространства евразии вокруг Турции.

Параллельно с распространением собственных идей евразийства в Турции пользовалась огромным успехом, и концепция русского евразийства. Следует отметить, что после распада СССР интерес к русскому евразийству в России и в Турции появился в один и тот же период.

Начиная с 90-ых годов XX века, понятие евразийство набирает все большую популярность в Турции. Данный термин стал широко использоваться не только в политическом и культурном плане, но и постепенно стал охватывать все аспекты жизни общества, закрепляясь в умах людей как новая идеология [14, p. 23].

В тот же период концепция евразийства получает широкое распространие в таких идеологических течениях Турции как: социализм, национализм, неокемализм и неоосманизм. Несмотря на общий вектор воззрения на концепцию, каждое политическое течение пытается трактовать евразийство по-своему. До сих пор в Турции не сформировалось общего подхода к определению концепции евразийства. В данной полемике каждая из сторон по-разному описывает данное понятие и по-своему очерчивает потенциальную сферу влияния турецкого евразийства. Это проявляется в таких рассуждениях как: Турция как бастион социализма на Востоке [4, p. 23]; в идеях построения тюркского государства Туран [см. подр.: 3; 14]; в необходимости азиатизации внешней политики Турции в восточном направлении[16, pp. 74–78]; в реинтеграции

геполитического пространства Османской Империи [5. pp. 128–196]. Несмотря на противоречия, все стороны поддерживают идею стремления Турции расширить свое геополитическое пространство в современном мире. [9, p. 51].

Каждая из идеологических сторон, будь то социалисты, националисты, неокемалисты и неоосманисты, так или иначе пытаются по-своему трактовать принципы евразийства, не особенно сопоставляя свои взгляды с классическими принципами. Концепция претерпела деформацию в различных идеологических течениях, превратившись в иную парадигму. Если проанализировать платформу идеологических течений Турции до и после популяризации евразийства в рамках своей идеи, то никаких больших отличий мы не найдем. Концепция евразийства как бы стала дополнением к различным политическим идеологиям Турции, тем самым превратившись в орудие в руках различных партий, стремящихся распространить свою идеологию и оправдать свой политический курс.

Многие турецкие ученые по-разному характеризуют понятие евразийство. В некоторых моментах их высказывания даже противоречат друг другу. Скорее всего, данный конфуз связан с принадлежностью того или иного ученого к различным политическим течениям и партиям. Не редко высказывания турецких исследователей не имеют ничего общего с используемым ими термином «евразийство». Исходя из вышесказанного, в Турции до сих пор нет четкого терминологического определения Евразийства. Данная ситуация приводит не только к отсутствию определения, но и к трудности осмысления Евразийства в интеллектуальных кругах Турции. Эта проблема усугубляется попытками некоторых турецких ученых спроецировать российское евразийство на турецкую действительность [17, p. 11].

Таким образом, при исследовании данной тематики мы сталкиваемся с проблемами определения и понимания турецкого евразийства. Как уже упоминалось, различные трактовки модели

евразийства в Турции (с позиции социализма, национализма, неокемализма, неоосманизма и российского евразийства), делают эту концепцию менее жизнеспособной. Проблема вовсе не заключается в утопичности или же прагматичности идей, она в самом понимании данного определения и его концептуальной сущности. Помимо этого, отсутствие четкого понимания термина «евразийство» искажает основную суть концепции, тем самым создавая путаницу. Поэтому ошибочная трактовка евразийства ставит перед турецкими интеллектуалами ложные задачи, тем самым искажая видение сложившейся проблемы.

Как уже выше отмечалось, распад Советского Союза и образование «геополитической пустоты» на постсоветском пространстве, приоткрывает новые возможности для воплощения идей турецкого евразийства. Если посмотреть на карту потенциального охвата евразийства Турции и России, то мы увидим, что их интересы пересекаются в таких регионах как, Причерноморский бассейн, Кавказ и Средняя Азия. [17, p. 121]. С одной стороны, общая евразийская идеология обоих государств, которая местами подразумевает противопоставление себя Западным державам и направленная на сотрудничество с Азиатскими странами, должна благоприятно влиять на их сотрудничество между собой. Но с другой стороны, пересечение геополитических интересов в регионе вызывает конкуренцию между Турцией и Россией, что негативно сказывается на их отношениях [2, pp. 59–68]. Данная конкуренция ограничивает возможность одной из сторон полностью распространить свое влияние в регионе, тем самым превращая данную территорию в арену геополитических игр.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Akçalı E., Perinçek M. Kemalist Eurasanism: An Emerging Geopolitical Discourse in Turkey. Geopolitics, Vol. 14, Issue 3 (2009), pp. 550-552.

2. Bakar İ. Jeopolitik Yaklaşımlar Çerçevesinde Soğuk Savaş Sonrası Dönemde Türk-Rus Yönelişleri: Basılmamış doktora tezi. Marmara Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Siyaset Bilimi ve Uluslararası İlişkiler Anabilim Dalı. İstanbul, 2006. 316 p.

3. **Burris G.** Taming the Gray Wolf: Nihal Atsız, Alparslan Türkeş and the Ideological Transformation of Turkish Ultranationalism. Indiana University, 2007. 247 p.
4. **Çeçen A.** Atatürk ve Avrasya. İstanbul, 1999. 352 p.
5. **Davutoğlu A.** Stratejik Derinlik: Türkiye'nin Uluslararası Konumu. İstanbul: Küre Yay., 2010. 584 p.
6. **Erdem Ö.** "Avrasyacılık tartışması Atatürkçülük tartışmasıdır." URL: // http://www.turksolu.com.tr/53/erdem53.htm
7. **Erşen E.** Sovyet Sonrası Rus Avrasyacılığı ve Rusya-Türkiye Üzerindeki Etkileri: Basılmamış doktora tezi. Marmara Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Siyaset Bilimi ve Uluslararası İlişkiler Anabilim Dalı. İstanbul, 2009. 359 p.
8. **Fierman W.** Soviet Central Asia: The Failed Transformation. San Fransisco: Westview Press, 1991. 350 p.
9. **Göka E., Yılmaz M.** Uygarlığın Yeni Yolu: Avrasya. İstanbul: Kızılelma Yayıncılık, 1998. 216 p.
10. **Gökalp Z.** The Principles of Turkism. Leiden, 1968. 158 p.
11. **Akçura Y.** Türkçülüğün Tarihi. Kaynak Yayınları. Ankara, 2008. 184 p.
12. **Gürsoy A.** Küreselleşme Etkisinde Türk Dış Politikasında Eğilimler: Avrupa mı, Avrasya mı, Orta Asya mı?: Basılmamış yüksek lisans tezi. Atılım Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü. Ankara, 2007. 170 p.
13. **İmanov V.** Rusya'nın Medeniyetsel Kimlik İnşası Olarak Avrasyacılık: Basılmamış doktora tezi. Marmara Üniversitesi Sosyal Bilimler Enst. Siyaset Bil. ve Uluslararası İlişkiler Anabilim Dalı. İstanbul, 2007. 385 p.
14. **İsmayılov M.** Avrasyacılık. Mukayeseli Bir Okuma - Türkiye ve Rusya Örneği. Ankara: Doğu-Batı yayınları. 2011. 402 p.
15. **Landau J.M.** Pan-Turkism: From Irredentism to Cooperation. London, 1995. 275 p.
16. **Perinçek D.** Avrasya Seçeneği: Türkiye İçin Bağımsız Dış Politika. İstanbul: Kaynak Yayınları, 1996. 112 p.
17. **Perinçek M.** Avrasyacılık: Türkiye'deki Teori ve Pratiği. Ankara: Cantekin Matbaacılık, 2006. 269 p.
18. **Sotnichenko A.** The Rise of Pan-Islamism and Pan-Turkism on Southern Russian Borders // Post-Communist Countries in Search for Security and Stability. St. Petersburg, 2005. C. 28-42.
19. **Гасанлы Дж.** СССР – Турция. От нейтралитета к холодной войне. 1939-1953. М., 2000. 663 с.
20. Документы внешней политики СССР. Том 2. 1 января 1919 г. – 30 июня 1920 г. М.: Госполитиздат, 1958. 805 с.
21. **Ливен Д.** Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней. М.: Европа, 2007. 688 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / AUTHORS

АТНАШЕВ Вадим Рафаилович – кандидат философских наук, доцент кафедры «Международное и гуманитарное право» Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 199178, Средний пр. В.О., 57/43, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: vatnash@hotmail.com.
ATNASHEV, Vadim R. – North-West Institute of Administration, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 199178, Sredniy prospect, 57/43, Vasilyevsky Island, St. Petersburg, Russia; e-mail: vatnash@hotmail.com.

БЕЛЬДЕР Феррит – кандидат наук, доцент Стамбульского университета; научный сотрудник кафедры международных отношений университета Мармара, Стамбул, Турция. e-mail: kmo@imop.spbstu.ru.
BELDER, Ferrit – PhD candidate on International Relations at Istanbul University and research assistant in International Relations Department at Marmara University; Istanbul, Turkey.e-mail: kmo@imop.spbstu.ru.

ВАН Цзюнь Тао – преподаватель кафедры международных отношений, Институт международных образовательных программ, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого; 195220, Гражданский пр., д. 28, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: juntao2013@yandex.ru
VAN Tszyn Tao – Peter the Great Saint-Petersburg Politechnic University; 195220, Grazhdansky pr. 28, St. Petersburg, Russia; e-mail: juntao2013@yandex.ru

ВОЛОВА Анна Алексеевна – Центр Обучения за рубежом «Стьюдентс Интернейшнл», директор Северо-Западного филиала. 197376, ул. Чапыгина, д 6, бизнес-центр «ТВ-ПОЛИС», офис 400. Санкт Петербург, Россия; e-mail: volova@studinter.ru.
VOLOVA, Anna A. – Students International Educational Company, director of SI North-Western Branch. 197376, Chapygina Str. 6, business-centre «TV-Polis», office 400, St. Petersburg, Russia; e-mail: volova@studinter.ru.

ГЮНАЙ Бекир – доцент, доктор, Стамбульский университет, Факультет политологии, Отделение международных отношений; Главный кампус

Стамбульского университета, 34452, Площадь Баязид, Полуостров Фатих, Стамбул. E-mail: kmo@imop.spbstu.ru.
GÜNAY, Bekir – PhD, Associate Professor, Istanbul University, Faculty of political sciences, International Relations Department. Istanbul University Main Campus, 34452 Beyazit/Fatih-Istanbul. E-mail: kmo@imop.spbstu.ru.

ДАЛ Эмел Парлал – кандидат наук, доцент кафедры международных отношений, Университет Мармара, Стамбул, Турция. kmo@imop.spbstu.ru.
DAL, Emel Parlar– Associate Professor, International Relations in International Relations Department, Marmara University; Istanbul, Turkey. kmo@imop.spbstu.ru.

ДЖАШЫН Месут Хаккы – профессор, доктор наук, юридический факультет, Университет Озйеин, Стамбул, Турция. e-mail: mesutcasin@hotmail.com, mesut.casin@ozyegin.edu.tr.
CAŞIN, Mesut Hakkı – professor, doctor of science, Faculty of Law, Ozyegin University; İstanbul, Turkey.e-mail: mesutcasin@hotmail.com, mesut.casin@ozyegin.edu.tr.

ДИПАМА Самиратоу – кандидат наук, Университет Кадир Хас, Стамбул, Турция. e-mail: danisma@khas.edu.tr.
DIPAMA, Samiratou – PhD candidate on International Relations, Kadir Has University, Istanbul; Turkey. e-mail: danisma@khas.edu.tr.

КАПТЕН Герман Юриевич – кандидат философских наук, преподаватель кафедры истории и философии, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения. 190000, ул. Большая Морская, 67, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: alex@ac9195.spb.edu.
KAPTEN, German Y. – Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation. 190000, Bolshaya Morskaya str. 67, Saint Petersburg, Russia; e-mail: alex@ac9195.spb.edu.

КЛИМИН Иван Иванович – доктор исторических наук, профессор кафедры «Международные отношения», Институт международных образовательных программ, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. 195251, ул. Политехническая, 29, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: kmo@imop.spbstu.ru.
KLIMIN, Ivan I. – Peter the Great Saint-Petersburg Politechnic University. 195251, Polytechnicheskaya str., 29, Saint-Petersburg, Russia; e-mail: kmo@imop.spbstu.ru.

КОВАЛЕНКО Виктор Андреевич – аспирант кафедры «Международные отношения», Институт международных образовательных программ, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. 195251, ул. Политехническая, 29, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: kov-vito@mail.ru
KOVALENKO, Victor A. – Peter the Great Saint-Petersburg Politechnic University. 195251, Polytechnicheskaya str., 29, Saint-Petersburg, Russia; e-mail: kov-vito@mail.ru.

ЛАНЦОВ Сергей Алексеевич – доктор политических наук, профессор, Факультет политологии, Санкт-Петербургский государственный университет. 191060, ул. Смольного, д. 1–3, 7-й подъезд, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: polit@spbu.ru.
LANTSOV, Sergey A. – Saint-Petersburg State University. 191060, Smolnii str. 1/3, entrance 7, Saint-Petersburg, Russia; e-mail: polit@spbu.ru.

ЛИ Цзя – сотрудник, Шаньси коксующая угольная компания. Шаньси, Китай. e-mail: kmo@imop.spbstu.ru
LI, Jia – employee, Shanxi coking coal group development of Public Utilities. Shanxi, China. e-mail: kmo@imop.spbstu.ru

МАДЖИТ Фатих – профессор экономических наук, Университет Сулейман Шаха, Стамбул, Турция.e-mail: fmacit@ssu.edu.tr.
MACIT, Fatih – Professor of Economics and Finance; Süleyman Şah Üniversitesi; Istanbul, Turkey. e-mail: fmacit@ssu.edu.tr.

МУКБИЛЬ Мансур Хассан – кандидат экономических наук, доцент кафедры «Международные отношения», Институт международных образовательных программ, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. 195251, ул. Политехническая, 29, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: Mansour@list.ru.
MUKBIL, Mansour H. – Peter the Great Saint-Petersburg Politechnic University. 195251, Polytechnicheskaya str., 29, St.-Petersburg, Russia; e-mail: Mansour@list.ru.

ОЗБАЙ Фатих – доцент, Факультет гуманитарных и социальных наук, Стамбульский технический университет. 34469, Маслак, Стамбул, Турция. e-mail: ozbayf@itu.edu.tr.
ÖZBAY, Fatih – Associate Professor, Faculty of Science and Letter Department of Humanities and Social Sciences, Istanbul Technical University. 34469, Maslak, Istanbul, Turkey. e-mail: ozbayf@itu.edu.tr.

ОСИПОВ Игорь Дмитриевич – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой истории философии, Институт философии, Санкт-Петербургский государственный университет. 199034, Менделеевская линия, 5, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: idosipov@mail.ru.
OSIPOV, Igor D. – St. Petersburg State University. 199034, Mendeleevskaya Liniya 5, Saint- Petersburg, Russia; e-mail: idosipov@mail.ru.

ПАВЛОВА Ольга Константиновна – доктор исторических наук, профессор кафедры «Международные отношения», Институт международных образовательных программ, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. 195251, ул. Политехническая, 29, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: pavlovaok55@mail.ru.
PAVLOVA, Olga K. – Peter the Great Saint-Petersburg Politechnic University. 195251, Polytechnicheskaya str., 29, Saint-Petersburg, Russia; e-mail: pavlovaok55@mail.ru.

ПОГОДИН Сергей Николаевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой «Международные отношения», Институт международных образовательных программ, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. 195251, ул. Политехническая, 29, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: pogodin56@mail.ru.
POGODIN, Sergey N. – Peter the Great Saint-Petersburg Politechnic University. 195251, Polytechnicheskaya str., 29, St. Petersburg, Russia; e-mail: pogodin56@mail.ru.

РЯБОВА Анна Львовна – кандидат философских наук, преподаватель английского языка кафедры «Международные отношения», Институт международных образовательных программ, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. 195251, ул. Политехническая, 29, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: ral5@mail.ru.
RIABOVA, Anna L. – Peter the Great Saint-Petersburg Politechnic University. 195251, Polytechnicheskaya str., 29, Saint-Petersburg, Russia; e-mail: ral5@mail.ru.

СОКОЛОВА Мария Игоревна – кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры истории и философии, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения. 190000, ул. Большая Морская, 67, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: mstrelna@mail.ru.
SOKOLOVA, Maria I. – Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation. 190000, Bolshaya Morskaya str. 67, Saint Petersburg, Russia; e-mail: mstrelna@mail.ru

ФОКИН Иван Леонидович – доктор философских наук, профессор кафедры «Международные отношения», Института международных образовательных программ, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. 195251, ул. Политехническая, 29, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: iwan.phokin@mail.ru.
PHOKIN, Ivan L. – Peter the Great Saint-Petersburg Politechnic University. 195251, Polytechnicheskaya str., 29, Saint-Petersburg, Russia; e-mail: iwan.phokin@mail.ru.

ЦЫБ Алексей Васильевич – кандидат философских наук, доцент кафедры «Международные отношения», Институт международных образовательных программ, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. Санкт-Петербург, Россия; 195251, ул. Политехническая, 29, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: alex@ac9195.spb.edu
TSYB, Alexey V. – Peter the Great Saint-Petersburg Politechnic University. 195251, Polytechnicheskaya str., 29, Saint-Petersburg, Russia; e-mail: alex@ac9195.spb.edu

ЧАКМАК Дженап – доктор наук, профессор, Университет Османгази Эскишехир, Турция. e-mail: cenapcakmak@yahoo.com
ÇAKMAK, Cenap – Prof. Dr., International Relations, Eskişehir Osmangazi Üniversitesi, Eskişehir, Turkey. e-mail: cenapcakmak@yahoo.com

ЧЖОУ Цзюнь – аспирант кафедры «Международные отношения» Института международных образовательных программ Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. 195251, Политехническая ул., 29, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: kmo@imop.spbstu.ru
CHZHOU, Tszyun – Peter the Great Saint-Petersburg Politechnic University. 195251, Polytechnicheskaya str., 29, Saint-Petersburg, Russia; e-mail: kmo@imop.spbstu.ru

ШЕН Йунус Нади – аспирант кафедры всеобщей истории, Российский университет дружбы народов (РУДН). 117198, ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия. e-mail: yunus.rtcc@gmail.com
ŞEN, Yunus Nadi – Peoples' Friendship University of Russia. 117198, Miklukho-Maklaya str. 6, Moscow, Russia. E-mail: yunus.rtcc@gmail.com

ЫБИСЕВИЧ Бельма – аспирант, Факультет международных отношений, Стамбульский коммерческий университет. Стамбул, Турция. e-mail: becy_90@hotmail.com
IBIŠEVIĆ, Belma – Graduate Student, MA in International Relations, Istanbul Commerce University. Istanbul, Turkey. e-mail: becy_90@hotmail.com

ЭЙДЕМИЛЛЕР Константин Юрьевич – аспирант кафедры «Экономическая география», факультет географии, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена. 191186, наб. реки Мойки, 48, корп. 12, Санкт-Петербург, Россия. e-mail: keydemiller@gmail.com.
EIDEMILLER, Konstantin Yu. – Herzen University. 191186, nab. Moyka, 48, building 12, St. Petersburg, Russia. e-mail: keydemiller@gmail.com.

ЮКЛЕЙЕН Ахмет – доцент, Факультет международных отношений, Стамбульский коммерческий университет. Стамбул, Турция. e-mail: ayukleyen@ticaret.edu.tr.
YUKLEYEN, Ahmet – Associate Professor, International Relations Department, Istanbul Commerce University. Istanbul, Turkey. e-mail: ayukleyen@ticaret.edu.tr.

ЯГЬЯ Ватаняр Саидович – доктор исторических наук, профессор заведующий кафедрой «Мировая политика», Факультет международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет, 191060, ул. Смольного 1/3, 8 подъезд, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: ZOKOEVAZV@sir.edu.
YAGYA, Vatanyar S. – St. Petersburg State University. 191060, Smolnogo 1/3, 8 entrance, St. Petersburg, Russia; e-mail: ZOKOEVAZV@sir.edu.

ЯГЬЯ Талие Саидовна – доцент, кандидат экономических наук, кафедра «Международные отношения», Институт международных образовательных программ, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого; 195251, ул. Политехническая, д. 29, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: talie2006@mail.ru.
YAGYA, Talie S. – Peter the Great Saint-Petersburg Politechnic University, 195251, Polytechnicheskaya str., 29, Saint-Petersburg, Russia; e-mail: talie2006@mail.ru.

АННОТАЦИИ / КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Юклейен А., Ыбисевич Б. ПОЛИТИКА ТУРЦИИ В БОСНИИ И ГЕРЦЕГОВИНЕ.

Когда партия справедливости и развития, или Adalet ve Kalkınma Partisi (ПСР) пришла к власти в 2002 году, Турция начала активную внешнюю политику, чтобы увеличить влияние Турции на Балканах, включая Боснию и Герцеговину. Эта стратегия внешней политики использует активную дипломатию, возрождает исторические связи в регионе, а также разрабатывает образовательные и культурные программы. В течение последнего десятилетия, Турция проводила эту политику в Боснии и Герцеговине, но не все этно-национальных групп приветствовали эту стратегию. В Боснии и Герцеговине проживает много мусульманских боснийцев, но они не являются единственными, чье мнение влияет на результаты долгосрочной и эффективной политики примирения, которую проводит Турция в стране. В этой статье рассматриваются современная внешняя политика Турции в Боснии и Герцеговине; как вся многонациональное и многоконфессиональное общество Боснии и Герцеговины воспринимают эту политику; и даёт советы Турции для улучшения с внешней политики в регионе.

БОСНИЯ И ГЕРЦЕГОВИНА, ТУРЦИЯ, ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА, ДИПЛОМАТИЯ, СОТРУДНИЧЕСТВО, ИСТОРИЯ.

Атнашев В.Р. ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО О ГРАЖДАНСТВЕ И БЕЗГРАЖДАНСТВО В СОВРЕМЕННОЙ ТУРЦИИ.

Статья посвящена некоторым особенностям турецкого законодательства о гражданстве. Особое внимание уделено правовому статусу апатридов и беженцев и обеспечению их прав на основе главных международных конвенций и турецкого законодательства. Автор статьи кратко рассматривает некоторые положения законодательства Турции о беженцах. Политика Турции в отношении беженцев иллюстрируется на примере сирийского кризиса. Отмечается, что турецкий опыт защиты и помощи сирийским беженцам может быть полезным для всего азиатского континента.

ГРАЖДАНСТВО, БЕЖЕНЦЫ, АПАТРИДЫ, БЕЗГРАЖДАНСТВО, МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО, ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО, ТУРЦИЯ, СИРИЯ.

Бекир Гюнай. ЛИЧНЫЙ ПАРАМЕТР, ПОВЛИЯВШИЙ НА ПОЛИТИКУ ПАРТИИ СПРАВЕДЛИВОСТИ И РАЗВИТИЯ НА СРЕДНЕМ ВОСТОКЕ. ИСЛАМИЗМ.

Целью данной работы является определение степени влияния исламизма на внешнюю политику Турции в период правления Партии справедливости и развития, в контексте кризиса на Среднем Востоке. Исламизм здесь следует

понимать как направление, в основе которого, лежит личная религия и которое не наблюдается в разряде вариаций параметров внешней политики страны. Исследуемый период охватывает события, связанные с Палестинским вопросом, послуживший развитию Давосского кризиса, а также спровоцировавший конфликт на корабле «Мави Мармара» и деятельность ассоциации «Братья-мусульмане» в Египте.

ИСЛАМИЗМ, ТУРЦИЯ, ПАРТИЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ, СРЕДНИЙ ВОСТОК, БРАТЬЯ-МУСУЛЬМАНЕ.

Фатих Маджит. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА ТУРЕЦКОГО ПОТОКА.

Европа является одним из крупнейших импортеров и потребителей природного газа в мире. 12,8% мирового потребления газа приходится на Европу, в то время как она производит только 2% мирового объема газа. Поэтому обеспечение разнообразной, безопасной и доступной поставки природного газа является жизненно важным для Европы, чтобы сохранить устойчивый рост. В этой статье, будут предоставлены экономические перспективы для нового проекта трубопровода, а именно Турецкого Потока, который, как ожидается, будет использован для транспортировки природного газа в Европейский союз (ЕС). Анализ спроса и предложения будет выполнена в форме рассмотрения, действительно ли ЕС необходим такой трубопровод и, в частности, будет уделено внимания использованию этого нового проекта для Турции.

ТУРЕЦКИЙ ПОТОК, ЕВРОПЕЙСКИЙ ГАЗОВЫЙ РЫНОК, ТУРЕЦКИЙ РЫНОК ПРИРОДНОГО ГАЗА.

Фатих Озбай. ОБСУЖДЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ СМЕНЫ НАПРАВЛЕНИЯ В ТУРЕЦКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ И В ОТНОШЕНИЯХ С РОССИЕЙ.

Начиная со второй половины 2009 года, количество публикаций утверждающих, что Турция повернулась лицом к Югу и Востоку от трансатлантической системы, а также о том, что Турция была в процессе смены направлений, увеличилось до большой степени в ведущих газетах и журналах западного мира. Обсуждение смены направлений и поиска Турцией альтернативных путей показывает нам, что Турция в настоящее время уделяет повышенное внимание к политическим или экономическим альтернативам, чем прежде. Турция не пережила серьезную "смену" направлений в своей внешней политике, но, несомненно, переживает "расширения" направлений. Наиболее важным аспектом внешней политики Турции в процессе расширения направлений, несомненно, происходит с многогранной отношений развитых с Россией.

ТУРЦИЯ, РОССИЯ, ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ТУРЦИИ.

Месут Хаккы Джашын. РОССИЙСКО-ТУРЕЦКИЙ ЮЖНЫЙ ПОТОК: ПРИГЛАШЕНИЕ К СОТРУДНИЧЕСТВУ НОВЫХ ИГРОКОВ ИЛИ ЗАПУСК ВОСТОЧНОЙ ПОЛИТИКИ?

Статья посвящена вопросам энергетической политики современной России, проблемам экспорта российского газа в Европу и развивающемуся сотрудничеству России и Турции в энергетической сфере.

В статье анализируются взаимоотношения Европы и России в энергетической сфере, проблемы, возникшие при реализации проекта «Южный поток», причины, по которым Россия была вынуждена от этого проекта отказаться и последствия этого решения для всех стран – участниц данного проекта. Так же в статье говорится об усиливающемся сотрудничестве России и Турции в энергетической сфере на фоне разногласий с Европой, о проекте «Турецкий поток», который возник в качестве альтернативы потоку Южному.

РОССИЯ, ТУРЦИЯ, ЕВРОПА, ЮЖНЫЙ ПОТОК, ТУРЕЦКИЙ ПОТОК, ЭНЕРГЕТИКА, ТРАНЗИТ.

Самиратоу Дипама, Феррит Бельдер, Эмел Парлал Дал. ОЦЕНКА РАЗРАБОТКИ ПОЛИТИКИ ПОМОЩИ ТУРЦИИ В ОТНОШЕНИИ АФРИКИ: КОНСТРУКТИВИСТСКАЯ ТОЧКА ЗРЕНИЯ.

Турецко-африканские отношения планировались в экономических, политических, социальных и культурных направлениях в последние годы. В сфере содействия развитию, помощь Турции на африканском континенте резко увеличился за последнее десятилетие. Эта статья первая исследует, может ли политика Турции в развитии Африки быть объяснена с конструктивистской точки зрения. Она так же пытается понять конструктивистские корни африканской политики Турции в форме обсуждения. В первую очередь, рассматривая африканскую политику Турции, в особенности в Суб-Сахары через призму конструктивизма, во-вторых, пытается оценить достигла ли Турция успеха, несмотря на ограничения и проблемы, с которыми столкнулась за последнее время, при помощи недавно "построенной" африканской политике Турции через три типа дискурса 1) Гуманитарная дипломатия, 2) антиколониальный дискурс и 3) дискурс Турция в процессе развития. В конечном счете, эта статья делает вывод, что в настоящее время Турция проводит избирательную политику участия её в разработке политики помощи по отношению к Африке, отдавая предпочтение Горн регионам Африки (Сомали, Судан, Эфиопия, Кения и Эритрее), а также трех других стран, к югу от Сахары: Сенегал, Нигер и Мавритания, и это хороший показатель, демонстрирующий конструктивистские корни развития политики помощи Турции, в значительной степени сосредоточенной на регионах, имеющих большое количество мусульманского населения и прошлые исторические связи с Османской империей.

ТУРЦИЯ, АФРИКА, ПОЛИТИКА ПОМОЩИ.

Ягья В.С. И ВНОВЬ В ТУРЦИИ: НАУЧНЫЕ СВЯЗИ С РОССИЕЙ И ДИСКУССИИ.

Встречи российских и турецких интеллектуалов в Анталье стали традиционными. Третий форум состоялся в январе 2015 г. Обсуждались актуальные вопросы формирования российской и турецкой идентичности и ментальности, а также политической модернизации и становления гражданской нации в России и Турции. В статье рассматривается точка автора по всем затрагиваемым проблемам.

НАУЧНЫЙ ФОРУМ, ПАРТНЕРСТВО, ОБРАЗОВАНИЕ, РОССИЙСКО-ТУРЕЦКИЕ ОТНОШЕНИЯ.

Дженап Чакмак ТУРЦИЯ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ЗАЩИТУ (ОЗЗ) В СИРИИ: СЛУЧАЙ ОШИБКИ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ.

В статье анализируются Турецкая политика в Сирии с особым упором на зарождающейся международной правовой и политической нормой, ответственность за защиту (ОЗ) на основе использования на подробного анализа дискурса и заявления турецкой политической элиты. Для этого, автор утверждает, что Турция опиралась на эту норму, чтобы оправдать свою политику, с помощью которой она просила режим Асада принять надлежащие меры для защиты людей, и более позднюю стадию, что бы отправить его в отставку, потому что режим был не смог защитить сирийский народ. В статье в дальнейшем обсуждается, почему эта политика не удалась.

СИРИЯ, ТУРЦИЯ, ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА.

Ван Цзюнь Тао. НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ЦИНСКОЙ ДИНАСТИИ В УЙГУРСКОМ РАЙОНЕ (XIX ВЕК).

В статье рассматривается история Уйгурского района. Дается описание возникновения первых государственных образований на территории района. Исследуется создание уйгурского каганата, сыгравшим важную роль в развитии самоназвания народа. Народы, объединившиеся в каганате получили название уйгуры. Рассматриваются восстания уйгурского народа против Цинской династии.

КИТАЙ, УЙГУРСКИЙ РАЙОН, УЙГУРЫ, ДИНАСТИЯ ЦИН, XIX ВЕК, САМОСОЗНАНИЕ НАРОДА, ВОССТАНИЯ, КАГАНАТ.

Климин И.И. О НЕКОТОРЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ В ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ.

В статье в проблемно-хронологическом плане рассматриваются противоречивые тенденции в демографической ситуации в нынешней России, связанные с сокращением общей численности населения, с уменьшением рождаемости и ростом смертности.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ КРИЗИС, РОЖДАЕМОСТЬ, СМЕРТНОСТЬ, МИГРАЦИЯ.

Коваленко В.А. СТРАГЕГИЯ ОРГАНИЗАЦИИ ПО ПРОДОВОЛЬСТВИЮ И СЕЛЬСКОМУ ХОЗЯЙСТВУ В РЕШЕНИИ ГЛОБАЛЬНОЙ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ ПРОБЛЕМЫ.

В статье исследуется продовольственная проблема в ее глобальном аспекте. Особое внимание уделяется решению этой проблемы, в рамках международной организации занялись, в структуре ООН – Организации по продовольствию и сельскому хозяйству. Рассматривается конкретная деятельность этой организации.

ОРГАНИЗАЦИЯ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ, ОРГАНИЗАЦИЯ ПО ПРОДОВОЛЬСТВИЮ И СЕЛЬСКОМУ ХОЗЯЙСТВУ, ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ ПРОГРАММА, ГЛОБАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ.

Ли Цзя. СОТРУДНИЧЕСТВО КИТАЯ СО СТРАНАМИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ОБЛАСТИ.

В статье анализируется энергетическая политика Китая в Центральной Азии. Главное внимание уделено сотрудничество в области нефтегазовой отрасли. Детально рассматривается сотрудничество КНР с Казахстаном, Туркменистаном, Узбекистаном.

ЭНЕРГЕТИКА, ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ, КИТАЙ, КАЗАХСТАН, ТУРКМЕНИСТАН, УЗБЕКИСТАН, НЕФТЬ, ГАЗ.

Чжоу Цзюнь. РОЛЬ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ НА МИРОВОМ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОМ РЫНКЕ.

В статье анализируется участие Китайской Народной Республики в мировом энергетическом рынке. Анализируется политика реформ и открытой экономики конца 70-х годов XX века. В последние годы энергетика страны сталкивается с множеством вывозов. Политика Китая в вопросах энергоресурсов сводится к снижению зависимости от импорта ближневосточной нефти и активной работе китайских энергетических компаний в Африке.

КИТАЙ, ЭНЕРГОРЕСУРСЫ, МИРОВОЙ РЫНОК, НЕФТЬ, ГАЗ, ИМПОРТ.

Эйдемиллер К.Ю. ИСЛАМСКИЙ ФАКТОР И МУСУЛЬМАНСКАЯ ОБЩИНА В ГОЛЛАНДСКОМ ОБЩЕСТВЕ: «PRO ET CONTRA».

Мусульманские общины в европейских государствах, в контексте географического распространения Ислама, принято воспринимать как завоевание политики мультикультурализма и толерантности, и относить их появление в регионе исключительно к историческому периоду, начинающемуся с последней четверти XX века. В статье приводится аналитический обзор политических, социально-экономических и культурных событий этого периода в Нидерландах, который позволяет внести дополнения в общую оценку действующих политических процессов и подойти к вопросу о выделении основных направлений трансформации политического и социокультурного пространства на примере голландского общества.

МУСУЛЬМАНСКАЯ ОБЩИНА, МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ, ТОЛЕРАНТНОСТЬ, ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ, СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО, ГОЛЛАНДИЯ, НИДЕРЛАНДЫ.

Ягья Т.С. О СОСТАВЛЯЮЩИХ УСПЕХА ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА И РЕФОРМИРОВАНИЯ В КИТАЕ.

В статье рассматриваются составляющие успеха экономического роста и особенности реформирования в Китае. Изучение вопросов, связанных с экономическим ростом китайской экономики автор начинает непосредственно с рассмотрения причин этого успеха, т. е. его составляющих. В статье отмечается, что руководство Китая сумело с начало реформирования, т. е. с 1978 года по 1995 год добиться феноменальных экономических результатов по всем основным направлениям экономической политики, а также содействовала улучшению всех показателей человеческого развития. Особое внимание уделяется и вопросу выяснения особенностей самих рыночных реформ.

РЕФОРМЫ, РЫНОЧНЫЕ РЕФОРМЫ, РЕФОРМИРОВАНИЕ, РЫНОЧНЫЕ ОТНОШЕНИЯ, «СОЦИАЛИЗМ С КИТАЙСКОЙ СПЕЦИФИКОЙ», ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ, ПОЛИТИКА ЗАНЯТОСТИ, СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА, ДЕНЕЖНО-КРЕДИТНАЯ ПОЛИТИКА, БЮДЖЕТНАЯ ПОЛИТИКА, ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА, ПРЯМЫЕ ИНОСТРАННЫЕ ИНВЕСТИЦИИ.

Волова А.А. РЕЛИГИОЗНО–ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ П.-Э. ТРЮДО.

В статье рассматривается ключевая проблема политической философии П.Э. Трюдо построение справедливого общества. Установлено, что концепция справедливости и справедливого общества, рассматривается Трюдо с позиций религиозно-философского направления философии персонализма.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ, П.-Э. ТРЮДО, ТЕОРИЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ, СПРАВЕДЛИВОЕ ОБЩЕСТВО, ПЕРСОНАЛИЗМ.

Каптен Г.Ю. «МИСТАГОГИЯ» ПРЕПОДОБНОГО МАКСИМА ИСПОВЕДНИКА КАК ФИЛОСОФСКИЙ ТРАКТАТ.

В представленной статье делается попытка рассмотреть «Мистагогию», толкование Максима Исповедника на литургию, как философский трактат, затрагивающий ключевые аспекты его учения. Показывается, как преподобный толкует основные моменты христианского богослужения в контексте концептов малых логосов, энергий, человека и его конечных целей.

ПАТРИСТИКА, ВИЗАНТИЯ, МАКСИМ ИСПОВЕДНИКОВ, ЛИТУРГИЯ, «МИСТАГОГИЯ»

Ланцов С.А. МИРОВЫЕ ВОЙНЫ XX ВЕКА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ.

В статье анализируются особенности мировых войн как типа вооруженных конфликтов. Делается вывод, что появление феномена мировых войн связано с качественными сдвигами в международной политике, происшедшими на рубеже XIX и XX вв. Отмечается, что накануне и в период Первой мировой войны в мировой политике значительную роль играл этнополитический фактор. На заключительном этапе Первой мировой войны и в послевоенные годы усилилось влияние идеологического фактора. В статье констатируется, что ошибки, допущенные на Версальской мирной конференции, способствовали возникновению Второй мировой войны. Анализируется соотношение геополитических и идеологических аспектов политических процессов накануне и в период Второй мировой войны. Рассматриваются последствия Первой мировой войны для системы международных отношений второй половины XX в.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИТИКА, МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ, МИРОВАЯ ПОЛИТИКА, ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ, ИДЕОЛОГИЯ, ГЕОПОЛИТИКА, ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА, ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА.

Мукбиль М.Х. ХОЛОДНАЯ ВОЙНА И ЕЕ НЕГАТИВНОЕ ВЛИЯНИЕ НА ЖИЗНЬ ОБЩЕСТВА.

Возникновение холодной войны было закономерным явлением. Она была сознательной политикой администрации США, направленной на установление американского господства в послевоенном мире. Такая стратегия предполагала установление не партнерских отношений со своим геополитическим противником, а конфронтацию (холодную войну).

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА, МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ, СССР, США, ХОЛОДНАЯ ВОЙНА, РОССИЯ, ЕГИПЕТ, ИРАК, НИГЕРИЯ, АФГАНИСТАН.

Осипов И.Д. КРИТИКА ПРАВОВЫХ ОСНОВАНИЙ ЕВРОПОЦЕНТРИЗМА В РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ.

В статье анализируются особенности концепции правопонимания в русской философии X1X-начала XX века. В этой исследуются философия права славянофилов, М.М. Сперанского, В.С. Соловьева и др. Аргументируется, что специфика русской философии связана со стремлением подчеркнуть связь права и морали и на этой основе обосновать необходимость поиска нравственного контекста в русской социальной мысли. В статье также отмечается, что у указанных русских мыслителей присутствует желание доказать отличие права и юридического закона исходя из наличия или отсутствия духовно-религиозного смысла в них. Автор также отмечает, что данная специфика послужила предпосылкой доказательства фундаментальных различий русской и европейской цивилизации в прошлом и настоящем.

ПРАВО, ЗАКОН, ФИЛОСОФИЯ, ЛИЧНОСТЬ, ДУХОВНОСТЬ, МОРАЛЬ, ВЕРА.

Павлова О.К. ИНОСТРАНЦЫ В ПЕТЕРБУРГЕ: БИЗНЕС И БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ. ИЗ ИСТОРИИ XIX – НАЧАЛА XX ВВ.

В статье рассматриваются исторические аспекты деятельности иностранных предпринимателей в Санкт-Петербурге. Роль иностранцев в развитии российской промышленности, финансового бизнеса и торговли. Изучается история жизни и деятельности различных диаспор в Петербурге, их вклад в благотворительную деятельность. Приведены примеры участия немецкой, шведской, французской и других иностранных диаспор в национальной и российской благотворительной деятельности.

ПЕТЕРБУРГ, ИСТОРИЯ, ИНОСТРАНЦЫ, БИЗНЕС, БЛАГОВОРИТЕЛЬНОСТЬ, ВТОРАЯ ПОЛОВИНА ДЕВЯТНАДЦАТОГО ВЕКА, НАЧАЛО ДВАДЦАТОГО ВЕКА.

Погодин С.Н. ФЕННОМАНИЯ И ПРОЦЕСС СТАНОВЛЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XIX ВЕКЕ.

В статье рассматривается феномен – фенномания. Фенномания – это национальное движение финнов, зародившееся в первой половине XIX века, и ставшее впоследствии политической борьбой за автономию Финляндии. Главной чертой этого движения было формирование финского национального самосознание. Большую роль в этом направлении играли выдающие деятели финской культуры Йохан Вильгельм Снельман, поэт Йо́хан Лю́двиг Ру́неберг, собиратель «Калевалы» Элиас Лённрот. Для пробуждения национального самосознания, по мнению Й.В. Снельмана, недостаточно было только финского языка и грамотности населения. Необходимо просвещать народ, сделать основой нации интеллигенцию, а финский язык государственным.

ФИНЛЯНДИЯ, РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ, XIX ВЕК, ФЕННОМАНИЯ, НАЦИОНАЛЬНОЕ САМОСОЗНАНИЕ, «КАЛЕВАЛА», ГРАМОТНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ, ФИНСКИЙ ЯЗЫК, ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ.

Рябова А.Л. ПРОБЛЕМЫ ЭТНО-КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ (СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ).

Целью настоящей работы является описание национально-культурного своеобразия «английской языковой личности», посредством выявления на базе основных концептов языковой «картины мира» англичан. В статье рассматривается национальный характер и идентичность, понятие «Englishness» и «Britishness».

ИДЕНТИЧНОСТЬ, КУЛЬТУРНОЕ СВОЕОБРАЗИЕ, НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР, ГЛОБАЛИЗАЦИЯ.

Соколова М.И. КЛИМЕНТ АЛЕКСАНДРИЙСКИЙ И ОРИГЕН: ИСТОРИЯ КАК ПАЙДЕЙЯ.

Статья содержит сравнительный анализ представлений Климента Александрийского и Оригена Александрийского об истории в соотнесении с их

пониманием сущности образования как пути к «христианскому гносису» в перспективе христианского учения о боговополощении. Сделан вывод о том, что в мысли обоих авторов имеет место своего рода пересечение «плоскостей» «всемирной истории» и личного опыта богопознания как единения с Божественным – гносиса. И то и другое можно рассматривать как в самом широком смысле «пайдейю» – путь к состоянию полноты и вневременного единства творения с Творцом.

КЛИМЕНТ АЛЕКСАНДРИЙСКИЙ, ОРИГЕН АЛЕКСАНДРИЙСКИЙ, ХРИСТИАНСТВО, ИСТОРИЯ, ГНОСИС, ПАЙДЕЙЯ.

Фокин И.Л. РЕЦЕПЦИЯ ТЕОСОФИИ БЁМЕ В ФИЛОСОФИИ ШЕЛЛИНГА.

Статья «Рецепция теософии Бёме в философии Шеллинга» призвана прояснить связь теософских представлений Якоба Бёме с философией Ф.В.Й. Шеллинга, что должно способствовать более глубокому пониманию сущности немецкого идеализма в целом. Поскольку Бёме является первым философом, возвестившим принципы немецкой классической философии, его учение тесно связано со всей дальнейшей историей классической философии. На примере теософии Бёме в статье делается попытка показать эту взаимосвязь начала немецкого послереформационного мистицизма с философией Шеллинга.

БЁМЕ, ТЕОСОФИЯ, НЕМЕЦКИЙ МИСТИЦИЗМ, ШЕЛЛИНГ, КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ, НЕМЕЦКИЙ ИДЕАЛИЗМ.

Цыб А.В. «АЛЕКСАНДРИЙСКАЯ ШКОЛА» ВО II–III ВВ. Н.Э.

В статье исследован комплекс культурно-исторических явлений II–III веков н. э., который в значительной мере проявляется в Александрии Египетской, одном из крупнейших культурных центров римско-эллинистического мира.

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ, ИСТОРИЯ АНТИЧНОЙ ФИЛОСОФИИ, ПЛАТОНИЗМ, АЛЕКСАНДРИЙСКАЯ ЭКЗЕГЕТИКА, КЛИМЕНТ АЛЕКСАНДРИЙСКИЙ, ОРИГЕН.

Шен Й.Н. КОНЦЕПЦИИ ИНТЕГРАЦИИ ЕВРАЗИЙСКОГО ПРОСТРАНСТВА В ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ И РЕСПУБЛИКАНСКОЙ ТУРЦИИ.

В статье рассматриваются различные концепции интеграции евразийского пространства, которые были популярны в Османской Империи и республиканской Турции в XX в. В частности, проводится сравнительный анализ пантюркистских, панисламистских и пантуранистских дискуссий, при этом, обращается особое внимание на факт тесного взаимодействия в развитии этих концепций между авторами российского и турецкого происхождения.

ЕВРАЗИЙСТВО, МЛАДОТУРКИ, ПАНТЮРКИЗМ, ПАНТУРАНИЗМ, ПАИСЛАМИЗМ.

ABSTRACTS / KEYWORDS

Ahmet Yukleyen, Belma Ibišević. TURKISH FOREIGN POLICY IN BOSNIA AND HERZEGOVINA.

Since Justice and Development Party, or Adalet ve Kalkinma Partisi (AK Party) came to power in 2002, Turkey has launched an active foreign policy to increase Turkey's influence in the Balkans including Bosnia and Herzegovina. This foreign policy strategy uses soft power through proactive diplomacy, revives historical ties in the region, and develops educational and cultural programs. During the last decade, Turkey has pursued these policies in Bosnia and Herzegovina but not all ethno-national groups welcomed this strategy. In Bosnia and Herzegovina Muslim Bosniaks have a large population but they are not the only ones whose opinion matters for long-term, effective, and conciliatory consequences for Turkish foreign policy in the country. This article examines contemporary Turkish foreign policy in Bosnia and Herzegovina; how the whole multiethnic and multi-religious society of Bosnia and Herzegovina perceive this policy; and makes some policy recommendations for Turkey to improve its foreign policies in the region.

BOSNIA AND HERZEGOVINA, TURKEY, FOREIGN POLICY, DIPLOMACY, COOPERATION, HISTORY.

Atnashev V.R. CITIZENSHIP LEGISLATION AND STATELESSNESS IN MODERN TURKEY.

The article examines some specifics of the citizenship legislation in Turkey, with special focus on legal status of apatrides and refugees. Main international conventions concerning their rights in connection with Turkish legislation are mentioned in the paper. The author briefly considers some provisions in the Turkish legislation concerning refugees. The Turkey's asylum policy is illustrated by the Syrian emergency. The article argues that the Turkish experience in protection and assistance to the Syrian refugees could be useful for the whole Asian continent.

CITIZENSHIP, REFUGEES, APATRIDES, STATELESSNESS, INTERNATIONAL LAW, LEGISLATION, TURKEY, SYRIA.

Bekir Günay. PERSONAL SETTINGS AFFECTED THE POLICY OF THE PARTY OF JUSTICE AND DEVELOPMENT IN THE MIDDLE EAST. ISLAMISM.

The aim of this work is to determine the degree of the Islamic influence on Turkey's foreign policy during the reign of the Party of Justice and Development, in the context of the crisis in the Middle East. Islamism is the direction, based on lies and personal religion is not observed in the discharge parameter variations of foreign policy. The study period covers the events related to the Palestinian issue, which

served as the development of the Davos crisis and provoke a conflict on the ship "Mavi Marmara" and the activities of the association "Muslim Brotherhood" in Egypt.

ISLAMISM, TURKEY, PARTY OF JUSTICE, THE MIDDLE EAST, THE MUSLIM BROTHERHOOD.

Fatih Macit. AN ECONOMIC PERSPECTIVE FOR TURKISH STREAM.

Europe is one of the biggest importers and consumers of natural gas in the world. About 12.8% of global gas consumption is coming from Europe whereas it only produces 2% of global gas volume. Therefore, ensuring a diverse, secure, and affordable supply of natural gas is vital for Europe to maintain sustainable growth. In this paper, an economic perspective will be provided for a new pipeline project, namely Turkish Stream that is expected to transport natural gas to European Union (EU). A demand and supply analysis will be performed in terms of understanding whether EU really needs such a pipeline and in particular there will be a focus for the implication of this new project for Turkey.

TURKISH STREAM, EUROPEAN NATURAL GAS MARKET, TURKISH NATURAL GAS MARKET.

Fatih Özbay. DISCUSSIONS ON THE RECENT AXIS SHIFT IN TURKISH FOREIGN POLICY AND RELATIONS WITH RUSSIA.

Since the second half of 2009, the number of comments, articles and columns asserting that Turkey turned its face towards the South and the East by growing away from the Transatlantic system, and also indicating that Turkey was in a process of axis shift, increased to a great extent in leading newspapers and journals of the Western world. Debates on the axis shift and Turkey's search for alternatives show us that Turkey now pays greater attention to political or economic alternatives than before. Turkey has not experienced a serious "axis shift" in its foreign policy, but it is certainly going through an "axis expansion". The most important aspect of Turkish foreign policy in the process of axis expansion is undoubtedly taking place with the multi-faceted relations developed with Russia.

TURKEY, RUSSIA, TURKISH FOREIGN POLICY.

Mesut Hakkı Caşın. RUSSIA-TURKEY SOUTH STREAM COOPERATION: INVITING NEW GAME PLAYERS OR TRIGGERING OSTPOLITIK?

The article is devoted to the energy policy in Russia nowadays, problems of Russian gas exports to Europe and the developing cooperation between Russia and Turkey in the energy field.

The article analyzes the relationship between Europe and Russia in the energy sector, the problems encountered in the implementation of the project "South Stream", the reasons why Russia was forced to abandon this project and the consequences of this decision for all countries - participants of the project. The same article refers to strengthen of cooperation between Russia and Turkey in the energy sector against the

backdrop with Europe on the project "Turkish Stream", which emerged as an alternative to South Stream.

RUSSIA, TURKEY, EUROPE, SOUTH STREAM, TURKISH STREAM, ENERGETICS, TRANSIT.

Samiratou Dipama, Ferrit Belder, Emel Parlar Dal. ASSESSING TURKEY'S DEVELOPMENT AID POLICY TOWARDS AFRICA: A CONSTRUCTIVIST PERSPECTIVE.

Turkey-Africa relations have been soaring on economic, political, social and cultural plans in recent years. In the sphere of development assistance, Turkey's development aid to the African continent has dramatically increased in the last decade. This paper first investigates whether Turkey's development aid policy in Africa can be explained from a constructivist perspective. It then tries to understand the constructivist roots of Turkey's African policy at the discursive level. By looking at Turkey's African policy, most particularly to the Sub-Saharan African one through the lenses of constructivism, it, secondly, tries to assess whether this newly "constructed" African policy of Turkey through a three level discourse (1) Humanitarian diplomacy, 2) anti-colonial discourse and 3) Turkey-as-a-rising country discourse) has achieved success on the ground despite its limitations and the challenges that Turkey has experienced in recent years. In the final analysis, this paper concludes that Turkey currently pursues a selective engagement policy in its development aid policy towards Africa by giving priority to the Horn Africa region (Somalia, Sudan, Ethiopia, Kenya and Eritrea), as well as to three other Sub-Saharan countries, Senegal, Niger and Mauritania and this is a good indicator in showing the constructivist roots of Turkey's development aid policy largely focused on regions having a high Muslim population and past historical ties with the Ottoman Empire.

TURKEY, AFRICA, AID POLICY.

Yagya V.S. AND AGAIN IN TURKEY: SCIENTIFIC LINKS WITH RUSSIA AND DISCUSSIONS.

Meetings of Russian and Turkish intellectuals in Antalya have become traditional. The third forum was held in January 2015 . Topical issues of formation of the Russian and Turkish identity and mentality were discussed, as well as political modernization and the formation of a civic nation in Russia and Turkey. In the article the author's point of all the affected issues is considered.

SCIENTIFIC FORUM, PARTNERSHIPS, EDUCATION, RUSSIAN-TURKISH RELATIONS.

Cenap Çakmak. TURKEY AND THE RESPONSIBILITY TO PROTECT (R2P) IN SYRIA: A CASE OF NORMATIVE FOREIGN POLICY FAILURE.

This article analyzes Turkey's Syria policy with particular reference to a nascent international legal and political norm, responsibility to protect (R2) by reliance on a detailed review of the discourse and statements of the Turkish political elites. To this

end, the author argues that Turkey relied on this norm to justify its policy by which it asked the Assad regime to take proper measures to protect the people, and later stage, to step down because the regime was viewed as source of failure to protect the Syrian people. The article further discusses why this policy failed.

SYRIA, TURKEY, FOREIGN POLICY.

Van Tszyun Tao. NATIONAL POLICY QING DYNASTY IN UYGUR REGION (XIX CENTURY).

The article discusses the history of the Uighur region. A description of the emergence of the first state formations on the territory of the district. We study the creation of Uighur Kaganate played an important role in the development of self-designation of the people. The peoples united in kaganate were called Uighurs. Considers rebellion against the Uighur people of the Qing Dynasty.

CHINA UIGHUR AREA, THE UIGHURS, THE QING DYNASTY, XIX CENTURY, THE CONSCIOUSNESS OF THE PEOPLE, INSURRECTION, KHANATE.

Klimin I.I. SOME TRENDS DEMOGRAPHIC SITUATION IN MODERN RUSSIA.

In an article in the problem-chronological plan addresses conflicting trends in the demographic situation in Russia today, associated with the reduction of the total population, with a decrease in birthrate and an increase in death rate.

THE DEMOGRAPHIC CRISIS, BIRTH RATE, DEATH RATE AND MIGRATION.

Kovalenko V.A. UNITED NATIONS FOOD AND AGRICULTURE STRATEGY IN ADDRESSING THE GLOBAL FOOD PROBLEM.

This article explores the food problem in its global aspect. Particular attention is paid to this problem in the framework of an international organization to do, in the structure of the UN - United Nations Food and Agriculture. We consider the specific activities of the organization.

UNITED NATIONS, THE ORGANIZATION FOR FOOD AND AGRICULTURE, FOOD PROGRAMME, GLOBAL DEVELOPMENT.

Li Jia. CHINA'S COOPERATION WITH CENTRAL ASIAN COUNTRIES IN THE ENERGY FIELD.

The article analyzes the energy policy of China in Central Asia. The main attention is paid to cooperation in the oil and gas industry. We consider in detail the cooperation of China with Kazakhstan, Turkmenistan, Uzbekistan.

ENERGY, CENTRAL ASIA, CHINA, KAZAKHSTAN, TURKMENISTAN, UZBEKISTAN, OIL, GAS.

Chzhou Tszyun. THE ROLE OF CHINA IN THE GLOBAL ENERGYENERGY MARKET.

The article analyzes the participation of China in the global energy market. We analyze the reform and opening up the economy end of the 70-ies of XX century. In recent years, the country's energy faces many conclusions. China's policy in matters of energy is reduced to reduce dependence on Middle East oil imports and the active work of Chinese energy companies in Africa.

CHINA, ENERGY, GLOBAL MARKET, OIL AND GAS IMPORTS.

Eidemiller K.Yu. ISLAMIC FACTOR AND THE MUSLIM COMMUNITY IN THE DUTCH SOCIETY: «PRO ET CONTRA».

Muslim communities in the European countries, in the context of the geographical spread of Islam, are perceived as a conquest of the policy of multiculturalism and tolerance, and many people attribute their appearance in the region exclusively to the historical period beginning with the last quarter of the XX century. This article provides an analytical overview of the political, socio-economic and cultural events of this period in the Netherlands, which allows you to make additions to the overall assessment of current political processes and approach to the issue of the allocation of the main directions of the transformation of the political and socio-cultural environment on the example of the Dutch society.

MUSLIM COMMUNITY, MULTICULTURALISM, TOLERANCE, POLITICAL PROCESSES, SOCIOCULTURAL SPACE, DUTCH, NETHERLANDS.

Yagya T.S. ABOUT INGREDIENTS FOR SUCCESS OF ECONOMIC GROWTH AND REFORM IN CHINA.

The article discusses the components of success for economic growth and especially reform of China. Study of issues related to the economic growth of the Chinese economy the author begins directly with considering the causes of this success, i.e it's components. The article notes that the Chinese leadership was able to achieve phenomenal economic performance in all major areas of economic policy and promote the improvement of human development indicators from the very beginning of the reform i.e. from 1978 to 1995. Particular attention is paid to the question of finding the features of market reforms themselves.

REFORM, MARKET REFORMS, REFORN OF MARKET RELATIONS, "SOCIALISM WITH CHINESE CHARACTERISTICS", MAIN DIRECTIONS OF ECONOMIC POLICY, THE EMPLOYMENT POLICY, SOCIAL POLICY, MONETARY POLICY, FISCAL POLICY, FOREIGN ECONOMIC POLICY, FOREIGN DIRECT INVESTMENT.

Volova A.A. RELIGIOUS-PHILOSOPHICAL FOUNDATIONS OF POLITICAL PHILOSOPHY P.-E. TRUDEAU.

The article discusses the key issue of political philosophy PE Trudeau build a just society. It has been established that the concept of justice and fair society, viewed from

the standpoint of Trudeau religious and philosophical direction of the philosophy of personalism

POLITICAL PHILOSOPHY, P-E. TRYUDO, THEORY OF JUSTICE, A JUST SOCIETY, PERSONALISM.

Kapten G.Y. MAXIMUS THE CONFESSOR'S "MISTAGOGY" AS PHILOSOPHICAL TREATISE.

This article try's to consider the Liturgy's interpretation of Maximus the Confessor, known as "Mystagogy", as a philosophical treatise, related to key aspects of his doctrine. Author shows how this Holy Father interprets main points of Christian worship in the context of such concepts as logs, energy, man and his ultimate being.

PATRISTICS, BYZANTIUM, MAXIMUS THE CONFESSOR, LITURGY, «MYSTAGOGY».

Lantsov S.A. WORLD WARS OF THE 20th CENTURY: COMPARATIVE ANALYSIS.

The paper analyzes the features of the World Wars as the type of armed conflicts. It is concluded that the emergence of the phenomenon of world wars is due to the qualitative shifts in international politics that took place at the turn of the 19th and 20th centuries. It is noted that on the eve of and during the First World War ethno-political factor has played a significant role in world politics. In the final phase of the First World War and in the postwar years has increased the influence of the ideological factor. The article states that the errors made at the Versailles Peace Conference, contributed to the Second World War. The correlation of geopolitical and ideological aspects of the political process before and during the Second World War is analyzed. The concequences of the First World War for the system of international relations of the second part of the 20th century are regarded .

KEY WORDS: INTERNATIONAL POLITICS, INTERNATIONAL RELATIONS, WORLD POLITICS, ETHNOPOLITICAL PROCESSE, IDEOLOGY, GEOPOLITICS, THE FIRST WORLD WAR, THE SECOND WORLD WAR.

Mukbil M.H. THE COLD WAR AND ITS NEGATIVE IMPACT ON SOCIETY.

The emergence of the Cold War was a natural phenomenon. It was a deliberate policy of the US administration aimed at establishing US dominance in the postwar world. This strategy involves the establishment of partnerships with not its geopolitical enemy, and confrontation (the Cold War).

FOREIGN POLICY AND INTERNATIONAL RELATIONS, THE SOVIET UNION, THE UNITED STATES, THE COLD WAR, RUSSIA, EGYPT, IRAQ, NIGERIA, AFGANISTN.

Osipov I.D. CRITICISM OF THE LEGAL BASIS OF THE EUROPOCENTRISM IN THE RUSSIAN PHILOSOPHY.

The paper analyzes the features of the concept of law in Russian philosophy XIX-early twentieth century. This explores the philosophy of law Slavophiles, MM Speranskii VS Solovyov, PI Novgorodtseva. It is argued that the specifics of Russian philosophy is related to the desire to emphasize the relationship of law and morality, and on this basis to justify the need to find a moral in the context of Russian social thought. The article also notes that the said Russian thinkers there is a desire to prove the difference between law and the law of the legal basis of the presence or of absence of spiritual and religious meaning in them. The author also notes that this specificity served as a prerequisite for the proof of the fundamental differences in the Russian and European civilization, past and present.

RIGHT, LAW, PHILOSOPHY, PERSONALITY, SPIRITUALITY, MORALITY, VERA.

Pavlova O.K. FOREIGNERS IN SAINT-PETERSBURG: BUSINESS AND PHILANTHROPY. FROM THE HISTORY OF XIX – EARLY XX CENTURIES.

The article deals with the historical aspects of the activities of foreign businessmen in St. Petersburg. The role of foreigners in the development of Russian industry, financial business and trade. It studies the history of the life and activities of the various diaspora in St. Petersburg, their contribution to the charity. Examples of participation of German, Swedish, French and other foreign diasporas in the national and Russian charity.

PETERSBURG, HISTORY, FOREIGNERS, BUSINESS, BLAGOVORITELNOST, THE SECOND HALF OF THE NINETEENTH CENTURY, EARLY TWENTIETH CENTURY.

Pogodin S.N. FENNOMAN MOVEMENT AND THE PROCESS OF FORMATION OF NATIONAL CONSCIOUSNESS IN THE RUSSIAN EMPIRE IN THE XIX CENTURY.

The article deals with the phenomenon – Fennoman movement. Fennoman movement – is the Finnish national movement that originated in the first half of the XIX century, and which later became a political struggle for the autonomy of Finland. The main feature of this movement was the formation of the Finnish national identity. A major role in this area played a prominent figures of Finnish culture Johan Wilhelm Snellman, the poet Johan Ludvig Runeberg, a collector of "Kalevala" Elias Lonnrot. For the awakening of national consciousness, according Y.V. Snellmana, it was not enough to only Finnish language and literacy. It is necessary to educate the people, to make the foundation of the nation's intelligentsia, and the Finnish state.

FINLAND, THE RUSSIAN EMPIRE, XIX CENTURY, FENNOMAN MOVEMENT, NATIONAL IDENTITY, «KALEVALA», LITERACY, FINNISH AND INTELLECTUALS.

Riabova A.L. PROBLEMS OF ETHNO-CULTURAL IDENTITY (COMPARATIVE-HISTORICAL ASPECT).

The aim of this work is to describe the national and cultural features of the “English linguistic personality”, it is achieved by revealing the main concepts of the linguistic “picture of the world” perceived by the English people. The article describes the national character and national identity, the conception of “Englishness” and “Britishness”.

IDENTITY, CULTURAL FEATURES, NATIONAL CHARACTER, GLOBALIZATION.

Sokolova M.I. CLEMENT OF ALEXANDRIA AND ORIGEN: HISTORY AS PAIDEIA.

Views of Clement of Alexandria and Origen of Alexandria regarding the relation between history and the essence of education as a way to “Christian gnosis” are compared. As the two authors study this question in the context of the Christian doctrine of God’s incarnation, both the world history and the personal experience of God are seen as the means of approaching the fullness of timeless unity of creation with the Creator, i.e. as the process of education (paideia).

CLEMENT OF ALEXANDRIA, ORIGEN OF ALEXANDRIA, CHRISTIANITY, HISTORY, GNOSIS, PAIDEIA.

Fokin I.L. RECEPCION OF BOEHME’S THEOSOPHY IN SCHELLING’S PHILOSOPHY.

The article “Recepcion of Boehme’s theosophy in Schelling’s philosophy” is supposed to clarify the connection between theological ideas of Jacob Boehme and the philosophy of Schelling, which should also contribute to a deeper understanding of the essence of German idealism in general. As Boehme is the first philosopher, signaling the principles of classical German philosophy, his teaching is closely related to the whole future history of classical philosophy. On the example of Boehme’s theosophy the article attempts to show the relationship of religious beginning of the German post reformation´s mysticism of Jacob Boehme with the principles of Schelling’s philosophy.

BOEHME, THEOSOPHY, GERMAN MYSTICISM, SCHELLING, CLASSICAL PHILOSOPHY, GERMAN IDEALISM.

Tsyb A.V. «ALEXANDRIA SCHOOL» IN II–III CENTURIES A.D.

The Article covers the whole set of culture and historical features in II–III centuries A.D. that most strikingly characterizes Alexandria of Egypt that was once one of the most prominent culture phenomena of Roman and Hellenistic world picture.

PHILOSOPHY HISTORY, ANTIQUE PHILOSOPHY HISTORY, PLATO’S TEACHING, ALEXANDRIAN EXEGESIS, CLEMENT OF ALEXANDRIA, ORIGEN.

Şen Yu.N. THE CONCEPT OF INTEGRATİON OF THE EURASİAN SPACE İN THE OTTOMAN EMPİRE AND THE TURKİSH REPUBLİC.

In this paper we study different concepts of integration of the Eurasian space, which were popular in the Ottoman Empire and the Turkish Republic in the XX century. In particular, a comparative analysis of pan-turkic, pan-islamist and pan-turanianistic discussions, thus, highlights the fact that closes cooperation in the development of these concepts between the authors of the Russian and Turkish origin.

EURASİANİSM, YOUNG TURKS, PAN-TURKISM, PAN-ISLAMISM AND PAN-TURANIANİSM.

СОДЕРЖАНИЕ

Памяти академика Евгения Максимовича Примакова…… 5
Колонка главного редактора …….. 7

ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ТУРЦИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Юклейен А., **Ыбисевич Б.** Политика Турции в Боснии и Герцеговине .. 10
Атнашев В.Р. Законодательство о гражданстве и безгражданство в современной Турции …….. 29
Бекир Гюнай. Личный параметр, повлиявший на политику Партии справедливости и развития на Среднем Востоке. Исламизм ……. 37
Фатих Маджит. Экономическая перспектива Турецкого потока ……. 66
Фатих Озбай. Обсуждение современной смены направления в турецкой внешней политике и в отношениях с Россией ……... 77
Месут Хаккы Джашын. Российско-Турецкий Южный поток: приглашение к сотрудничеству новых игроков или запуск восточной политики? ……. 86
Самиратоу Дипама, **Феррит Бельдер**, **Эмел Парлал Дал**. Оценка разработки политики помощи Турции в отношении Африки: конструктивистская точка зрения …… 104
Ягья В.С. И вновь в Турции: научные связи с Россией и дискуссии …... 125

ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОСТИ

Дженап Чакмак. Турция и ответственность за защиту (ОЗЗ) в Сирии: случай ошибки во внешней политике ……... 146
Ван Цзюнь Тао. Национальная политика Цинской династии в Уйгурском районе (XIX век) ……. 167
Климин И.И. О некоторых тенденциях в демографической ситуации в современной России ……... 181
Коваленко В.А. Стратегия организации по продовольствию и сельскому хозяйству в решении глобальной продовольственной проблемы ……. 201
Ли Цзя. Сотрудничество Китая со странами Центральной Азии в энергетической области ……. 215

Чжоу Цзюнь. Роль Китайской народной республики на мировом энергетическом рынке …… 227
Эйдемиллер К.Ю. Исламский фактор и мусульманская община в голландском обществе: «Pro et Contra» …… 239
Ягья Т.С. О составляющих успеха экономического роста и реформирования в Китае …… 246

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОМ КОНТЕКТСТЕ

Волова А.А. Религиозно–философские основы политической философии П.-Э. Трюдо ……. 260
Каптен Г.Ю. «Мистагогия» преподобного Максима Исповедника как философский трактат …….. 273
Ланцов С.А. Мировые войны XX века: сравнительный анализ …….. 285
Мукбиль М.Х. Холодная война и ее негативное влияние на жизнь общества …….. 301
Осипов И.Д. Критика правовых оснований европоцентризма в русской философии ……... 313
Павлова О.К. Иностранцы в Петербурге: бизнес и благотворительность. Из истории XIX – начала XX вв. ……. 323
Погодин С.Н. Фенномания и процесс становления национального сознания в Российской Империи в XIX веке ……... 347
Рябова А.Л. Проблемы этно-культурной идентичности (сравнительно-исторический аспект) ……. 357
Соколова М.И. Климент Александрийский и Ориген: история как Пайдейя …… 367
Фокин И.Л. Рецепция теософии Бёме в философии Шеллинга ……... 378
Цыб А.В. «Александрийская школа» во II–III вв. н. э. ……... 390
Шен Й.Н. Концепции интеграции евразийского пространства в Османской Империи и республиканской Турции ……... 406

Сведения об авторах ……. 416

Аннотации. Ключевые слова …….. 422

CONTENTS

In memory of Academician Yevgeny Primakov …….. 5
From Editor ……. 7

CONTEMPORARY DOMESTIC AND FOREIGN POLICY OF TURKEY

Ahmet Yukleyen, **Belma Ibišević**. Turkish Foreign Policy in Bosnia and Herzegovina ……. 10
Atnashev V.R. Citizenship Legislation and Statelessness in Modern Turkey 29
Bekir Günay. Personal Settings Affected the Policy of the Party of Justice and Development in the Middle East. Islamism ……... 37
Fatih Macit. An Economic Perspective for Turkish Stream ……... 66
Fatih Özbay. Discussions on the Recent Axis Shift in Turkish Foreign Policy and Relations with Russia ……. 77
Mesut Hakkı Caşın. Russia-Turkey South Stream Cooperation: Inviting New Game Players or Triggering Ostpolitik? …….. 86
Samiratou Dipama, **Ferrit Belder**, **Emel Parlar Dal**. Assessing Turkey's Development Aid Policy Towards Africa: a Constructivist Perspective …….. 104
Yagya V.S. And Again in Turkey: Scientific Links with Russia and Discussions ……... 125

GLOBAL PROBLEMS OF TODAY

Cenap Çakmak. Turkey and the Responsibility to Protect (R2P) in Syria: a Case of Normative Foreign Policy Failure ……... 146
Van Tszyun Tao National Policy Qing Dynasty in Uygur Region (XIX Century) …… 167
Klimin I.I. Some Trends Demographic Situation in Modern Russia …….. 181
Kovalenko V.A. United Nations Food and Agriculture Strategy in Addressing the Global Food Problem ……... 201
Li Jia. China's Cooperation with Central Asian Countries in the Energy Field …….. 215
Chzhou Tszyun. The Role of China in the Global Energyenergy Market ….. 227

Eidemiller K.Yu. Islamic Factor and the Muslim Community in the Dutch Society: «Pro et Contra» ……... 239
Yagya T.S. About Ingredients for Success of Economic Growth and Reform in China ……. 246

HISTORICAL AND CULTURAL CONTEXT OF INTERNATIONAL RELATIONS

Volova A.A. Religious-Philosophical Foundations of Political Philosophy P.-E. Trudeau …… 260
Kapten G.Y. Maximus the Confessor's "Mistagogy" as Philosophical Treatise ……. 273
Lantsov S.A. World Wars of the 20th Century: Comparative Analysis …….. 285
Mukbil M.H. The Cold War and Its Negative Impact on Society ……... 301
Osipov I.D. Criticism of the Legal Basis of the Europocentrism in the Russian Philosophy ……... 313
Pavlova O.K. Foreigners in Saint-Petersburg: Business and Philanthropy. From the History of XIX – Early XX Centuries ……... 323
Pogodin S.N. Fennoman Movement and the Process of Formation of National Consciousness in the Russian Empire in the XIX Century …… 347
Riabova A.L. Problems of ethno-cultural identity (comparative-historical aspect) ……... 357
Sokolova M.I. Clement of Alexandria and Origen: History as Paideia ……... 367
Fokin I.L. Recepcion of Boehme's Theosophy in Schelling's Philosophy …. 378
Tsyb A.V. «Alexandria School» in II–III Centuries A.D. ……... 390
Şen Yu.N. The Concept of Integration of the Eurasian Space in the Ottoman Empire and the Turkish Republic ……. 406

Authors …… 416

Abstracts. Keywords ……... 431

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ДИАЛОГ КУЛЬТУР
INTERNATIONAL RELATIONS AND DIALOGUE OF CULTURES

Сборник научных статей

№ 3 (2014)

Ежегодное издание

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный политехнический университет»

Сборник зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ №ФС77-52143 от 11 декабря 2012 г.

Сборник составлен под редакцией С.Н. Погодина

Редакция

Осипов И.Д. – научный редактор
Павлова О.К. – литературный редактор, корректор
Марченко М.А. – дизайнер обложки
Лютинская О.В. – компьютерная верстка
Гришина Н.Ю. – перевод на английский язык
Манцерова И.В. – выпускающий редактор

Тел. Редакции: 8(812) 329-47-42; 8(812) 606-62-42

Электронный адрес редакции: e-mail: kmo@imop.spbstu.ru

Подписано в печать 17.07.2015 Формат 60×84/16
Усл. печ. л. Тираж Заказ

Отпечатано с готового оригинал-макета,
предоставленного редакционной коллегией,
в типографии издательства Политехнического университета.
Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ДИАЛОГ КУЛЬТУР
INTERNATIONAL RELATIONS AND DIALOGUE OF CULTURES

Scientific articles selection

№ 3 (2014)

Founder – Federal State Educational Institution of Higher Education
"St. Petersburg State Polytechnic University"

Registration Certificate PI number FS77-52143 oa 11 December 2012

Chief Editor – Sergey N. Pogodin

Editorial Board of Almanac:

Osipov I.D. – Scientific editor
Pavlova O.K. – Literary editor, proofreader
Marchenko M. – cover design
Liutinskaia O.V. – DTP
Grishina Natalia Yu. – the English translation of
Mantcerova Irina V. – Managing Editor

Phone: 8(812) 329-47-42; 8(812) 606-62-42

E-mail: kmo@imop.spbstu.ru

Signed for printing 17.07.2015 Format 60×84/16
Conventional Printed Sheet Circulation Order

Printed with the final camera-ready, provided by the editorial board,
published in the Publishing House of the Polytechnic University.
29, Polytechnicheskaya, Saint-Petersburg, Russia, 195251